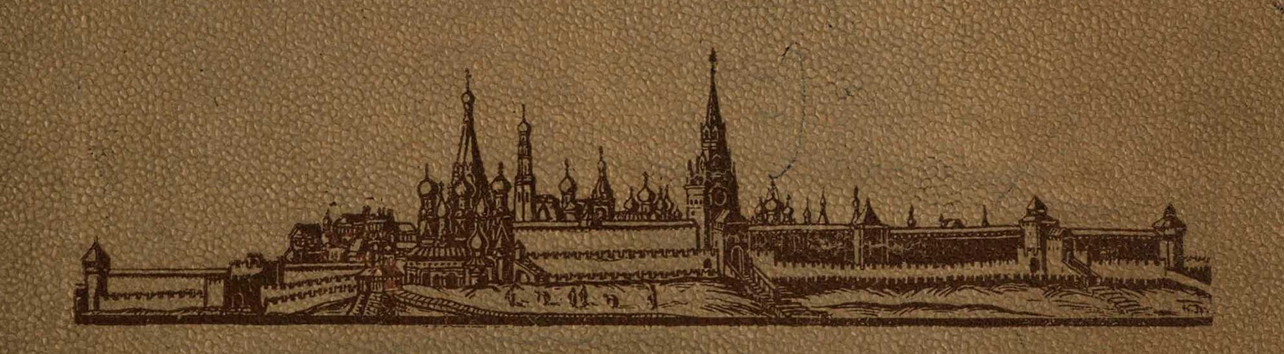
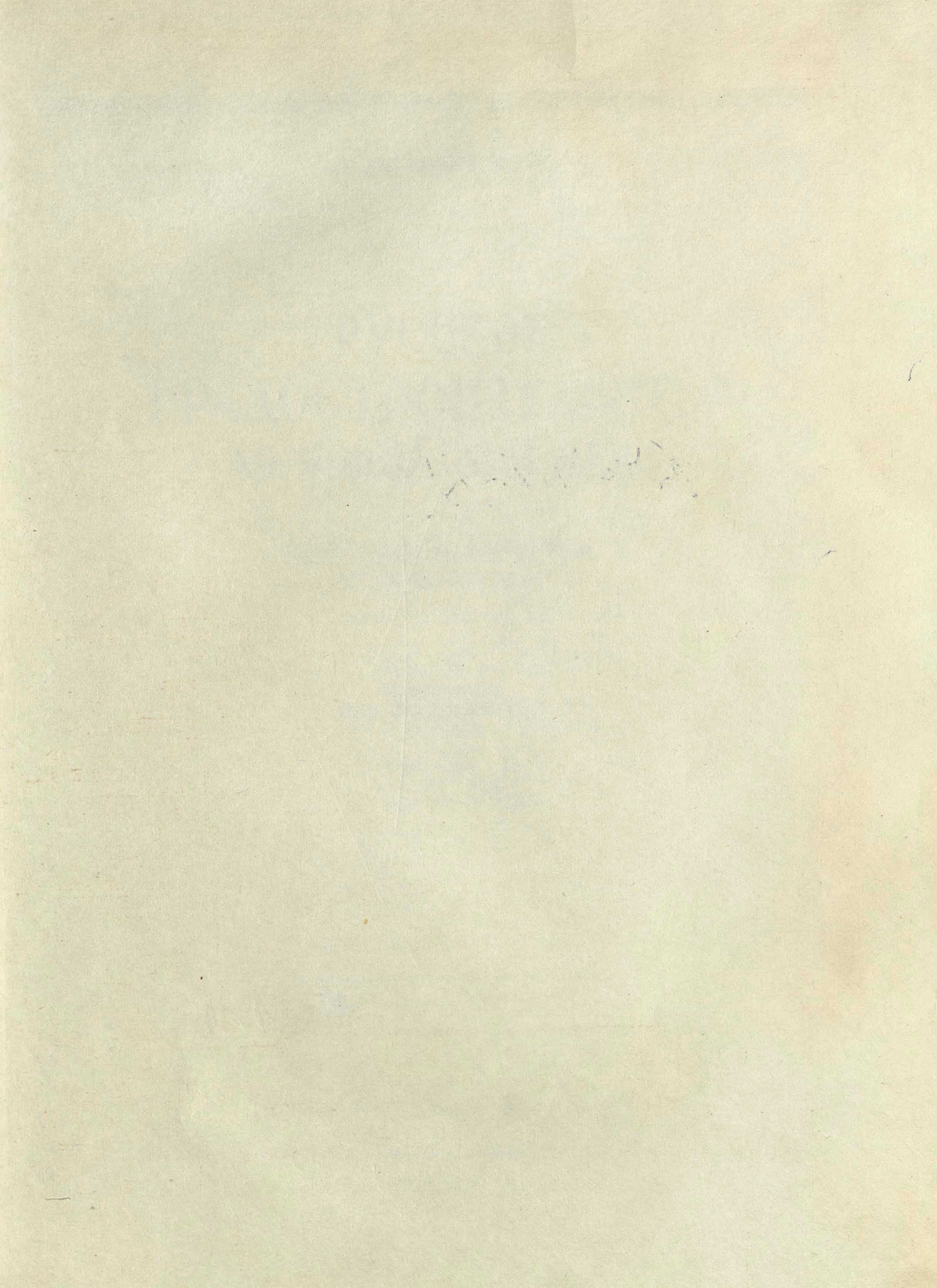
А. М. ТВЕРСКОЙ

РУССКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ДО КОНЦА XVII ВЕКА



1 9 5 3

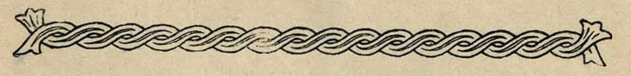


Л. М. ТВЕРСКОЙ

РУССКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО ДО КОНЦА XVII ВЕКА

ПЛАНИРОВКА И ЗАСТРОЙКА РУССКИХ ГОРОДОВ

Под редакцией
Н. Б. БАКЛАНОВА



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ

Ленинград 1953 Москва

2007336258

ПРЕДИСЛОВИЕ

Градостроительство как комплекс мероприятий, связанных с сооружением, развитием и реконструкцией городов и других населенных мест, было известно уже в глубокой древности. Однако, во все прежние исторические эпохи, начиная со времени разложения первобытно-общинного строя, эти мероприятия в основном отвечали интересам господствующих классов, отражая таким образом социальную структуру антагонистического общества. Только в условиях социалистического государства стало возможным градостроительство, направленное на удовлетворение интересов всего общества.

Круг проблем, охватываемых градостроительством, чрезвычайно узкий на ранних ступенях развития, лишь постепенно расширяется по мере роста производительных сил.

Типы населенных мест, их территориальное распределение, характер планировки и застройки меняются в зависимости от значения населенных мест в жизни страны, от их роли, определяющейся, в свою очередь, тем, «какую **цель** ставит общество перед общественным производством, какой **задаче** подчиняет оно общественное производство» [1] при той или иной социально-экономической формации.

Роль населенных мест на территории нашей страны в течение периода, охваченного настоящей работой, существенно менялась.

Во времена первобытно-общинного строя устройство населенных мест вызывалось необходимостью примитивного укрытия от непогоды, от хищных зверей, враждебных соседних общин и т. п.; с образованием крупных земледельческих племенных объединений оказывалась необходимой защита не только самих поселений, но и всей обрабатываемой территории от «варваров-кочевников»; начиная с периода складывания феодальных отношений и возникновения противоположности между городом и деревней, на первый план, наряду с задачей защиты населения от внешних врагов, выступают задачи создания опорных пунктов для эксплуатации крестьянства и городского ремесленно-торгового населения; в период создания и укрепления централизованного Русского государства главной целью сооружения новых городов становится охрана государственных границ, дальнейшее распространение русской государственности и культуры, расширение экономических связей; начиная примерно с XVII в. роль городов определяется «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [2].

Устраивая поселения, человек прежде всего подчиняется объективным законам, отражающим процессы экономического развития, но в то же время он вынужден считаться с особенностями географической среды, используя при этом благоприятные условия, преодолевая препятствия путем преобразования по мере своих сил природной обстановки. Влияние географической среды, в частности топографических условий, особенно сильно на ранних ступенях развития общества, когда низкий уровень производительных сил не дает возможности затрачивать достаточное количество труда на преодоление естественных препятствий или разрушительных сил природы, а характер производственных отношений не обеспечивает участия в необходимых работах достаточно больших и хорошо организованных коллективов.

Постепенно, как указывает И. В. Сталин, «люди, познав законы природы, учитывая их и

опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества» [3].

В связи с этим по мере роста производительных сил и изменения соответствующих им производственных отношений уменьшается и влияние географической среды, в частности топографических условий, на устройство населенных мест.

Весь комплекс градостроительных мероприятий в целом отражает цели и способы общественного производства, отражает уровень производительных сил и соответствующую им экономическую структуру общества, находящегося на той или иной ступени развития.

Изучение типов городов, их планировки и застройки, отвечающих определенным социально-экономическим формациям, усложняется тем, что при переходе от одного исторического периода к другому город, возникший в более ранний период и отражающий его экономическую сущность, продолжает в той или иной мере обслуживать изменившиеся потребности общества в новых условиях.

Так, многие городища времени первобытнообщинного строя служили местом обитания человека и в период образования и расцвета Киевской Руси.

Существующий в течение многих столетий город испытывает на себе влияние развития производительных сил и влияние экономической структуры общества в процессе ее изменения.

Отсюда возникают задачи реконструкции городов для приспособления их к меняющимся и постоянно растущим потребностям общества. Кардинальной и массовой реконструкции русские города подверглись впервые лишь во второй половине XVIII в. Однако изменения, иногда охватывавшие значительные участки города, несомненно, происходили на всем протяжении истории древней Руси и Русского государства. Не только перестраивались укрепленные центры (кремли, детинцы), — постепенным изменениям подвергались и жилые районы города (посады), правда, без сплошной и преднамеренной переделки плана.

Поэтому изучение древних городов в целом существенно отличается от изучения памятников архитектуры. В то время как отдельный архитектурный памятник является обычно продуктом индивидуального творчества определенного строителя (или коллектива строителей) и потому может быть датирован моментом его сооружения или переустройства, план города в целом представляет собой результат строительной деятельности множества безымянных зодчих в течение ряда столетий. Даже в тех случаях, когда город закладывался сразу по определенной схеме, наслоения последующих времен отражались на плане, усложняя и дополняя его композицию. Таким образом, в длительном и сложном процессе формирования древних русских городов отражено многовековое самобытное народное творчество. Поэтому изучение древнего города должно было бы заключаться в анализе его роста, в отнесении отдельных его частей к определенным периодам, в установлении того, что внес существенного в рассматриваемый план каждый исторический период. Такое изучение нашего градостроительного наследия представляет собой задачу дальнейших работ, за которые можно будет взяться лишь после того, как будут созданы детальные историко-топографические монографии по отдельным городам. В настоящей работе автор поставил своей целью гораздо более узкую задачу, а именно — дать архитектурно-планировочную характеристику русского города в конечной стадии его многовекового развития до конца XVII в., а также расшифровать некоторые планы по отдельным историческим периодам в тех случаях, когда это окажется возможным.

В то же время автору представлялось необходимым объединить главнейшие исторические и археологические материалы, которые, хотя и с некоторыми пробелами, могут осветить основные этапы в развитии русского градостроительства. Этой задаче отведены первые семь глав, в которых сделана попытка связать развитие русского градостроительства с социально-экономической и политической историей страны.

Остальные пять глав посвящены типологическому рассмотрению различных примеров планировки в целях установления определенных закономерностей и особенностей, встречаемых в планах городов до их коренного переустройства. Для этой цели необходимо было совместное и сравнительное рассмотрение планов ряда городов и других населенных мест, относящихся иногда к весьма отдаленным друг от друга историческим периодам и географическим областям. В тех случаях, в которых это представлялось возможным, планировочные примеры сопровождаются краткими историческими сведениями, позволяющими связать их с соответствующими разделами общего исторического очерка.

Исследования, посвященные древним русским городам, касаются по преимуществу их центральных укрепленных частей (детинцев, кремлей, острогов). Вопросы же планировки и

застройки жилых районов (посадов), то есть тех частей города, которые отражали его экономическую жизнь, вопросы, имеющие первостепенное значение для истории русского города и градостроительства, до сего времени почти совершенно не были освещены. Изучение их и является основным содержанием настоящей работы, в которой укрепленные городские центры рассмотрены лишь в той мере, в какой они определяли общую планировку города. По этой же причине в работе не рассмотрены такие города, как Изборск, Иван-город, Якутск и др., оборонительные сооружения которых представляют большой интерес для истории русской военной архитектуры, но жилые районы которых не типичны по своей планировке.

В настоящее время исследования древних посадов привлекают внимание советских археологов. Однако эти исследования сопряжены с раскопками на застроенной территории, что значительно ограничивает возможности изучения городских планов в целом.

Единственными материалами, которые могут пролить некоторый свет на общий характер планировки русского города, по крайней мере для XVI—XVII вв., являются те планы, которые были составлены до периода массовой перепланировки городов во второй половине XVIII в. Сравнение некоторых из этих планов с крайне редкими, правда, чертежами XVII в., а также сопоставление их с различными текстовыми материалами XVI и XVII вв. (писцовые и строельные книги и т. п.) показывает, что общий облик наших городов сохранялся с незначительными лишь изменениями длительное время до тех пор, пока, начиная с 60-х годов XVIII в., не началась коренная их перепланировка.

Это обстоятельство дает нам основание полагать, что планы русских городов, снятые с натуры до их реконструкции, содержат наслоения за весь период их исторического развития, в который следует включить и несколько десятилетий XVIII в.

* * *

В конце XIX — начале XX вв. среди зарубежных архитекторов прокатилась волна подражания средневековым приемам планировки. В жертву ложно понятой «живописности» приносились современные требования транспорта, гигиены, удобства, организации городского ансамбля. Этот отрицательный опыт должен предостеречь нас от подмены подлинного освоения национального наследия формалистическим и беспочвенным стилизаторством. Только руководствуясь методом социалистического реализма, мы сможем правильно использовать прогрессивные традиции древнерусского градостроительства в дополнение к успешно осваиваемому сейчас русскому классическому наследию второй половины XVIII и начала XIX вв.

Нет никаких оснований ограничивать изучение культурных ценностей нашего прошлого каким-либо одним периодом, ибо, как сказал В. И. Ленин: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»[4].

Автор счел поэтому своевременным приступить к изучению русского градостроительного наследия за период до XVIII в. и заполнить по мере своих сил пробел, имеющийся в этой области.

Большое количество письменных памятников, равно как и графических материалов, еще недостаточно изученных в качестве исторических источников, подлежат привлечению в дальнейшем для этой цели. Кроме того, особое внимание следует обратить на выявление и изучение фрагментов древней планировки, которые в ряде городов и сел сохранились в натуре, несмотря на новую застройку. В частности, большой интерес представляют те населенные пункты, которых не коснулись мероприятия по планировке второй половины XVIII и начала XIX вв. В них, по всей вероятности, как планировка, так и общее расположение застройки сохранили в значительной мере черты XVII в.

Если по архивным планам сравнительно легко определить общий характер планировки, которую имели наши города до их переустройства, то для восстановления их архитектурно-художественного облика необходимы иные методы. На основе использования упомянутых планов, изучения фрагментов застройки в натуре, зарисовок путешественников XVI и XVII веков, иконописных изображений, миниатюр и тому подобных материалов возможно составление рисунков, дающих представление об общем виде улиц, площадей и других элементов посада и тем самым определяющих конкретную архитектурно-художественную характеристику основной части города.

Несмотря на большое значение такого исследования для истории русского градостроительства, автор не имел возможности включить его в настоящую работу. Надо полагать, что интерес наших историков, археологов и архитекторов к национальному градостроительному наследию обеспечит осуществление подобного исследования в дальнейшем.

Существенной частью настоящей работы являются многочисленные репродукции с планов русских городов, снятых с натуры до перепланировки последних во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. Почти все эти планы исполнены в красках, многие из них имеют весьма значительные размеры, а некоторые находятся в ветхом состоянии. По всем этим причинам документальное их воспроизведение в книге представляло бы серьезные затруднения. В то же время для практического пользования указанными планами необходима максимальная четкость изображения, так как особый интерес представляют их многочисленные детали. Поэтому пришлось пойти на графическую переработку большинства помещенных в работе планов с сохранением по возможности общего характера их оформления. Так, участки, показанные точечным фоном, отвечают (за некоторыми исключениями) территории садов и огородов, иллюминованной в подлинниках зеленой краской; светлые полоски по контурам кварталов — габаритам застройки, иллюминованным желтой краской с вкраплениями иногда розовых участков каменных строений. Из подробных экспликаций к планам оставлены лишь те их элементы, которые необходимы в связи с соответствующим текстом. Некоторые из планов, представляющие особый интерес по своему исполнению, воспроизведены документально.

Работа по графическому оформлению планов выполнена архитектором Л. Д. Акоповой при участии архитектора Е. С. Ральбе. Подготовка планов по материалам, находящимся в московских архивах, выполнена архитектором Е. И. Заславской.

Автор считает необходимым отметить ценную помощь, оказанную ему кандидатом исторических наук Г. Е. Кочиным, а также выразить благодарность лицам, ознакомившимся с отдельными частями рукописи и давшим свои критические замечания в процессе работы над ней: профессору А. И. Андрееву, профессору М. К. Каргеру, профессору Д. С. Лихачеву, доценту В. Н. Бернадскому и П. В. Сытину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОСЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Древнейшие поселения на территории нашей страны, планировка которых исследователями-археологами устанавливается с достаточной ясностью, относятся ко времени трипольской культуры (III—II тысячелетия до н. э.). Эти поселения были созданы земледельческими племенами в бассейне рек Днепра, Южного Буга и Днестра — на значительной территории, которая начиналась на севере от верховьев р. Припяти и доходила на юге до берегов Черного моря.

Трипольские поселения располагались обычно на высокой части черноземного плато, поблизости к выходам грунтовых вод, вдоль небольших речек. Выбор места поселений в большинстве случаев не был связан с соображениями фортификационного характера. Раскопки не обнаружили укреплений и в пределах самих селений. Оборона их, однако, обеспечивалась до некоторой степени общей системой расположения строений. Отдельные большесемейные дома, расположенные по кругу, охватывали большое свободное пространство, где мог содержаться скот в сравнительной безопасности от нападения хищных зверей и случайных врагов. Защита легко могла быть усилена ограждениями в виде плетня в промежутках между внешними домами.

Для множества трипольских поселений, обследованных археологами, характерна круговая (или овальная) конфигурация, относительная правильность которой и постоянство в различных топографических условиях исключают предположение случайности ее происхождения.

«При первобытно-общинном строе, — указывает И. В. Сталин — основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов» [1].

Судя по материалам археологических исследований, наличие свободной внутриселитебной площади, окаймленной жилищами со входами изнутри круга, отвечало хозяйственным потребностям трипольского поселения. Родовая собственность на основные орудия производства, общее владение скотом и продуктами производства, коллективная хозяйственная деятельность — все это требовало некоторой общей, центрально расположенной территории. Та же площадь, вероятно, использовалась для различных сборищ, празднеств, обрядов и плясок.

Можно полагать поэтому, что планировка трипольских поселений носила преднамеренный характер, отражавший патриархально-родовые отношения в обществе эпохи энеолита с его мотыжно-земледельческим хозяйством,

Наиболее изученным и характерным примером трипольских поселений является поселение Коломийщина 1, обнаруженное на правом берегу Днепра, примерно в 60 *км* от Киева (рис. 1) [2].

Археологами в результате тщательно проведенных раскопок к концу 1938 г. на месте этого поселения, датируемого II тысячелетием до н. э., были выявлены площадки 39 жилищ, расположенных по двум концентрическим кругам. По внутреннему кругу (диаметром 50—60 *м*) обнаружено 8 жилищ, по внешнему (диаметром 170 *м*) — 30 жилищ. Одно жилище расположено несколько изолированно с северной стороны, что дает основание предполагать существование еще третьего круга построек. Площадки многосемейных жилищ представляют собой вытянутые прямоугольники, длинные оси которых направлены к центру внутренней площади. Таким образом, можно говорить о наличии в плане не только кольцевых, но и радиальных элементов.

Разрастание родовых коллективов и выделение парных семей приводило к развитию поселения путем создания внутреннего кольца малых жилищ, которые по типу следует считать позднейшими.

Жилища поселения могут быть разделены на малые, средние и большие. Большинство жилищ относится к среднему типу и занимает площадь от 50 до 92 *кв. м.* В жилищах средних размеров, так же как и в больших, обнаружены поперечные перегородки, разделяющие помещения на входную часть, обращенную к центру поселения, и хозяйственную — с двумя-тремя печами, часто также разделенную на несколько ячеек. В каждом из многоочажных домов могло разместиться не менее 20—30 человек, имевших общее хозяйство. Количество населения родового поселка могло превышать, таким образом, 500 человек. При площади поселка около 2,5 *га* примерная плотность его населения должна была составлять 200 человек на 1 *га.*

2. ГОРОДИЩА СКИФСКОЙ ПОРЫ

Выделение пастушеских племен, происходившее в конце II и в начале I тысячелетия до н. э., означало первое крупное разделение общественного труда. Оно привело постепенно к враждебным отношениям между воинственными кочевниками и стоявшими на более высокой ступени культуры оседлыми земледельческими племенами. Постоянные грабительские нападения кочевников, увод пленных и скота заставили земледельцев создать к северу от Причерноморских степей, занятых кочевниками,

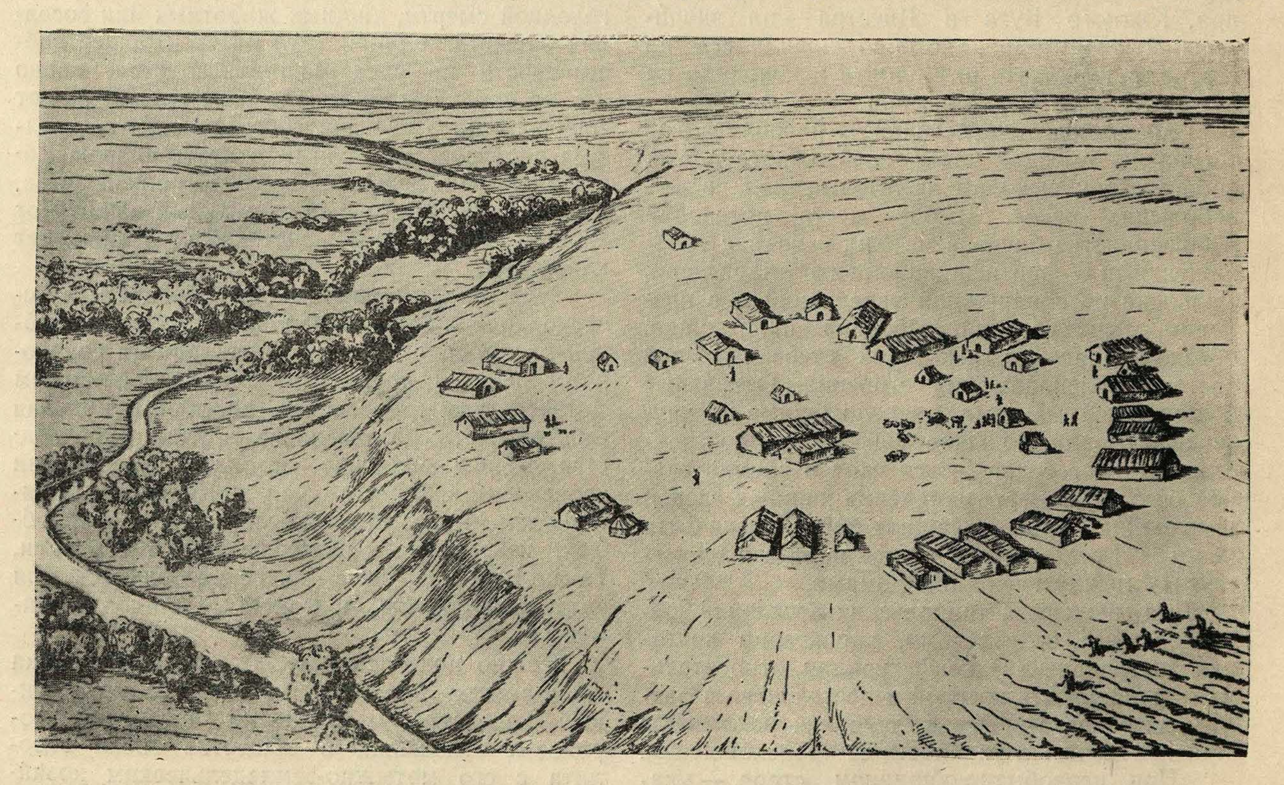


Рис. 1. Коломийщина 1. Реконструкция поселка

линию обороны, несколько напоминающую те засечные черты, которые позднее создавало Русское государство для борьбы с татарами на своих юго-восточных окраинах.

В защите от набегов кочевников нуждались не только населенные пункты, но и пастбища, огороды, посевы. В связи с этим земледельцы окружают рвами и валами целые районы, площадью до нескольких десятков тысяч га, в которых укрепленные селения — городища играют роль отдельных фортов. Теперь при выборе мест для поселений в целях их защиты обращается особое внимание на возможность использования топографических условий. В этом отношении характерно тяготение скифских городищ к лесным массивам, которые служили значительным препятствием проникновению кочевников.

Типичным примером городищ этого времени (скифской поры) является Бельское городище (рис. 2), расположенное на правом берегу р. Ворсклы, примерно, в 150 *км* от впадения ее в Днепр [3].

Территория городища имеет клиновидную форму, вытянутую с севера на юг и ограниченную с востока берегом р. Ворсклы, а с запада — речкой Сухая Грунь. Наибольшая длина клина — 10,5 *км,* наибольшая ширина — 5,5 *км.* С севера и с юга городище не имеет естественных рубежей, но заметно, что при установлении его искусственных границ строители стремились использовать с этих двух сторон сеть оврагов. Это было важно как для включения в территорию укрепленного комплекса максимального количества водных ресурсов, так и для того, чтобы по возможности избежать пересечения укрепленной линии какими-либо понижениями рельефа, выходящими за пределы комплекса. Обращает на себя внимание подчиненность конфигурации укреплений (валы и рвы) береговым линиям. Население располагалось, повидимому, в небольших городищах, включенных в линию общей обороны подобно тому, как позднее феодальные замки включались в городские стены или как дворцовый комплекс Хорсабада расположился на стене прилегавшего к нему города [4]. Окруженные со всех сторон рвами и валами, эти малые городища играли роль особо укрепленных точек в линии обороны. С внешней стороны конфигурация малых городищ-фортов всецело определялась береговым рельефом, а с внутренней — принимала характер более или менее правильной, плавной дуги.

Помимо указанных укреплений Бельское городище было усилено внутренним валом по

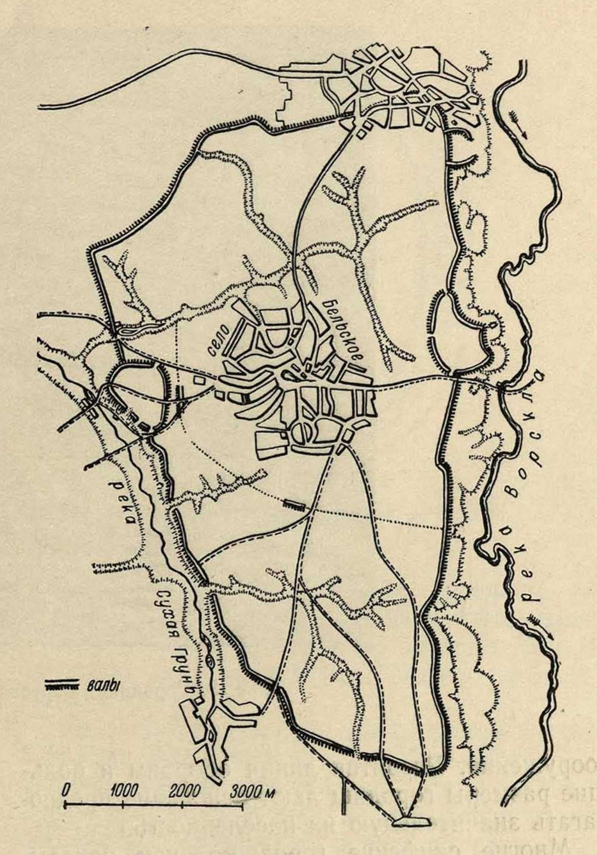


Рис. 2. План Бельского городища

высотам, расположенным к югу от существующего села Бельского.

Примером круглого городища скифской поры служит городище Жарище, открытое в Кировоградской области. Оно имеет вид круга и расположено на обращенных друг к другу скатах двух холмов, разделенных долиной реки. Городище занимает площадь около 3,5 *га* и окружено глубоким рвом и насыпным валом, доходящим местами до 20 *м* в высоту и до 12—14 *м* в ширину у основания. С четырех сторон устроены въезды — повидимому, остатки бывших ворот.

Аналогичную форму имеет и городище Матронинское в том же районе. Оно занимает огромную территорию (около 20 *га*) и расположено на возвышенности, окруженной комплексом холмов, долин и глубоких оврагов [5].

Создание мощной укрепленной линии, состоящей из городищ и длинных валов, линии, тянущейся на сотни километров, несомненно свидетельствует о наличии крупных племенных союзов, так как отдельные племена не в состоянии были бы осуществлять подобные

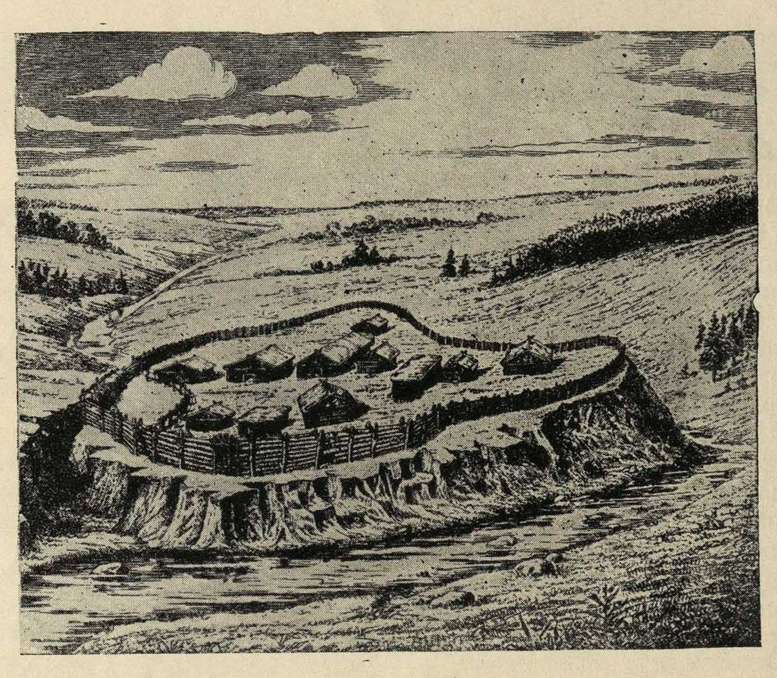


Рис. 3. Городище Березняки (по П. Н. Третьякову)

сооружения. Развитая линия обороны и большие размеры городищ дают основание предполагать значительную их населенность.

Многие скифские городища, как показывают материалы раскопок, были обитаемы и позднее, вплоть до периода расцвета Киевского государства.

3. ГОРОДИЩА ПАТРИАРХАЛЬНО-СЕМЕЙНОЙ ОБЩИНЫ В СЕВЕРНОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЕ

В то время как в Среднем Приднепровье уже в середине I тысячелетия н. э. начинается разложение первобытно-общинных отношений и возникают поселения территориально-общинного типа, в северной лесной полосе Восточной Европы до IX в. еще сохраняются пережитки первобытно-общинного строя с характерными для него укрепленными родовыми селениями. Эти селения сравнительно хорошо изучены на территории Верхнего Поволжья, которая стала позднее одним из важнейших районов формирования русских городов.

На последних ступенях существования материнского рода население здесь занималось преимущественно рыболовством и охотой, в связи с чем и размещалось в маленьких открытых поселках на низменных местах по берегам озер и небольших рек. Позднее, в эпоху становления патриархальной родовой общины, население Верхнего Поволжья переходит преимущественно к земледелию и скотоводству. Борьба и войны между племенами за пастбищные и земельные угодья усиливали ясно обозначившийся процесс неравномерного распределения благ, выделяя на первое место, наряду с родовыми старейшинами, племенных вождей, военачальников. Различие в материальной обеспеченности касается и родовых общин, а в дальнейшем и семейных общин, оно служит причиной конкуренции и борьбы между ними.

Нападения и набеги приводят к необходимости защиты и, как следствие, к возникновению укрепленных поселений. Появление их в Верхнем Поволжье, судя по некоторым находкам, может быть отнесено к первым столетиям I тысячелетия до н. э.

Городища Верхнего Поволжья принадлежат к так называемой дьяковской культуре, получившей наименование от первого исследованного памятника этой культуры — городища у села Дьякова под Москвой.

Решающее влияние на характер дьяковых городищ оказало господство подсечного (или огневого) земледелия, отмечаемое в Верхнем Поволжье еще в IX—X вв.[6] Чрезвычайная трудоемкость подсечного земледелия требовала, с одной стороны, объединения людей в хозяйственные коллективы и способствовала, таким образом, сохранению патриархальной

общины. С другой стороны, техника подсечного земледелия требовала частой смены обрабатываемых участков, ибо один и тот же участок после 3—4 лет эксплуатации мог быть использован вновь лишь лет через 50 [7]. Поэтому в распоряжении каждой общины должна была находиться огромная территория и, кроме того, населению часто приходилось менять места своего обитания. Эти обстоятельства приводили к уменьшению размеров поселений, а также к необходимости сочетать надежность защиты с минимальной затратой сил как на устройство укреплений, так и на оборону во время нападения. Отсюда стремление максимально использовать топографические элементы, чтобы усилить неприступность селения.

Как правило, городища дьяковской культуры располагались на высоких участках коренного берега, защищенных с одной стороны крутым склоном к реке, а с другой или с двух других сторон — крутыми склонами оврагов или притоков реки. Со стороны открытого поля мыс укреплялся рвами и валами, усиленными иногда деревянными сооружениями. Впрочем, в тех случаях, когда склоны, ограничивающие селения, не обладали достаточной крутизной, валы и рвы устраивались и с других сторон.

Таким образом, формы поселений обусловливались геоморфологией местности, и классификация этих форм, в сущности, сводится к классификации форм прибрежного рельефа. Наибольшее распространение, естественно, получила приблизительно треугольная форма поселения. Она соответствовала наиболее часто встречающейся в прибрежном ландшафте форме мыса, образованного рекой и ее притоком. Примером может служить городище IV—V вв. н. э., открытое у деревни Березняки, близ г. Щербакова (рис. 3) [8]. Оно расположено на мысу между извилиной реки Сонохты и оврагом. Наибольшая длина его — 80 *м*, наибольшая ширина — 60 *м*. Несмотря на естественную защиту, созданную крутыми склонами реки и оврага, поселение было укреплено деревянной стеной, в точности повторявшей контуры мыса.

В местностях, не обладавших выгодным естественным рельефом, поселению иногда преднамеренно придавалась круглая или овальная форма, наиболее удобная для обороны в условиях первобытной военной техники. Такую преднамеренную форму, созданную исключительно искусственными сооружениями, можно видеть на плане городища, открытого у д. Пуйги Вышневолоцкого района (рис. 4) [9]. Расположенное на относительно низком месте, на берегу болота, городище это обрамлено по довольно правильному овалу рвом и валом, в одном конце которого устроено рядом два узких входа. Размер городища около 1 500 *кв. м*.

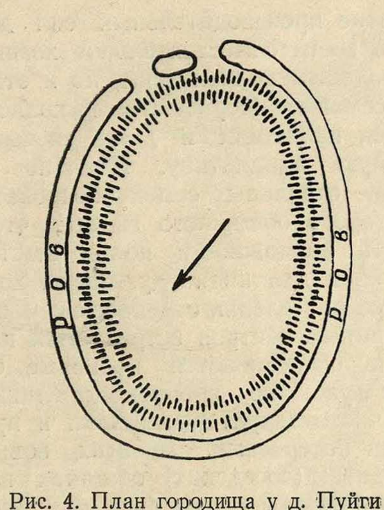


Рис. 4. План городища у д. Пуйги

Расположение жилищ в городищах дьяковской культуры характерно для большесемейной общины. Так, в городище у села Городца в центре оказалось одно строение, вероятно общественного назначения, вокруг которого было расположено 6 жилищ по краям площадки так, что городище замыкалось ими со всех сторон. Свободная площадь в середине поселка, видимо, предназначалась для загона скота [10]. Примерно так же были расположены строения городища Березняки (рис. 3).

Размещение городищ Верхнего Поволжья характерно для поселений родового строя. «Население в высшей степени редко; оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный лес, отделяющий его от других племен» [11]. Так, в Рязанском районе течения р. Оки городища располагаются небольшими группами в 2—3 селения. Расстояние между отдельными городищами в группе не превышает 1—3 *км*, а между группами — 10—15 *км* [12].

4. ПОСЕЛЕНИЯ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Медленно нараставший процесс разложения первобытно-общинного способа производства приобретает с V в. н. э. более интенсивный характер.

Развитие производительных сил дает возможность вести самостоятельное хозяйство не только родовым коллективам, но и отдельным малым семьям. Первобытный коллективизм становится излишним и даже сковывает хозяйственную инициативу. Понятно поэтому стремление отдельных семей обосноваться вне своего старого общинного гнезда, чтобы использовать возможности новой земледельческой техники для индивидуального хозяйства. В процессе расселения отдельные семьи из разных общинных центров встречаются на новых местах и объединяются в новые общины, спаянные уже не кровнородственными связями, а чисто территориальными и производственными интересами. В этих новых территориальных (соседских) общинах пахотные участки и огороды находились в индивидуальном пользовании отдельных семейств — хозяйств, а сенокосы, леса, водные и прочие угодья оставались во владении общины. Таким образом, в результате распада родовых коллективов создаются общины соседские, территориальные (поземельные, сельские).

Этот процесс сказывается и на планировке новых селений. Их размеры уже не связаны с величиной отдельной семейной общины и определяются теперь, главным образом, наличием в ближайшем окружении удобных пахотных земель.

Затем за укрепленными пределами прежних родовых общин вырастали открытые поселения — прообраз будущих «окологрдий» или «предградий», а также отдельно расположенные открытые селения, остатки которых носят название селищ. Развитие пашенного земледелия, использование лошади в качестве рабочего скота, усовершенствование орудий производства — все это вызывало обрастание жилищ всякого рода подсобными строениями.

Размещение таких усадеб в тесных пределах городищ становилось крайне неудобным, что приводило в конце концов к предпочтению открытых поселений. Небольшие же укрепленные гнезда превращались постепенно лишь во временные убежища. В них население окрестных селищ укрывалось со своим скотом и прочим имуществом во время вражеских нападений, подобно тому как позднее население посадов и деревень укрывалось в «городах» (детинцах, кремлях).

Сочетание неукрепленных и укрепленных селений приобретает позднее иной характер.

Рядом с открытыми деревнями встречаются укрепленные усадьбы богатых и политически сильных землевладельцев, властвующих над массой крестьянского населения. Укрепленность этих жилищ свидетельствует о враждебности окружающего крестьянского населения к их владельцам. Такое сочетание неукрепленных поселений и укрепленных жилищ знати археологи относят уже к периоду, начинающемуся с VII в. нашей эры.

Возможно, впрочем, что в ряде случаев в качестве укрепленных усадеб были использованы остатки прежних городищ, устроенных еще в период родового строя. Во всяком случае, как полагает Б. Д. Греков, результаты работ советских археологов и показания письменных источников, рассмотренные в свете сталинского учения о базисе и надстройке, позволяют трактовать VI—VIII вв. в истории восточного славянства как переходный период от родового строя к феодальному обществу.

Период, в течение которого в восточно-славянском обществе в условиях разложения общинно-патриархального строя происходило становление феодальных отношений, Б. Д. Греков считает возможным назвать «полупатриархальным-полуфеодальным». В течение этого же периода шел и процесс складывания у восточных славян первых политических объединений, завершившийся в IX в. образованием огромного древнерусского раннефеодального государства [13].

Двойственный характер рассматриваемого периода, несомненно, должен был отразиться и в планировке селений, однако для отделения элементов плана, относящихся еще к пережиткам родового быта, от тех, которые свидетельствуют о становлении феодальных отношений, у нас пока слишком мало археологических данных. Кроме того, во многих случаях новые отношения развивались в поселениях более древнего происхождения. Поэтому дифференцированное рассмотрение раннеславянских городищ должно явиться предметом специальной работы.

Раннеславянские городища по принципу их планировочной организации могут быть разбиты на три категории.

В первую из них входят те селения, укрепленность которых определялась топографическими условиями. По планам этих городищ мы можем судить, главным образом, о тех приемах использования рельефа местности, к которым прибегали строители в целях максимального сокращения фортификационных работ.

Большой интерес для истории градостроительства представляет вторая категория городищ, в которой уже заметны элементы преднамеренного расположения укреплений. К этой

категории относятся, в частности, некоторые из древнейших поселений Воронежского края, исследованные советскими археологами в 1920—1929 гг. «По внешнему виду, выбору места для укрепленных поселений, защитным сооружениям и другим особенностям воронежские городища, оставленные русским населением края, на первый взгляд не отличаются от всех других древних городищ лесной полосы европейской территории СССР. В частности, они близко напоминают так называемые дьяковы городища, которые появляются на Оке, верхней и средней Волге уже в I тысячелетии до н. э. Для сооружения этих укрепленных поселений обычно использовались отроги высокого коренного берега реки, окруженные крутыми склонами. Конец отрога, отделенный валом, составлял укрепленную часть поселения. Внутри укрепления, а иногда и вне его располагались жилища... Однако внешние признаки позволяют заметить и существенные различия между той и другой группой памятников. Если дьяковы городища, как правило, отличаются небольшими размерами, то воронежские памятники достигают, наоборот, в иных случаях очень большой величины... Естественно, что и система укреплений у городищ Подонья была уже несколько иной. При сооружении поселений, занимающих такую огромную площадь, в значительно меньшей мере могли быть использованы для защиты естественные особенности местности — крутые склоны речных террас. Поэтому валы и рвы воронежских городищ, подобно укреплениям древних русских городов (например, Старой Рязани или Киева эпохи Ярослава), имели большую протяженность. Для сооружения поселений выбирались ровные открытые места у края высокого берега реки, господствующие над речной долиной. Их наружный вал, нередко входящий в состав целой системы валов... имел дугообразную форму и очерчивал пространство в виде широкого неправильного сектора. Внутри наружной линии укреплений площадь поселка иногда разделяли валы меньших размеров. Судя по их расположению, видно, что эти укрепления относятся к эпохе возникновения городка. Позже валы эти стали недостаточными, и для защиты разросшегося поселка были воздвигнуты новые.

Большие воронежские городища имели, очевидно, уже совсем иной характер, чем более древние городища. Их многочисленное население не имело ничего общего с теми первобытными, очень замкнутыми патриархально-родовыми общинами, которые в I тысячелетии до н. э. сооружали первые укрепленные поселки в глухом лесном крае на междуречье Оки, Днепра и Волги» [14].

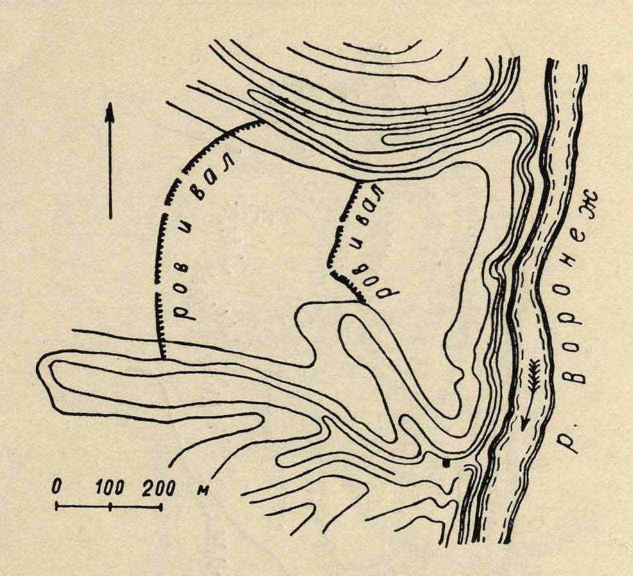


Рис. 5. Городище у Михайловского кордона

Типичным примером, иллюстрирующим приведенную характеристику больших воронежских городищ, может служить городище у Михайловского кордона на правом берегу реки Воронежа, несколько выше г. Воронежа. Это городище отличается своими огромными размерами, занимая площадь около 80 *га*. Оно расположено на неправильном по форме прямоугольном участке коренного берега, ограниченном с востока обрывом к реке, а с юга и севера — крутыми и глубокими оврагами. С западной стороны участок непосредственно примыкает к массиву коренного берега без каких-либо естественных преград и здесь защищен уже искусственными сооружениями — двумя концентрическими дугами рвов и валов. Внутренние вал и ров, повидимому, представляют собой более древнее укрепление, потерявшее свое значение после того, как поселение разрослось за его черту.

Трасса внешнего укрепления имеет явно преднамеренный дуговой характер и свидетельствует о предпочтении округлой формы в тех случаях, когда местные условия представляют свободный выбор. Все поселение в целом оформилось в результате расчленения единого геоморфологического элемента на две части в процессе последовательного расширения (рис. 5) [15].

Аналогичные городища, расчлененные концентрическими укреплениями, встречаются и в других местах страны, в частности, в бассейне р. Сулы. Так, расчлененный на три части изолированный холм продолговатой формы

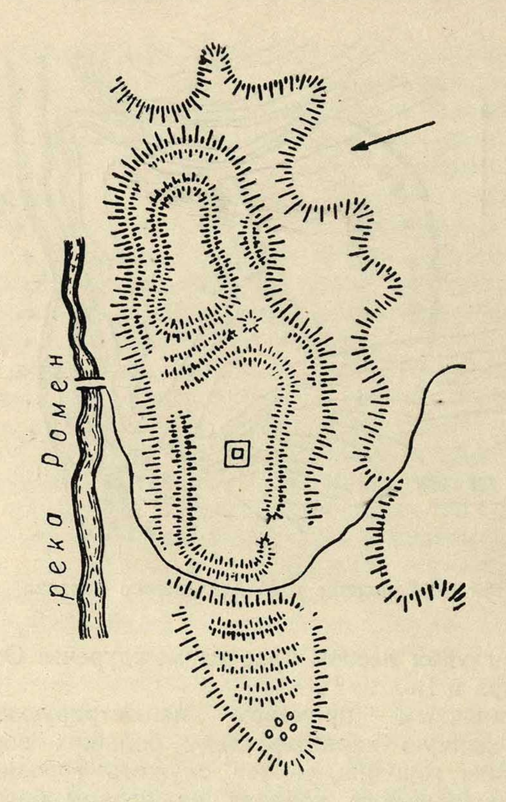


Рис. 6. План городища «Китай-город»

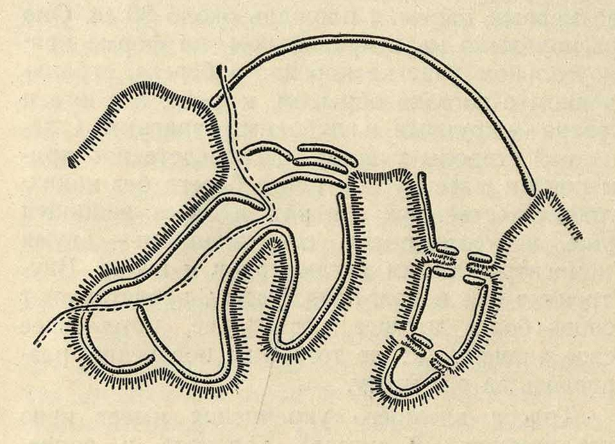


Рис. 7. План городища у с. Басивки

виден на плане городища «Китай-город» у села Медвежьего (рис. 6) [16].

Нередко процесс развития городища приводил к использованию целого комплекса холмов или мысов, расположенных в непосредственной близости друг к другу. При этом укреплялся валами и рвами каждый элемент в отдельности, а кроме того, укреплялся, так или иначе, и весь комплекс в целом. Интересный пример подобных городищ составного или сложного типа представляет собой городище близ села Басивки в Сумской области (рис. 7) [17], расположенное на четырех далеко выступающих мысах. Каждый из них обнесен одним или двумя валами и канавой, идущими по естественным границам. Окруженное с трех сторон глубокими оврагами, городище с четвертой стороны укреплено одним общим валом в виде плавной дуги, упирающейся в два боковых оврага. Восточный мыс («городок»), взятый в отдельности, представляет собой пример городища расчлененного типа.

Городища, общее очертание которых целиком является преднамеренным, представляют наибольший интерес для истории русского градостроительства. Эти городища свидетельствуют не о примитивном приспособлении к природным условиям, а об установлении определенных приемов фортификации, делающих человека независимым от случайностей естественной топографии.

В этом отношении заслуживают внимания «Известия Ал-Бекри о славянах и их соседях», содержащие следующее свидетельство: «И таким образом строят славяне большую часть своих крепостей: они направляются к лугам, обильным водами и камышом, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал... покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, а к ней приходят по деревянному мосту» [18].

Иллюстрацией к этому рассказу, свидетельствующему о преднамеренной форме славянских укреплений, могут служить так называемые болотные городища, во множестве найденные на территории левобережного Поднепровья.

Типичным примером подобных городищ может служить городище близ села Гиревки (Конотопский район Сумской области). Оно расположено на болоте, в некотором удалении от берега, и связано с ним приподнятой полосой суши. Городище занимает круглую площадь, размером около 3 *га*, опоясанную валом и широким рвом в виде кольца. В трех местах вал прерван для устройства входов (рис. 8) [19].

Археолог В. Ляскоронский, обследовавший болотные городища, относит их к раннеславянскому периоду, не подкрепляя, однако, свою датировку археологической документацией. К этому же периоду относит он и нагорные

круглые городища, в которых преднамеренность круглой формы выступает еще яснее, так как здесь конфигурация валов и рвов не только не вызывается топографическими условиями, но часто и противоречит им.

Типичнейшее из подобных городищ Посулья обнаружено в селе Буримке Золотоношского района Полтавской области (рис. 9) [20]. Это городище, занимающее наиболее высокую часть треугольного мыса, на котором расположены и более поздние укрепления, имеет, в отличие от контура самого мыса, овальную форму и окружено кольцевым валом и рвом. За рвом в южной части сохранился и второй вал. В северной и южной частях вала устроены проходы — ворота. С южной стороны городище имеет террасообразный подступ; с западной стороны, на небольшом расстоянии от крепости, находится крутой спуск в долину, примыкающую к Посульской равнине. Площадь, занимаемая городищем, — около 0,7 *га.*

Приведенные здесь примеры круглых городищ после В. Ляскоронского не подвергались более тщательному обследованию, и потому отнесение их к числу раннеславянских городищ остается сомнительным.

Ряд других городищ правильной круглой формы был обследован советскими археологами И. И. Ляпушкиным и П. А. Раппопортом, установившими, что наиболее ранние из них могли возникнуть не раньше второй половины XI в. и что типичными для раннеславянского периода являются городища, форма которых в основном определяется топографическими условиями [21].

Таким образом, следует считать, что до сего времени мы не имеем археологической документации, подтверждающей наличие древнейших славянских городищ геометрически правильной круглой формы. В то же время, учитывая, что исследования упомянутых археологов охватывают сравнительно небольшой район нашей страны, следует считать вопрос о наличии раннеславянских городищ с преднамеренной конфигурацией подлежащим дальнейшему изучению.

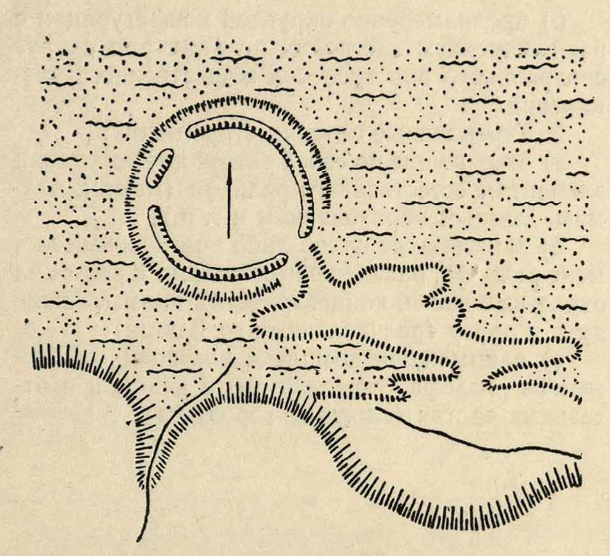


Рис. 8. План городища близ с. Гиревки

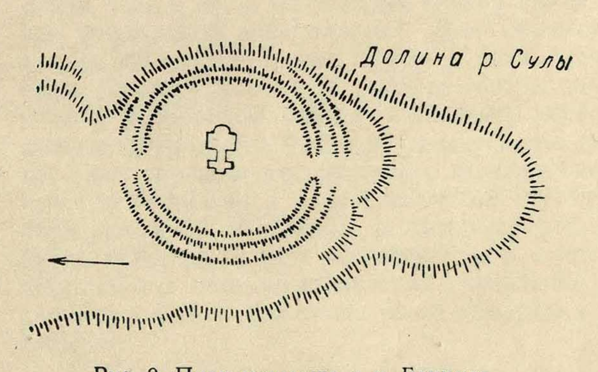


Рис. 9. План городища в с. Буримке

5. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Выше были рассмотрены главнейшие этапы в развитии селений первобытно-общинной эпохи и переходного периода к феодализму.

Однако отнесение отдельных городищ к тому или иному времени только по планировочным признакам, конечно, невозможно. В большинстве случаев мы имеем дело с поселениями, которые существовали длительное время, развивались и перестраивались в соответствии с менявшимися условиями жизни. Только тщательный анализ всего археологического комплекса в каждом частном случае может дать основания для датировки того или иного памятника. Кроме того, надо иметь в виду, что разнообразие географических и исторических условий расселения приводило к значительным различиям в типах поселений, которые существовали в одно и то же время в различных районах страны.

Отсюда следует, что в настоящее время мы ещё не располагаем достаточными материалами для планировочной классификации древнейших населенных мест по историческим признакам и можем лишь констатировать, что существовали следующие типы поселений:

1. Открытые селения (селища):

а) без преднамеренно правильной конфигурации и без четкой внутренней планировки.

б) преднамеренно округлой конфигурации с расположением застройки по радиусам вокруг центрального пространства общественного назначения.

2. Укрепленные селения (городища):

а) отвечавшие по своей общей конфигурации элементам естественного рельефа (мысам, холмам, дюнным образованиям и т. п.);

б) занимавшие какой-либо повышенный элемент рельефа, расчлененный валами и рвами на отдельные части, концентрически примыкавшие друг к другу (расчлененные городища);

в) занимавшие комплекс повышенных элементов рельефа, укрепленный в целом и в отдельных частях (сложные городища);

г) преднамеренно округлой конфигурации (болотные и нагорные округлые городища);

д) с внутренней застройкой вокруг общественного хозяйственного комплекса;

е) без какой-либо ясно выраженной системы расположения жилищ.

3. Укрепленные селения с прилегавшими к ним вплотную открытыми населенными местами.

Настоящая классификация, конечно, не исчерпывает всего разнообразия древнейших поселений и имеет целью выделить лишь те типы, с аналогами которых мы встречаемся при изучении населенных мест древней Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОРОДА КИЕВСКОЙ РУСИ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

Изменение и развитие производительных сил явились предпосылками для разложения первобытно-родовой общины у славян. Ясно обозначившийся процесс общественного разделения труда (отделение ремесла от сельского хозяйства) у восточных славян в VI—VIII вв. способствовал численному росту ремесленного населения и тем самым созданию той базы, на которой впоследствии возникли в ряде мест феодальные города. Тот же процесс вызвал условия, способствовавшие быстрому разложению общинно-патриархального строя и развитию феодальных отношений.

«С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская... Имущественные различия между отдельными главами семей разрушают старую коммунистическую общину большой семьи везде, где она еще сохранилась;... Отдельная семья становится хозяйственной единицей общества»[1].

Господствующий класс, который оформился к IX в. из представителей старой родоплеменной знати, из «лучших мужей» рождавшихся сельских общин, в период межплеменной борьбы, войн с внешними врагами и образования древнерусского государства увеличивал свое могущество и богатство походами и собиранием даней с покоренных племен. В XI в. внешнеполитическая обстановка становится уже неблагоприятной для непрерывных внутренних войн и грабительских походов. В то же время рост производительных сил внутри страны создает и новые источники накопления, которые связаны с эксплуатацией сельского населения, уже в IX в. получившей форму отношений феодальной зависимости[2]. Для осуществления этой эксплуатации и охраны накапливаемых богатств создаются местные центры княжеской и боярской власти, возникают укрепленные княжеские и боярские резиденции и села. Здесь князь и его дружина с многочисленными зависимыми и полузависимыми слугами образуют ядро населения, к которому постепенно присоединяются ремесленники и купцы, ищущие под стенами княжеских укреплений и защиту, и рынок для сбыта своей продукции и товаров.

В тех случаях, когда подобные города-замки, а также пограничные укрепленные пункты оказывались на плодородных опольях или на удобных путях сообщения с различными районами страны и с зарубежными государствами, они быстро развивались и становились настоящими феодальными городами, т. е. пунктами концентрации ремесла и торговли.

По мере роста богатства и потребностей княжеского (или боярского) хозяйства и с развитием административных функций княжеской власти укрепленные центры расширяются, перестраиваются и дают начало тем элементам русского города, которые позднее получают название детинцев и кремлей. Пришлое население сюда, конечно, не допускается. Торг ведется у ворот укреплений, жилища купцов и ремесленников устраиваются вокруг крепостей и, таким образом, создаются открытые окологродья и предградья — прототипы позднейших посадов и слобод[3].

Рост населения, оседающего за пределами укрепленного ядра, а следовательно, и размеры формирующихся предградий, определяются теперь уже не только зональными условиями (плодородные земли, места охоты и рыбной ловли, бортные ухожаи и т. п.), но и теми богатствами, которые собираются в центре феодальной эксплуатации, а также накапливаются там в результате растущей внешней и внутренней торговли.

Вместе с количеством оседающего населения, по всей вероятности, росла и его плотность, так как территория селища занималась уже не просторными сельскохозяйственными усадьбами, а значительно более компактными жилищами ремесленного и торгового люда. Большая плотность населения давала возможность обносить укреплениями иногда и околоградья.

Прежний населенный комплекс, в котором уже имело место некоторое развитие ремесла и торговли, — городище с открытыми селищами — являлся результатом распада первобытной общины, результатом «центробежной» силы, которая толкала отдельные семьи во вне городища. Теперь комплекс феодального укрепленного пункта с открытыми, а впоследствии и укрепленными околоградьями является результатом центростремительной силы, которая собирает вокруг центров феодального хозяйства и господства и зависимых, и полузависимых, и свободных людей.

Изложенная схема возникновения древнерусского феодального города принимала разнообразные формы в зависимости от конкретных географических и исторических условий. Чем богаче и плодороднее район, тем значительнее становится город как центр феодальной власти и пункт концентрации ремесленников, получающих в сельской округе прочные рынки сбыта; чем удобнее пути сообщения, связывающие город с районами обмена, тем бо́льшее значение приобретает он в качестве торгового центра; чем ближе город к границам государства, тем существеннее его роль как оборонительного пункта.

Уже в самом раннем периоде становления и укрепления древнерусского государства создается и система особых городов для защиты его границ. О размещении этих укрепленных пунктов читаем в летописи: «И рече Володимер: се не добро еже мало городов около Киева. И нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубешеви, и по Суле, и по Стугне; и нача нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь и от чюди, и от вятичь и от сих насели грады»[3а].

Из этого летописного текста видно, во-первых, что строительство новых городов-крепостей было задумано и осуществлено в виде ряда линий, защищавших подступы к Киевской земле со стороны угрожавших ей печенегов, и, во-вторых, что заселение этих городов было организовано также планомерно.

Некоторые из городов-крепостей, задача которых заключалась в том, чтобы «боронить землю Русскую от ворога», при благоприятных условиях окружались околоградьем и превращались в торгово-ремесленные города.

В процессе развития и укрепления древнерусского государства налаживается и порядок, обеспечивающий осуществление всей полноты власти представителям государства в областях, покорность населения и регулярное взимание с него всех видов даней и поборов. Страна покрывается множеством укрепленных мест, служащих центрами административной и судебной деятельности этих представителей власти и опорными пунктами обороны страны. Частью они основываются на прежних городищах, частью возводятся вновь. Во всяком случае, уже в IX—X вв. «город» становится характерным элементом культурного ландшафта Руси, что находит подтверждение и в сообщениях зарубежных географов и в наименовании «Гардарик» (страна городов), укрепившимся за древней Русью в скандинавских сагах.

2. ГОРОДИЩА КИЕВСКОЙ РУСИ

Некоторые из укрепленных селений IX—XI вв., превратившись в процессе своего развития в настоящие города, сохранились и до нашего времени. Однако по их нынешнему состоянию и даже по наиболее ранним топографическим планам (XVIII в.) было бы весьма трудно судить о том, как эволюционировала их планировка. В этом отношении чрезвычайно ценными для истории русского градостроительства являются те многочисленные городища Киевской Руси, которые иногда в археологической и исторической литературе носят название городищ «великокняжеской поры». Они представляют наиболее раннюю стадию в развитии русского города и могут служить до некоторой степени ключом к расшифровке позднейших планов, в которых переплетаются многовековые наслоения различных периодов.

Некоторые из этих городищ мало чем отличаются от городищ более древнего происхождения. Располагаясь обыкновенно на высоком, крутом холме или же на мысу, они окружаются валами соответственно контуру

занимаемой возвышенности или же имеют преднамеренную округлую форму. Весьма часто они по своей конфигурации могут быть отнесены к типу сложных городищ.

Во многих случаях лишь комплекс археологических находок или определенные указания летописи могут дать основания для отнесения подобных городищ к периоду Киевской Руси, настолько явно выражены в них еще традиции первобытно-общинного периода.

Рассмотрим планировку некоторых городищ, с одной стороны, иллюстрирующих планировочную преемственность в период перехода от селений первобытно-общинного типа к раннефеодальному городу, а с другой стороны, являющихся прототипами более поздних городов древней Руси.

В г. Лубны (Полтавской обл.) сохранились остатки древних укреплений, которые можно отнести к типу сложных городищ (рис. 10) [4].

Впервые г. Лубны упоминается в поучении Владимира Мономаха в 1094 г. [5], затем — в летописи под 1107 г. [6] в связи с битвой русских князей с половцами. Позднее, до конца XVI в., никаких известий о Лубнах не встречается. Повидимому, г. Лубны, наряду с другими южно-русскими городами, был уничтожен во время татарского нашествия.

Древнейшая часть этого городища — «Лубенский вал» — представляет собой высокий холм, окруженный по своему контуру валом значительной высоты, которому строители, повидимому, стремились придать округлую форму. С западной стороны к «валу» примыкает более обширная, также укрепленная земляной насыпью территория, расположенная на втором и частично на третьем (южном) мысообразных выступах нагорного плато.

Весьма четко по своему общему расположению Лукомльское городище (Лубенский район Полтавской обл.), упоминание о котором в летописи относится к XII в. [7]. Как видно на рис. 11, городище состоит из двух частей — меньшей (старой крепости, кремля) и большей, расположенной к северу от первой [8].

Меньшая крепость, соединяясь с большей посредством узкого перешейка, состоит как бы из двух круглых укреплений, слившихся между собой в одно овальное городище (с осями около 300 и 150 *м*). На южном, сравнительно пологом склоне городище укреплено дополнительной линией вала и рва. Конфигурация северной крепости также приближается к овальной, причем в качестве естественного укрепления используется крутой берег р. Сулы.

Примером городища расчлененного типа

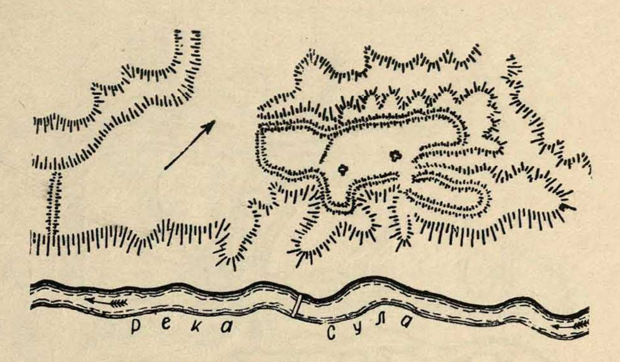


Рис. 10. План городища в г. Лубны

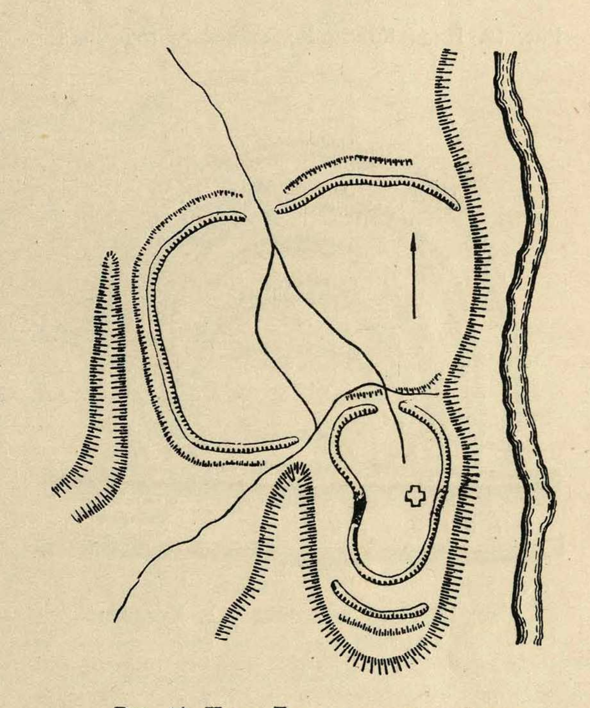


Рис. 11. План Лукомльского городища

могут служить остатки одного из укреплений Переяславского княжества по реке Ромен у г. Красного Колядина в Черниговской области (рис. 12) [9].

Городище расположено на длинном и узком мысу, который представляет собой окончание возвышенности, служащей водоразделом между р. Ромном и ее притоком р. Красной. Эта возвышенность делится оврагом на две части: северную, примерно квадратного очертания, и южную, удлиненной клиновидной формы. Последняя в свою очередь расчленена, но уже искусственным рвом, также на две части.

Таким образом, узкий и длинный треугольник возвышенности расчленен на три части. Каждая из них в отдельности обнесена была

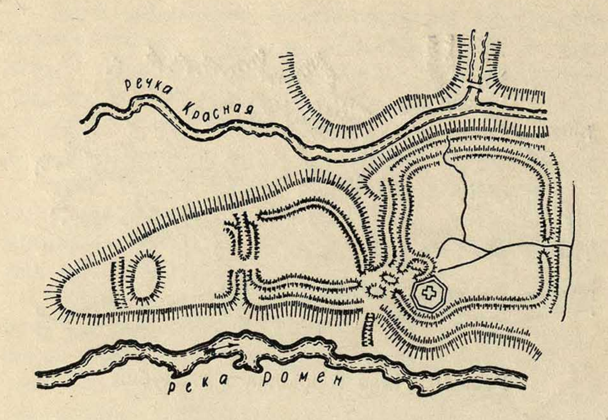


Рис. 12. План Красно-Колядинского городища

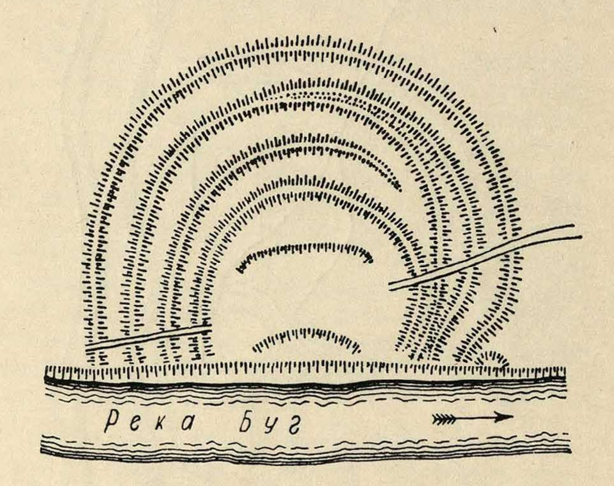


Рис. 13. План городища у с. Кудинки

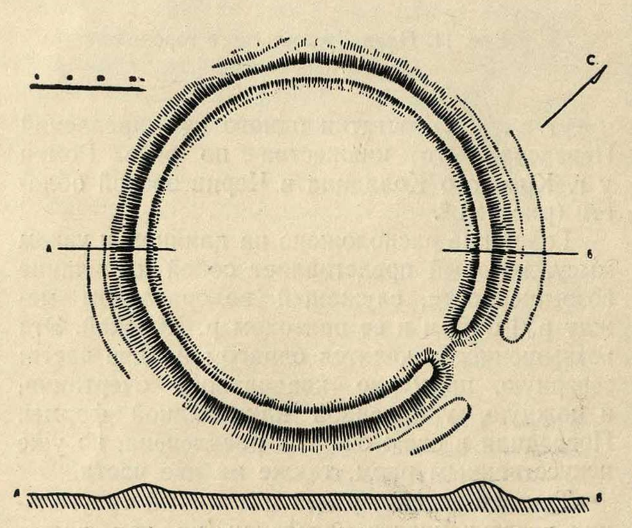


Рис. 13а. План малого Грубского городища

системой валов и рвов, и все они сообщаются друг с другом через ворота, расположенные по одной продольной оси, которая при переходе из средней части в северную отклоняется к вершине оврага. Общая длина городища около 550 *м*. Со стороны р. Ромна городище ограничивается крутым берегом, со стороны речки Красной (в южной части) — заболоченной низиной, носящей характер подола некоторых русских городов.

Среди городищ Киевской Руси встречаются также круглые и полукруглые, опирающиеся концами дуги на берег большой реки. К числу последних относится городище у с. Кудинки (местоположение летописного города Кудина, упомянутого под 1241 г.). Городище расположено на левом высоком берегу р. Буга и окружено четырьмя концентрическими полукруглыми валами и рвами, упирающимися в берег реки (рис. 13) [10].

Характерным примером круглого городища может служить малое Грубское городище, обнаруженное в нынешней Житомирской области (рис. 13а) [10а].

Городище это имеет совершенно правильную круглую форму, образованную хорошо сохранившимся валом высотой около $2^1/_2$ *м* и частично сохранившимся рвом. В городище устроен только один вход с восточной стороны. Диаметр круга по внутренней линии вала — 105 *м*.

3. СХЕМЫ ГОРОДОВ КИЕВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Центром и самым значительным городом государства, сложившегося в результате объединения русских племен, стал Киев.

В плане современного Киева и даже в плане, составленном до реконструкции города в XVIII в., сохранилось весьма мало элементов от периода до монгольского нашествия. Все же археологические исследования, развернувшиеся главным образом уже в советское время, дают представление о древнейшей схеме города (рис. 14) [11].

По своей общей системе развития планировка древнего Киева напоминает приведенные ранее планы сложных городищ. На оконечности Приднепровской возвышенности, подходящей к правому берегу Днепра, почти над самой рекой высится весьма сложная гряда холмов. На одном из них, занятом впоследствии так называемым «городом Владимира», обнаружены остатки славянского поселения VIII—IX вв. и его могильника. Аналогичные селения были обнаружены еще в не-

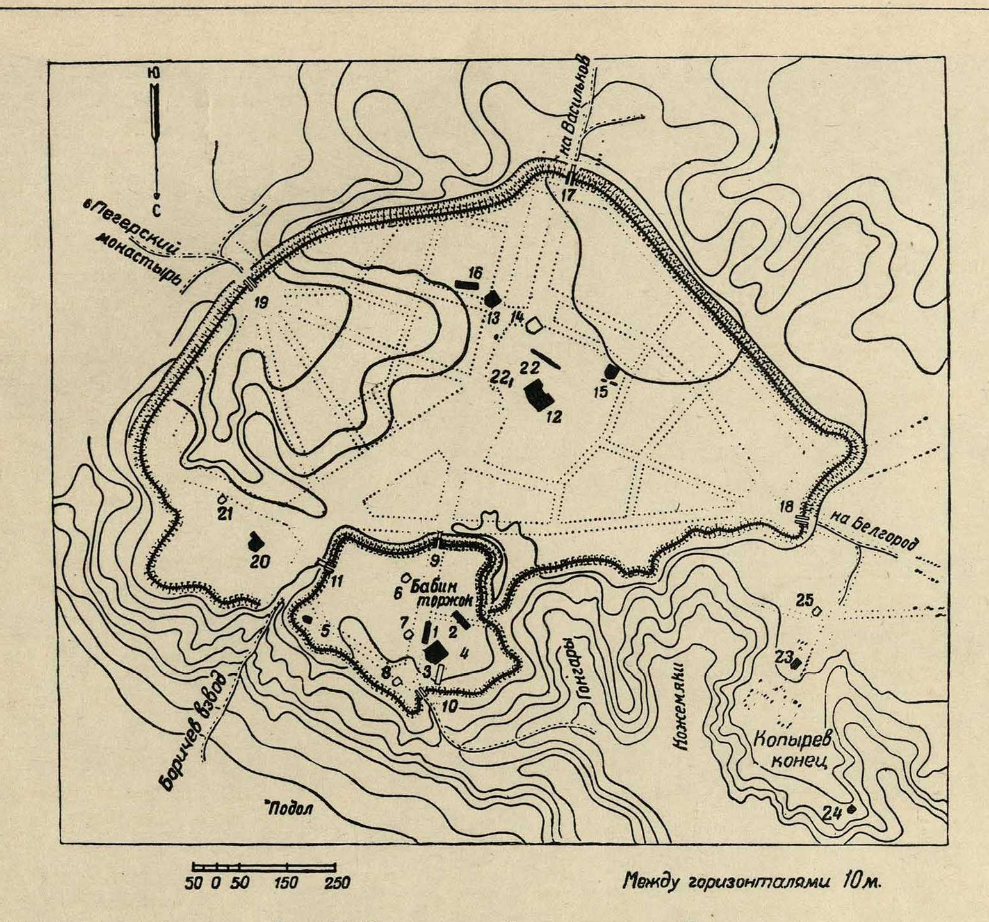


Рис. 14. Схематический план древнего Киева

1. Город Владимира

1—3 – дворцовые корпуса; *4*—десятинная церковь; *5*—церковь Василия; *6*—церковь Федоровского монастыря; *7*—церковь Андреевского монастыря; *8*—церковь Крестовоздвиженского монастыря; *9*—Батыевы ворота; *10*—Подольские ворота; *11*—ворота к Боричеву взвозу

2. Город Ярослава

12—Софийский собор; *13*—церковь Ирины; *14*—церковь Георгия; *15*—церковь, открытая Милеевым в 1911 г,; *16*—дворец; *17*—Золотые ворота; *18*—Львовские ворота; *19*—Лядские ворота; *20*—церковь Михайловская златоверхая; *21*—церковь Дмитриевского монастыря; *22*—остатки каменной стены

3. Копырев конец

23—церковь, раскопанная в 1947 г.; *24*—церковь, раскопанная в 1938 г.; *25*—церковь

скольких местах. Таким образом, можно полагать, что на территории, занятой впоследствии Киевом, в VIII—IX вв. находилась группа разобщенных славянских поселений, предшествовавших возникновению здесь в конце X в. крупного городского центра.

К началу XI в. на упомянутом холме было создано ядро города — его головная часть, захватившая плато холма до крайних его пределов. Там, где еще недавно были курганные насыпи языческого некрополя, вырос комплекс пышных дворцов с златоглавой Десятинной церковью [12].

Иногда детинцы городов Киевской Руси сравнивают с замками зарубежных феодалов. Однако в архитектурно-планировочном отношении такая аналогия неправильна. В детинцах Киевской Руси мы видим комплекс отдельно и свободно стоящих монументальных зданий, сконцентрированных на некоторой укрепленной территории, в то время как типичный замок зарубежного феодала являлся обычно не комплексом отдельных зданий, а одним, хотя иногда и весьма развитым, сооружением.

Это различие объясняется спецификой феодализма в древней Руси:

«... у нас начало крупному землевладению было положено не разделом земель между верхами завоевателей, как, например, во

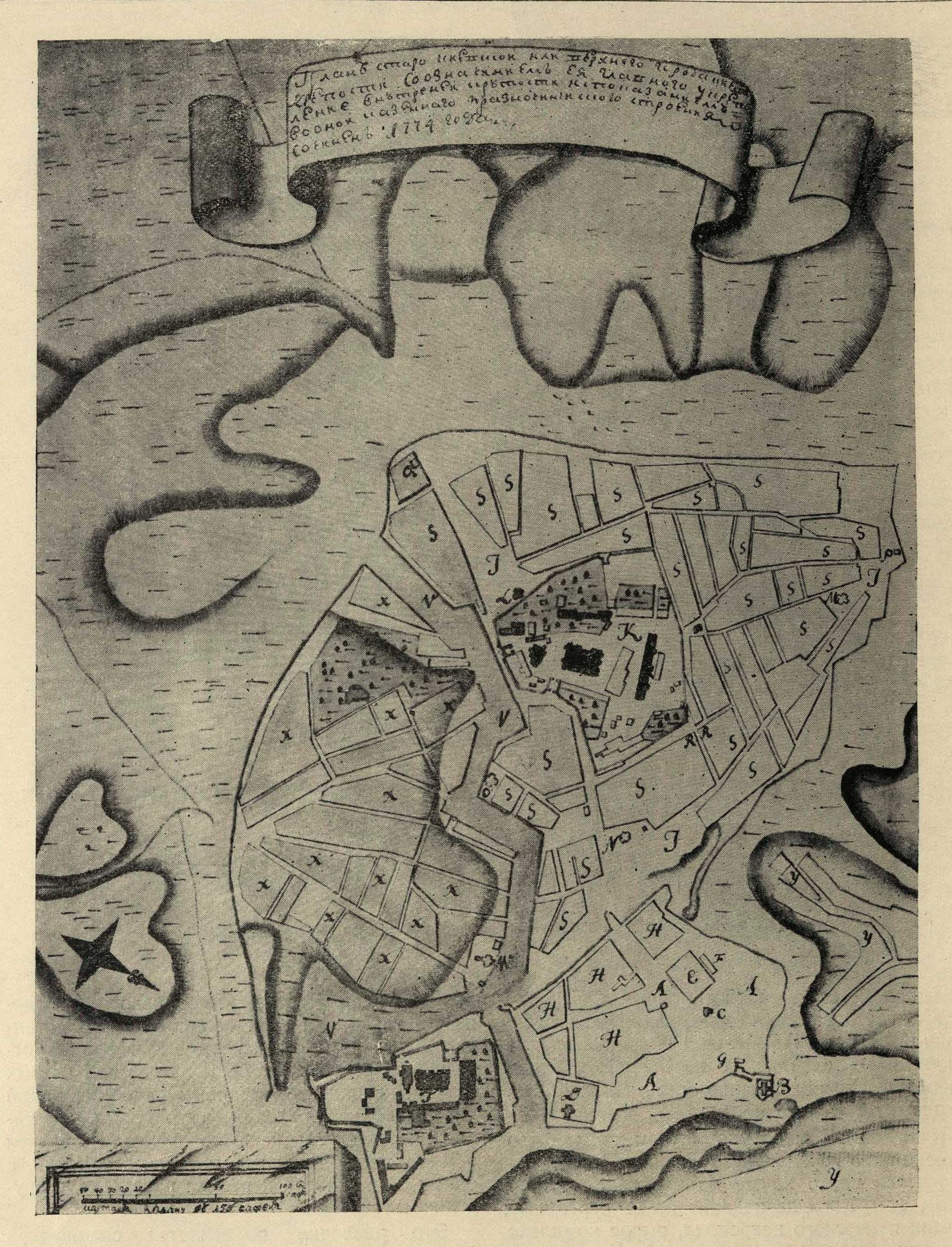


Рис. 15. План Киева 1774 г.

Рис. 16. План Чернигова 1797—1802 гг.

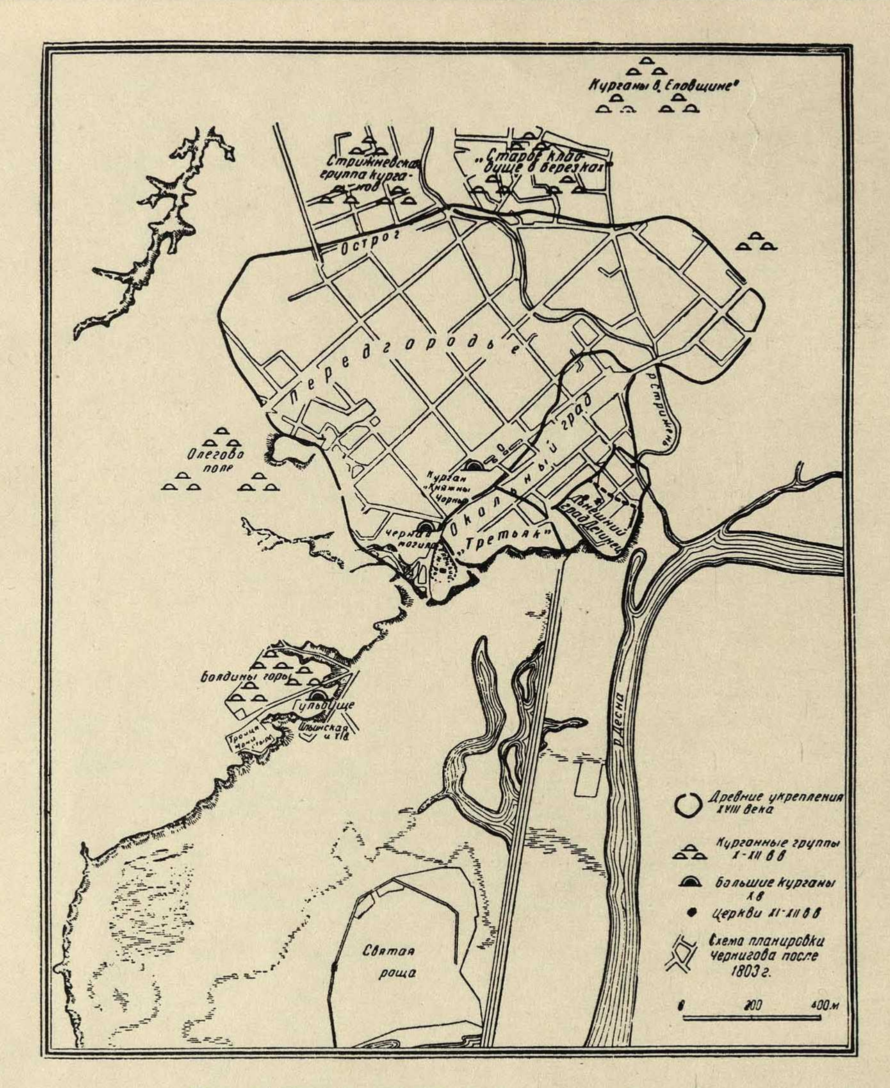


Рис. 17. Схематический план древнего Чернигова

Франции или в Италии, а медленной экспроприацией земель общинников элементами, возникшими в недрах разлагавшихся сельских общин. Затем к этой экспроприации приложили руку князья, дружинные элементы и церковь. Отсюда массу феодалов у нас составили не завоеватели — герцоги и графы, а именно эти землевладельческие элементы» [13].

Можно предполагать, что именно поэтому укрепленный центр русского города имел мало общего с разбойничьим гнездом зарубежного феодала-завоевателя.

За перешейком между двумя глубокими оврагами, к югу от «города Владимира», было расположено сравнительно ровное и большое плато. На него Ярослав в начале XI в. и распространил город, обнеся его новую и основную по территории часть земляными валами с воротными башнями.

Расположение ворот и главнейших архитектурных памятников в «городе Ярослава» дает основание предполагать некоторую закономерность в его планировке и застройке. Так, если провести линию от Батыевых ворот к Золотым воротам, то церковь Георгия и церковь Ирины окажутся по обе стороны этой линии в близком расстоянии от нее и друг от друга. Проходила ли дорога, связывавшая указанные ворота, по прямой или ломаной трассе, сказать нельзя, но несомненно, что такая дорога должна была существовать и что фланкирование ее двумя церквами должно было создавать впечатление организованного ансамбля.

Обращает на себя внимание и намек на вторую магистраль от Лядских ворот к Львовским, а также то, что усадьба Софии находится близ пересечения указанных направлений.

Таким образом, можно предполагать, что строителями не только была создана оборонительная линия, но они при сооружении города Ярослава стремились к определенной планировке, во всяком случае, в виде системы главных магистралей с монументальным центром близ их пересечения. В несколько искаженном виде эта система двух пересекающихся направлений может быть прослежена и в плане Киева 1774 г. (рис. 15) [14].

Позднейшая застройка Михайловской горы дополнила сложный комплекс освоенных районов.

Начиная со второй половины X в., вероятно, был застроен и Подол. Он играл роль Киевского предградья, резко отличавшегося от верхнего комплекса «Горы» не только рельефом местности, но и социальным составом населения. По своему положению у берега Днепра Подол представлял большие удобства для ремесленников и торговцев и, повидимому, был ими преимущественно заселен. Здесь находились и «торговище», и множество церквей, которые играли роль архитектурных доминант среди скромных лачужек «простой чади».

Несмотря на обособленность отдельных частей города и на случайное примыкание их друг к другу, обусловленное необычайно капризным рельефом местности, весь комплекс в целом объединяется главным центром — городом Владимира.

На примере другого значительного города древней Руси — Чернигова — можно проследить те же основные черты развития плана.

Город Чернигов, подобно Киеву, также расположен на группе прибрежных холмов, расчлененных оврагами. Но здесь рельеф местности значительно мягче по своей пересеченности (рис. 17) [15].

Как и в Киеве, на территории Чернигова было обнаружено несколько древнеславянских селений VIII—IX вв. — гнездо территориальных общин.

Начало феодального Чернигова было положено укреплением и оформлением «детинца» на головном, наиболее выдающемся в долину холме, близ слияния речки Стрижня с рекой Десной. Подобно множеству древнейших городищ (дьякова и роменского типов) черниговский детинец (впервые упомянут под 1078 г.,) принял треугольную форму, отвечавшую конфигурации водораздельной стрелки. Дальнейшими этапами в развитии города явились: оформление второй линии укреплений — «окольного града» (к северо-западу от детинца), «Третьяка» на отдельном западном холме и, еще далее к западу, холма с Елецким монастырем. Особое развитие получило обширное «предгородье», укрепленное острогом и охватившее весь комплекс прибрежных холмов с севера (впервые упомянуто в летописи под 1152 г.).

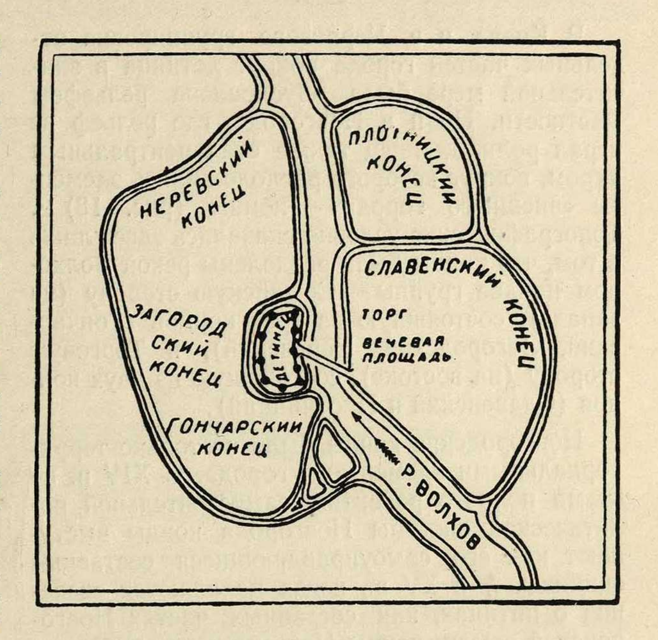


Рис. 18. Схематический план древнего Новгорода

На луговой террасе, под детинцем и Третьяком, расположился черниговский Подол, подобно тому как под городом Владимира расположился Подол киевский. В Чернигове, так же как и в Киеве, детинец стал главным организующим ядром, вокруг которого веером расположились составные элементы города. В черниговском детинце также находился комплекс монументальных каменных зданий, доминировавший над широкой долиной и над остальными частями города.

На плане Чернигова 1797—1802 гг. (рис. 16) [16] показаны несколько радиальных улиц в окольном граде и две радиальные магистрали в предградьи: одна (Гончая ул. XVIII в.), идущая на север от Прогорелых ворот, другая — от Любецких (или Киевских) ворот на северо-запад к дорогам на Любеч и Киев. Если бы удалось получить подтверждение о существовании этих магистралей в годы до нашествия монголов на Русь, мы имели бы древнейший пример радиальной планировки русского города.

В Киеве и в Чернигове группировка отдельных частей города вокруг детинца в значительной мере была обусловлена рельефом местности. Но и в Новгороде, где рельеф не играл роли, детинец также стал центральным ядром, вокруг которого расположились элементы «внешнего города» — концы (рис. 18) [17]. Топографические условия сказались здесь лишь в том, что концы были разделены рекой Волховом на две группы — Софийскую сторону (на западе), состоявшую из трех концов (Гончарский, Загородский, Неревский), и Торговую сторону (на востоке), состоявшую из двух концов (Славенский и Плотницкий).

Новгородские концы были не только территориальными элементами города. С XIV в. во время полного развития самостоятельной политической системы Новгорода концы выступают как его самоуправляющиеся составные единицы. А в XV в., когда появляются сведения о пятинах, как составных частях Новгородской земли, концы Новгорода оказываются связанными с пятинами (каждый конец со своей определенной пятиной), как с территорией, в какой-то мере им подвластной [18].

Следует отметить также, что в названиях некоторых концов запечатлена профессиональная характеристика их населения (Гончарский, Плотницкий). Аналогичное деление на концы установлено и для ряда других крупных городов — Пскова, Ростова, Смоленска, частично для Киева.

Подобно «городу Владимира» в Киеве, новгородский детинец, сооружение которого в камне относится к XI в., играл роль главного городского центра, значение которого усилено расположением в нем наиболее монументального сооружения — Софийского собора. Не будучи связан рельефом местности, Новгородский детинец, как и некоторые из древних городищ в аналогичных топографических условиях, принял форму полукруга, опиравшегося своим диаметром на береговую линию. В XII в., в результате присоединения участка с юга, детинец принял очертание овала, вытянутого вдоль реки.

Вскоре после сооружения детинца (не позже второй половины XII в.), так же как и в Киеве, охватывается укреплением весь «внешний город». И эта крепостная ограда, состоявшая из вала с острогом на ней, не встречая препятствий в рельефе местности, приняла общую конфигурацию овала, подчеркивающую тяготение всего посада к детинцу. Такое общее расположение города и его центра естественно вызывает представление о радиальном характере внутренней планировки. Однако ни в каких графических или письменных источниках следов такой планировки нет, за исключением, может быть, двух улиц Софийской стороны.

Вся остальная система улиц подчинялась не столько притяжению центра, сколько влиянию реки, как элемента важнейшего для хозяйственной деятельности основного населения. Возможно, что примерно тот же характер имела планировка и в X—XII вв., что вполне согласуется с эволюцией социального характера Новгородского детинца.

Наряду с детинцем, этим обычным центром феодального города, в XII в. в Новгороде появляется второй параллельный центр вне крепости, на другой стороне реки, приуроченный к существовавшему здесь так называемому Ярославову Дворищу. Теперь уже здесь или ещё дальше, за городом — в Рюриковом городище, а не в детинце находится княжеская резиденция [19]. Древний торг, располагавшийся непосредственно у детинца и также являвшийся известной точкой притяжения, ликвидируется в начале XII в. в связи с удлинением детинца и организуется в центре Торговой стороны.

Изгнание князей из детинца, развитие боярского строительства в Новгороде, разобщение детинца с торговой площадью — все это умаляло его роль как притягивающего элемента и, в конечном счете, уменьшало влияние его на формирование уличной сети. Можно думать поэтому, что уже в древнем Новгороде преобладающим планообразующим началом служило притяжение не столько к детинцу, сколько к набережным Волхова.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РУССКИЕ ГОРОДА В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

1. СТРОИТЕЛЬСТВО ГОРОДОВ В ПЕРИОД ДРОБЛЕНИЯ РУСИ НА УДЕЛЬНЫЕ КНЯЖЕСТВА

Экономический рост городов способствовал укреплению и обособлению от Киева новых политических образований. Ко второй половине XII в. Киев окончательно потерял значение стольного города большого государства. Дробление Руси на мелкие княжества сопровождалось строительством множества новых городов. Теперь города основываются уже не только киевскими князьями, но и местными. В летописях XII в. мы находим немало материалов, свидетельствующих об оживлении градостроительной деятельности князей, в особенности в землях северо-восточной Руси.

Так, в Ростово-Суздальской земле можно заметить планомерное размещение новых городов. Здесь за короткий промежуток времени был выстроен ряд городов-крепостей со стороны Новгородской и Смоленской земель (Кснятин — 1148 г., Юрьев — 1152 г., Переславль — 1152 г., Дмитров — 1154 г., Москва — 1156 г. и др.).

Неизбежные в связи с дроблением Руси феодальные войны ложились тяжелым бременем на население, главным образом, на сельское. Незащищенные села и деревни в первую очередь подвергались набегам и опустошениям со стороны враждовавших меж собой князей.

Города становятся уже не только обслуживающим придатком к резиденции князя, но и одним из важнейших ресурсов его экономической мощи. Князья стремятся создать в городах условия, благоприятные для развития торговли и ремесел. Для привлечения туда населения они идут и на некоторые льготы городам. «В городах создавался свой особый мир с городскими привилегиями, без которых не могли бы развиваться торговля и ремесло. Под крепкими стенами княжеских замков вырастал посад, возникал новый город» [1]. Углубление и расширение процесса феодализации страны получило отражение и в градостроительной деятельности князей. Ряд крупных городов, впоследствии игравших значительную роль, был основан в это время не на старых городищах, а на некотором расстоянии от них, на новом месте. Как можно видеть на ряде конкретных примеров, перенос городов или перенос центра феодального княжества из одного места в другое определялся не столько стратегическими, сколько экономико-политическими соображениями — тем, что князья (или феодальная верхушка) старались в новопостроенном городе создать центр своего властвования над соответствующей округой. Несомненно, что эти же обстоятельства, а также соперничество отдельных княжеств с Киевом должны были отразиться и на архитектурно-планировочной структуре новых городов. В некоторых из них, как отмечает М. Н. Тихомиров, обнаруживается явное подражание Киеву, как образцу для всех русских городов.

Однако экономические и технические возможности мелких княжеств далеко уступали возможностям Киева в период его расцвета, и поэтому детинцы новых политических центров уступали Киевскому в монументальности. В то же время обращают на себя внимание необычайно возросшие их размеры.

Так, детинец нового городка Юрьев-Польского, основанного князем Юрием Владимировичем в 1152 г., почти равен по площади

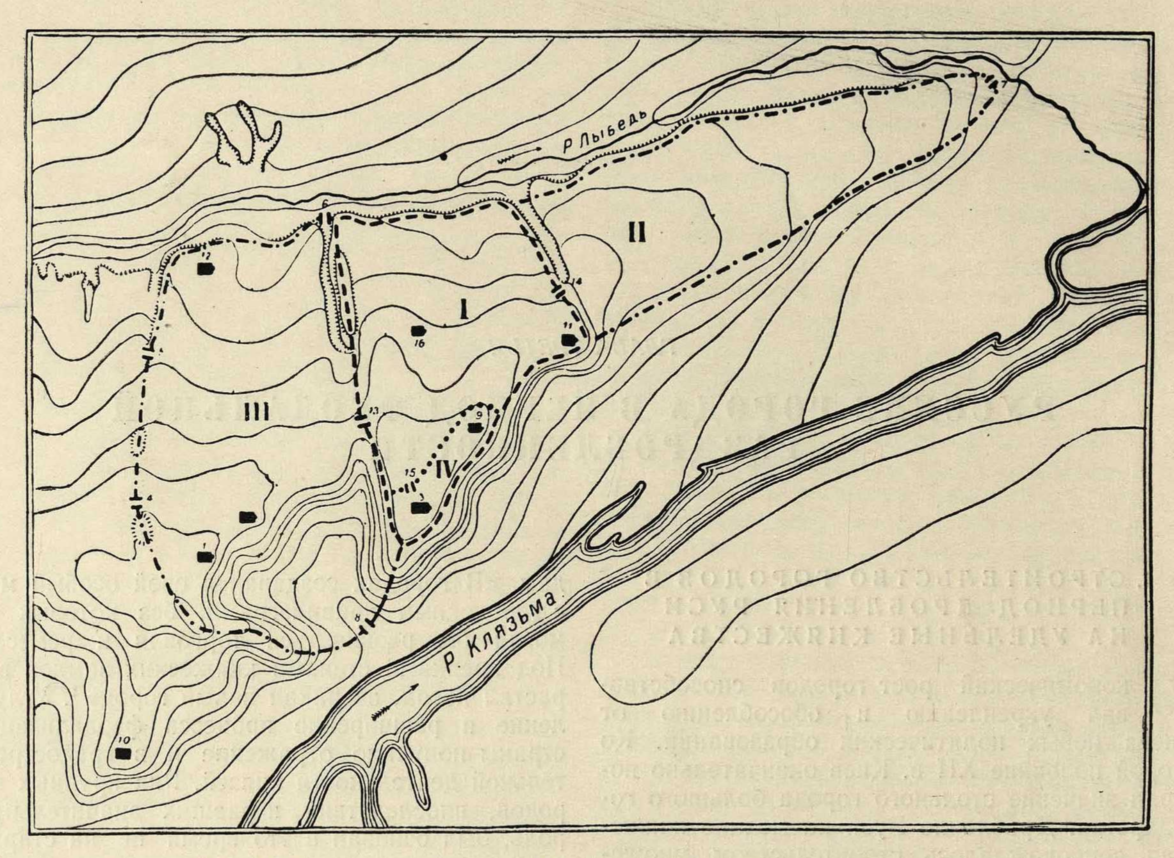


Рис. 19. Схематический план г. Владимира XII—XIII вв. (по Воронину)

I — город Мономаха («Печерний город»); *II* — «Ветчаной город», укрепления 1158—1164 гг.; *III* — «Новый город», укрепления 1158—1164 гг.; *IV* — детинец; *1* — церковь Спаса; *2* — церковь Георгия; *3* — Успенский собор; *4* — Золотые ворота; *5* — Оринины ворота; *6* — Медные ворота; *7* — Серебряные ворота; *8* — Волжские ворота; *9* — Дмитриевский собор; *10* — Вознесенский монастырь; *11* — Рождественский монастырь; *12* — Успенский «княгинин» монастырь; *13* — Торговые ворота; *14* — Ивановские ворота; *15* — ворота детинца; *16*—церковь Воздвиженья на Торгу

«городу Владимира», т. е. первоначальному детинцу столицы огромного древнерусского государства, а основанный в том же году детинец Переславля-Залесского превосходит его в несколько раз.

Повидимому, все эти новые политические центры служили не только местом пребывания князя с избранными людьми из его дружины и администрации, но и для обитания (постоянного или временного в период войны) местной феодальной знати, на которую опирался князь в своих распрях как с Киевом, так и с соседями.

Во всяком случае значительная длина оборонительной ограды детинца свидетельствовала и о пропорциональном увеличении числа защитников, которые в период беспрерывных войн должны были постоянно находиться в городе. Детинец из небольшого «акрополя» превращается по своей планировке в город с кварталами, улицами, площадями. Расположение некоторых древних церквей и ворот на территории детинцев дает основание предполагать, что начало такой планировки могло быть положено еще в годы до татаро-монгольского нашествия.

Более четкое и определенное оформление получает и планировка посада в связи с ростом его социального значения.

На севере (как показали раскопки в Старой Ладоге, Дмитрове, Новгороде) типичным городским жилищем становится бревенчатая изба. В тех случаях, когда жилища этого типа плотно прилегают друг к другу, их определенные грани и прямоугольные планы способствуют формированию улиц и кварталов. В Старой Ладоге раскопки слоя X—XI вв. раскрыли картину уже вполне сложившегося города с небольшими домами, с уличной планировкой, уличным благоустройством, с элементами, свидетельствующими о развитии ремесла и торговли [2]. Раскопки в Новгороде установили наличие улиц, замощенных бревнами, начиная с XI в. Растущее значение посада в жиз-

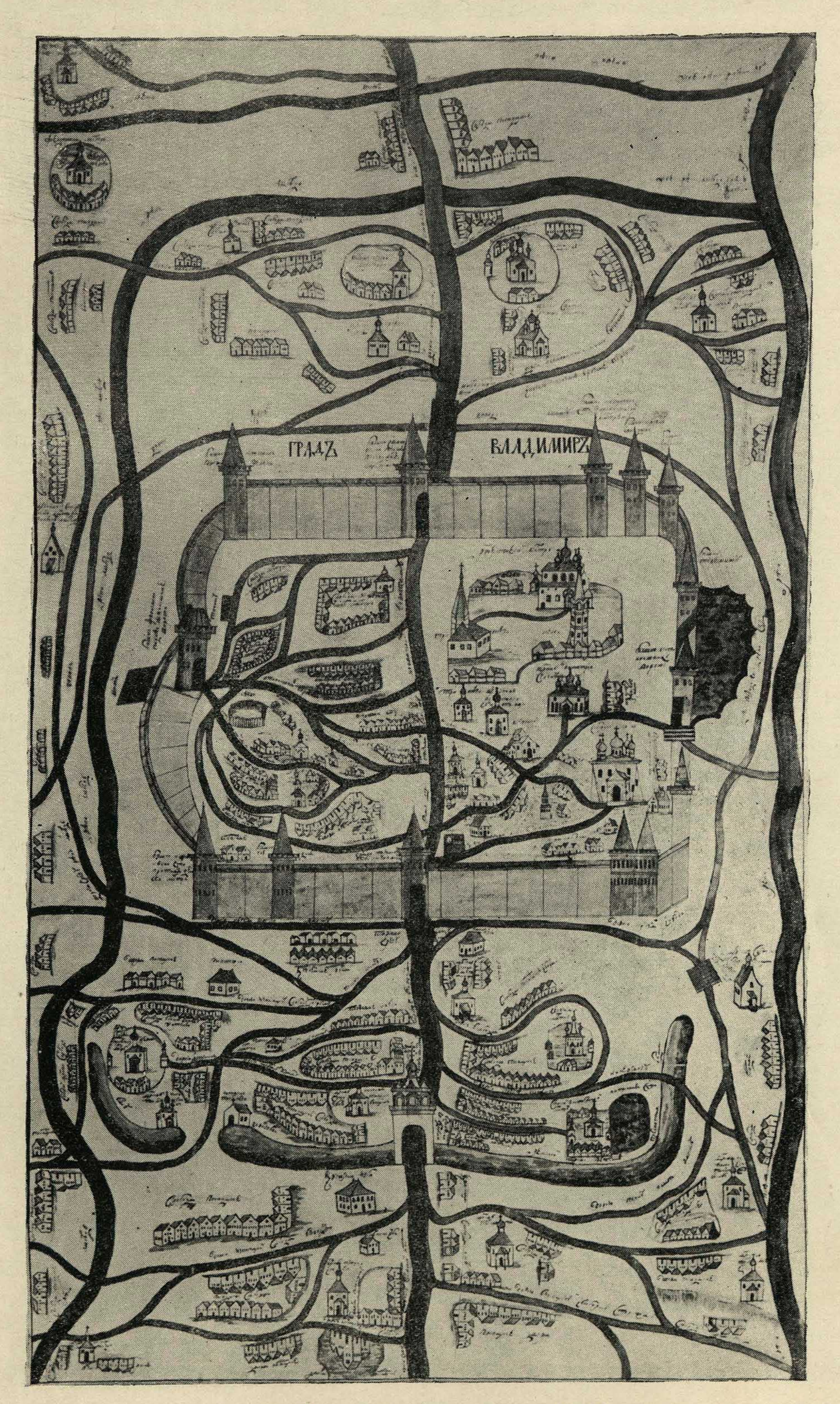


Рис. 20. План г. Владимира начала XVIII в.

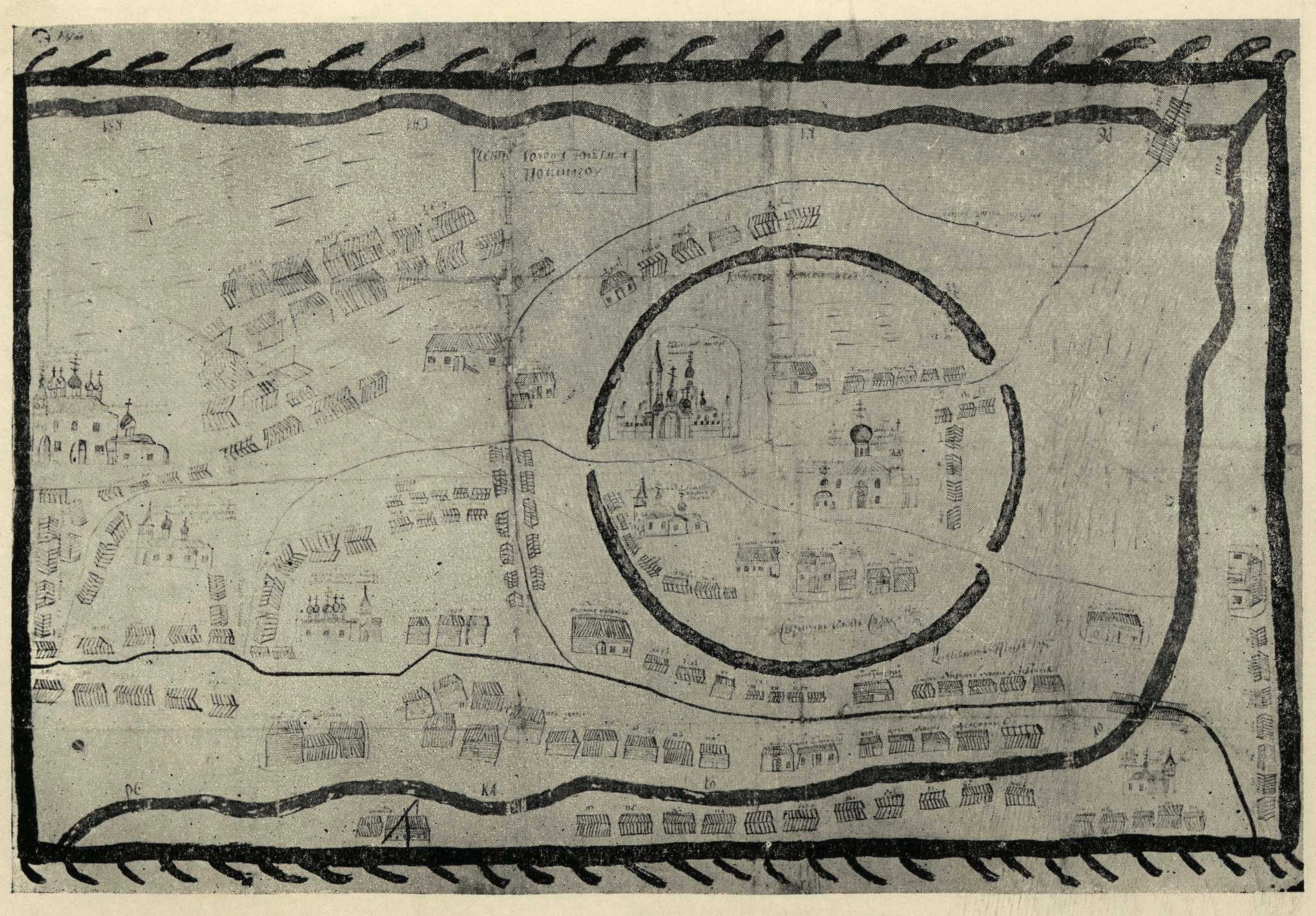


Рис. 21. План г. Юрьева-Польского 1-й половины XVIII в.

ни города подчеркивается также и развитием его укреплений.

Несмотря на некоторую эволюцию планировки, в планах городов периода феодальной раздробленности сохраняются те традиции, которые были заложены в русском градостроительстве еще в период расцвета Киевского государства и ранее.

Попрежнему центральным организующим элементом города является детинец (первоначальное укрепленное ядро города); попрежнему ремесленно-торговое население города стремится к удобным выходам на водные пути сообщения — на «подол», оставаясь, однако, под защитой городских укреплений; наконец,

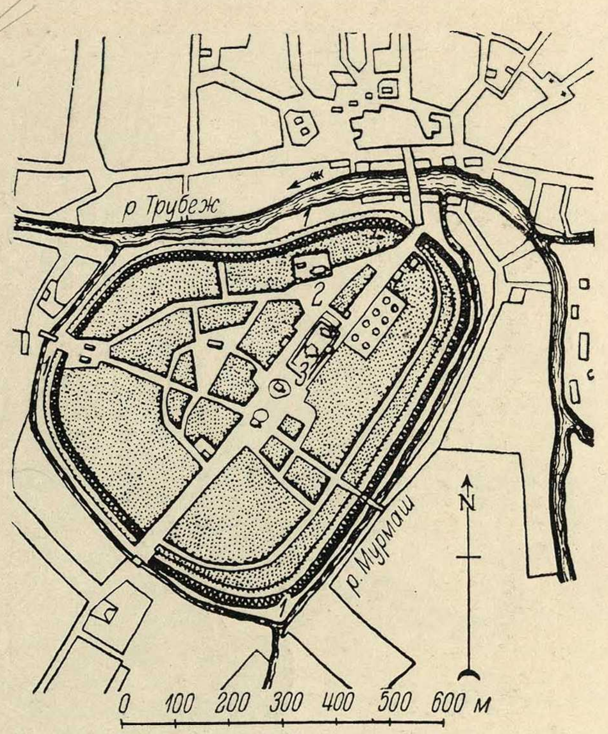


Рис. 23. Центральная часть плана г. Переславля-Залесского до перепланировки
1 — земляной вал; *2* — Спасо-Преображенский собор; *3* — монастырь

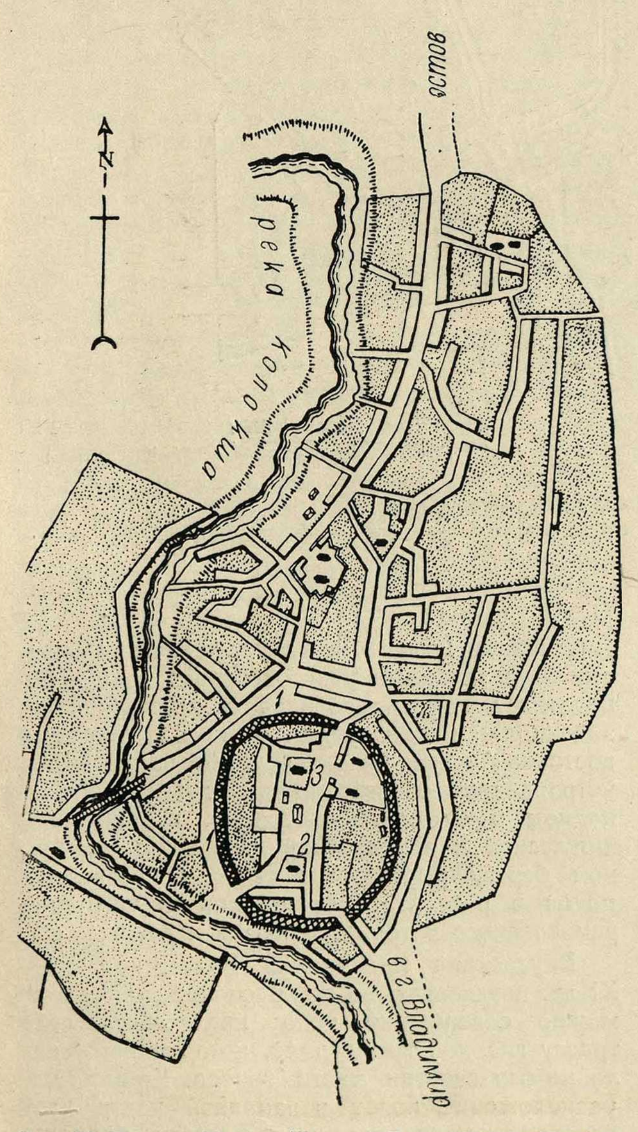


Рис. 22. План г. Юрьева-Польского до перепланировки
1—земляной вал; *2*—Георгиевский собор; *3*—монастырь

попрежнему контуры города в целом и отдельных его частей приспосабливаются к топографическим условиям, а в тех случаях, когда эти условия недостаточно выражены, принимают преднамеренно округлую форму.

Сказанное иллюстрируют планы-схемы некоторых городов Ростово-Суздальской земли периода до татаро-монгольского нашествия. Эта земля, как известно, занимала особое место среди других земель и княжеств, так как здесь, на северо-востоке, образовался центр будущего национального объединения Руси.

Наиболее изученным и полным по своему составу может считаться план-схема города Владимира (рис. 19) [3]. Владимир расположился на вытянутой возвышенности, служащей водоразделом между р. Клязьмой и р. Лыбедью. По своему рельефу она совершенно аналогична тому длинному мысу, на котором расположено рассмотренное ранее Красно-Колядинское городище (рис. 12). Как у Владимира, так и у городища с одной стороны — возле узкой части клина — расположена низменная луговая терраса типа подола. В обоих случаях возвышенность к узкому концу полого опускается вниз, и самая стрелка неудобна

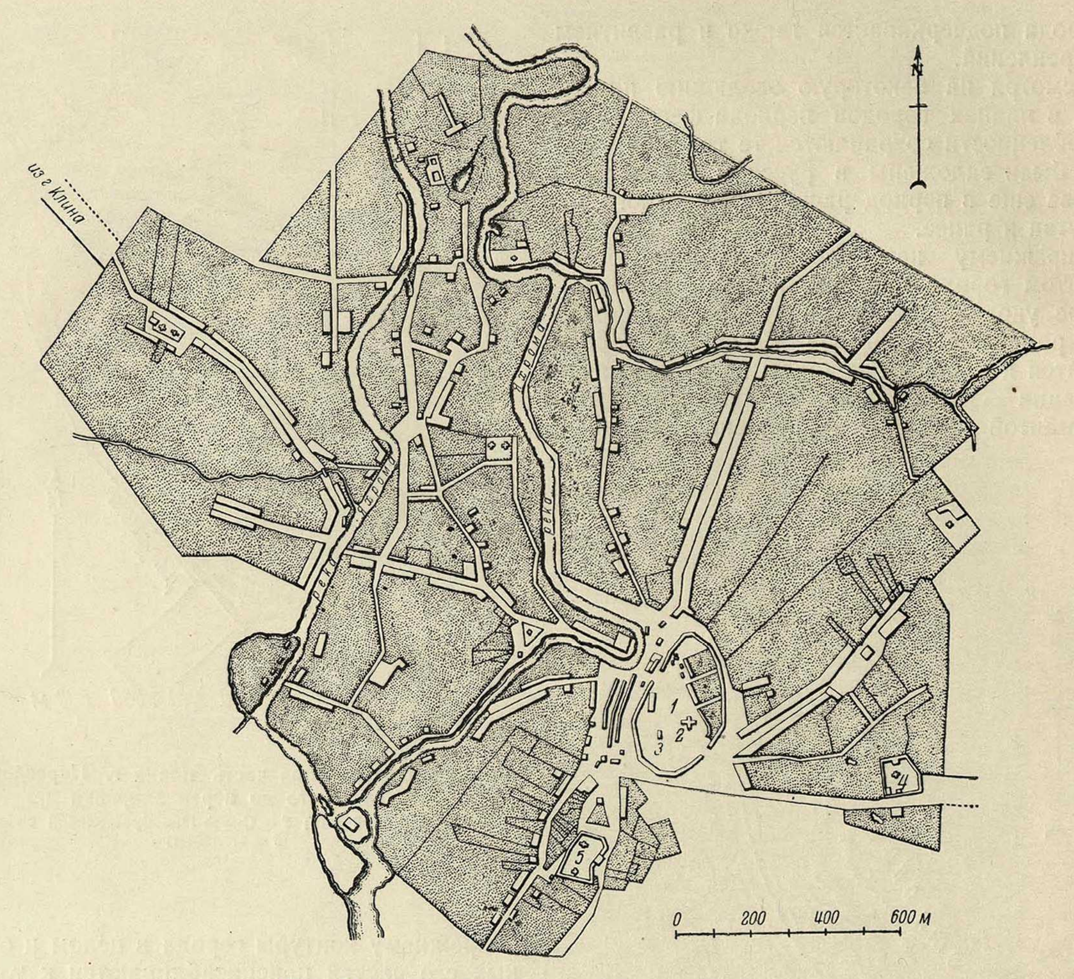


Рис. 24. План г. Дмитрова до перепланировки

1—земляная крепость; *2*—соборная церковь; *3*—кладовая; *4*—Борисоглебский монастырь; *5*—Пятницкий монастырь

для обороны. И тут и там средняя часть возвышенности несколько более приподнята. Совершенно естественно, что как в том, так и в другом случае узкая пологая часть клина использована была в качестве первой линии обороны; средняя — получила значение основного укрепленного ядра и, наконец, самая верхняя и широкая была использована в качестве резерва для расширения города. И в том и в другом случае при освоении местности геоморфологический элемент оказался расчлененным на три селитебные части.

На восточной узкой и пониженной части гряды ещё в IX—X вв. находилось значительное поселение. В конце XI в. Владимир Мономах создает первоначальное укрепленное ядро, однако не типа детинца, а для заселения горожанами. Это видно уже из самых размеров крепости, которая по площади равна городу Ярослава в Киеве. Затем укреплениями охватывается западный участок города (здесь, повидимому, находилась вначале княжеская резиденция) и одновременно посад города в восточной части. Наконец, уже в конце XII в. устраивается собственно детинец на юго-западном мысу среднего города, включающий княжеский и епископский дворы. На низменном берегу р. Клязьмы стихийно вырастает подол в результате естественного тяготения ремесленного и торгового люда к реке.

Внутренняя планировка Владимира IX—XI вв. неизвестна, но по расположению ворот можно совершенно ясно представить себе трассу главной магистрали, которая пересекала по оси все три части города. Кроме того, расположение ворот в западной части дает основание предполагать и подобие радиальных улиц, шедших от Торговых ворот к

Орининым, Золотым и Волжским воротам. Это предположение подтверждается и планом, отражающим состояние Владимира в XVII в. (рис. 20) [4].

Общая планировка Владимира, так же как Киева и Чернигова, была в значительной мере определена рельефом местности. Более ясное представление о тех приемах планировки XI—XII вв., которые применялись на равнинной территории, дает план детинца г. Юрьева-Польского, основанного в 1152 г. Он имеет почти математически правильную форму овала (рис. 22) [5]. В натуре этот овал детинца настолько близок к кругу, что на плане Юрьева-Польского начала XVIII в. он изображен в виде совершенно правильного круга (рис. 21) [6].

Характерен также и детинец г. Переславля-Залесского, основанного в 1152 г. (рис. 23) [7]. И здесь, несомненно, строители стремились к созданию круглого города, однако конфигурация мыса заставила их отступить от математически правильной формы, и детинец, несколько сжатый у слияния рек, принял грушевидную форму. Примерно такую же конфигурацию имеет детинец и в плане г. Дмитрова (основан в 1154 г.), хотя здесь и труднее проследить причины отклонения от правильной формы (рис. 24) [8].

На территории Ростово-Суздальской земли находим также примеры городов, которые развивались по принципу концентрического освоения треугольного мыса, подобно «концентрическим» городищам, упомянутым ранее. К этому типу, прежде всего, следует отнести Ярославль, достигший апогея развития в своей укрепленной части уже в XIII в. (рис. 25) [9]. Возникновение поселения на узкой стрелке между изгибом реки Которосли и Волгой может быть отнесено к IX—X вв. Первым укрепленным ядром явился так называемый Рубленый город, охвативший всю стрелку вплоть до оврага «Медведица», по внутренней стороне которого поставлена была деревянная стена. Остальные стороны стрелки были достаточно защищены высокими (около 20 *м*) и крутыми склонами. К северу от стрелки вырос посад Ярославля, который, повидимому, уже в XIII в. был охвачен дугой земляных укреплений, концентричных деревянной стене, ограничившей первую часть комплекса — Рубленый город.

2. РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ В ПЕРИОД ОБЪЕДИНЕНИЯ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ

Нашествие татар, сопровождавшееся погромом 1237—1240 гг. и разорением страны, превратило в пепелища и груды развалин сотни крупных селений и цветущих городов. По-

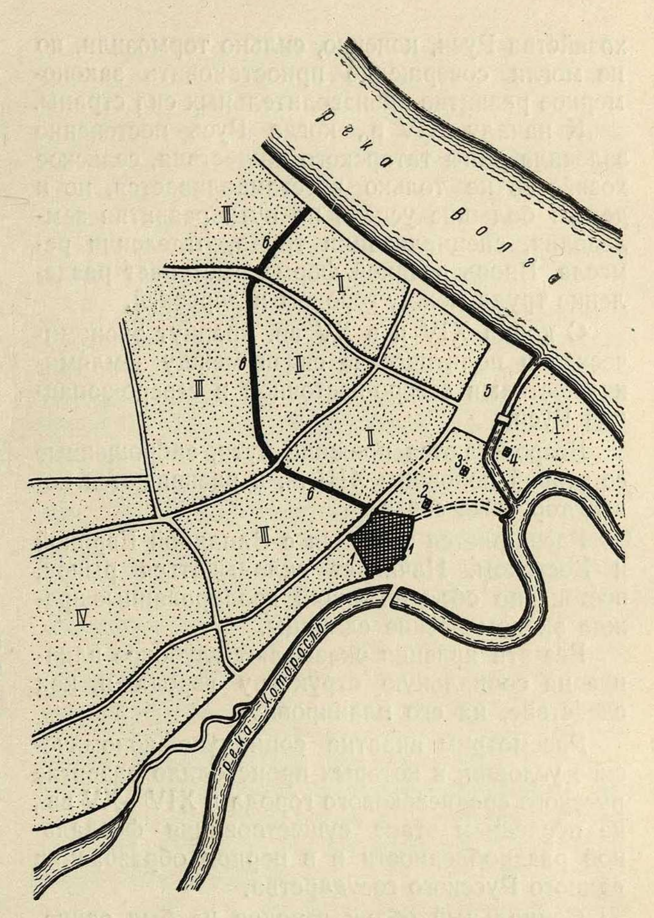


Рис. 25. Ярославль. Схема исторического формирования плана и главных магистралей

I—первый концентр (Рубленый город); *II*—второй концентр (Земляной город); *III*—третий концентр; *IV*—четвертый концентр; *1*—Спасский монастырь; *2*—церковь Михаила Архангела; *3*—церковь Спаса на городу; *4*—церковь Николы Рубленый город; *5*—торговая площадь; *6*—земляная крепость

следовавшее восстановление охватило далеко не все из них. Города, которые перенесли татарское разорение и остались в пределах Руси, продолжали свое развитие в условиях дальнейшего углубления феодальных отношений. Начавшись задолго до татарского нашествия, дробление Руси на отдельные княжества приобрело еще более интенсивный характер и уродливые формы. Татары были заинтересованы в разъединении русских сил, так как это облегчало им сохранение своего господства и выкачивание огромных ценностей из покоренной страны. Маркс указывает, что традиционная политика золотоордынских ханов заключалась в том, чтобы «натравливать русских князей друг на друга, поддерживать несогласия между ними, уравновешивать их силы и никому из них не давать усиливаться» [10].

Всяческие налоги, поборы, повинности, террор, высасывание жизненных соков из

хозяйства Руси, конечно, сильно тормозили, но не могли совершенно приостановить закономерное развитие производительных сил страны.

К началу XIV в., когда Русь постепенно залечила раны татарского нашествия, сельское хозяйство не только восстанавливается, но и делает большие успехи по пути развития земледелия, специализации труда, отделения ремесла. Вновь в яркой форме выступает разделение труда между городом и деревней.

С конца XIV и в XV вв. крепнут экономические и политические связи между землями-княжествами северо-восточной и северо-западной Руси.

Возрождаются прежние пути, заброшенные со второй половины XIII в., и развиваются новые торговые связи.

Расширяется торговля с Западной Европой и Востоком. Начинает складываться рынок, постепенно объединяющий изолированные прежде экономические единицы.

Все эти явления оказывают глубокое влияние на социальную структуру города и, как следствие, на его планировку.

Рассмотрим вкратце социально-экономические условия, в которых происходило развитие русского средневекового города в XIV—XV вв., на последнем этапе существования феодальной раздробленности и в период образования единого Русского государства.

Социальный облик городов не был единообразным. Но для всех городов характерно наличие в составе населения крупных землевладельцев-феодалов, которым часто принадлежала вся территория города, и горожан-ремесленников, торговцев и других жителей посада. Это основное социальное деление находило свое выражение в территориальном делении города на собственно «город» — укрепленное поселение землевладельцев-феодалов и на посад или окологр속е с подгородными слободами.

Население городского посада, ремесленники, торговцы и т. п. — это «черные люди», т. е. масса тяглого населения, на плечи которого в городе падала вся тяжесть государственных и феодальных податей и повинностей и, в первую очередь, повинности по возведению, усовершенствованию и содержанию в порядке городских оборонительных сооружений — «городовое дело».

Активная политическая роль «черных людей» особенно ярко выступает в истории Новгорода.

Сильное и богатое новгородское боярство в политической борьбе было вынуждено опираться на организации уличан и кончан.

Псковские летописи заполнены рассказами о строительстве уличанских организаций ремесленников, торговцев, купцов, о передовой роли трудовых масс населения в обороне родного города, в борьбе с внешними врагами. Столь же важным было место ремесленников, торговцев и всего трудового населения посада в экономической и политической жизни княжеских городов — центров великих и удельных княжеств. В составе населения городов мы встречаем и лиц, занимавшихся сельскохозяйственными промыслами, — огородников, рыболовов и т. п. Это чаще всего лица экономически зависимые от землевладельцев-феодалов, как люди, эксплуатирующие угодья, право собственности на которые могло принадлежать лишь феодалам.

Еще со времени Киевской Руси в комплектовании городского «черного» населения большую роль играли слободы. Подгородные слободы из созываемых князьями или другими крупными землевладельцами ремесленников и торговцев создаются и в XIV и в XV вв.

Сохраняя нередко характер привилегированных поселений «свободных» людей, по существу они ничем не отличались от других частей посада и скоро сливались с ними. Примером призыва князя к заселению города может служить летописное известие под 1374 г. о сооружении города Серпухова: «Князь Володимер Андреевичь заложи град Серпухов в своей отчине, и повеле в едином дубу срубити его; живущим же ту человеком и приходящим отъинуды ту жити хотящим, подасть много волю и лготу» [11].

Существовали княжеские и боярские слободы, населенные и зависимыми ремесленниками.

Само население городских посадов было неоднородным. Богатые купцы не могли стоять в одном ряду с мелкими ремесленниками, с городской беднотой. Составляя в XV—XVI вв. единый «мир»—посадскую общину, они тем не менее резко разделялись на «больших», «меньших» и «середних».

Землевладелец-феодал, владелец больших вотчин в сельской местности с зависимым крестьянским населением, и в городе выступает как привилегированный землевладелец. Право иммунитета крупных землевладельцев-князей, бояр, иерархов церкви, монастырей и т. п. полностью распространялось и на городской двор феодала со всем его разнообразным и многочисленным населением: его вотчинную администрацию, свободных слуг и многочисленных холопов, в том числе и холопов-ремесленников, обслуживавших потребности семьи и хозяйства феодала.

Городской двор имел для вотчинника-землевладельца двоякое значение: во-первых, как временное убежище для его семьи и подвластных ему крестьян во время неприятельского набега; во вторых, в качестве постоянного хозяйственного и административного центра его владений, его вотчины.

Совокупность прав вотчинника-феодала, которые он осуществлял на своей территории в городе (право суда, сбора налогов и т. п.), обеспечивалась соответствующими княжескими жалованными грамотами. Княжеский город XIV—XV вв., как кружево, изрезан был иммунитетами вотчинников, владевших в нем отдельными дворами, улицами, слободами и т. п.[12]. Эта социальная узорчатость несомненно отразилась и на характере плана русского средневекового города, сохранившего свою планировочную узорчатость вплоть до массовой реконструкции городов во второй половине XVIII в.

С образованием единого Русского государства, выросшего на почве экономической необходимости, единство политическое все теснее скрепляется торговыми связями. Города всех удельных и великих князей одинаково становятся государевыми городами. Развитие ремесла и торговли способствует росту посадов и слиянию населения подгородных слобод с посадским населением во всех городах. Исключением остаются лишь владельческие слободы и владельческие дворы на посадах с их свободным от тягла населением — «белые места».

Рост производительности сельского хозяйства и развитие торговли создают условия, способствующие выделению ремесла, приливу сельского населения в города, появлению и росту слобод и быстрому перерастанию их в ремесленно-торговые посады, особенно заметному с конца XV — начала XVI вв.

Оживление городской жизни, однако, почти не сопровождалось строительством новых городов (за исключением пограничных областей) и выражалось, главным образом, во внутреннем росте экономического значения города и в численном увеличении посадского ремесленного и торгового населения.

XIV и XV вв. можно рассматривать как период внутренней подготовки Русской земли к новому расцвету градостроительства во второй половине XVI и в XVII вв., связанному с быстрыми экономическими и политическими успехами централизованного Русского государства.

Города, основанные в XIV—XV вв., сохраняли традиции, установившиеся еще в Киевской Руси. Попрежнему излюбленным местом для сооружения города оставался мыс между двумя водными протоками, защищенный естественными крутыми откосами и укрепленный дополнительно валами и рвами, особенно со стороны коренного берега. Форма укрепленного города определялась линией, по которой идет бровка откоса. По мере развития города вокруг него концентрически нарастали новые укрепленные части, как это имело место еще в древних городищах концентрического типа.

Характерным примером подобного развития может служить г. Старица, об основании которого в 1297 г. в летописи говорится «срублен бысть городок на Волзе к Зубцеву, на Старице»[13]. Первой укрепленной частью города был детинец на возвышенном и узком мысу между речкой Верхней Старицей и р. Волгой (рис. 26)[14]. Конфигурация его довольно точно следует форме мыса. Несмотря на крутизну склонов, защита города была усилена насыпным валом со всех сторон. С напольной стороны, кроме того, был устроен и ров. В конце XIV в. к городу был добавлен новый укрепленный сектор в более широкой части мыса. Конфигурация этого нового сектора в основном также была продиктована топографическими условиями, но на значительном протяжении (с западной и южной стороны) она приближается к округлой традиционной форме древних городищ. Новая крепость была окружена рвом и валом.

Далее к югу, на более возвышенной террасе, расположился посад вдоль дороги к городу Ржев-Володимеру (ныне Ржев, известный по летописи уже в 1216 г.). Между укрепленной частью города и левым берегом р. Волги вытянулся посад типа «Подола» на первой прибрежной террасе. Наконец, на правом берегу р. Волги вокруг укрепленного Успенского монастыря и вдоль дорог в г. Тверь и в г. Волоколамск расположилась заречная часть города. Таким образом, укрепленная часть города получила характер ясно выраженного центра всего комплекса, выросшего около первоначального ядра — детинца. Характер города хорошо подчеркнут в кратком его описании, данном одним путешественником, проезжавшим в 1602 г. мимо Старицы: «12 сент. [прибыли] в большой областной город, называемый Старица; это тоже 3—4 города в одном. Через город посередине протекает большая река, называемая Волгой... В названной Старице большая просторная крепость»[15]. В XVI в. при Иване Грозном укрепления города были перестроены, но, повидимому, сохранили прежнее общее очертание.

Судя по данным писцовой книги 1686 г., Старица имела в это время деревянные стены

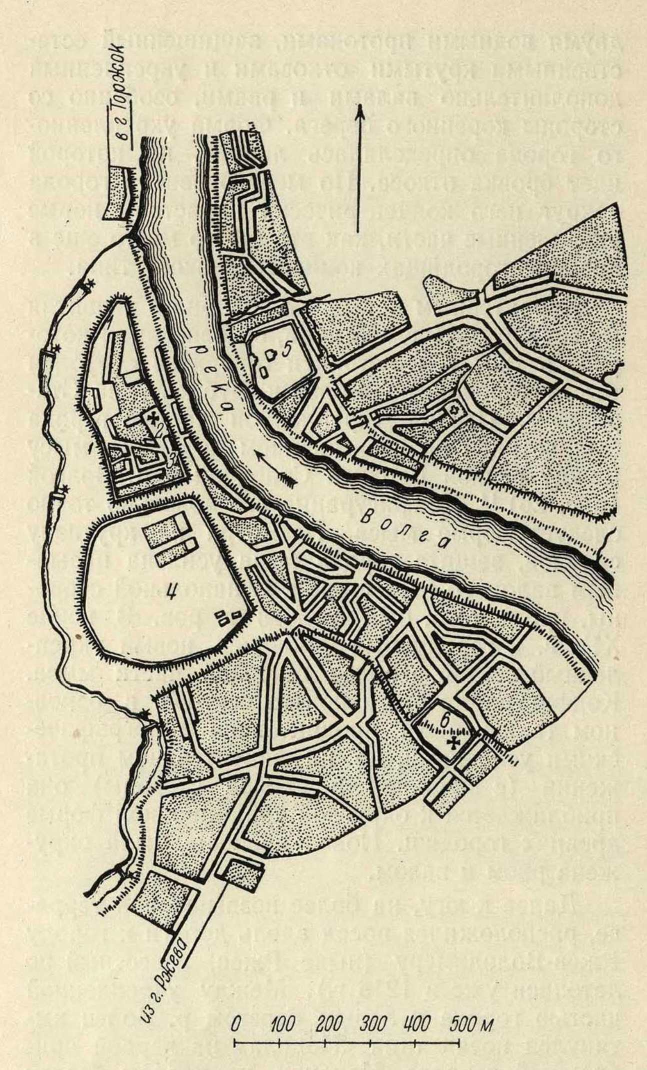


Рис. 26. План г. Старицы до перепланировки

1—земляная крепость; *2*—собор; *3*—присутственные места; *4*—земляная крепость «Старое городище»; *5*—Успенский м. монастырь; *6*—д. монастырь

с 13 башнями, длиною по периметру около 1280 *м*. Внутри крепостных стен находились соборная церковь Бориса и Глеба, построенная в 1558 г., и церковь Николая, разрушенная в 1677 г.; под соборной церковью были палаты великих государей. На территории крепости имелись три улицы (Дворянская, Торговая и Никольская), на которых были расположены двор воеводский, поповский двор, четыре двора осадных, двадцать один стрелецкий двор и восемь посадских дворов. Кроме того, во время описи оказалось много дворов «порозных» (пустых). Здесь же, внутри крепости, находились житницы, склады оружия, тюрьма, торговая площадь [16]. Таким образом, мы видим, что Старицкий детинец даже в XVII в. в основном мало отличался как по своему расположению и конфигурации, так и по содержанию от детинцев периода феодальной раздробленности. Общая схема развития города также повторяет уже известные нам схемы городов того времени и особенно—схему г. Владимира (см. рис. 19).

Исключительно четко видна концентрическая система роста в плане г. Пскова (рис. 27) [17], уступающем по своей завершенности только плану Москвы XVII в. В планировке Пскова получили отражение те особые исторические и географические условия, в которых происходило его развитие. Город Псков, впервые упоминаемый в летописи под 903 г., возник на основе древнего поселения, датируемого II—III вв. н. э. [18] В середине XII в. Псков, бывший ранее «пригородом» Новгорода, стал в значительной мере независимым от него и достаточно сильным для проведения самостоятельной политики и для самоуправления. К середине XIV в. Псков уже окончательно становится независимым городом, управляющим значительной территорией и имеющим ряд собственных укрепленных пригородов. Вокруг Пскова на протяжении столетия (примерно от середины XIV до середины XV вв.) возникает, по крайней мере, 12 крепостей, а именно — Гдов, Кобыла, Изборск (каменная крепость построена в 1330 г.), Остров, Вышегородок, Красный, Велье, Опочка, Воронич, Выбор, Дубков, Володимерец. Часть этих городов образовала четкую линию вдоль западной границы Псковской земли. Благодаря выгодному географическому положению у западной границы страны, Псков стал важным транзитным пунктом развитой внешней торговли.

Наконец, особые условия развития Пскова заключались в весьма ограниченной роли княжеской власти в управлении городом. В сущности Псков «видел в своих князьях простых кормленщиков, обязанных за свои доходы исполнять все службы, какие только могло наложить на них псковское вече» [19]. Все эти условия способствовали расцвету торговли и ремесла и быстрому росту сравнительно независимого торгово-ремесленного населения Пскова.

С другой стороны, близость Пскова к границам (на юге — с Литвой, на западе — с немецкими рыцарскими орденами) создавала постоянную угрозу его независимости и потребность в надежной защите. Система города, которую мы встречаем в других областях Руси,— открытый посад в сочетании с временным

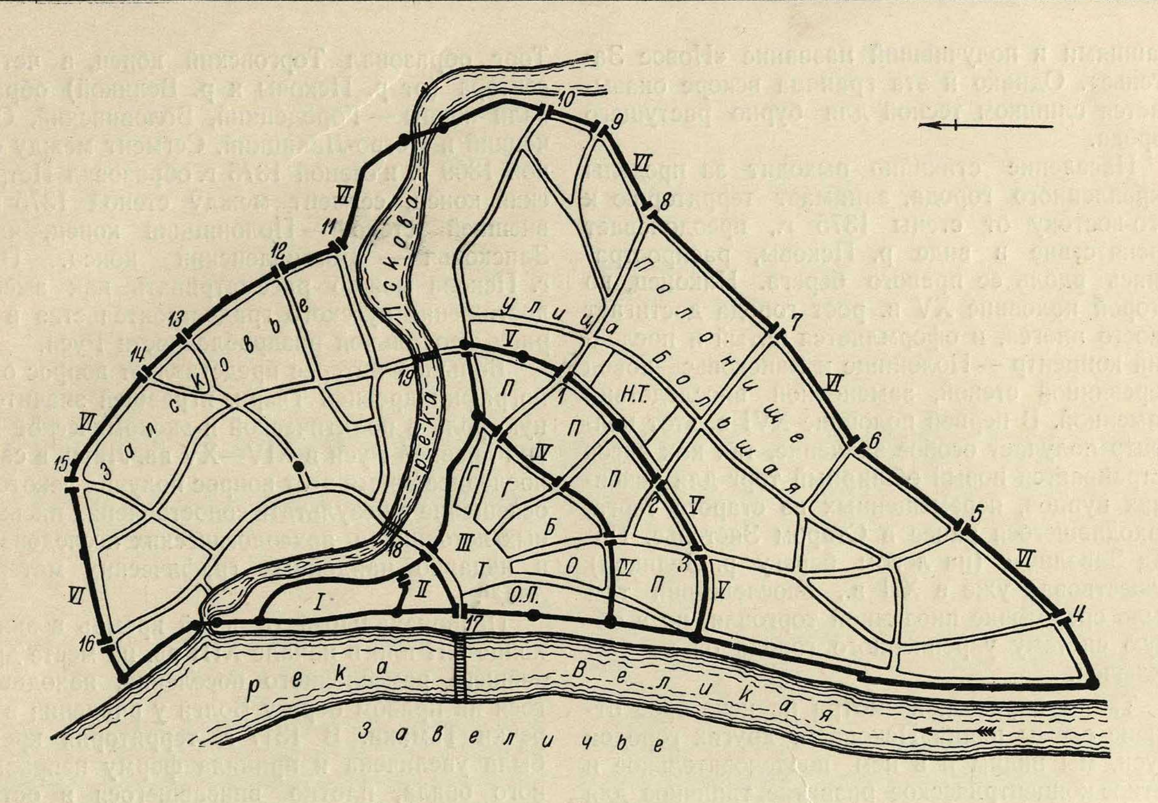


Рис. 27. Псков. Схема исторического формирования плана и главных магистралей

1—Казанские ворота; 2—Темные ворота; 3—Великие ворота; 4—Свинорская башня; 5—Великая башня; 6—Соколья башня; 7—Лужская башня; 8—Петровская башня; 9—Михайловские ворота; 10—Никольские ворота; 11—Гремячьи ворота; 12—Толокнянка башня; 13—Образский захаб; 14—Ильинская башня; 15—Загряжский захаб; 16—Варлаамский захаб; 17—Власьевская башня; 18—Большой Запсковский мост; 19—Новый Запсковский мост

I—детинец; II—Довмонтов город; III—торговище старое; IV—стена Старого Застенья; V—стена Нового Застенья; VI—стена Полонища и Запсковья; Н. Т.—новый торг; Т—Торговский конец; Г—Городецкий конец; Б—Боловинский конец; О—Опочецкий конец; О. Л.—Остро-Лавицкий конец; П — Петровский конец

убежищем в укрепленном владении феодала — была бы здесь совершенно недостаточна. Во-первых, населению приходилось бы слишком часто оставлять свои жилища на уничтожение и разграбление, во-вторых, при таких перемещениях нельзя было бы обеспечить нормальную торгово-ремесленную деятельность, составлявшую основу благополучия жителей. Наконец, военное могущество соседей требовало весьма совершенной и развитой линии обороны. Все это приводило к тому, что быстрое увеличение городской территории сопровождалось систематическим развитием, дополнением и улучшением укреплений. Не только центр города, но и весь город в целом на каждом этапе его роста становился неприступной крепостью.

Начальным ядром города была крепость на небольшом известковом холме — у места впадения р. Псковы в р. Великую. Треугольный холм с двух сторон был окружен водой и только с юга примыкал к пониженной и заболоченной местности. Для усиления его защиты и с этой стороны холм был отделен рвом («Греблей»), соединявшим реку Пскову с рекой Великой. Уже во второй половине XIII в. крепость была дополнена «городом Довмонта», который расположился непосредственно за Греблей в виде небольшого, окруженного стенами, четырехугольника. Здесь сначала находился княжеский двор. Торгово-ремесленное население первоначально оседало по берегам р. Псковы и р. Великой, возвышенным по сравнению с заболоченной низиной к югу от Гребли. Осушка этой территории и систематическое замощение ее «плахами» позволили вскоре освоить и весь сектор к югу от города Довмонта. Уже в 1309 г. укреплениями охватывается третий концентр мыса, названный впоследствии «Старое Застенье». Здесь устраивается обширный торг, сюда же переносится из города Довмонта княжеский двор. Быстрое увеличение населения приводит к освоению территории и за дугой укреплений 1309 г., где вскоре оформляется четвертый концентр, охваченный в 1375 г. новой каменной стеной с

башнями и получивший название «Новое Застенье». Однако и эта граница вскоре оказывается слишком тесной для бурно растущего города.

Население стихийно выходит за пределы укрепленного города, занимает территорию к юго-востоку от стены 1375 г., преодолевает препятствие в виде р. Псковы, распространяясь вдоль ее правого берега. Наконец, во второй половине XV в. рост города достигает своего апогея, и оформляется пятый и последний концентр — Полонище и Запсковье—новой деревянной стеной, замененной впоследствии каменной. В первой половине XVI в. этот концентр получает особое значение, так как здесь устраивается новый обширный торг для псковских купцов, перемещенных из старого торга, находившегося ранее в Старом Застенье. Посад Завеличье (на левом берегу р. Великой) существовал уже в XII в., впоследствии там было средоточие иноземной торговли, но в общую систему укрепленного города он не был включен.

Таким образом, несмотря на некоторое отличие схемы плана Пскова от других городов Руси, мы видим и в нем последовательное и четкое концентрическое развитие, типичное для русского градостроительства. Центр Пскова, вокруг которого кольцами наслаивался город, как и новгородский центр, не служил местопребыванием князя, но все же он был несомненно средоточием административной и судебной власти, вечевых собраний, главнейших церквей всей Псковской земли, главного торга.

Деление города на части крепостными стенами оказывало влияние и на административное его членение. В Пскове, как и Новгороде, территория города делилась в административном отношении на «концы», сведения о которых, однако, мы имеем лишь с XV в. Административное значение концов Пскова и связь концов с псковскими пригородами устанавливается еще яснее, чем в Новгороде с его пятинами [20]. Формирование псковских концов шло параллельно с развитием города и в полном соответствии с его планом. Так, Старое Застенье, имевшее вид сектора с центром у Довмонтова города, делилось радиальными улицами на 4 более узких сектора, сходившихся к большой торговой площади — Торгу. Торг образовал Торговский конец, а четыре сектора (от р. Псковы к р. Великой) образовали концы — Городецкий, Боловинский, Опочецкий и Остро-Лавицкий. Сегмент между стеной 1309 г. и стеной 1375 г. образовал Петровский конец, сегмент между стеной 1375 г. и внешней стеной — Полоницкий конец, часть Запсковья — Богоявленский конец. План г. Пскова можно рассматривать как высшее достижение русского градостроительства в период феодальной раздробленности Руси.

Большой интерес представляет вопрос о топографии древней Твери, игравшей значительную роль в политической и экономической жизни древней Руси в XIV—XV вв. Лишь в самое последнее время этот вопрос получил некоторое освещение в результате сопоставления письменных источников, археологических исследований и недавно найденных графических материалов [21].

Первоначальный тверской кремль возник в конце XII или в начале XIII вв. на месте древнейшего ремесленного поселения, находившегося на правом берегу Волги у впадения в нее речки Тьмаки. В 1317 г. территория кремля была увеличена и приняла форму неправильного овала, плотно вписавшегося в острый угол, образованный течением речки Тьмаки и правым берегом Волги. Дальнейшее развитие города пошло примерно по схеме, напоминающей несколько рост Пскова. Кремль был опоясан со стороны «поля» рвом, шедшим от Волги до Тьмаки. К юго-востоку вырос в виде узкого сектора посад «Загородие», в свою очередь охваченный (вероятно в середине XV в.) дугой острога. От главных ворот в юго-восточном направлении возник пучок радиальных улиц с ясно выраженным центральным трезубцем. У самого кремля вдоль центрального луча — Большой Московской дороги — вытянулась большая прямоугольная торговая площадь. Острог «Загородия» получил продолжение и за речкой Тьмакой, оформив границы юго-западного посада — «Затмачья». И здесь, повидимому, были радиальные улицы, шедшие, однако, не к центру кремля, а к мостам через речку. Вопрос о наличии внутренних кольцевых направлений остается пока невыясненным. На левом берегу Волги также находились посады, но развиты они были значительно меньше.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОРОДА В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

1. МОСКВА—ОСНОВА ОБЪЕДИНЕНИЯ РАЗРОЗНЕННОЙ РУСИ

Объединение русских земель вокруг Москвы, начавшееся уже в XIV в., сопровождалось в первую очередь концентрацией почти всех городов во власти великого князя московского с освобождением их от прежней феодальной зависимости. В связи с этим города, присоединяемые к Московскому государству, превращались из придатка к разрушаемой феодальной вотчине в «государев посад», в центр ремесленной и торговой деятельности, служивший одним из важнейших источников государственного дохода. По мере присоединения старых центров феодального господства к Московскому государству в них прежде всего изменялась роль укрепленного ядра в жизни города. Кремли провинциальных городов перестают быть средоточием вотчинной власти и хозяйства. Феодальные владельцы города заменяются сначала контролируемыми из Москвы наместниками, а затем назначаемыми из Москвы же воеводами, которые ведают всеми сторонами управления города и тяготеющей к нему области. Назначавшиеся на время наместники и воеводы не были заинтересованы в той же мере, как прежние владельцы города, ни в развитии архитектурного ансамбля кремля, ни в расширении его территории.

В XVI в. начинается переустройство общей системы городских укреплений. Если при феодальной раздробленности каждый город укреплялся стенами и становился центром обороны ближайшей округи, то централизованное государство заинтересовано было в укреплении лишь пограничных городов. В связи с этим в центральных районах страны (за исключением Москвы) уменьшается значение кремлей как пунктов обороны. Из них выводятся войска, старые укрепления не поддерживаются и постепенно многие из них превращаются в руины, о чем свидетельствуют многочисленные описания городов XVII в.

Если ранее кремль в общей системе города являлся центром эксплуатации населения феодалом-вотчинником, то теперь он становится лишь промежуточным звеном в эксплуатации населения царской властью, становится административным центром области (уезда) централизованного государства. Таким образом, почти во всех внутренних городах Московского государства (за исключением самой Москвы) начинается деградация кремлей как главных городских центров.

Совершенно иначе дело обстояло в столице государства — Москве. И. В. Сталин, говоря о великих заслугах Москвы перед Родиной, в своем приветствии Москве в день ее 800-летия писал:

«Заслуги Москвы состоят не только в том, что она на протяжении истории нашей Родины трижды освобождала ее от иноземного гнета— от монгольского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения. Заслуга Москвы состоит, прежде всего, в том, что она стала основой объединения разрозненной Руси в единое государство с единым правительством, с единым руководством. Ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц. Только страна, объединенная в единое централизованное государство,

может рассчитывать на возможность серьезного культурно-хозяйственного роста, на возможность утверждения своей независимости. Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси»[1].

С процессом этого объединения тесно связано и развитие планировки Москвы.

В середине XII в. Юрий Долгорукий в числе ряда «городов», возведенных для укрепления подступов к западным окраинам Суздальского княжества, основал и небольшую крепость у впадения речки Неглинной в Москву-реку на месте поселения, упомянутого впервые под 1147 г. Во 2-й половине XIII в. Москва стала главным городом Московского княжества, занимавшего небольшую территорию по среднему течению Москвы-реки. Расположенная в центре территории, на которой складывалась русская народность, и надежно укрытая соседними княжествами Москва возглавила объединение Руси, обусловленное экономическим развитием русских земель и ускоренное потребностями самообороны. Быстрый рост населения в Московском крае, расцвет сельского хозяйства, ремесла и торговли способствовали усилению московских князей.

Впервые Москва стала столицей великого княжества при Юрии Даниловиче в 1318 г. Но только с 1328 г., когда после небольшого перерыва великое княжение перешло опять к московскому князю Ивану Калите, Москва стала прочно столицей северо-восточной Руси и превратилась в крупный политический и экономический центр. В прежней крепости, названной в летописи под 1331 г. Кремлем, уже стало тесно для увеличившегося двора Ивана Калиты и переведенного из Владимира двора митрополита. Новый княжеский дворец, двор митрополита и несколько каменных церквей ставятся к востоку от крепости, а в 1339—1340 гг. и старый «город» и новые сооружения охватываются общей дубовой стеной.

Дальнейший рост Московского княжества сопровождался развитием Москвы. Ко времени Дмитрия Донского Москва выступает уже в качестве основной национальной силы в стране. После пожара 1365 г., во время которого сгорели и дубовые стены Москвы, Дмитрий Донской возвел белокаменные стены и башни (1367—1368 гг.), расширив территорию Кремля частично до нынешней Красной площади на участке от р. Москвы до Спасской башни и далее до линии, шедшей к малой Арсенальной башне.

В 1480 г. была окончательно уничтожена зависимость Московского государства от Золотой Орды. Под властью Москвы объединились почти все русские земли в единое Русское государство, и для защиты этого государства укрепление обороны Москвы стало важнейшей задачей. Старые белокаменные стены уже не отвечали требованиям новой военной техники, связанной с более широким применением огнестрельного оружия. В конце XV в. белокаменные ограды Кремля заменяются новыми кирпичными стенами, выстроенными по всем правилам крепостной техники того времени. При этом опять расширяется и территория Кремля, доходя уже до нынешних его контуров по всему периметру. Для осуществления большого строительства и уменьшения пожарной опасности Иван III произвел расчистку территории внутри Кремля и вывел оттуда некоторые учреждения и частные дворы. В отличие от детинцев периода феодальной раздробленности (XII—XV вв.) Московский Кремль развивается и расширяется как местопребывание царя, его двора и органов центральной власти — приказов. На его расширенной и очищенной площади возникают величественные архитектурные сооружения. В период с конца XV до начала XVII вв. оформился внутренний ансамбль Кремля, по своей монументальности достойный роли главного центра объединенной Руси.

Если в планировке и застройке Московского Кремля отражена идея политического объединения разрозненной Руси в единое государство, то в организации московского посада можно видеть отражение той экономической основы, на которой это объединение выросло — концентрирования «небольших местных рынков в один всероссийский рынок». В плане Москвы мы видим четко выраженное компактное ядро города, в котором Кремль как местопребывание политической и церковной власти тесно связан с торговым центром страны — Китай-городом.

Москва была главнейшим пунктом внешней и внутренней торговли государства. Она стояла в центре новых торговых путей, сменивших старые пути Киевской и Новгородской Руси. Сюда, в Москву, стекались с юга продукты земледелия, с севера и из сибирских владений — продукты рыболовства и охоты, из Тулы и с Урала — железные изделия, из-за границы — предметы роскоши и обихода. Оживленные торговые связи Москва имела и с рынками Средней Азии — Самаркандом и Бухарой.

Концентрация торговли в Москве, ее роль в объединении мелких разрозненных рынков в

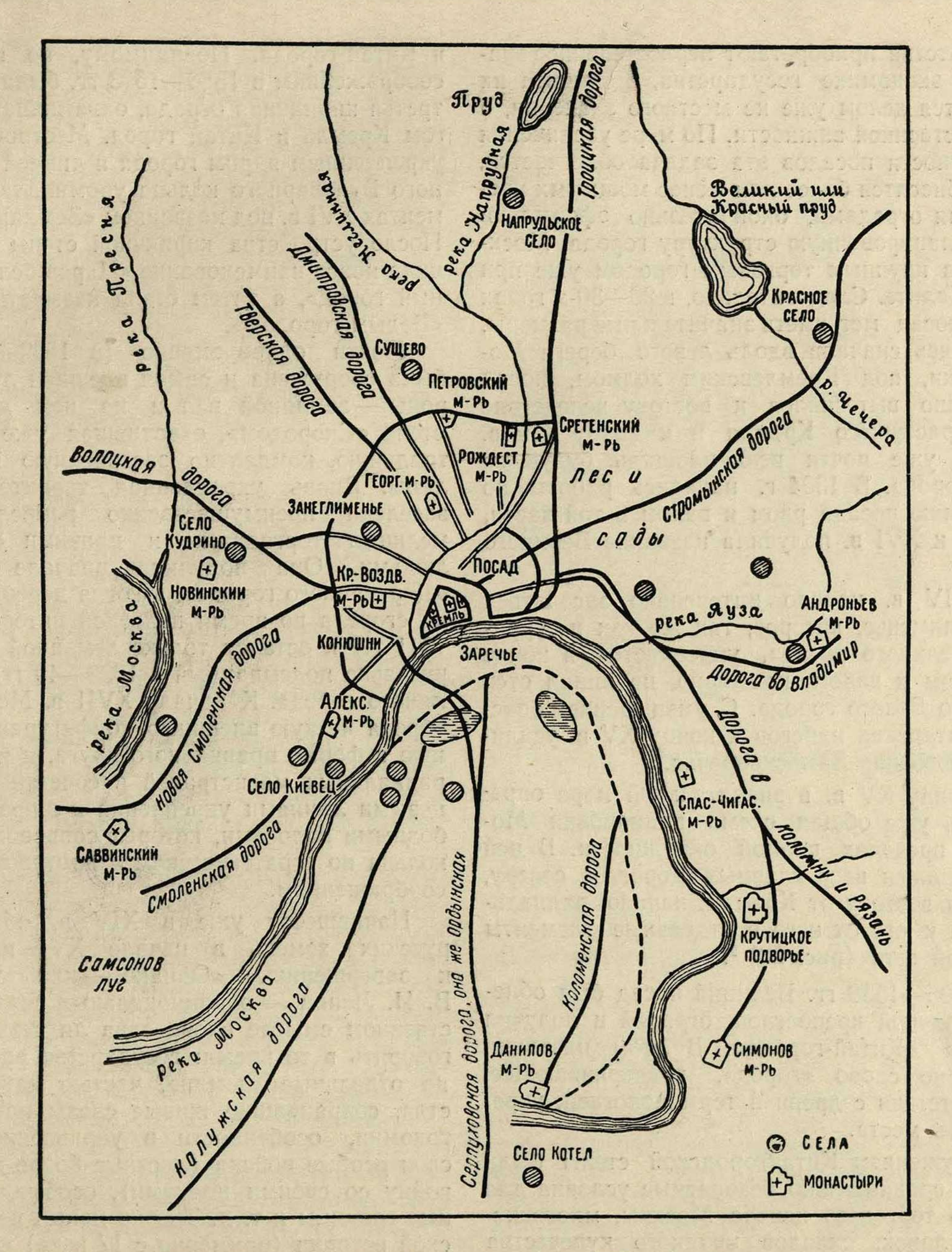


Рис. 28. Схематический план Москвы к 1475 г. (по Сытину)

один всероссийский рынок оказали огромное влияние на формирование города. Прежде всего, это выразилось в непрестанном увеличении оседавшего за пределами Кремля населения, в уплотнении застройки посада и в территориальном росте его. Затем, под влиянием торговой деятельности, складывалась определенная сеть улиц и площадей. Расположение главного торгового центра в Китай-городе определяло тяготение к нему главнейших магистралей. Интенсификация застройки приводила к тому, что разбросанные ранее по территории города отдельные слободы и села, разделенные выгонами, садами, огородами и тому подобными угодьями, постепенно смыкались, образуя сравнительно компактные массивы. Большие земельные участки, расположенные между дорогами, делились на кварталы дополнительными улицами и переулками.

Торгово-ремесленное население посада и

его богатства приобретают первостепенное значение в экономике государства, и защита их становится делом уже не местного значения, а государственной важности. По мере увеличения компактности посадов эта задача облегчается, и они обносятся более или менее мощными крепостными оградами, окончательно оформляющими планировочную структуру города. Москва стала крупным торговым городом уже при Иване Калите. Следовательно, в 20—30-х годах XIV в. посад мог иметь значительные размеры. Развиваясь сначала вдоль левого берега Москвы-реки, под Кремлевским холмом, посад постепенно вытеснялся к востоку вследствие напора растущего Кремля и к концу XIV в. занимал уже почти всю площадь будущего Китай-города. В 1394 г. начались работы по укреплению посада рвом и валом в той части, которая к XVI в. получила название Великого посада.

С XIV в. начало интенсивно заселяться и Занеглименье, которое, так же как и территория Великого посада, укрепляется в конце века рвом и валом, примерно, по линии стен будущего Белого города. С уменьшением опасности татарских набегов к концу XV в. усиливается освоение Замоскворечья.

К концу XV в. в значительной мере определилась уже общая схема планировки Москвы в пределах полной окружности. В ней ясно выражен веер главных дорог к северу, западу и востоку от Кремля, начало радиальной сети к югу от него и отдельные элементы кольцевой сети (рис. 28) [2].

В 1535—1538 гг. Великий посад был обнесен кирпичной крепостной оградой и получил название «Китай-города». В этом названии характерно слово «город», подчеркивающее, в соответствии с древней терминологией, укрепленность места.

Сооружением Китайгородской стены были созданы сравнительно безопасные условия для главного торгового центра Москвы, многочисленных лавок, складов крупного купечества и бояр. Однако большая часть населения города оставалась еще почти без защиты. Прибегать к древнему способу, то есть во время войны бросать все свое недвижимое имущество и укрываться в укрепленном центре, население, конечно, уже не могло, так как при огромном его количестве в царской резиденции создавались бы невероятная теснота, опасность пожаров, эпидемий. Кроме того, чтобы рационально использовать многочисленное население для обороны города, была необходима и значительно более развитая линия крепостных сооружений, нежели стены Кремля и Китай-города. Повидимому, по всем этим соображениям в 1586—1593 гг. была возведена третья кирпичная ограда, охватившая полукругом Кремль и Китай город. Местность между укрепленным ядром города и линией современного Бульварного кольца упоминалась в документах XVI в. под названием «Земляной город». После устройства кирпичной стены она получила новое наименование «Царев белый каменный город», а затем стала называться просто «Белым городом».

Почти одновременно (в 1592—1593 гг.) была сооружена и самая внешняя линия обороны — земляной вал и на нем деревянная стена «Скородом», охватившая уже всю центральную, компактно застроенную часть столицы. Вновь укрепленная территория была заселена преимущественно ремесленниками, мелкими торговцами и прочими «тяглыми» людьми. Она получила вначале название «Деревянного города», а когда деревянная стена сгорела во время польской интервенции (в 1611 г.) и остался только земляной вал (значительно подсыпанный в 1630—40 гг.), — Земляного города. К началу XVII в. Москва приобрела четкую внешнюю конфигурацию, близкую к форме правильного круга, и ясную сеть радиальных магистралей в сочетании с кольцевыми линиями укреплений и широкими свободными полосами, которые сопровождали эти кольца по стратегическим и противопожарным соображениям.

Начавшееся уже в XIV в. объединение русских земель в начале XVI в. пришло к завершению. «Однако, — как указывает В. И. Ленин, — о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [3].

Москва в XVII в. стала крупнейшим центром всероссийского рынка, что получило отражение, прежде всего, в значительном росте территории посада, населенном преимуще-

ственно ремесленниками, торговцами, купцами. Застройка районов, освоенных ранее, стала значительно уплотненнее. Внутренние огородные пространства крупных кварталов, обрамленных дворами по периметру, начали застраиваться, в связи с чем для подхода к новым дворам стали прокладываться тупиковые и петельные переулки и тому подобные внутриквартальные дороги. Кольца укреплений, возведенные ранее, теперь уже потеряли военное значение, но продолжали стоять и воздействовать на дальнейшее формирование уличной сети. Широкие свободные полосы вдоль укреплений также оказались ненужными и постепенно были заняты новой застройкой.

2. ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ПЛАНИРОВКУ СТАРЫХ ГОРОДОВ

В других городах центральной и северной Руси мы видим аналогичный процесс формирования посада. Разница между развитием посада в этих городах и в Москве заключалась лишь в количественных показателях (население, территория), в отсутствии капитальных укреплений и в том, что состав московского посада в значительной мере определялся наличием царского двора и связанных с ним учреждений.

В противоположность Московскому Кремлю укрепленные центры старых городов деградируют, посады же их в своем развитии идут в ногу с посадом московским на пути к формированию торгово-ремесленного города, как культурного городского комплекса в социально-экономическом и архитектурном отношениях. Некоторые особенности общего развития и планировки мы встречаем в тех торгово-ремесленных поселениях, которые возникали на землях больших монастырей в ближайшем соседстве с ними. В рассматриваемый период крупные монастыри являлись не только центрами религиозного влияния, но и проводниками московской государственности. Поэтому, в противоположность кремлям старых провинциальных городов, монастырские усадьбы не деградируют, а наоборот, переживают период подъема и расцвета как в хозяйственном, так и в архитектурном отношениях. Широкая хозяйственная деятельность некоторых монастырей, интенсивное новое строительство, непрерывный поток богомольцев и гостей, различные льготы для подвластного монастырям населения — все это способствует быстрому перерастанию ближайших к монастырю сел в пункты значительной концентрации торговли и ремесла,

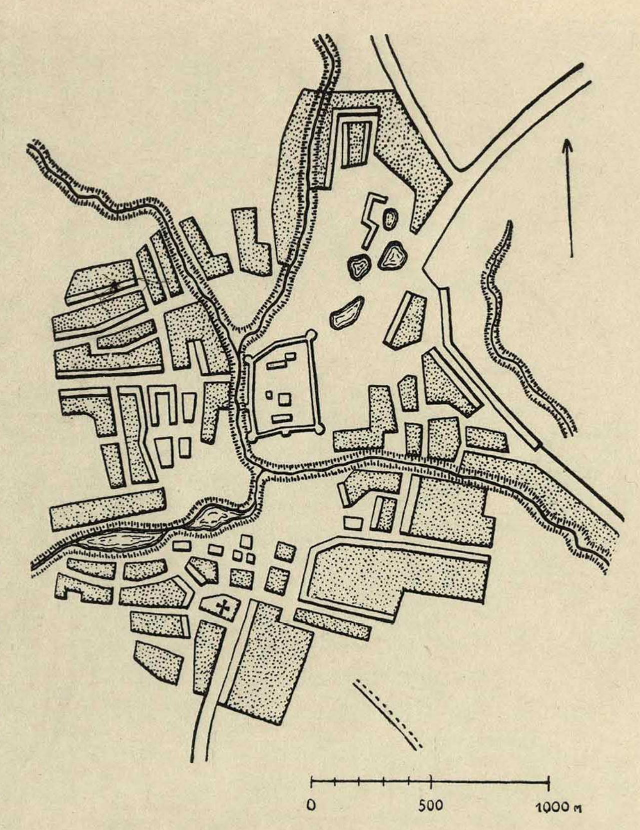


Рис. 29. План Сергиева посада до перепланировки

т. е., по существу, в поселения городского типа, устанавливающие хозяйственно-экономические связи сначала с прилегающими, а затем и с более отдаленными районами страны [4].

Планировочные особенности примонастырских городов-посадов хорошо видны на планах наиболее значительных центров подобного рода — Сергиева посада (ныне г. Загорск Московской обл.), возникшего во второй половине XIV в. (рис. 29) [5] и Тихвинского посада (ныне г. Тихвин Ленинградской обл.), возникшего в середине XVI в. (рис. 30) [6]. Как на первом, так и на втором плане мы видим, что посад не прилегает непосредственно к укрепленному ядру всего комплекса подобно тому, как посады военно-административных центров прилегали к кремлю. Укрепленная монастырская усадьба окружена обширными садами, лугами, огородами, вспомогательными строениями и другими элементами монастырского хозяйства. Лишь на значительном удалении от стен монастыря развиваются земледельческие, торгово-ремесленные, служебные и военные слободы, позднее сливающиеся в единый посад. В отличие от других городов торг ведется

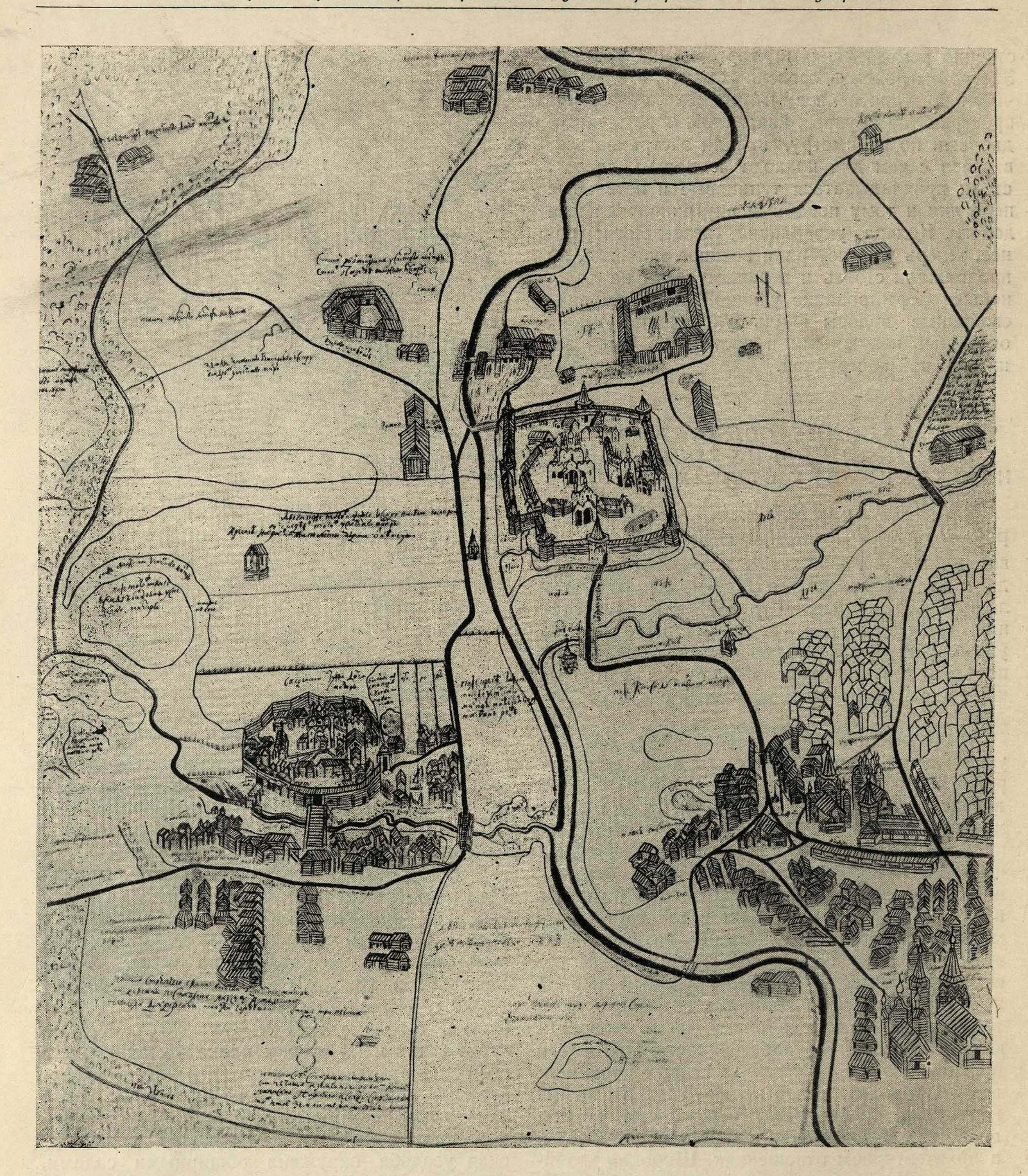


Рис. 30. План г. Тихвина, составленный в 1678 г.

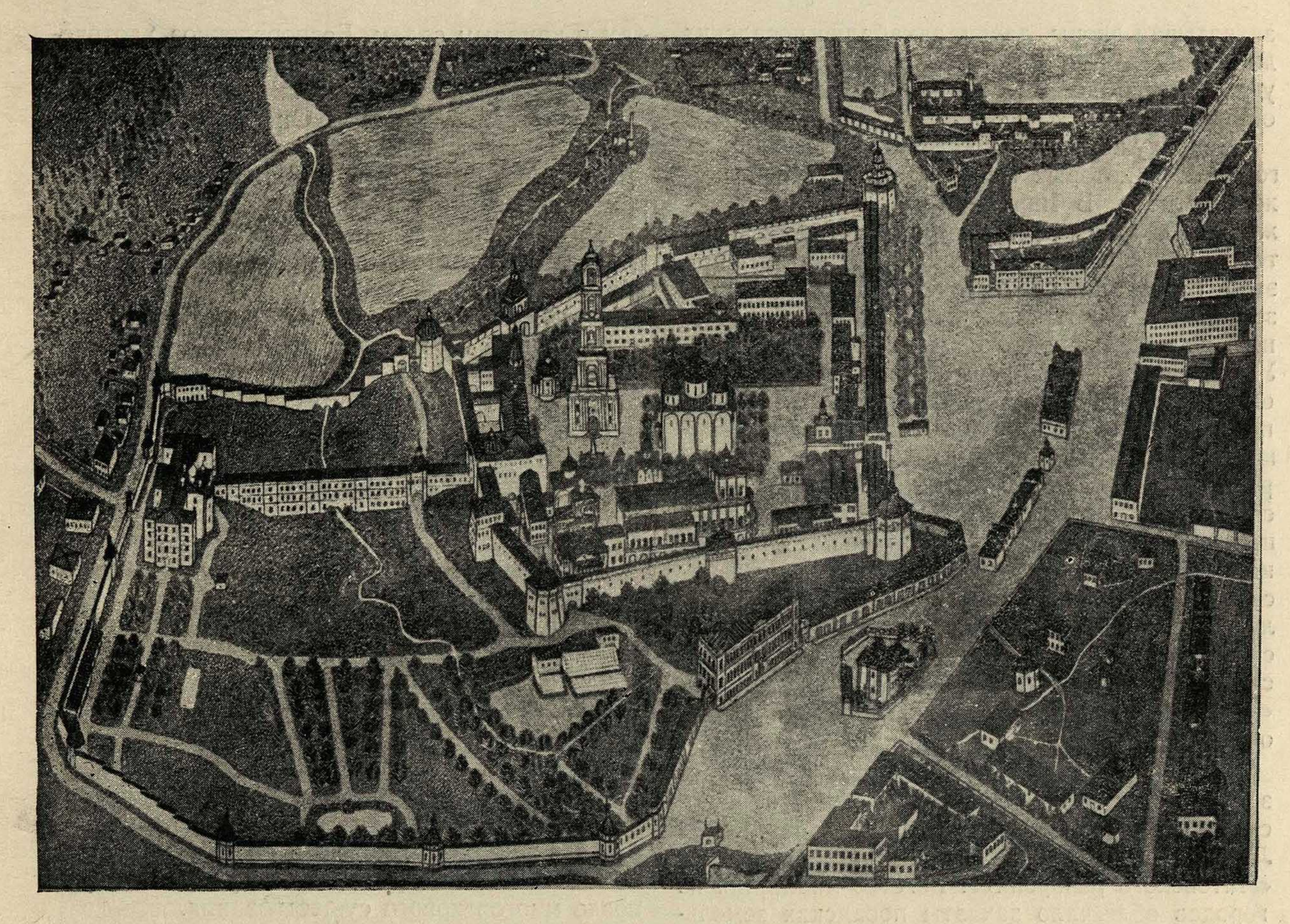


Рис. 31. Центральная часть Сергиева посада

не у стен монастыря, а на торговых площадях отдельных селений. Так, в Сергиевом посаде торг у стен монастыря впервые упоминается только в 1641 г.[7]. В связи с этим планировка каждого из селений складывается в значительной мере самостоятельно вокруг своего торгового и общественного центра, и в целом не создается та четкая система радиальных магистралей, связывающих посад с центральным ядром, которая характерна для ранее рассмотренных городов. Это же обстоятельство приводит и к выделению монастырской усадьбы в пейзаже всего комплекса, что ясно отражено на плане центральной части Сергиева посада 1909 г. (рис. 31)[8] и на внутренних панорамах города (рис. 32)[9].

На примере Москвы мы видим, какие силы организовали городской комплекс. Прежде всего, — развитие хозяйственной деятельности городского населения, тесно связанное с хозяйственной деятельностью всего объединенного государства, затем — требования обороны. Первая сила ведет к нарастанию застройки города, к организации сообщения между городом и внешним миром, между жилыми районами и местами торга и административным центром; вторая — к оформлению границ города в целом и отдельных его частей. Эти силы можно считать положительными, прогрессивными. Однако внутренние противоречия феодального строя, указанные далее, вызывают к действию и силы противоположного направления, дезорганизующие город и нарушающие принципы его формирования, его общую структуру и систему плана.

В старых городах, полученных Московским государством в наследие от периода феодальной раздробленности, уцелело немало остатков раннефеодального землевладения, особенно монастырского. Крупные удельные вотчины дробились на более мелкие привилегированные владения помещиков и вотчинников. Эти «белые земли» тесным кольцом сжимали город, лишали постоянное население городов сельскохозяйственных угодий — выгонов для скота и др. Они вклинивались на территорию посадов,

захватывая дворы, лавки, закабаляя посадских людей, создавая им торговую конкуренцию, угрожавшую полным разрушением посадской общины.

Еще хуже обстояло дело в пограничных городах, в которых массами расселялись служилые люди. В мирное время эти люди, так же как и посадские, занимались ремеслами, торговлей и сельским хозяйством, не неся при этом тягла. За свою службу они получали земельные участки, дворы и огороды, вытесняя посадских людей с их насиженных мест. Уменьшение числа посадских не сокращало общего тягла, и на долю каждого из них поэтому приходилась бо́льшая, иногда совершенно непосильная сумма, окончательно разорявшая малоимущих. В то же время, и внутри самой посадской общины шел интенсивный процесс расслоения. В результате насильственных захватов и развития торговой деятельности вырастала богатая верхушка («лучшие люди»), стремившаяся выделиться из посадской общины, завладеть общественными городскими землями; она закабаляла и разоряла «молодших людей», занимая их дворы, лавки, огороды.

Многие города опустели в результате кризиса 70—80 годов XVI в., вызванного непосильным обложением, а также в результате Ливонской войны и последовавшего за ней «Литовского разорения». Бегство населения из городов облегчало захваты посадских земельных участков как «беломестцами», так и военными приказами, которые устраивали на опустевших землях крупные слободы служилых приборных людей. Эти захваты делали невозможным возвращение «беженцев». В то же время экономическая деградация приводила к тому, что население вынуждено было, оставаясь в городе, переходить от торговли и ремесла к сельскохозяйственным занятиям. Это требовало значительно бо́льшей территории, и, таким образом, с опустением городов вместо образования излишков создавалась земельная теснота.

В результате этих социально-экономических процессов в первой половине XVII в. возникла чрезвычайно запутанная обстановка в городском землевладении. Посадские общины и слободы самого разнообразного назначения и принадлежности образовывали в плане города пеструю мозаику. Пространства между отдельными слободами часто были заняты крупными боярскими усадьбами, садами, огородами и другими незастроенными участками, а за земляным валом были застроены только узкие полосы вдоль радиально проложенных дорог по направлению к значительным городам и крупным селам. Беспорядочное, хаотическое землевладение выражалось не только в запутанности юридических и финансовотягловых взаимоотношений. Оно находило яркое материальное воплощение в усложнении и дезорганизации городского плана. Если в Москве при наличии и близости центральной власти с дезорганизацией плана еще можно было бороться, то значительно хуже обстояло дело во многих провинциальных городах. Планы этих городов свидетельствуют о беспорядочной мозаичности их социальной структуры.

Так, на плане Вязьмы (впервые упоминается в 1300 г.) при сравнительно спокойном холмистом рельефе местности совершенно необъяснимыми кажутся капризные зигзаги улиц и переулков, отдельные клочки освоенной территории, на которые непонятно, как и пройти. Хотя в середине XVII в. в связи со «строением» посада посадским людям были возвращены земли, захваченные беломестцами, план Вязьмы все же сохранил яркие следы хаотического землевладения до конца XVIII в., когда была начата кардинальная перепланировка города. В запутанности уличной сети Вязьмы несомненно чувствуется и сложность земельных отношений и острота борьбы, происходившей за их упорядочение (рис. 33) [10]. Такую же, примерно, картину мы видим и в плане Ростова Великого, который вошел в состав объединенного Русского государства уже после многовекового существования.

В Нижнем Новгороде (ныне г. Горький) план бурно развивавшегося посада закономерно складывался под влиянием притяжения к берегам Волги и Оки, вдоль которых он вытянулся, тяготения к укрепленному ядру поселения—«каменному городу», окруженному двумя ясно выраженными кольцами посадской территории, а также подчинялся сложному рельефу местности и развитой овражной сети. Тем не менее, и в плане Нижнего Новгорода ясно проглядывает дезорганизующая роль «завладения» черными землями со стороны беломестцев (рис. 34) [11].

В некоторых материалах, относящихся к «посадскому строению», имеются и прямые указания на те нарушения городского плана, которые «стройщикам» приходилось выправлять. Так, например, из описания большого Ненокоцкого посада Холмогор мы узнаем, что старцы Сийского монастыря пригородили «с морского конца государевой земли проезжей улицы» 50 кв. саженей, старцы Соловецкого монастыря загородили ряд проезжих улиц и проходные дороги посада, пролегавшие по обе стороны монастырского поля и т. п.[12]. На планировке города отражались

Рис. 32. Пейзаж Сергиевого посада (с литографии К. Ф. Юона)

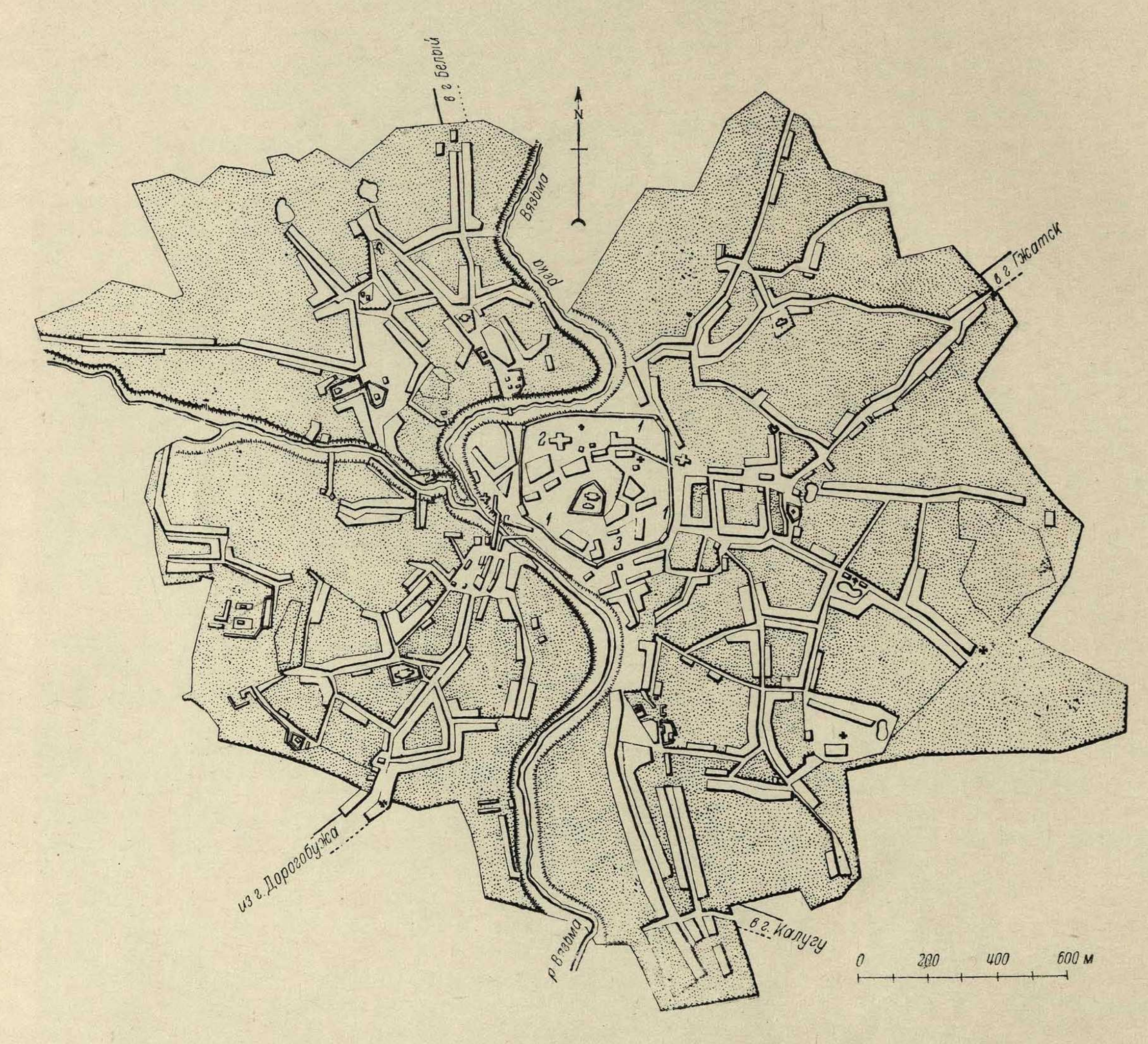


Рис. 33. План г. Вязьмы до перепланировки
1—земляная крепость; *2*—собор; *3*—м. монастырь; *4*—лавки

не только земельная чересполосица и произвол землевладельцев. Отсутствие единства, а часто и противоположность интересов разрозненных слобод и посадских миров мешали самодеятельности населения в проведении каких-либо мероприятий по благоустройству города или его планировке. В то же время и центральное правительство, поглощенное заботами об укреплении границ Московского государства, об окончательной ликвидации остатков феодальной раздробленности, о реорганизации военного дела и другими общегосударственными делами, не могло, конечно, брать на себя инициативу в области переустройства старых городов.

Тем не менее, в середине XVII в. было проведено по всей стране весьма важное мероприятие — посадское строение, которое положило начало, хотя и в очень незначительном масштабе, упорядочению городов. Первые такие попытки упорядочения посадского землевладения относятся еще ко временам княжения Ивана III и Василия III. Борис Годунов начинает широкое посадское строение, имевшее целью увеличить казенные доходы путем укрепления и расширения основной налоговой базы — городского торгово-промышленного населения.

В то же время идет и снизу нарастание посадской оппозиции против феодальной зависимости и расхищения городских земель. С середины XVI в. активизируется классовая борьба посадских людей, они принимают участие в земских сборах, организуют мятежные

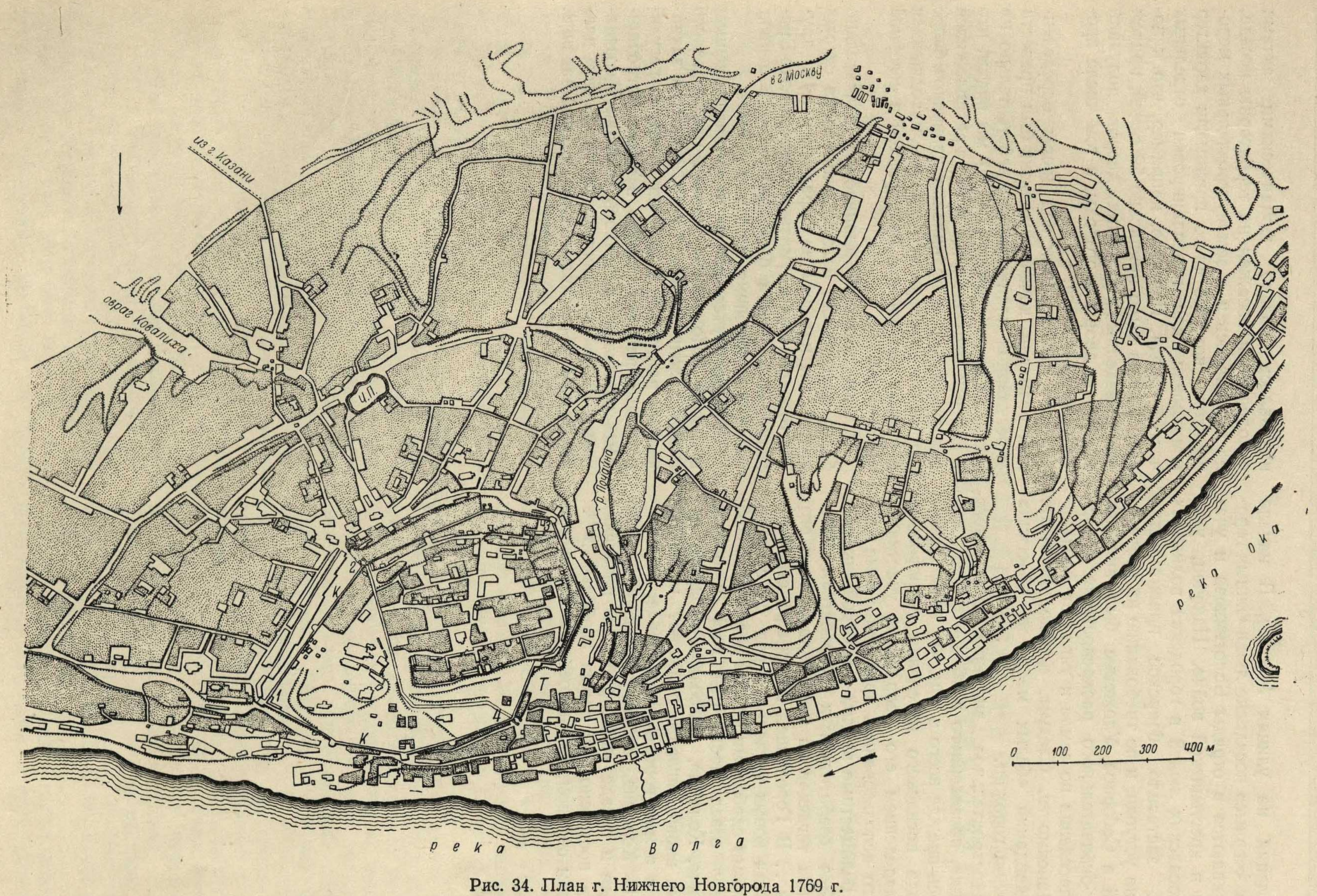


Рис. 34. План г. Нижнего Новгорода 1769 г.

1—Егорьевские ворота; *2*—Дмитровские ворота; *3*—Коромыслова башня; *4*—Ивановские ворота; *Т*—торговая площадь нижнего посада; *Ч. П.*—Черный пруд; *К*—стены кремля

выступления на улицах Москвы. В начале XVII в. «черные» посадские люди южных городов вливаются в отряды Болотникова и участвуют в крестьянской войне. Наконец, участие посадских людей в городских волнениях 1648 г. заставило боярское правительство пойти на уступки, и по требованию их представителей в Соборное Уложение был включен проект окончательного раскрепощения городского населения по земле и тяглу от феодальной зависимости. Следует, однако, заметить, что ликвидация «белых мест» не облегчила положения горожан.

Градостроительное значение «посадского строения», проведенного в 1648—1652 гг., выразилось прежде всего в том, что возвращение в города посадского населения сопровождалось наделением его дворовыми участками, для чего использовались присоединяемые к посадам беломестные земли. «. . . Стройщик должен был озаботиться и устройством нововыводных тяглецов на посаде дворами и огородами. . . В Гороховце, например, стройщик разместил новых тяглецов в ряд со старыми посадскими слободами особой новой слободой: каждому отвел место под двор и огород. В Галиче, Коломне, Белоозере, Болхове сысканные вновь тяглецы получают места под дворы в самом городе и на посаде. . .

. . . В Коломне, сверх 24 дворовых мест в городе и посаде «новоприбылым посадским людям» построено три новых слободы. . .» [13].

Таким образом, посадское строение не ограничивалось только юридическими актами о водворении посажан на территорию посада, но выражалось и в землеустроительных мероприятиях, которые часто принимали характер планировки или перепланировки отдельных частей города. Известно, например, что к посаду Галича было приписано 59 семей, причем все выведенные с чужих дворов получали места под дворы и огороды, в том числе против города-острога.

Такой отвод земли под дворы определенных размеров, конечно, должен был привести к регулярной планировке, и действительно на плане Галича (съемки 1780 г.) мы видим, что к югу и к юго-западу от острога расположился ряд сравнительно правильных кварталов более или менее однообразной ширины, находящихся в резком контрасте с планировкой в северной части посада.

Следы подобной планировки, значительно более правильной, нежели планировка старых частей, мы находим на окраинах и ряда других городов. Надо думать, что начало этой регулярной разбивки было положено в период посадского строения середины XVII в.

В ряде случаев в связи с возвращением в посад беломестных земель производилось и выправление уличной сети, открытие захваченных ранее участков улиц и другие регулировочные работы. Однако в целом «стройщикам» обычно не удавалось выправить создавшиеся ранее неправильности городских планов, да это и не являлось их прямой задачей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СТРОИТЕЛЬСТВО УКРЕПЛЕННЫХ РУБЕЖЕЙ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XVI ВЕКЕ

1. ПОГРАНИЧНЫЕ ГОРОДА-КРЕПОСТИ

Опустошения, производившиеся татарскими набегами, которые снова участились со второй половины XIV в., заставили русское население бросить плодороднейшие земли и отодвинуться к северу от степи на пространства, более или менее защищенные лесами и реками. К концу XIV в. основную тяжесть борьбы с татарами приняло на себя Рязанское княжество, вынужденное устраивать далеко в степи сторожевые посты для предупреждения населения о передвижениях кочевников. Редкие поселения рязанцев оканчивались близ устья р. Воронежа, дальше начиналась опустошенная полоса, доходившая до р. Медведицы, за которой уже располагались кочевья татар.

В конце XV в., после полного подчинения Рязанского княжества, Москва наследует и все заботы рязанцев по защите юго-восточной окраины государства. Вначале московское правительство ограничилось лишь усилением защиты берега р. Оки, для чего были использованы служилые татарские «царевичи», размещенные в ряде городов по Оке (Кашира, Серпухов, Касимов и др.). Вскоре, однако, выяснилась недостаточность этой меры. В 1521 г. соединенные силы крымских и казанских татар прорвались к Москве и хотя и не взяли столицы, но опустошили ее окрестности и увели с собой огромное количество пленных. Набег 1521 г. побудил объединенное Русское государство по-новому организовать систему обороны своей южной и восточной границы. Прежде всего пришлось обратить внимание на южный фронт, как наиболее опасный, изобиловавший татарскими шляхами, по которым кочевники из степей быстро пробирались в пределы Руси. Регулярно на «берег» стали высылаться полки, а на юг от Оки — располагаться сторожевые отряды. В 50-х годах XVI в. места расположения войск были укреплены, между ними были проведены валы, а в лесистых местах — устроены засеки и, таким образом, была создана первая линия обороны — так называемая Тульская засечная черта. В состав этой черты вошли реконструированные крепости ряда старых городов и три вновь построенных города — Болхов, Шацк и Дедилов.

В 1576 г. пограничная линия была дополнена еще рядом реконструированных городов-крепостей и несколькими новыми. При этом граница значительно выдвинулась одним краем на запад (города-крепости Почеп, Стародуб, Серпейск).

Под защитой укрепленной черты население быстро распространилось к югу. Для безопасности вновь занятых земель от татарских набегов необходимо было сильно выдвинуть к югу и укрепленную границу государства. Вследствие этого правительство царя Федора — Бориса Годунова энергично продолжало градостроительную деятельность Ивана IV. В марте 1586 г. был дан приказ поставить на р. Быстрой Сосне г. Ливны, на р. Воронеже — г. Воронеж. В 1592 г. восстановлен был г. Елец, а в 1593—94 гг. были построены города: Белгород, впоследствии перенесенный на другое место, Старый Оскол, Валуйки, Кромы, в 1597 г. был заново построен Курск и, наконец, последним в XVI в. был построен на р. Осколе г. Царево-Борисов, наиболее выдвинувшийся к югу.

Осуществление обширной градостроительной программы и связанное с этим интенсивное

заселение южной окраины обезопасило государство с юга и значительно повысило хозяйственное и культурное значение этого плодороднейшего края.

С середины того же века ведется строительство ряда новых городов на восточной окраине Русского государства.

Географические условия крайне затрудняли борьбу русских людей с кочевниками. Голые, незаселенные степи, огромная протяженность границ, отсутствие четких и сильных естественных рубежей к югу от Оки — все это требовало колоссального напряжения в борьбе с подвижными, полудикими кочевниками. Уже к началу XVI в. стало ясно, что только пассивная оборона в виде пограничной укрепленной линии далеко недостаточна, чтобы прочно обеспечить государство от опустошений его окраин.

Их натиску могло противостоять только сильное централизованное государство. Как указывает И. В. Сталин «...интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народов, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство» [1].

Крупным шагом в этом направлении было покорение Казанского ханства, постоянно угрожавшего Русскому государству с востока. До начала XVI в. крайним значительным пунктом, который мог служить для наблюдения за действиями татар, был Нижний Новгород, расположенный от Казани на расстоянии около 400 *км* и отделенный от нее обширными пустынными пространствами. Поэтому для предупреждения неожиданных вторжений татар в Поволжье весьма важно было здесь, как и на южной окраине, продвинуть вперед укрепленные города, используя их для наблюдения и обороны, а также как пункты концентрации населения. Они же должны были служить убежищами для гонцов и купцов, направлявшихся в Казань. Первым таким пунктом явился новый город Василь-Сурск, построенный в 1523 г. на нагорной стороне Волги, при впадении в нее р. Суры. Сооружение этого города продвинуло передовую линию обороны на 150 *км* вниз по Волге. Сура, бывшая пограничной рекой, прочно закрепляется теперь за Русским государством. Тем не менее, до Казани еще оставалось далеко и, как показал ряд неудачных походов, удаленность опорных пунктов препятствовала решительным мерам по отношению к Казанскому ханству.

Отступая в 1549 г. от Казани после неудачной осады, Иван IV остановился на р. Свияге и обратил внимание на удобство этой местности для устройства прочной военной базы, которая должна была «учинить тесноту Казанской земле». Место, выбранное для устройства города, находилось на округлом высоком холме у впадения р. Свияги в Волгу, всего в 20 *км* от Казани. Возвышенное положение города должно было сделать его неприступным, особенно во время весеннего разлива. Расположение его при устье Свияги закрывало доступ к Волге местным народностям, жившим в бассейне этой реки и немало помогавшим казанским татарам, а близость к Казани позволяла организовать первоклассную базу для будущей осады. Чтобы казанцы не помешали сооружению города, все части его укреплений и главнейших внутренних строений были заготовлены в глубине страны — в Углицком уезде. Благодаря принятым мерам высадка строителей и сборка города из заготовленных частей были произведены в полной тайне, и город (в 1551 г.) был построен всего в четыре недели. Расчеты Ивана IV вполне оправдались. Уже немедленно после сооружения города, названного Свияжском, население нагорной стороны (чуваши, черемисы, мордва) выразили желание присоединиться к русским, а Казань согласилась признать царем русского ставленника Шиг-Алея.

Вскоре, однако, враждебные действия татар вынудили Ивана IV предпринять новый поход для покорения Казани. В 1552 г. после продолжительного и трудного похода русское войско достигло своей базы—Свияжска. Здесь воины получили возможность отдохнуть и подкрепиться, ибо съестные припасы были подвезены по Волге в таком изобилии, что, по выражению Курбского, каждый участник похода приехал сюда «как в свой дом». После полуторамесячной осады Казань была взята, и Свияжск, таким образом, блестяще выполнил возложенную на него задачу.

В 1556 г., вскоре после взятия Казани, без боя была присоединена к Русскому государству и укреплена Астрахань. Закрепление за Россией устья Волги сделало ее окончательно рекой Русского государства, и на Поволжье возобновляется движение русского народа, надолго прерванное в XIII в. татарским нашествием.

Казанская знать не оставляла попыток к тому, чтобы вернуть себе господствующее положение. В своей борьбе она опиралась на

верхушку народностей, когда-то входивших в состав Казанского ханства. Оставалась постоянная угроза нападения на русские торговые суда и караваны, следовавшие по Волге, на русские мирные селения, выраставшие на Среднем Поволжье, на владения русских феодалов.

Побуждаемое своей верхушкой местное население сходилось к рекам и по ним, объединяясь в значительные массы, спускалось к Волге для борьбы с русскими людьми. Эти обстоятельства вынудили русские власти особенно заботиться о закреплении в своих руках устьев рек, впадающих с той и другой стороны в Волгу. Обладая устьем притока, легко было следить за передвижением мятежников и не пропускать их к Волге.

Немалое влияние на выбор места для первых городов Поволжья оказало стремление уменьшить расстояние между теми пунктами по Волжскому пути, где суда могли бы останавливаться, запасаться продовольствием и пополнять состав своих служилых людей. В свете этих обстоятельств становится понятным устройство в 1556 г. города Чебоксары (ныне столица Чувашской АССР) на возвышенном берегу Волги при впадении в нее реки Чебоксарки, почти на середине пути между Нижним Новгородом и Казанью

Позднее, в связи с восстанием черемис, был построен еще один город, на этот раз уже на луговой стороне Волги, между Чебоксарами и Свияжском. Этот город, построенный между устьями двух значительных рек — Большой и Малой Кокшаги, получил название Кокшайска (ныне г. Йошкар-Ола — столица Марийской АССР) с эпитетом «новый город», который применялся по отношению к нему несколько лет.

Особую группу образуют новые города, построенные с целью контроля над речными перевозами через Каму и Волгу. Так, для защиты против «прихода ногайских людей» в 1557 г. был поставлен г. Лаишев на правом, возвышенном берегу р. Камы, недалеко от ее устья. Вскоре же после Лаишева с той же целью был построен г. Тетюши на правой стороне Волги, в 40 км ниже впадения в нее Камы.

Градостроительную политику Ивана IV в Поволжье продолжало и правительство царя Федора — Бориса Годунова, которым были построены города Цивильск, Уржум и др.

Особое значение для защиты края приобрело устройство города у устья р. Самары. Река Самара больше всего привлекала внимание ногайцев, как наиудобнейшее место для кочевья летом и для переправы. К тому же на Самарской луке находились места, в которых легко могли скрываться казаки и откуда они неожиданно могли нападать на волжские караваны. Кроме того, у устья р. Самары удобнее всего было устроить хорошую пристань для судов. Этими обстоятельствами и объясняется сооружение в 1586 г. первого низового города Самары (ныне г. Куйбышев). Одновременно был построен на притоке Камы — реке Белой — город Уфа (ныне столица Башкирской АССР), тоже предназначенный, повидимому, для защиты от ногайцев.

Другим местом на Волге, которое имело огромное стратегическое значение, несомненно была так называемая «Переволока», где Волга максимально приближается к другой важной водной артерии — Дону. «Переволока» могла использоваться ногайцами, желавшими пробраться в Крым, а также как место соединения крымских татар с ногайцами для совместного грабежа русских окраин. Естественно поэтому, что здесь, у впадения в Волгу речки Царицы, был устроен новый город — Царицын (ныне г. Сталинград), первые достоверные сведения о котором относятся к 1589 г. Несколько позже на левом берегу Волги, также из стратегических соображений, был построен г. Саратов, километров на 10 выше нынешнего Саратова, возникшего уже в начале XVII в. на другом берегу.

2. ПЛАНИРОВКА НОВЫХ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ

Энергичная градостроительная деятельность Русского государства, обусловленная необходимостью защищать и продвигать вперед свои границы, вызвала сдвиги и в планировочной технике. На протяжении XVI в. эти сдвиги коснулись преимущественно укрепленных элементов города — кремлей, острогов.

Прежде, в период феодальной раздробленности, укрепления города обычно имели целью защитить население и его богатства, сконцентрированные в пределах крепостных стен. Крепости, таким образом, играли пассивную роль в обороне страны. Теперь новые крепости строятся, а старые пограничные города вновь укрепляются в качестве опорных пунктов для сторожевой и станичной службы и для размещения войск, которые по первому сигналу устремляются на показавшегося вблизи границы врага. Центр тяжести обороны переносится из крепости в поле, а сама крепость становится только временным укрытием

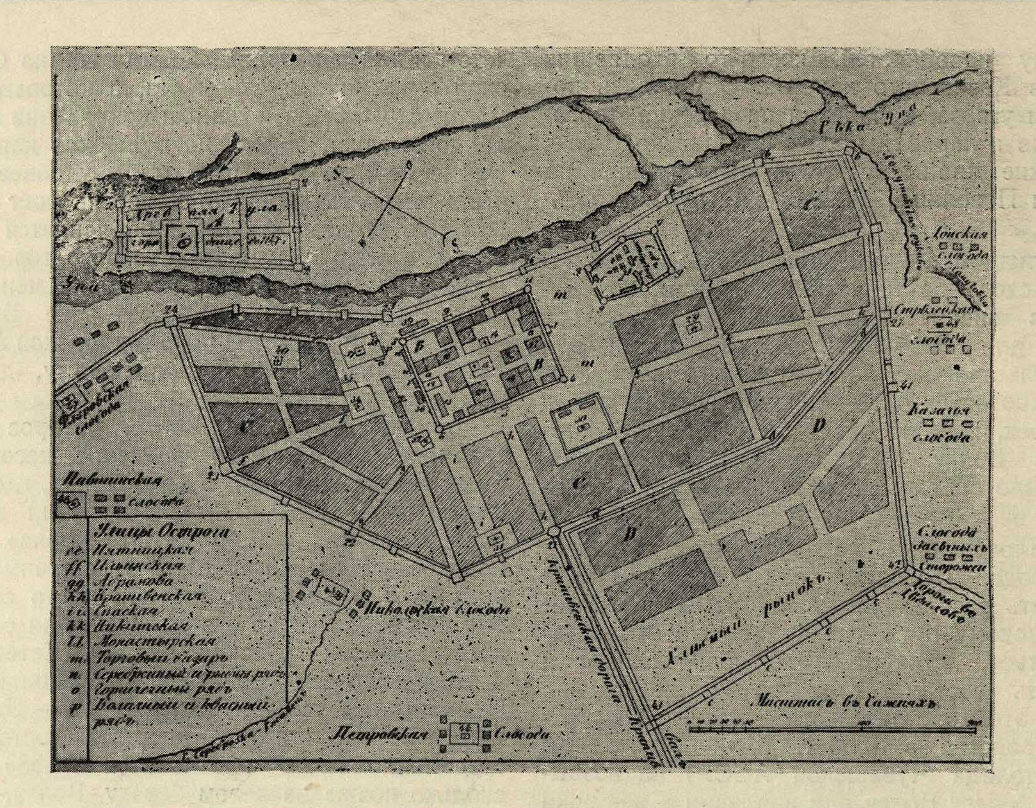


Рис. 35. План крепости г. Тулы, реставрированный по описям 1625 и 1685 гг. И. Афремовым

A—древнее городище Тула; *B*—каменный город (кремль); *C*—острог или Дубовая крепость; *D*—земляной город

гарнизона, который нуждается в защите лишь от внезапного нападения.

К тому же, крепости и не являлись объектами нападения со стороны грабителей-кочевников, основной целью которых было прорваться в каком-либо промежутке между укрепленными пунктами на территорию мирных поселений, разграбить их, увести пленных и быстро скрыться в «диком поле». Вести правильную осаду или разрушать города степные кочевники не могли и никогда не пытались. Однако довольно часто они прокапывали в каком-либо месте вал, прорубали надолбы и другими подобными способами пытались проникнуть внутрь крепости.

Округлая форма крепости при пассивной обороне и примитивной военной технике давала ряд преимуществ. Она обеспечивала наибольшую вместимость укрепленного пункта при наименьшей линии оборонительной ограды и, следовательно, требовала минимального количества защитников на стенах. Кроме того, при округлой форме отсутствовали так называемые «мертвые» углы обстрела.

С переходом от пассивной обороны к активной, с развитием огнестрельного оружия, с устройством раскатов и башен для флангового обстрела округлая форма крепостной ограды теряет свои преимущества и предпочтение получает четырехугольная форма укрепления, а при значительных размерах города — многоугольная (полигональная). Хотя на конфигурацию крепости попрежнему оказывают большое влияние топографические условия, теперь в каждом конкретном случае выбор определенной конфигурации является уже компромиссом между ними и четырехугольником (или полигоном), а не кругом или овалом, как это было ранее. В конце XV — начале XVI вв. форма прямоугольника (или правильного многоугольника) получает уже четкое выражение в русском градостроительстве.

В 1509 г. Тула, незадолго перед тем перешедшая к Московскому государству, была перестроена и заново укреплена в качестве важного стратегического пункта на подступах к Москве. Прежнее укрепленное место на речке Тулице было оставлено, и на левом берегу р. Упы была заложена новая крепость в виде двойной дубовой стены с перерубами и башнями. Новая деревянная крепость в общем приняла форму полумесяца, опершегося своими

концами на берег реки. Но уже через пять лет, в 1514 г. по образцу Московского Кремля было приступлено к постройке внутренней каменной крепости, законченной в 1521 г.

Если крепостная стена 1509 г. представляла собой лишь укрепленный обвод населенного места, то каменная крепость по своей четкой, геометрически правильной форме совершенно ясно выражала идею укрепленного вместилища гарнизона, идею сооружения, имеющего свою собственную закономерность и не зависящего от местных условий. Однако во внутренней планировке крепости прямоугольно-прямолинейная система не получила законченного развития. Это видно на плане ее реставрации (рис. 35) [2], об этом же можно судить по различному положению ворот в продольных стенах.

Геометрический прием построения более четко выражен в Зарайской крепости (сооруженной в 1531 г.), где определенному математическому замыслу была подчинена не только внешняя конфигурация, но, повидимому, и внутренняя планировка. Во всяком случае, расположение ворот по двум взаимно перпендикулярным осям заставляет нас предполагать и наличие двух соответствующих магистралей (рис. 36) [3]. Образцы регулярных крепостей, лишь незначительно отступающих от математически правильной формы, мы видим на планах и некоторых других городов. Так, например, крепость в виде относительно правильной трапеции видна на плане г. Мокшана (ныне районный центр Пензенской обл.), построенного в 1535 г. (рис. 37) [4], большая трапецевидная крепость показана на плане г. Валуйки (ныне районный центр Курской обл.), построенного в 1593 г. (рис. 39) [5]. Из городов Поволжья XVI в. наиболее регулярную форму (в виде ромба) получила крепость Самара (ныне г. Куйбышев), изображенная на рис. 38 [6].

На этих нескольких примерах видно, что уже в первой половине XVI в. русским градодельцам были знакомы принципы «регулярного» фортификационного искусства [6a]. Однако строительство крепостей Тульской оборонительной линии в середине XVI в. велось еще большей частью по прежнему принципу. Необходимость укрепления множества пунктов в кратчайший срок вызывала стремление максимально использовать естественные оборонительные ресурсы (крутые склоны оврагов, речных берегов и т. п.) с минимальным добавлением искусственных сооружений.

Как правило, в городах, построенных или реконструированных в XVI в., господствовало еще подчинение формы крепости

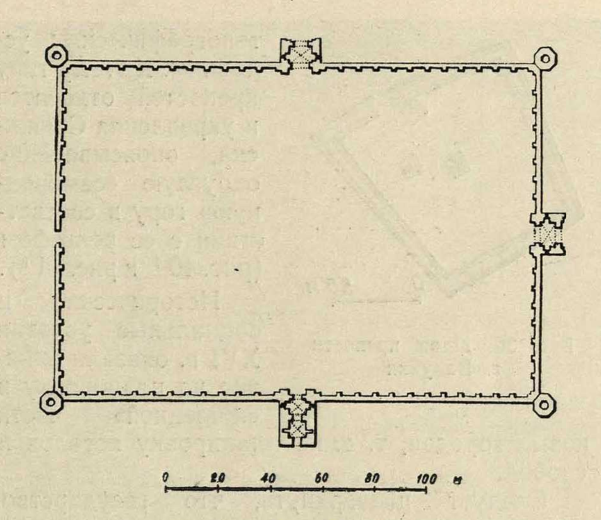


Рис. 36. План Зарайской крепости

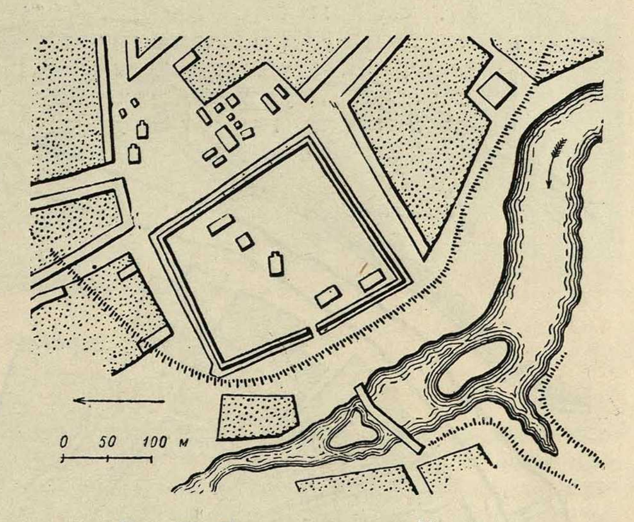


Рис. 37. План крепости г. Мокшана

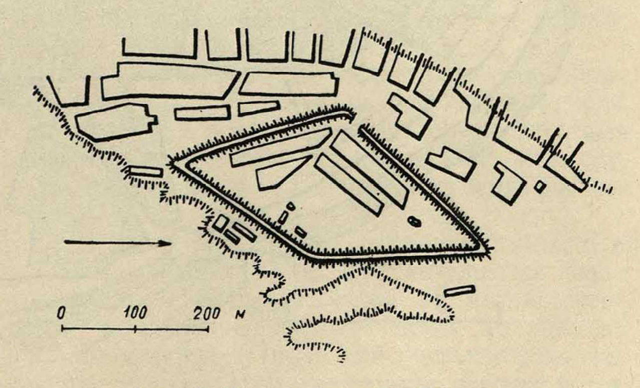


Рис. 38. План крепости г. Самары

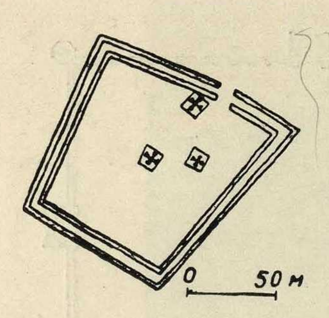


Рис. 39. План крепости г. Валуйки

топографическим условиям. К этому типу крепостей относятся и укрепления Свияжска, опоясывающие округлую «самородную» гору в соответствии с ее рельефом (рис. 40 [7] и рис. 41 [8]).

Исторические и социальные условия XVI в. оказали влияние на планировку и «жилецкой» части новых городов, т. е. на планировку посадов и слобод.

Следует подчеркнуть, что государство, сооружая новые города, стремилось использовать их в первую очередь в качестве пунктов обороны. Беспокойная обстановка в окрестностях городов препятствовала созданию нормальной сельскохозяйственной базы, которая была необходима для развития их как населенных пунктов. Города на окраинах государства приходилось снабжать всем необходимым из центральных областей.

Некоторые из новых городов, как, например, Курск и особенно Воронеж, благодаря своему выгодному местоположению, быстро приобрели и торговое значение, но, как правило, в течение XVI в. новые города оставались чисто военными поселениями. Это не значит, конечно, что жители их занимались только военным делом. Как известно, служилые люди в свободное время занимались и ремеслом, и промыслами, и торговлей, и сельским хозяй-

Рис. 40. План г. Свияжска до перепланировки

Рис. 41. Общий вид г. Свияжска (гравюра середины XVIII в.)

ством. Военный характер поселений сказывался, главным образом, в самом составе населения.

Во всех новых городах мы встречаем ничтожное количество так называемых «жилецких» людей — посадских и крестьян. Основную массу населения составляли служилые (т. е. военные) люди. Но в отличие от центральных городов здесь преобладал низший разряд служилых — «приборные» люди: казаки, стрельцы, копейщики, пушкари, затинщики, воротники, засечные сторожа, казенные кузнецы, плотники и др. В ничтожном количестве среди населения новых городов встречались дворяне и дети боярские. Преобладание в составе населения низшего разряда служилых людей несомненно должно было отразиться на характере землевладения.

Снабжение служилых людей всем необходимым из центра чрезвычайно затрудняло казну, которая стремилась всюду, где только это оказывалось возможным, увеличивать число «поместных» людей, получавших вместо жалованья земельные участки. По мере продвижения передовых позиций на юг, ранее построенные крепости стихийно обрастали поэтому слободами и посадами. Если постройка самой крепости являлась делом государственных органов, то застройка и заселение посадов в XVI в. происходили, повидимому, в результате местной инициативы на землях, отводимых государством.

Из сохранившихся наказов воеводам-строителям конца XVI в. видно, что ратные люди отправлялись в новопостроенные города только на известный срок, по прошествии которого они распускались по домам и заменялись новыми.

Даже и значительно позднее, а именно в первой половине XVII в., правительство, повидимому, не сразу решалось на насильственное переселение ратных людей «с женами и детьми и со всеми животы» в новые города «на вечное житье». Отсюда понятно, почему в го-

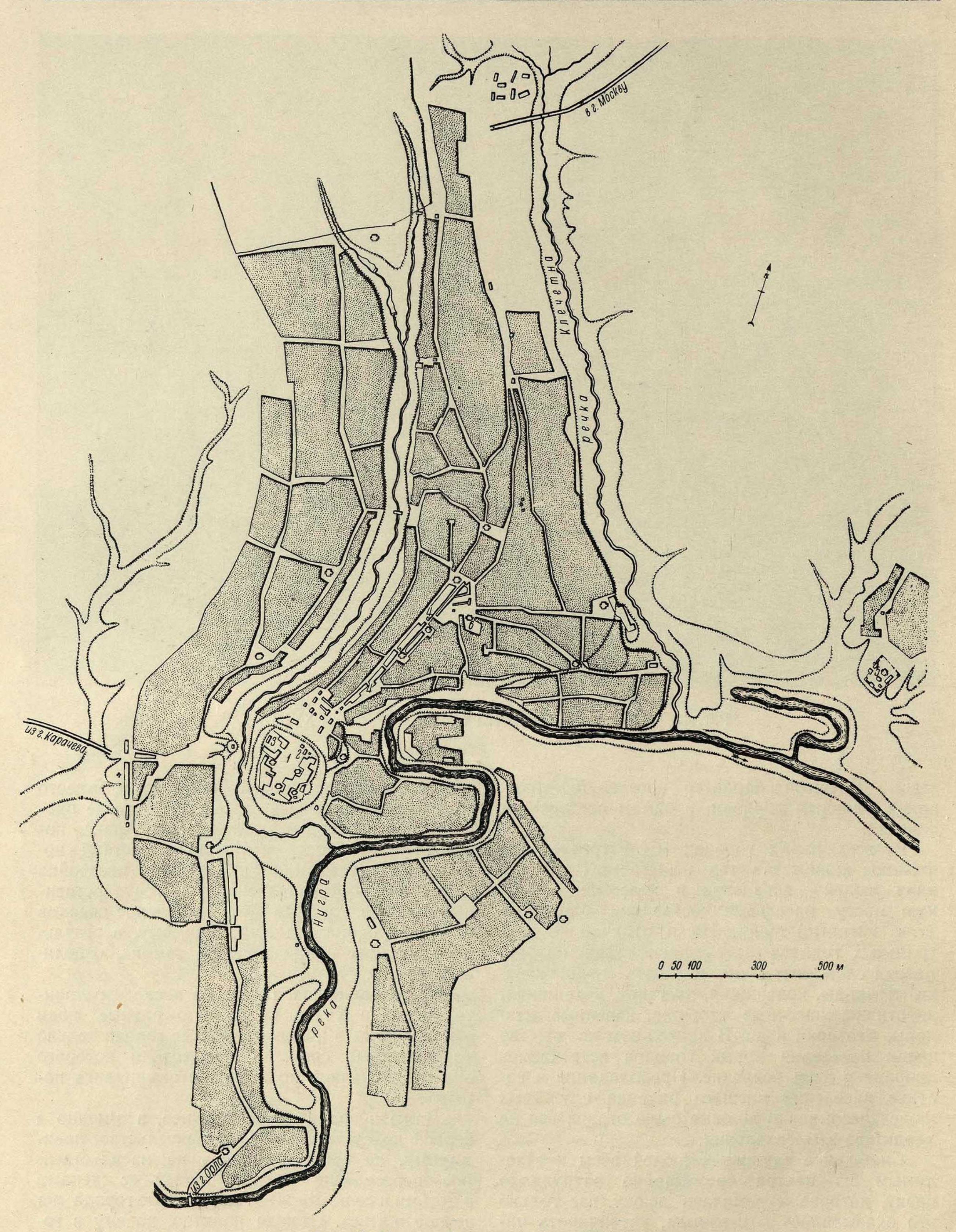


Рис. 42. План г. Болхова до перепланировки

1—земляная крепость; 2—острог; 3—дом городничего; 4—торговые ряды; 5—м. монастырь; 6—ж. монастырь

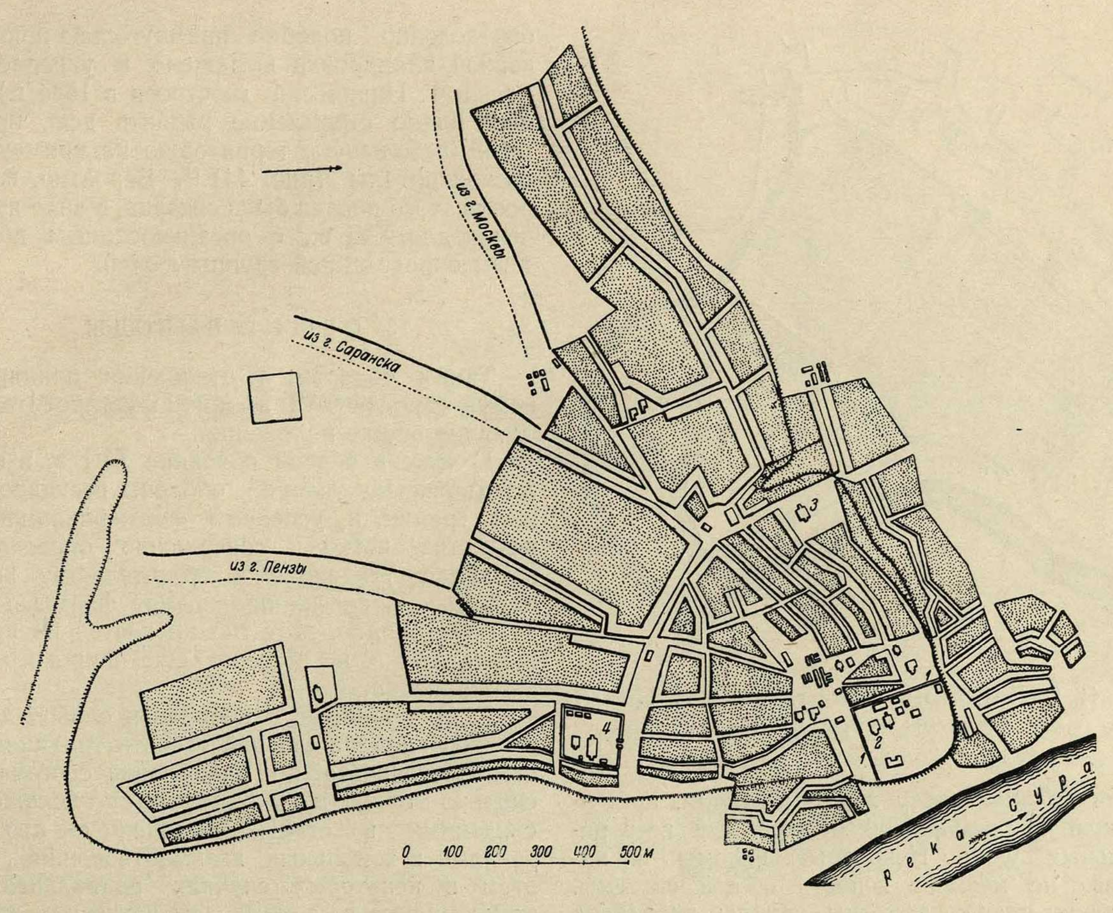


Рис. 43. План г. Алатыря 1782 г.
1—земляная крепость; *2*—собор; *3*—м. монастырь; *4*—д. монастырь

родах, построенных в XVI в., еще нет регулярной планировки жилых районов. Почти во всех этих городах, во всяком случае в частях, ближайших к крепости, уличная сеть развивалась по традиционной радиальной системе, обнаруживая стремление, с одной стороны, к укрепленному центру, а с другой — к дорогам в окрестности и соседние селения. В некоторых случаях заметна тенденция к образованию кольцевых направлений.

Внимательно рассматривая планы новых городов XVI в., все же можно заметить во многих из них более спокойное и правильное на чертание кварталов, нежели в старых городах, стремление к равномерной ширине кварталов и другие признаки рациональной планировки. Встречающиеся неправильности, изломы, тупики являются здесь результатом постепенного нерегулированного роста города, во многих случаях — приспособления к сложным топографическим условиям. Они имеют мало общего с причудливыми капризными формами в планах старых городов — Вязьмы, Ростова Великого, Нижнего Новгорода и других.

Новые города XVI в. почти не знали пережитков земельного хаоса периода феодальной раздробленности, так тормозивших рациональное развитие старых городов. Возможно также, что воеводы, следившие за состоянием укрепленного города, до известной степени обращали внимание и на планировку посадов, возникавших в новых городах, как правило, на свободных от застройки землях, на соблюдение некоторого порядка в трассировке улиц и дорог, имевших военное значение. Распределение участков вблизи города должно было несомненно регулироваться воеводами, ибо организация пограничной обороны охватывала значительную территорию по обе стороны укрепленной линии.

Сказанное подтверждают планы городов Болхова, впервые упомянутого в 1556 г. (рис. 42) [9], и Алатыря, первые достоверные сведения о котором относятся к 1572 г. (рис. 43) [10].

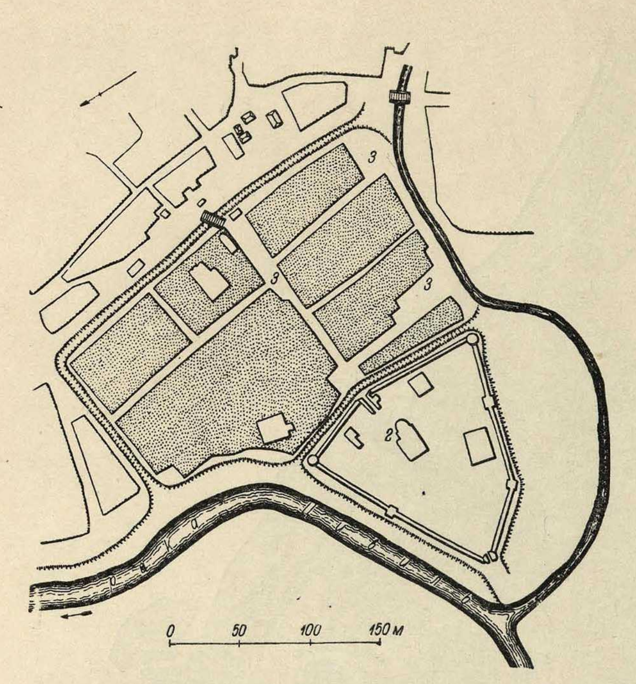


Рис. 44. Выкопировка из плана г. Цивильска 1768 г. *1*—крепость; *2*—собор; *3*—посад

В этих планах сразу же от площади, примыкающей к кремлю, виден стройный веер радиальных улиц. Некоторые изломы их нисколько не мешают ясности общей системы. В обоих планах заметны группы кварталов однообразной ширины, что свидетельствует о некотором стремлении к стандартизации усадеб. Резкое изменение в размерах кварталов и нарушение общей стройности планировочной системы мы видим лишь на окраинах посадов, где слободы развивались, повидимому, самостоятельно и лишь позже слились с городами в общий массив.

В планах этих городов встречаются улицы, как будто обнаруживающие стремление к образованию четырехугольных кварталов. Более определенно подобие прямоугольно-прямолинейной планировки выражено в укрепленном посаде г. Цивильска (построен в 1584 г.), где ясно видно стремление, разбить всю, правда очень небольшую, территорию на прямоугольные кварталы (рис. 44) [11]. Вероятно, планировка этого посада была связана, в виде исключения для XVI в., с организованным поселением определенной группы людей.

3. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Таким образом, в отношении планировки новых городов XVI в. можно установить следующие общие положения.

1) Уже в первой половине XVI в. в связи с изменением условий обороны государственных границ и успехами фортификационного искусства четко и совершенно определенно выявилась тенденция к строительству крепостей математически правильной формы. Практически, однако, этот тип крепостей на протяжении XVI в. не получил еще широкого распространения.

2) В планировке посадов и слобод новых городов продолжала действовать традиция постепенного роста по радиальной системе, несколько очищенной, однако, от искажений, связанных в старых городах с противоречиями в земельных взаимоотношениях. При этом в некоторых случаях радиальная система получает ясность и четкость, граничащую с характером преднамеренной планировки.

3) В отдельных случаях заметно образование квартальных групп по прямоугольно-прямолинейной системе и начало этой системы в построении общей сети улиц.

4) В целом планировка новых городов XVI в. может рассматриваться как переходный этап от постепенного развития городского плана к преднамеренной регулярной планировке.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РАЗВИТИЕ ПОГРАНИЧНОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА В XVII ВЕКЕ

1. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВЫХ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ ГОСУДАРСТВА

В результате польско-шведской интервенции хозяйственная жизнь страны оказалась в состоянии сильнейшего экономического разорения. События начала XVII в. задержали распространение русского населения на юг и юго-восток, задержали строительство новых городов.

Правительству царя Михаила Федоровича пришлось на первых порах заняться ликвидацией последствий интервенции, восстановлением аппарата власти на местах, окончательной очисткой центральных областей и окраин государства от бродивших повсюду шаек интервентов. Только после решения этих насущных задач правительство взялось за восстановление укрепленных рубежей и в связи с этим за дальнейшее строительство новых городов.

Одним из толчков для возобновления строительства городов на южной окраине явилось предательское поведение крымских татар во время русско-польской войны 1632—1634 гг. Русское правительство убедилось, что никакие договоры о мире с татарами не могут гарантировать спокойствия на южной и юго-восточной границах до тех пор, пока эти границы не будут надлежащим образом укреплены. Для осуществления этой цели с 1636 г. начато было строительство ряда городов, соединенных между собой различными укреплениями.

На Лесном Воронеже был поставлен город Козлов, в котором «устроены стрельцы и казаки и всякие жилецкие люди», «да от Козлова... на 12 верст учинен земляной вал, а по тому земляному валу поставлены три городка земляные с башнями... да в том же году для береженья от крымских и от ногайских людей... на поле на р. Цне поставлен город Танбов, а в нем устроены всякие служилые люди; да от Танбова к Козлову городу к земляному валу учинены надолбы; за Шацким же от поля на реке на Ломове поставлены два города Ломовы — Верхний и Нижний... и теми новыми городами и крепостями в Ряжских, Рязанских и в Шацких во всех местах татарская война от приходов укреплена» [1].

Уже сразу после постройки этих городов (в 1637 г.) им пришлось испытать натиск «татарских воинских людей», пытавшихся вторгнуться внутрь страны. Однако размещенные здесь войска не пропустили неприятеля, что вызвало у правительства намерение построить подобные же укрепленные линии и в других местах на юге и юго-востоке, «чтобы теми городами и острогами от крымских, от ногайских и от азовских людей... во всех укрепленных городах войну отнять» [2]. В ближайшие годы возникает еще ряд городов: Усерд, Яблонов, Короча, Вольный, Хотмыжск, Костенск. Уже в первой половине XVII в. строительство новых городов значительно отличается от строительства XVI в. Прежде служилые люди, как правило, посылались в укрепленные города на время, а не на «вечное житье». Правительство привлекало «приборных людей» из среды казачества, которое пополнялось людьми, уходившими из центральных областей от растущего феодального гнета, а также из числа преступников, ссылавшихся на окраины. Посады новых городов росли медленно, постепенно, без ясных признаков заранее организованного расселения.

Теперь, в 30-х годах XVII в., положение резко изменилось. В результате укрепления правительственного аппарата и усиления централизации правительство феодально-абсолютистской монархии могло распоряжаться большими массами людей по своему усмотрению. Проще всего, казалось, было бы переводить в новые города служилых людей из старых городов, но такая мера имела и свою отрицательную сторону — ослабление и опустошение старых центров. Поэтому вначале, при заселении Козлова, Тамбова и некоторых других городов правительство использовало свою силу иначе. Несмотря на сопротивление помещиков и вотчинников, оно особым указом разрешило выход из крестьянства массе обедневшего служилого люда, переселявшегося в новые города. Расширительное толкование этого указа открыло возможность для ухода от владельцев настоящих крестьян и холопов, вызвало массовый наплыв сельского населения в новые города.

В дальнейшем заселение новых городов, как правило, осуществлялось путем принудительного перевода служилых людей из других городов. Для «переведенцев», приходивших со своими женами и детьми, сразу создавались посады и пригородные слободы. В каждой из таких слобод поселялись служилые люди определенной категории. Так создавались почти у каждого города слободы казачьи, пушкарские, стрелецкие, солдатские, ямские и т. п. При этом правительством не только отводились земли для слобод, что имело место и ранее, но отведенная территория размежевывалась на основе определенных земельных норм, установленных для каждого рода службы. В пределах укрепленной части — острога — отводились, тоже по определенным нормам, дворы для «осадного сиденья». В мирное же время служилые люди жили и занимались своим хозяйством в слободах, которые в общей совокупности и составляли то, что в настоящее время мы называем городом.

Примером подобной организации комплекса населенного места и крепости может служить постройка в 1637 г. на р. Тихой Сосне г. Усерда, которая описана в «Строельной книге» этого города, составленной в 1637 г. его строителями — воеводами Бутурлиным и Нарбековым. В «Строельной книге» приводится перечень «строений в городе» (собор, погреба и пр.), затем указывается на размещение в пределах города осадных дворов, амбаров, лавок и тому подобных торговых помещений усердских «жилецких» стрельцов и пушкарей. При этом приводятся и земельные нормы осадных дворов, а именно: 229 казакам участки — «вдоль по 5 сажен, поперек по 3¹/₂ сажени», 27 стрельцам — «вдоль по 4 сажени, поперек по 3 сажени». Общее количество участков рассчитано было и на увеличение гарнизона — казаков до 500 человек, стрельцов тоже до 500 человек, пушкарей до 25 человек. Характерно указание на то, что в будущем «новоприборные» казаки, стрельцы и пушкари должны «селитца осадными дворы с теми же стрельцы и с казаки и с пушкари р я д о м».

Наиболее интересным в «Строельной книге» является описание слобод, дающее представление об организации основной селитебной части города. Так, в описании Казачьей слободы читаем: «за городом... вниз по р. по Сосне... устроена слобода Козачья, а в ней церковь... деревянная...,а к церкве дано земли — вдоль 30 сажен, поперек 20 сажен, а у церкви поп приходной, а земли ему дано под двор — вдоль 10 сажен, поперек 8 сажен. Да в той же Козачьей слободе дворы усердских новоприборных полковых конных казаков... 229 человек; а по мере дано человеку под д в о р о в у ю у с а д ь б у — вдоль по 15 сажен, поперек по 8 сажен; и всего отмерено под дворовые усады земель... казакам 500 человекам. И на своих дворовых усадах... казаки дворами поселились, а впредь новоприборным Усердским казакам... селитца в ряд, где нынеча по государеву указу отмерено на 500 человек» [3].

Аналогично описание Стрелецкой слободы, отличающееся лишь тем, что участки нарезаны были здесь по другой норме: для двора стрелецкого сотника отведен был участок размерами — вдоль 15 сажен, поперек 10 сажен, а для 27 рядовых стрельцов — участки по 10×6 сажен. Книга оканчивается подобными же описаниями Пушкарской и Станичной слобод. Таким образом, «Строельная книга» дает ясное представление о постройке города Усерда с его слободами по заранее составленной и обусловленной определенными нормами схеме, притом по схеме, которая учитывала не только нужды города в период его сооружения, но и предвидела дальнейший рост населения до размещения полного комплекта служилых людей. Отсюда видно, что уже в 30-х годах XVII в. новые города с их слободами вырастали не стихийно, а по заранее обдуманному плану. Стандартные же размеры участков свидетельствуют о равномерности кварталов по ширине, а следовательно и об известной регулярности планировки.

Некоторое представление о той планировке, которую описывает «Строельная книга»

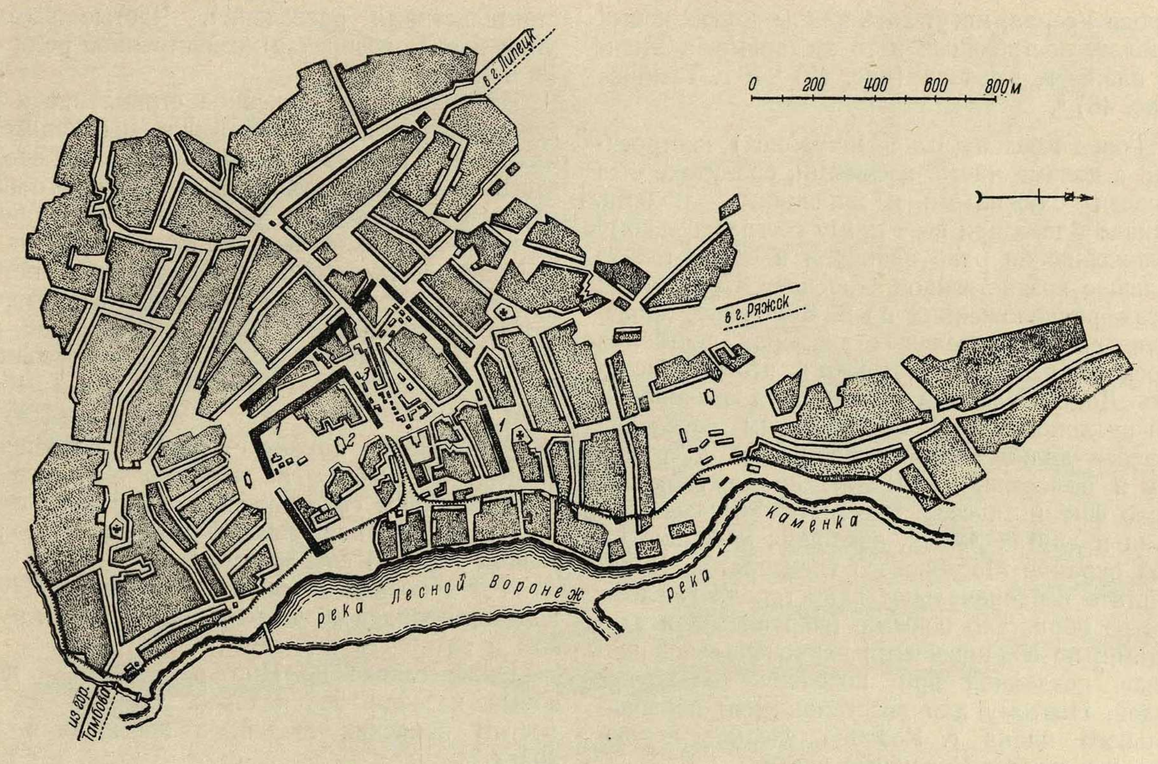


Рис. 45. План г. Козлова до перепланировки
1—крепость; 2—собор; 3—лавки

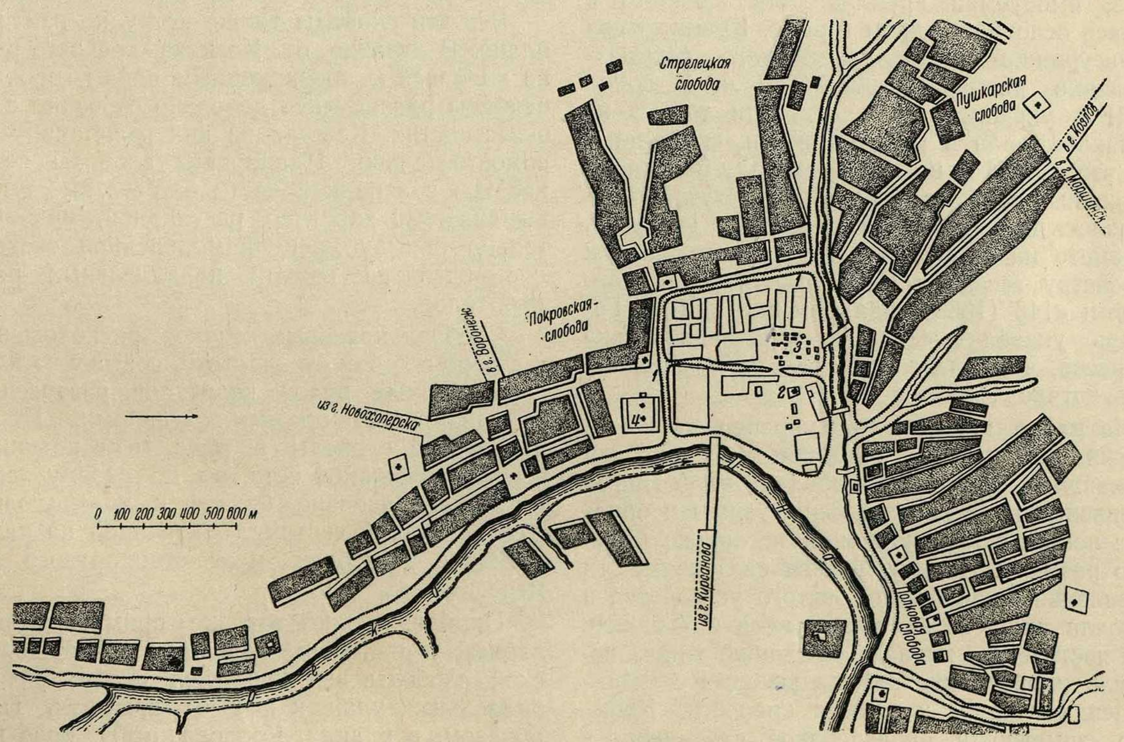


Рис. 46. План г. Тамбова до перепланировки
1—крепость земляная; 2—собор; 3—лавки; 4—м. монастырь

города Усерда, могут дать планы других новых городов, построенных в то же время, а именно планы г. Козлова (рис. 45) [4] и г. Тамбова (рис. 46) [5].

Город Козлов (ныне Мичуринск), построенный с целями чисто военными, сразу же был заселен служилыми и жилецкими людьми. Однако благодаря выгодному географическому положению он рано приобрел и сравнительно большое хозяйственное значение. В окрестных лесах, расположенных по р. Воронежу, производилась в значительных размерах постройка плоскодонных судов (стругов), чтобы перевозить Доном хлебные запасы для жалования войску донскому. В связи с этим население Козлова должно было пополняться и торговым и ремесленным людом; кроме того, оно росло еще и за счет множества беглых крестьян и других людей, искавших убежище на этой окраине Московского государства. В результате первоначальное ядро города Козлова быстро обрастало новыми кварталами и слободами, не подчиненными первоначальной разбивке, созданной при поселении служилых людей. Поэтому для восстановления первоначального плана г. Козлова следует исключить все его периферийные части.

В центре города, как указано в описании конца XVIII в., находилась «градская крепость, именуемая кремль». Эта крепость и явилась основным ядром города. Кремль имел конфигурацию почти правильного четырехугольника размерами 420×380 *м*. В конце XVIII в. укрепления его состояли только из земляного вала и рва. Имеются сведения о том, что в XVII в. на земляном валу находился деревянный острог с 15 башнями. Случайно сохранилось имя строителя козловской крепости. В помете на одной из бумаг, относящейся к устройству засеки у Переяславля Рязанского читаем: «146 (1638) года мая в 16 де(нь) Государь указал сыскати горододельца Ивана Ондреева, что делал в Козлове, и послать тотчас . . .» [6].

На плане видно и расширение крепости, включившей площадь, общественные здания и ближайшие кварталы предместья. Новые укрепления идут параллельно старым и образуют новый четырехугольник несколько большего размера. По имеющимся сведениям, эти укрепления были более простого устройства и состояли лишь из земляного вала и 7 башен. Как явствует из плана, ближайшие улицы получили направление параллельное, а с юга — перпендикулярное к стенам крепости. Кроме того, заметно и определенное стремление к равномерной ширине кварталов, вызванное обстоятельствами расселения. Частые выходы улиц к воде говорят о хозяйственной роли реки в жизни города.

Еще более определенное стремление к регулярной разбивке территории мы видим на плане г. Тамбова. Конфигурация крепости здесь также приближается к четырехугольнику, хотя и несколько изогнутому со стороны реки. Продольным рвом крепость разделена на две части — восточную и западную; в восточной части помещались церковь и обычные административные строения, а в западной, повидимому, находилась слобода пеших казаков, о которой упоминается в «Древнем Тамбовском летописце».

О населении других слобод в «Летописце» читаем: «А слободы на посаде около того города поселены сведенцами из Шатского города, из Переславля Рязанского, из Коломны, разных городов сведенцами.

. . . На посаде за речкою Студенцом Пушкарская слобода 40 человек, росписаны к пушкам и затинным пищалям.

Ниже города по Цне реке слобода полковых казаков 500 человек. Служба их по вестям воинских людей, в посылках, в походех. . .

Вверх города на Цне реке слобода Покровские тяглые крестьяне, а в 156 году (1648 г.) написаны те крестьяне в полковые казаки. . .» [7]

Все эти слободы также нетрудно найти на плане. В отличие от Козлова крепость здесь не являлась композиционным ядром города, и слободы раскинулись довольно свободно в его окрестностях. Каждая из них распланирована самостоятельно. Планировка слободы пеших казаков в западной части острога имеет ясно выраженный характер регулярной, приблизительно прямоугольно-прямолинейной системы, состоящей из восьми параллельных рядов кварталов.

Слобода полковых казаков, расположенная к северо-востоку от крепости, состоит из 9—10 параллельных рядов кварталов, разделенных приблизительно прямыми улицами. Планировка этой слободы в ряде мест подчинена изгибам овражной сети, но по своему характеру она довольно близка к прямоугольно-прямолинейной системе, основанной на размежевании усадебных мест стандартного размера.

Приблизительно тот же примитивно-регулярный характер имеет и планировка Покровской слободы, вытянувшейся вдоль трех параллельных улиц к югу от крепости. Таким образом, в планах Козлова и Тамбова идея стандартной разбивки выражена значительно

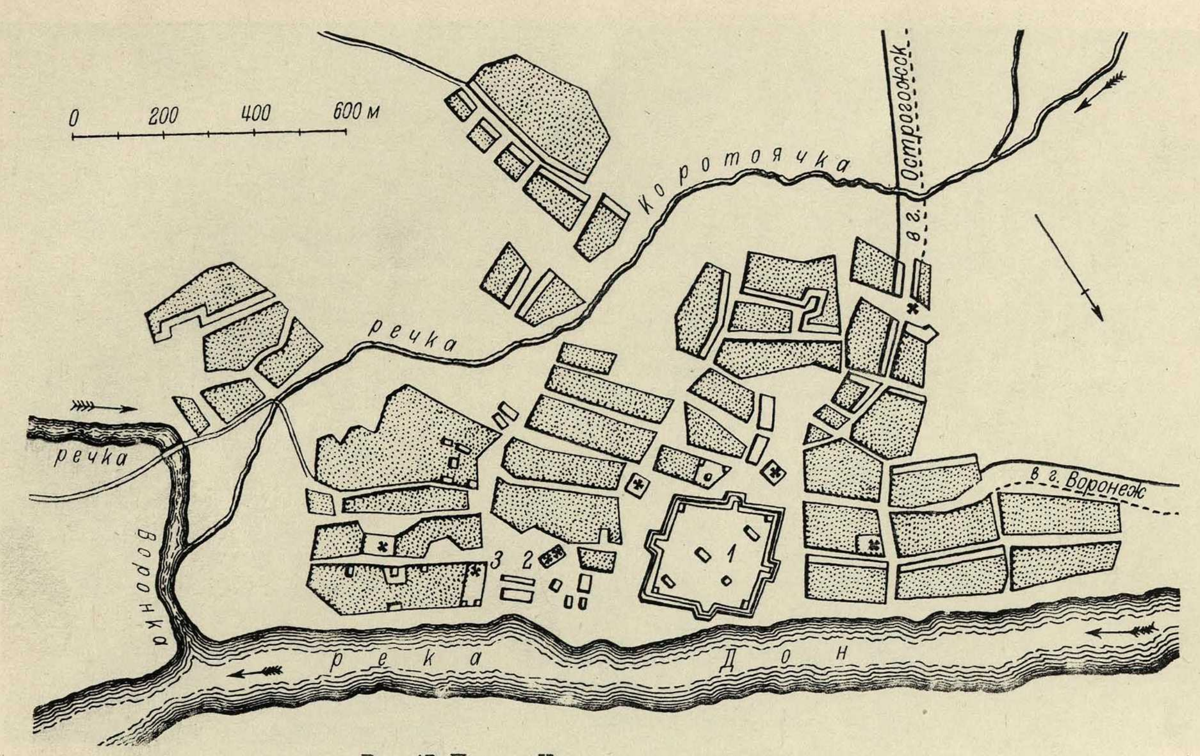


Рис. 47. План г. Коротояка до перепланировки
1—земляной вал с деревянной стеной; *2*—собор; *3*—м. монастырь

определеннее, нежели в приведенных ранее планах новых городов XVI в.

В царствование Алексея Михайловича строительство новых городов получило значительное развитие в связи с дальнейшим укреплением и расширением государственных границ. Новые города, создававшиеся с этого времени на территории европейской части России, могут быть разделены на три группы:

1) Города, которые строились правительством и заселялись русскими «переведенцами» и «сходцами» для обороны центральной части государства и вновь занимаемых территорий на «диком поле», т. е. в степи, не принадлежавшей каким-либо народностям и лишь временно занимавшейся кочевниками-татарами.

2) Города, которые строились и заселялись с разрешения и при содействии московского правительства украинскими выходцами из Польско-Литовского государства (Речи Посполитой). Города эти имели двойное назначение: во-первых, в качестве убежищ для населения, бежавшего от гнета польско-литовских панов; во-вторых, в качестве пунктов обороны южных и юго-западных рубежей Русского государства.

3) Города, которые строились правительством для закрепления и расширения своего влияния в Поволжье среди народностей, вступавших в состав централизованного Русского государства.

Первая группа городов возникла, главным образом, в связи с оформлением так называемой Белгородской черты, как крайней пограничной линии. В состав этой черты вошло 27 городов, причем половина из них была основана еще в предыдущее царствование. Из городов, находившихся на самой Белгородской черте, лишь Острогожск и Ахтырка были устроены украинскими выходцами и потому должны быть отнесены ко второй группе. Большинство крепостей Белгородской черты в XVIII в. прекратило свое существование в качестве городов и потому не было подвергнуто топографической съемке в период, предшествовавший массовой перепланировке городов. Из немногих дошедших до нас планов городов этой группы наибольший интерес представляют планы г. Коротояка и г. Белгорода.

Город Коротояк был построен в 1648 г. на правом берегу Дона при впадении в него речек Коротоячки и Воронки. Крепость представляла собой правильный четырехугольник (почти квадрат) периметром около 1000 *м* (рис. 47) [8].

По описи 1648 г. внутри крепости находились: собор, съезжая изба, воеводский дом

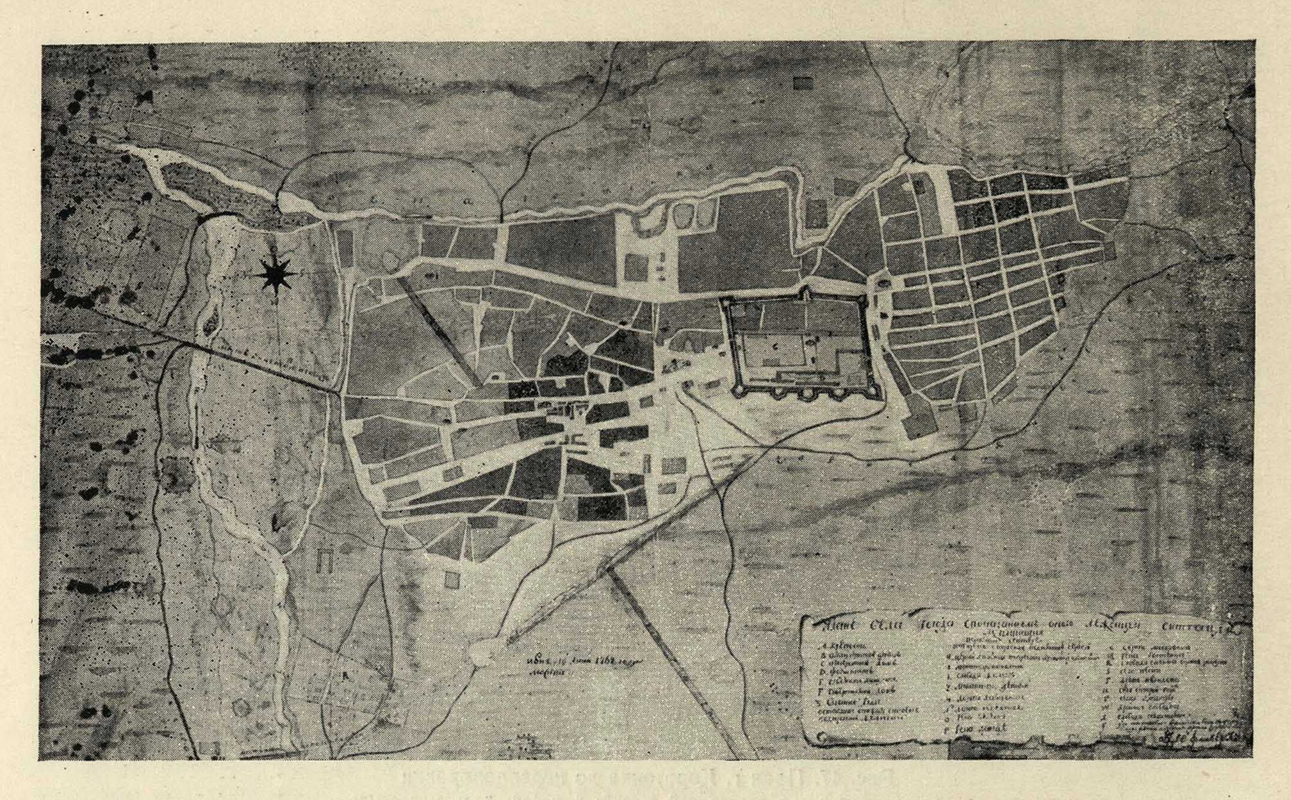


Рис. 48. План г. Белгорода 1767 г.

и, — что для нас представляет наибольший интерес, — осадные дворы на 500 человек. Вокруг «города» с отступом от него на 64 *м* были расположены три слободы для 450 служилых людей. Население состояло из переселенцев, пришедших из Воронежа, Ефремова, Лебедяни, Епифани, Данкова и других мест. Повидимому, переселение сопровождалось одновременным землеустройством, так как на плане ясно видно стремление разместить усадебные участки в кварталах равномерной ширины, образующих приблизительную прямоугольно-прямолинейную систему, которая охватила все три слободы, т. е. всю селитебную территорию в целом. Здесь нет уже и следа традиционной сети постепенного радиально-кольцевого роста вокруг кремля, но тем не менее крепость с ее 30-саженной (64 *м*) эспланадой образует ясный центр города, четко включенный в общую композицию плана.

Главный пункт Белгородской черты — г. Белгород был основан еще при царе Федоре Ивановиче в 1593 г. Из «Книги Большому Чертежу» узнаем, что Белгород стоял на правой стороне Донца, на Белой горе, и после «литовского разорения» был перенесен на другую сторону Донца. Впоследствии (не позднее 1665 г.) Белгород был опять перенесен на правый берег, на то место, на котором он находится и в настоящее время.

В 1678 г. Белгород был уже одним из наиболее значительных городов Русского государства. По описанию он состоял из внутреннего деревянного острога периметром около 649 саж. (1385 *м*) с 10 башнями и внешнего земляного вала периметром 1588 саж., (3390 *м*), охватившего город от речки Везелки до реки Донца.

В плане города 1767 г. (рис. 48) [9] видны три основные части: центральная крепость правильной четырехугольной формы и два массива слободской застройки — восточный и западный. Земляной вал, охватывавший весь этот комплекс, уже исчез, но по контуру освоенной территории можно судить о бывшем его положении.

На плане Белгородской крепости XVII в. (рис. 49) [10] хорошо видна внутренняя ее планировка. Вдоль всей северной продольной стены вытянулась длинная прямоугольная площадь с редко расположенными на ней различными строениями. В середине к ней примыкает также прямоугольная площадь, углубляющаяся внутрь крепости к югу. Таким об-

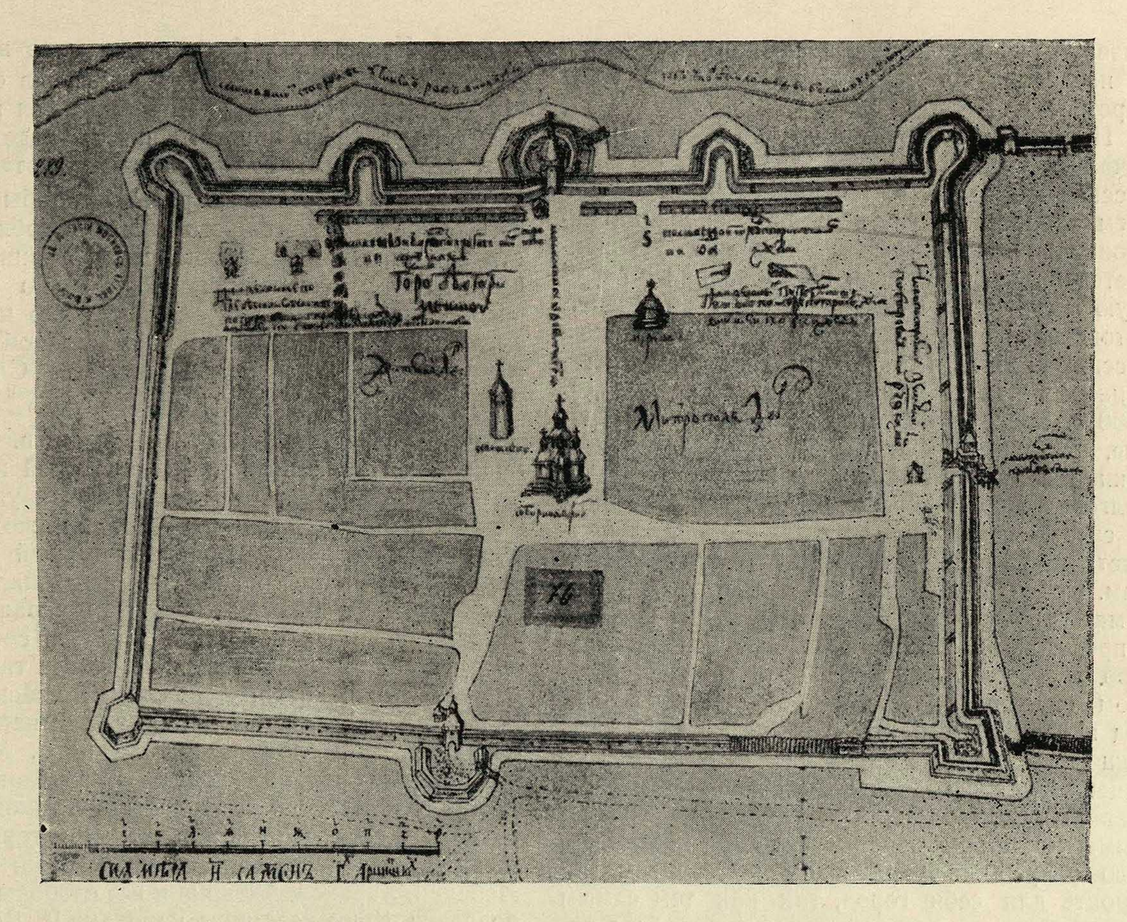


Рис. 49. План крепости г. Белгорода (с чертежа XVII в.)

разом, получилась общая площадь Т-образной формы, с короткой вертикальной частью, на которой расположена была соборная церковь с отдельно стоявшей колокольней. С восточной стороны соборной площади — большой прямоугольный квартал митрополичего двора, занимающий почти четверть всей застроенной территории крепости; с западной стороны — меньшего размера «жительный» двор, огороженный, по описанию 1678 г., дубовыми бревнами. Вся остальная территория крепости разбита на относительно правильные прямоугольные кварталы различных размеров, в которых было размещено 76 дворов военного начальства и духовенства, а также некоторых из белгородских «жилецких» людей. В отличие от планировки кремлей в старых городах, носящей следы постепенного развития, здесь несомненно имела место регулярная разбивка по заранее обдуманному плану, подчиненная определенному композиционному замыслу.

Восточная часть предместья, повидимому, более раннего происхождения. Она имеет все черты старых городов, медленно выросших по примитивно-радиальной системе, с чрезвычайно неправильной сетью улиц и переулков и с кварталами самой неопределенной формы. Полной противоположностью ей является стрелецкая слобода, расположенная, согласно описанию, за городом — между валом и речкой Везелкой, то есть так, как на плане расположена западная слобода. Прямоугольно-прямолинейная планировка хотя и не достигла здесь полного выражения, но она все же яснее, нежели во всех ранее рассмотренных планах, и, кроме того, охватывает территорию большого самостоятельного района. Обращают на себя внимание сравнительно небольшие размеры кварталов по ширине, что соответствует упомянутому описанию, по которому воеводский двор имел размеры 26×22 саж. (55×47 *м*), а дворы жилецких людей — по 6×5 саж. (13×10,5 *м*).

Перейдем теперь к рассмотрению новых городов, возникновение или заселение которых

вызвано было массовым переходом украинского населения на территорию Русского государства.

Переселения небольших групп из Литвы начались уже со времени завоевания ею ряда русских княжеств. В конце XVI в. под влиянием крепостного гнета и преследований национальной культуры значительно увеличивается число украинцев, поступающих на русскую государеву службу. Однако до 1639 г. литовские выходцы размещались в окраинных русских городах и становились такими же подданными, как и русские служилые люди. В 1638 г. после неудачного восстания на Украине, вызванного усилением польской политики жестокого национального угнетения, в Белгород явилось сразу около тысячи казаков со своими семьями и со всем домашним имуществом, во главе с гетманом Яцком Остряниным. Среди прибывших было немало крестьян и мастеровых. Пришельцы обратились к царю с просьбой принять их под свое покровительство и «устроить на вечное житье на Чугуевском городище», причем они обязались «город и острог поставить сами». Чугуево городище находилось в степи, далеко впереди границы государства, хлебные запасы могли доставляться туда лишь с большими опасностями, но тем не менее московское правительство разрешило украинским эмигрантам построить для себя город, так как тем самым оно получало передовой оплот в борьбе с татарами. Кроме того, были приняты во внимание и соображения самих пришельцев о том, что если их будут отправлять партиями в разные города, то по дороге у них пропадет весь скот и пчелы, и от этого они «оскудеют» [11].

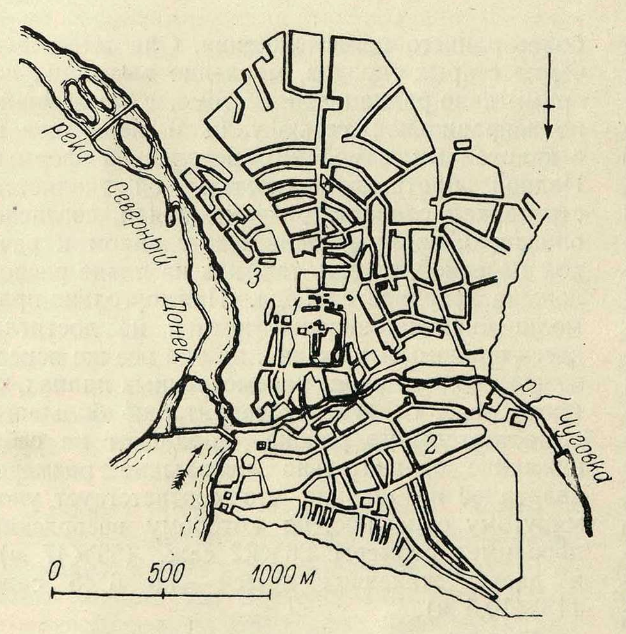


Рис. 50. План г. Чугуева до перепланировки
1—крепость; *2*—слобода Зачуговка; *3*—слобода Осиновка

Вскоре крепость и дворовые усадьбы были с помощью правительственного пособия построены, и, таким образом, сразу возник новый город с населением в несколько тысяч человек. Основание Чугуева положило начало организованному заселению большой области, получившей впоследствии название Слободской Украины.

События первой половины XVII в. укрепили среди украинцев сознание своей национальной близости с русским народом, укрепили их в мысли о том, что только в братском единении с ним лежит решение стоящей перед украинским народом задачи национального освобождения. Но до 1651 г. у украинских казаков были еще надежды добиться свободы путем самостоятельной борьбы. После тяжелого поражения, которое украинское войско понесло под Берестечком в 1651 г., эти надежды рухнули, и Богдан Хмельницкий... «повелел народу вольно сходить с городов, кидаючи свои набитки ку Полтавщине також и за границу у Великую Россию, а бы там городами оседали. И от того часу стали оседати: Суми, Лебедин, Харьков, Ахтирка и все слободы даже до речки Дону казацким народом» [12]. Все эти города, подобно Чугуеву, заселялись сразу целыми полками казаков, организованно являвшихся сюда со своими семьями и домашним скарбом. Подобное заселение должно было, конечно, происходить в определенном порядке и сопровождаться разбивкой селитебной территории на стандартные усадебные участки, а следовательно, и в известной мере сопровождаться регулярной планировкой городов.

Ознакомимся с планами этих городов в том их состоянии, в каком они находились перед реконструкцией екатерининского времени, т. е. до того момента, когда исчезли следы первоначальной планировки XVII в. Первоначально город Чугуев (рис. 50) [13] состоял, повидимому, из небольшой четырехугольной крепости, расположенной у впадения речки Чуговки в реку Сев. Донец. Посад вытянулся в виде сектора к югу от крепости между крутым берегом Сев. Донца и оврагом Березовым. Если отбросить периферийные слободы, вероятно, позднейшего происхождения и продлить всего два тупиковых переулка, то перед нами окажется довольно стройная радиально-кольцевая (вернее радиально-полигональная) сеть улиц. Частота колец и их сравнительная

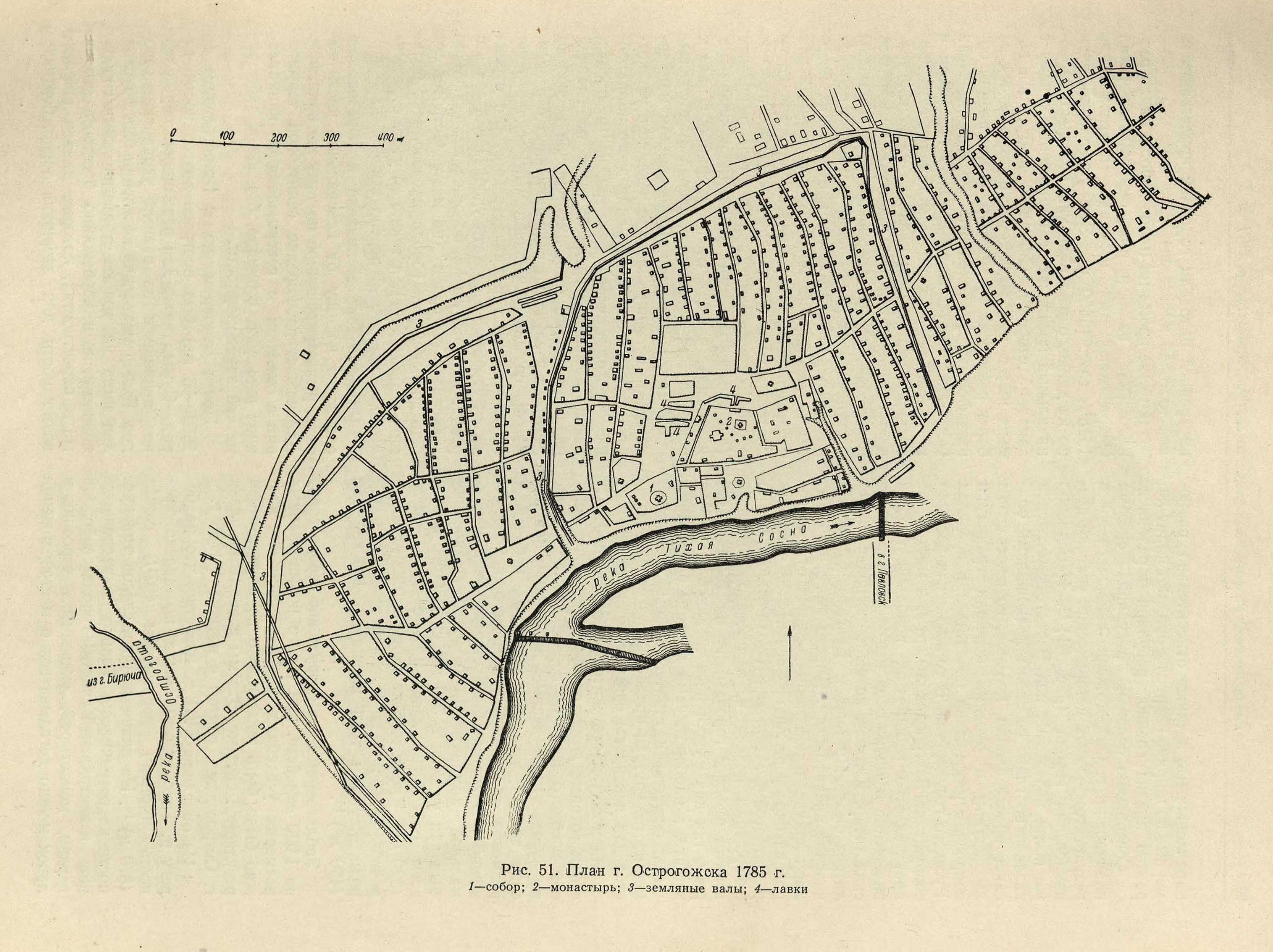


Рис. 51. План г. Острогожска 1785 г.

1—собор; *2*—монастырь; *3*—земляные валы; *4*—лавки

параллельность, а также относительно равномерные по ширине кварталы придают плану характер преднамеренной регулярной разбивки.

Совершенно очевидна регулярная система планировки г. Острогожска, явившаяся здесь результатом особых исторических условий возникновения города (рис. 51) [14]. Немедленно же после поражения под Берестечком тысяча казаков во главе со своим полковником, опасаясь преследования поляков, со всем своим имуществом и семьями перешли границу и попросили разрешения поселиться в пределах Русского государства. В то время как раз шло сооружение Белгородской черты, и московское правительство решило их использовать для включения в линию обороны от набегов крымских татар. Казакам не было позволено поселиться около Путивля и Белгорода, как они вначале предполагали. Вместо этого в 1652 г. царь приказал построить для них особый город на берегу р. Тихой Сосны, близ впадения р. Острогощи. Место для города было выбрано совершенно ровное и, в противоположность многим русским городам, не на высоком берегу, так как казаки не нуждались в особой защите, а наоборот, сами должны были защищать опасную в стратегическом отношении местность, которая представляла особые удобства для переправы ордынских хищников.

На новом месте жительства украинцы застали готовые дома, снабженные даже запасом хлебного зерна на первое время. Дворовые усадьбы, отведенные поселенцам на посаде за острогом, были весьма небольших размеров, так как из стратегических соображений необходимо было стремиться к максимальной компактности города. Полковнику был дан участок в 300 кв. саж. (1365 $м^2$), а всем остальным казакам — по 70 кв. саж. (320 $м^2$). Кроме того, каждому из них при дворовой усадьбе была отведена земля для огорода, клуни и тока площадью 108 кв. саж. (490 $м^2$) [15].

Заблаговременное сооружение города сразу на 1 000 семейств, при строго нормированных размерах усадебных участков, конечно, должно было быть произведено по определенной регулярной системе. Это мы и видим на плане г. Острогожска, снятом с натуры в 1785 г.

Из описания XVII в. известно, что на берегу р. Тихой Сосны была поставлена крепость (острог) периметром 407$^1/_2$ сажен (870 *м*) [16]. На плане, однако, следов этой крепости не сохранилось. Только по расположению в центральной части города соборной церкви, монастырей, «казенных» строений и лавок можно догадываться о местоположении внутренней цитадели города и прилегавшей к ней торговой площади.

В то же время на плане хорошо видно расположение вала и рва, окружавших посад Острогожска и имевших протяженность 1618$^1/_2$ саж. (3450 *м*). Эти укрепления, судя по их длине, охватывали уже не только первоначальный посад, но и приращение к нему с западной стороны. Общая конфигурация посада имеет вид полуовала, опирающегося на берег реки, как на диаметр. В построении общей формы укрепленного посада строители Острогожска следовали древним традициям и не перенесли принципа математически правильного обрамления крепости на конфигурацию города в целом. Однако во внутренней планировке здесь совершенно ясно выражены отступления от радиальной системы и переход к сети параллельных улиц, создающих кварталы равномерной ширины, необходимой для соблюдения нормы надела. В средней части посада, повидимому, первоначальной, имеется около 15 таких улиц, приблизительно прямых (лишь с небольшими изломами и плавными изгибами), идущих от периферийного вала к реке. Во всех трех частях посада имеется свыше 30 подобных улиц. В поперечном направлении, то есть параллельно реке, сеть улиц отсутствует. Лишь одна улица этого направления проходит через все три части посада, сильно ломаясь в средней части на главной площади. Кроме того, имеется еще несколько коротких и случайно расположенных отрезков, не образующих общей системы. Расположение сети основных улиц свидетельствует о стремлении строителей создать удобнейшую связь с рекой, которая имела большое хозяйственное значение для города (на месте Острогожска еще до основания города производился большой рыбный торг), а также об учете стратегической роли речной переправы.

Развитие города привело к образованию слободы к востоку от центральной части посада, распланированной по тому же принципу. Дальнейшее расширение селитебной территории в северном и северо-западном направлениях шло уже стихийно, без какой-либо заметной закономерности.

Почти одновременно с Острогожском (в 1652—53 гг.) был построен другой новый город—Сумы, также для размещения переселенцев, явившихся из разных украинских городов. Выбор места для поселения был обусловлен здесь не только стратегическими соображениями, но и необычайно богатыми угодьями в окрестностях, которые давали широкие возможности для звериной ловли, бортниче-

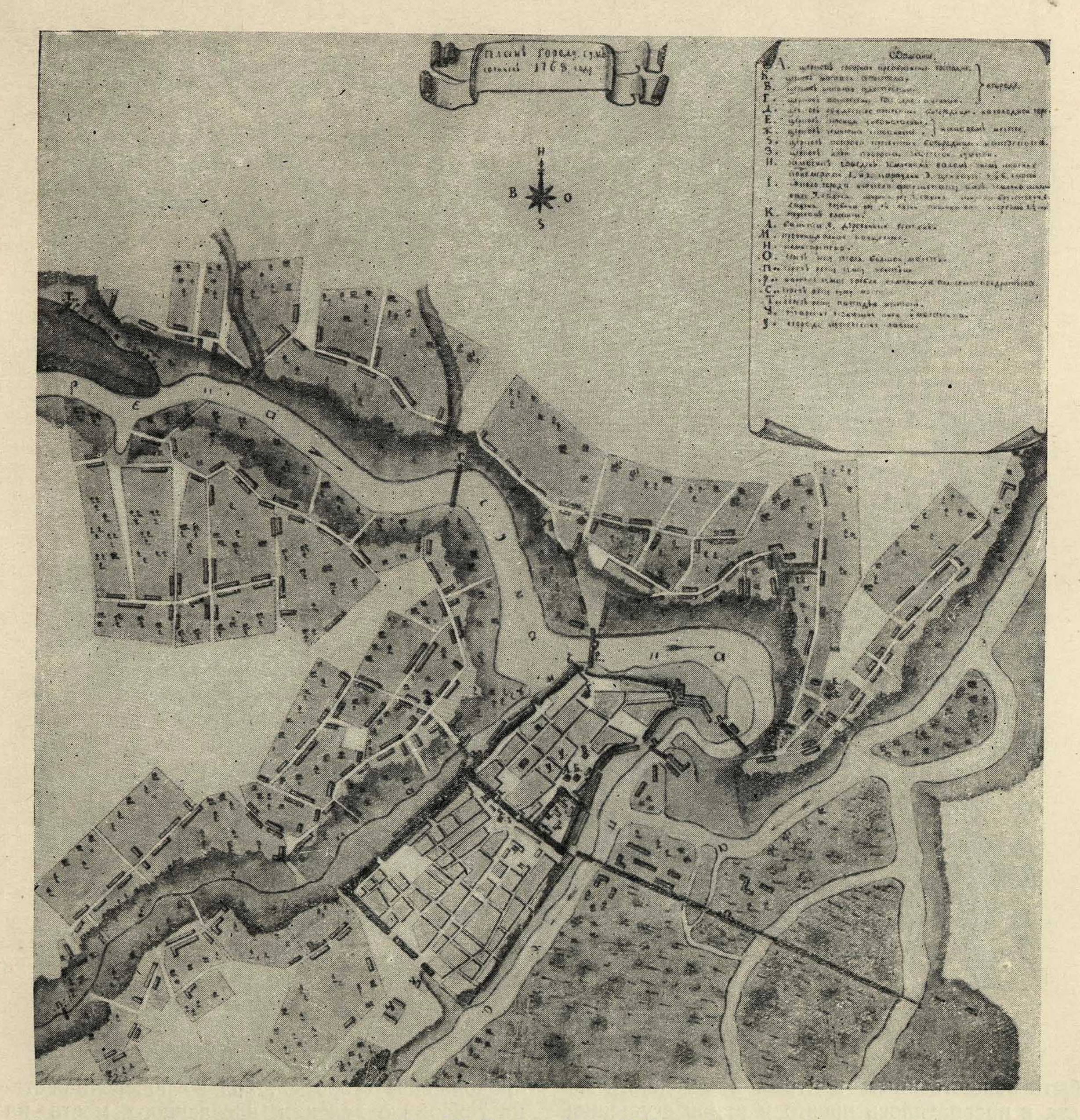


Рис. 52. План г. Сумы 1768 г.

ства, гонки смолы и дегтя, устройства водяных мельниц и т. п. На плане города 1764 г. обращает на себя внимание прежде всего то, что «кремль» получил здесь новую трактовку (рис. 52) [17]. Мыс, омываемый тремя водными протоками (рекой Псёл, рекой Сумой и речкой Сумкой), укреплен по бровкам береговых откосов валом с деревянной стеной по четкому геометризованному контуру с явным стремлением к прямоугольным очертаниям. В отношении использования рельефа первоначальное ядро города следует отчасти древним традициям, но с учетом новых требований фортификационного искусства. По внутренней же планировке оно представляет собой настоящий город с многочисленными, большей частью прямоугольными кварталами, прямоугольно-прямолинейной сетью улиц, несколькими небольшими площадями. Размер этого «города» по длинной оси около 746 *м*, то есть почти равен длине Московского Кремля. Здесь, таким образом, укрепленное ядро перестало

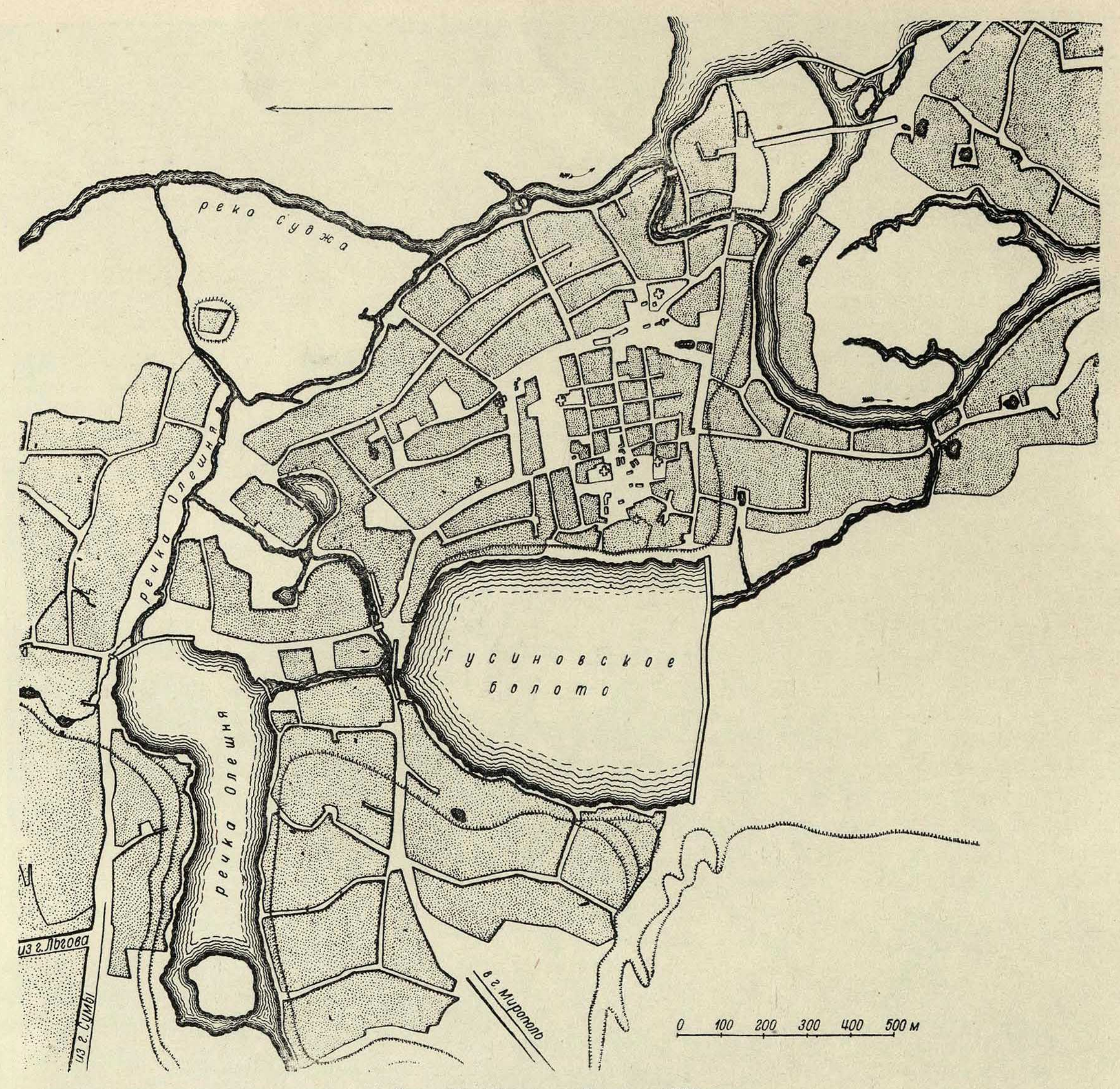


Рис. 53. План г. Суджи 1783 г.

быть общественным центром населенного места и превратилось просто в район сгущенной компактной застройки, позволившей разместить значительное количество населения на сравнительно небольшой и хорошо укрепленной территории. В то же время здесь в одном из углов находилась небольшая внутренняя цитадель. О назначении подобной цитадели имеется определенное указание в описании города Царева-Борисова: «к осадному времени для малолюдства в том же городе внутре зделан малый городок» [18].

Отличается от обычного типа и посад города Сумы. Как по своему расположению и конфигурации, так и по внутренней планировке он представляет собой непосредственное продолжение «города». Только поперечная стена говорит о делении населенного места на две отдельные части. В противоположность обычным посадам кварталы здесь даже мельче, нежели в самом «городе», а планировка еще более геометрична.

Другой особенностью города Сумы является полное единство внешней конфигурации и системы внутренней планировки. Координатные оси, по которым расположены прямоугольные элементы укреплений, послужили основой и для начертания внутренней прямоугольно-прямолинейной сети улиц.

Выделяются Сумы среди других городов и по взаиморасположению центрального укрепленного ядра и прилегающих к нему с двух сто-

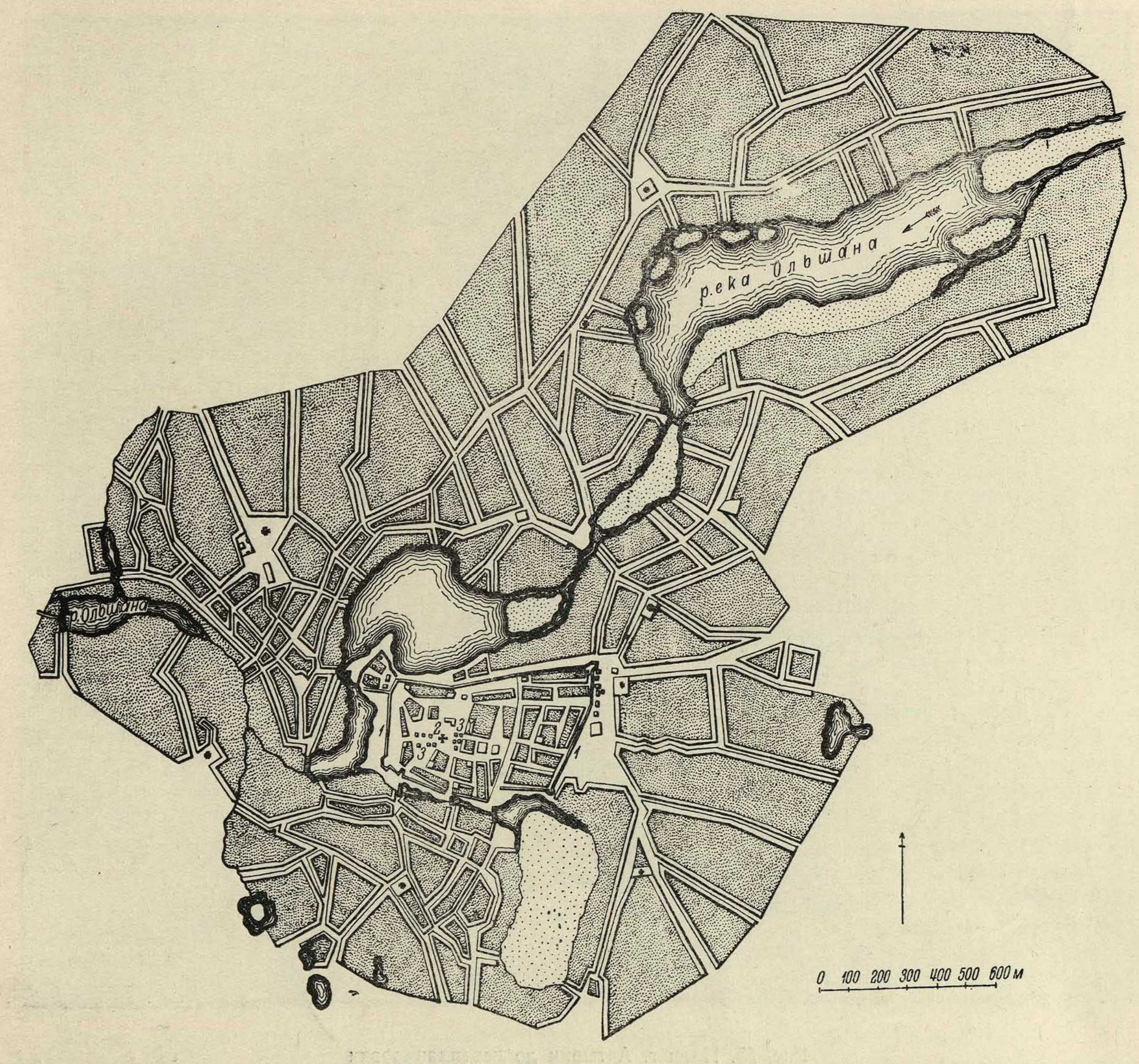


Рис. 54. План г. Лебедина до перепланировки
1—земляная крепость; *2*—собор; *3*—красные ряды

рон слобод. Обычно слободы русского города вырастали на дорогах, идущих от кремля и, хотя имели часто вполне самостоятельную планировку, все же были ориентированы на главный центр поселения. Сумские же слободы подчинены исключительно топографическим особенностям территории, и их планировка совершенно независима от центра.

Все эти особенности придают плану г. Сумы в целом весьма своеобразный характер, почти уникальный для русского градостроительства XVII в. Однако его отдельные элементы встречаются и в ряде других городов Слободской Украины. Так, более или менее регулярную планировку, составляющую основу укрепленного центра и противостоящую свободной планировке окружающих слобод, мы видим на планах Суджи (рис. 53) [19], Лебедина (рис. 54) [20] и Ахтырки (рис. 55) [21].

Характер укрепленного населенного пункта имело первоначальное ядро многих городов Слободской Украины, которые строились в местности, открытой для татарских набегов. Украинцы, переселявшиеся сюда целыми полками, со своими семьями и со всем своим имуществом, должны были сразу же решать две задачи. Во-первых, им необходимо было построить жилье для размещения своей семьи и

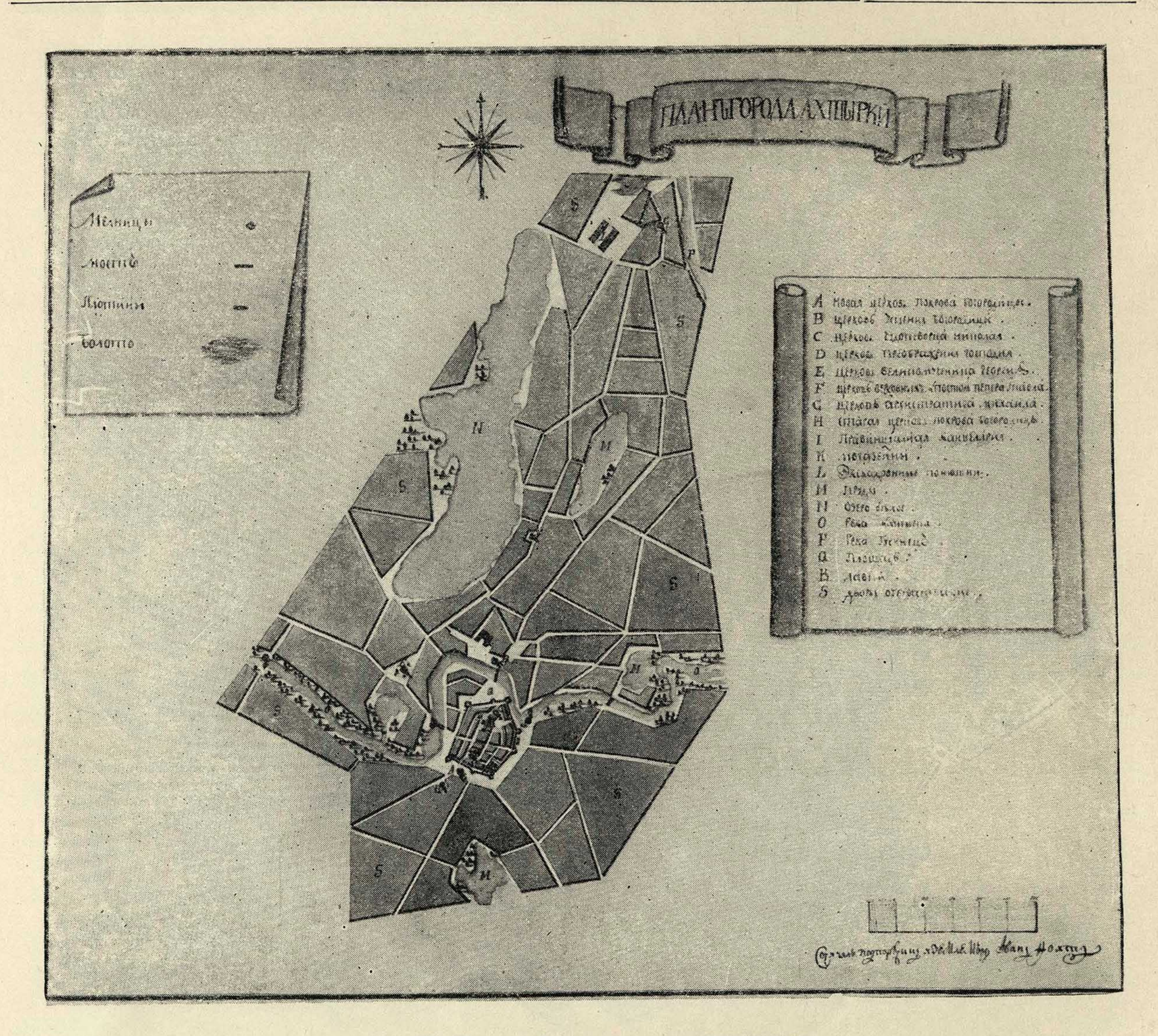


Рис. 55. План г. Ахтырки до перепланировки

хозяйства. Этой цели, конечно, не могли удовлетворить такие «осадные дворы», которые устраивались в качестве временного убежища в старых русских кремлях, где люди жили во время осады в страшной тесноте и неудобствах. К тому же каждая из оседавших украинских семей должна была получить свой собственный участок сразу же и в расчете на длительное время, ибо состояние тревоги было в сущности постоянным. Вторая задача заключалась в укреплении освоенной территории. Таким образом, поселения, которые строились в открытой местности, являлись, в сущности, долговременными укрепленными лагерями. Развитие открытых слобод оказывалось возможным лишь после обеспечения безопасности в крае и перенесения основного фронта борьбы с татарами далее к югу. В Сумах и других городах аналогичного типа эта двойная задача решалась таким образом, что строился укрепленный город сразу для всего комплекта дворов с небольшой внутренней цитаделью (городком) чисто военного, оборонительного значения.

Однако в Слободской Украине имеются и иные примеры, когда одновременно или почти одновременно возникает укрепленный центр, приближающийся по своему значению к традиционному русскому кремлю, и рядом с ним более или менее регулярно распланированный посад, служащий для размещения постоянных, сравнительно просторных усадеб.

Регулярность планировки в XVII в. являлась результатом землеустройства сразу большой партии поселенцев в одном каком-либо месте. Между тем заселение Слободской Украины, продолжавшееся и после присоединения к России Левобережной Украины, до начала XVIII в. происходило весьма неравномерно и в весьма различных условиях.

Чаще переселенцы являлись отдельными партиями и притом из самых различных местностей. Нередко основание тому или иному пункту закладывали выходцы одной местности, а к ним потом приходили уже «сходцы» отовсюду [22]. При подобных условиях, конечно, не могло быть и речи о регулярной планировке, и действительно на планах весьма многих селений Слободской Украины следов такой планировки нет.

Тем не менее остается неоспоримым фактом, что период воссоединения русского и украинского народов ознаменовался значительным расцветом регулярной планировки. Этот факт опровергает ходячее мнение о том, что «сознательное» градостроительство в России появляется лишь с петровского времени под влиянием Леблона и других иностранных архитекторов и инженеров.

К аналогичному выводу приводит ознакомление и с третьей группой новых городов, возникших в XVII в. в результате развития связей русского народа с народами Поволжья.

2. СТРОИТЕЛЬСТВО НОВЫХ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ НА ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ

Успех Козловско-Тамбовской линии, давшей возможность отразить попытки неприятеля в 1637 г. вторгнуться внутрь страны, побудил правительство приступить к постройке подобных же укреплений и в других местах на юге и на юго-востоке. Осуществилась эта мысль, однако, лишь через 10 лет в виде Симбирской черты, сооружение которой началось в 1648 г. построением начального пункта на правом берегу Волги — Симбирска (ныне г. Ульяновск).

От нового города в юго-западном направлении был возведен вал с деревянным тыном, окаймленный снаружи рвом. В лесных местах вал заменялся засеками (завалами подрубленных деревьев). В наиболее опасных местах черта была укреплена острогами и острожками, окруженными стенами с башнями и рвами. На протяжении всей черты, от Симбирска до крайнего пункта на юго-западе — города Инсара, было устроено восемь острогов. За Инсаром черта продолжалась до соединения с Тамбовской укрепленной линией.

Построенная в течение 6 лет Симбирская черта являлась пограничной линией. При этом внутренняя сторона за чертой была отнесена к Русскому государству, а внешняя получила название Ногайской, Крымской или степной.

Устройство Симбирской черты позволило интенсивно освоить значительную территорию на правой стороне Поволжья, южнее Казани примерно километров на 200. Значительно сложнее обстояло дело с обороной левой, луговой стороны Поволжья. Здесь почти полными хозяевами были сначала ногайцы, а с 30-х годов XVII в. новый кочевой народ — калмыки.

Для защиты русских поселенцев правительство вначале предпринимало ряд отдельных, разрозненных мероприятий, как, например, постройку острогов и городков в наиболее уязвимых местах. Непрекращавшийся прилив новых переселенцев в закамские земли и недостаточность временных мер для их защиты вызвали в самом начале 50-х годов XVII в. составление «росписи и чертежа Закамской засечной земле», по которой должны были быть выстроены «городы и жилые и стоялые остроги и всякие засечные и земляные и деревянные крепости от р. Волги до Ику реки и по Ику вниз до Камы реки». Составленный проект черты был отправлен на рассмотрение в Москву в Казанский приказ. Здесь все материалы были рассмотрены, одобрены и в 1652 г. посланы обратно в Казань с повелением, чтобы было устроено все «по росписи и чертежу, в которых местах городком и острогом и засечным крепостям быть пристойно. . .» [23].

Работы по устройству Закамской черты начались в том же 1652 г. По мере ее осуществления сюда направляли «переведенцев» из разных мест как для временного пребывания, так и на «вечное житье». В результате построения черты в период 1652—1657 г. на луговой стороне Поволжья появился ряд новых городов-острогов: Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, Кичуевский острог, Заинск, Мензелинск, Билярск и др.

Под защитой Симбирской и Закамской укрепленных линий заселение правой и левой сторон Поволжья пошло весьма успешно. Уже в 60-х годах XVII в. были разобраны все свободные земли на внутренней, русской стороне Правобережья, и новые пришельцы должны были занимать земли по другую сторону вала на Крымской стороне, не защищенной и подвергавшейся большим опасностям.

В связи с усилением крепостного гнета большое количество крестьян и других недовольных людей устремлялось из внутренних областей России в поволжскую окраину, где естественные богатства создавали благоприятные условия для расселения. К тому же, местные землевладельцы, нуждаясь в рабочих руках, всячески старались укрывать беглых от сыщиков. Таким образом, в 60-х годах XVII в. на территории Низового Поволжья скопились значительные массы угнетенного посадско-крестьянского населения. Эти массы приняли активное участие во второй крестьянской войне, поднявшейся сначала на Дону, а затем перекинувшейся под руководством Разина и в Поволжье.

После поражения Разина правительство начало усиленное «испомещение» в Низовом Поволжье служилых людей. Но в 60-х годах все земли с внутренней стороны вала были уже разобраны, и вновь расселяемые служилые люди должны были отыскивать себе земли значительно южнее Симбирской черты.

Вместе с тем интенсивно шло и заселение Самарской луки. Все это вместе взятое заставило правительство предпринять меры для защиты вновь занятых обширных земель. Вероятно в связи с этим обстоятельством уже в 60-х годах XVII в. был построен укрепленный г. Пенза на р. Суре. В начале 80-х годов в тех же целях был построен у устья р. Сызранки г. Сызрань. Одновременно была построена и новая Сызранская черта, которая, вероятно, доходила до г. Пензы.

Из городов, основанных в самом конце XVII в., следует отметить г. Камышин, сооруженный в 90-х годах у устья речки Камышенки в связи с начатым строительством Волго-Донского канала.

Таким образом, подвигая шаг за шагом все далее и далее к югу новые города и укрепленные черты с правой и левой сторон Волги, московское правительство положило начало освоению Среднего и Низового Поволжья, что позволило продвинуть русскую культуру на всю его огромную территорию и приобщить к русской государственности многочисленные народности, здесь обитавшие или кочевавшие.

Судя по многочисленным документам, относящимся к сооружению городов и укрепленных линий Среднего и Низового Поволжья, русское правительство пользовалось здесь «переведенцами» более широко, нежели где-либо. Целые селения переводились сразу для укомплектования новых городов, острогов и острожков. Для этой цели прежде всего использовались населенные места, выдвинувшиеся слишком далеко вперед и постоянно подвергавшиеся опасностям набегов; затем ближайшие города, которые оставались внутри черты и не нуждались в значительном гарнизоне и, наконец, города и их уезды центральных районов государства.

В документах о переселении людей в новые города обычно отмечается, что переведенцы должны быть обеспечены сельскохозяйственными угодьями и дворовыми усадьбами. При этом предусматривается отвод земель и для «прибавочных» людей, т. е. для тех, которые будут переселены впоследствии. «Переведенцы» наделялись участками для дворовых усадеб на основании определенных норм. Так, в нескольких случаях встречаются указания на то, что им должны быть отведены участки размером 40 $\times$ 10 сажен (85 $\times$ 21 *м*). Иногда в документах говорится лишь, что «...земли им под дворы, под огороды, под гумна, на пашню... отведено, против государева указу, по сколько отведено служилым людям в иных городках».

Таким образом, устройство жителей в новых городах сопровождалось организованным землеустройством, а это в свою очередь вело к применению более или менее регулярной планировки. Учитывая же, что в Поволжье переселение в новые города производилось в более широком масштабе, чем где-либо, мы вправе предполагать здесь и более широкое применение регулярной планировки.

Из множества новых укрепленных пунктов, построенных в Поволжье в XVII в., только некоторые сохранили и в дальнейшем значение городов после того, как окончилась их военная роль. Из них наиболее интересными в градостроительном отношении являются Симбирск, Инсар, Саранск, Пенза и Сызрань.

Город Симбирск (ныне г. Ульяновск), начальный пункт Симбирской укрепленной черты, заложенный в 1648 г., находится на водоразделе между правым берегом Волги и р. Свиягой. От бровки приволжского откоса к Свияге идет пологий склон, прорезанный вдоль северной границы города речкой Симбиркой. Берег Волги здесь поднимается на 145 *м* и образует так называемую Симбирскую гору. У «венца» горы, т. е. у самой бровки крутого откоса к Волге, расположен был кремль, имевший форму почти правильного квадрата со сторонами по 200 *м*. Крепостная ограда кремля состояла из рва, вала и рубленой стены на ней с 8 башнями, из которых две были проезжими (рис. 56) [24]. Внутри кремля (или «рубленого города») был расположен Троицкий собор и находились

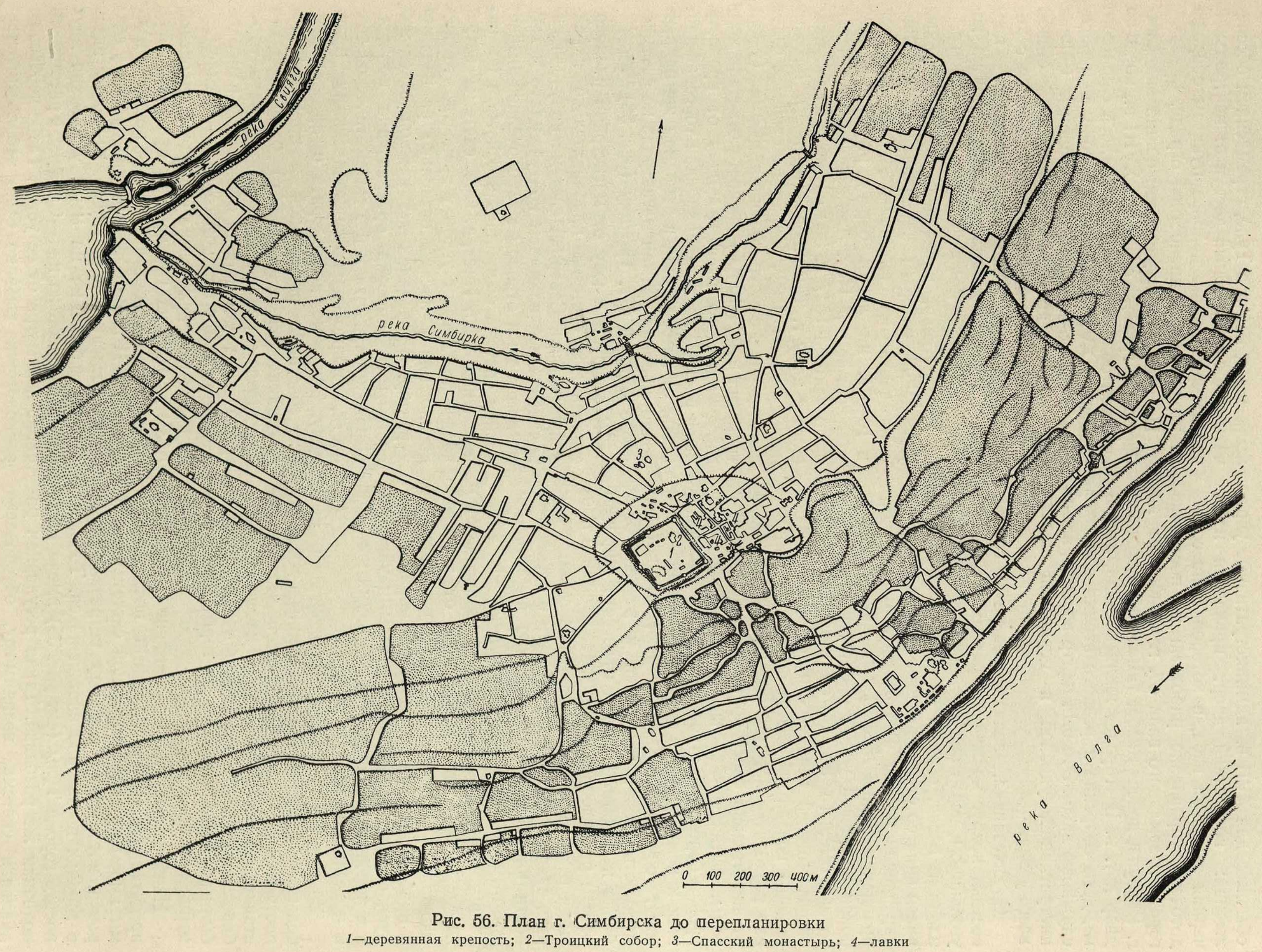


Рис. 56. План г. Симбирска до перепланировки

1—деревянная крепость; *2*—Троицкий собор; *3*—Спасский монастырь; *4*—лавки

обычные для XVII в. административные учреждения: воеводский двор, приказная изба, черная земляная изба, в которой было сосредоточено управление работами по постройке города и земляного вала от г. Симбирска до г. Карсуна, конская изба, таможня, кружечный двор и т. п. В «городе» жили воевода, дворяне, дети боярские и разного звания воинские служилые люди. Это был центр военной, административной, судебной и церковной власти всего уезда.

С юго-запада, запада, севера и северо-востока вокруг кремля неправильным многоугольником, почти овалом, расположился укрепленный посад, ограда которого состояла из рва и вала со стеной на нем. На плане 1779 г. укрепления посада отсутствуют, и об их направлении можно лишь догадываться по широкой кольцевой улице, охватывающей территорию бывшего посада со стороны р. Симбирки. По всей вероятности, северо-восточная граница посада проходила по той улице, которая резко отделяет мелкие кварталы центра от значительно более крупных кварталов слободы, вытянувшейся к северо-востоку вдоль бровки берегового откоса. Кремль и примыкавшая к нему большая торговая площадь занимают овальное плато «горы», от которой местность плавно спускается к речкам Симбирке и Свияге. На этой отлогости широким веером расположился посад. От кремля и площади отходят 9—10 радиальных улиц, которые, судя по их прямолинейности и определенности направления, несомненно явились результатом преднамеренной планировки.

На полосе вдоль бровки приволжского откоса, прямо на северо-восток от торговой площади, радиальная система переходит в приблизительную прямоугольно-прямолинейную, образованную тремя долевыми улицами, а в поперечном направлении — двумя улицами и несколькими переулками.

За границами посада расположились слободы «переведенцев», направленных сюда для постройки города и Симбирской черты и составивших начальное ядро в населении Симбирского уезда. Впоследствии новые слободы были образованы пришлыми торговыми и промышленными людьми.

Наибольший интерес в плане Симбирска представляет его укрепленный посад. Здесь мы имеем пример радиальной системы планировки, которую до сих пор встречали лишь в городах постепенно сложившихся. Только в посаде города Тулы (см. рис. 35) имела место подобная же разбивка. Такая регулярная радиальная система, повидимому, обусловлена была здесь, как и в Туле, стремлением обеспечить наиболее удобный доступ от центральной части города к важнейшим пунктам обороны на периферийной крепостной ограде.

На рис. 57 [25] представлен общий вид Симбирска по гравюре середины XVIII в., когда во внешнем облике города сохранялось еще много элементов XVII в. Панорама города нарисована с северо-западной его стороны. Справа мы видим кремль, окруженный стеной с башнями, внутри него Троицкий собор с колокольней; несколько левее крепости — церковь Спасского девичьего монастыря; на переднем плане — пологий склон к р. Свияге.

Город Инсар, последнее из значительных укреплений, которым заканчивалась Симбирская черта на юго-западе, был построен в 1648 г. на левом берегу р. Инсара, близ впадения ее в р. Ису. Для заселения г. Инсара было взято в 1647 г. 300 служб [26] из ближайшего к нему г. Темникова. Крепость находилась на узком мысу, сильно выдавшемся в долину реки. Геометризованная форма (узкая трапеция 200×100 *м*) крепости отвечала конфигурации этого мыса. К западу от крепости была расположена традиционная торговая площадь, от которой шла в западном же направлении широкая прямая магистраль на соединение с дорогой к г. Троицку (рис. 58) [27].

К северу и к югу от магистрали расположились две системы приблизительно параллельных улиц. Северная система получила направление под влиянием контура плато между магистралью и откосом к заболоченной низине; южная система сложилась в основном по направлению реки Инсара. Обе системы встречались под острым углом у крепости, что придавало плану посада несколько радиальный характер. В пределах же каждой отдельной системы планировка организована по ясно выраженному, хотя и без математической точности, прямоугольно-прямолинейному принципу. Здесь можно говорить о преднамеренном сочетании радиальной и прямоугольно-прямолинейной систем, что было вызвано стремлением рационально использовать топографические условия и обеспечить наиболее удобную связь с центром города — кремлем.

Город Саранск (ныне столица Мордовской АССР), один из главнейших промежуточных пунктов Симбирской черты, был построен в середине XVII в. на берегу речки Саранки у впадения последней в р. Инсар. Крепость здесь помещена была не на мысу у слияния двух рек, а на одной из них—Саранке, в расстоянии около километра от ее устья. Такое необычное расположение вызвано было заболоченностью

Рис. 57. Общий вид г. Симбирска (гравюра середины XVIII в.)

и, вероятно, затопляемостью местности вблизи слияния двух рек (рис. 59) [28]. Крепость, судя по ее остаткам, имела квадратную форму и заключала в себе тот комплекс строений (административные, культовые, складские строения и небольшое количество осадных дворов), который характерен для древних кремлей. От крепости к востоку и к западу видны на плане остатки валов, входивших, повидимому, в состав укрепленной линии, которая соединяла Саранск с соседними городами.

С северной стороны кремля — большая торговая площадь, а от нее протянулась меридионально главная прямая магистраль. К востоку и к западу от этой магистрали отходит ряд параллельных улиц, отвечающих своими изгибами направлению речки Саранки. Улицы расположены примерно на равных расстояниях, обнаруживая тем самым определенное стремление строителей к разбивке территории города на равномерные по ширине кварталы и к делению последних на стандартные усадебные участки. Регулярность планировки теряется уже за 6-й параллельной улицей, за которой посад, повидимому, перешел к стихийному разрастанию. В регулярной части плана ясно выражены также четыре поперечные улицы, что дает нам право отнести весь план к приближенной прямоугольно-прямолинейной системе. С севера посад был окаймлен рвом.

На гравюре середины XVIII в. (рис. 60) [29] дано изображение Саранска с восточной стороны. На первом плане показан участок укрепленной черты (вероятно уже реконструированной в XVIII в), которая шла от города к востоку. Далее хорошо видно расположение прямоугольной крепости, церквей и нескольких улиц, спускающихся к реке.

Основание г. Пензы обычно относят к 1666 г., подтверждая эту дату ссылкой на строельную книгу города. Из соответствующего же текста этой книги следует, что по государеву указу «и по грамотам из Приказа большого дворца воевода... Логинов п о с т р о и л н а П е н з е у г о р о д а п о с а д и с л о б о д ы» [30]. Отсюда видно, что в 1666 г. «город» Пенза как крепость уже существовал. С другой стороны, судя по умолчанию в «Книге Большому Чертежу», можно предполагать, что «город» Пенза был основан не ранее первой половины XVII в. Приведенная выше цитата из строельной книги интересна, однако, для истории русского градостроительства и в другом отношении. Обычно царские указы, предписывавшие постройку «города», относились к сооружению крепостей. Та же заселенная территория, которая являлась городом в современном смысле, не имела самостоятельного градостроительного значения. Посады и слободы или развивались постепенно или же появлялись в результате преднамеренного размежевания селитебной территории для поселения служилых людей. Таким образом, в упомянутом указе мы имеем пример распоряжения о планировке и застройке значительной селитебной территории.

Крепость Пенза, имевшая форму правильного квадрата со сторонами около 300 *м*, была расположена на левом берегу р. Пензы близ впадения ее в р. Суру. Основной массив посада ограничивался р. Пензой и двумя ее притоками. В этих пределах на плане (рис. 61) [31] мы видим относительно правильную уличную сеть, при всей своей строгости хорошо отвечающую изгибам ограничивающих ее рек. Планировка посада в основном представляет собой систему параллельных улиц, вытянутую вдоль р. Пензы, с крепостью в центре. Хотя здесь нет элементов радиальной сети, крепость прекрасно связана со всем посадом и является его основным композиционным узлом.

На репродукции с гравюры середины XVIII в. изображен вид Пензы с северо-востока (рис. 62) [32]. На первом плане мы видим р. Суру (у устья р. Пензы), мост через нее и «большую дорогу» из Казани, поднимающуюся к центру города, отмеченному кустом церквей, среди которых видна стена крепости. Особого внимания заслуживает то, что и на перспективе ясно видно регулярное направление некоторых улиц, спускающихся к реке (в центральной части картины).

Город Сызрань расположен на высоком и крутом мысу между р. Сызранью, близ впадения ее в Волгу, и речкой Крымзой. Форма мыса весьма причудлива и перед присоединением к материку суживается, будучи сжата с северо-запада разливом речки Крымзы, а с юго-востока — крутым склоном к низине, затапливаемой в вешнее время паводками Волги (рис. 63) [33]. На самой стрелке мыса, на «горе» высотой в 25 *м*, подобно древним городищам дьякова типа, расположилась крепость неправильно-многоугольной формы. Со стороны рек защитой служили крутые береговые откосы, а со стороны «поля» — земляной вал и ров. В XVII в. земляной вал, вероятно, был увенчан деревянной стеной.

Небольшие размеры крепости (наибольшее измерение около 200 *м*) свидетельствуют о том, что здесь находились административные и культовые строения лишь с небольшим коли-

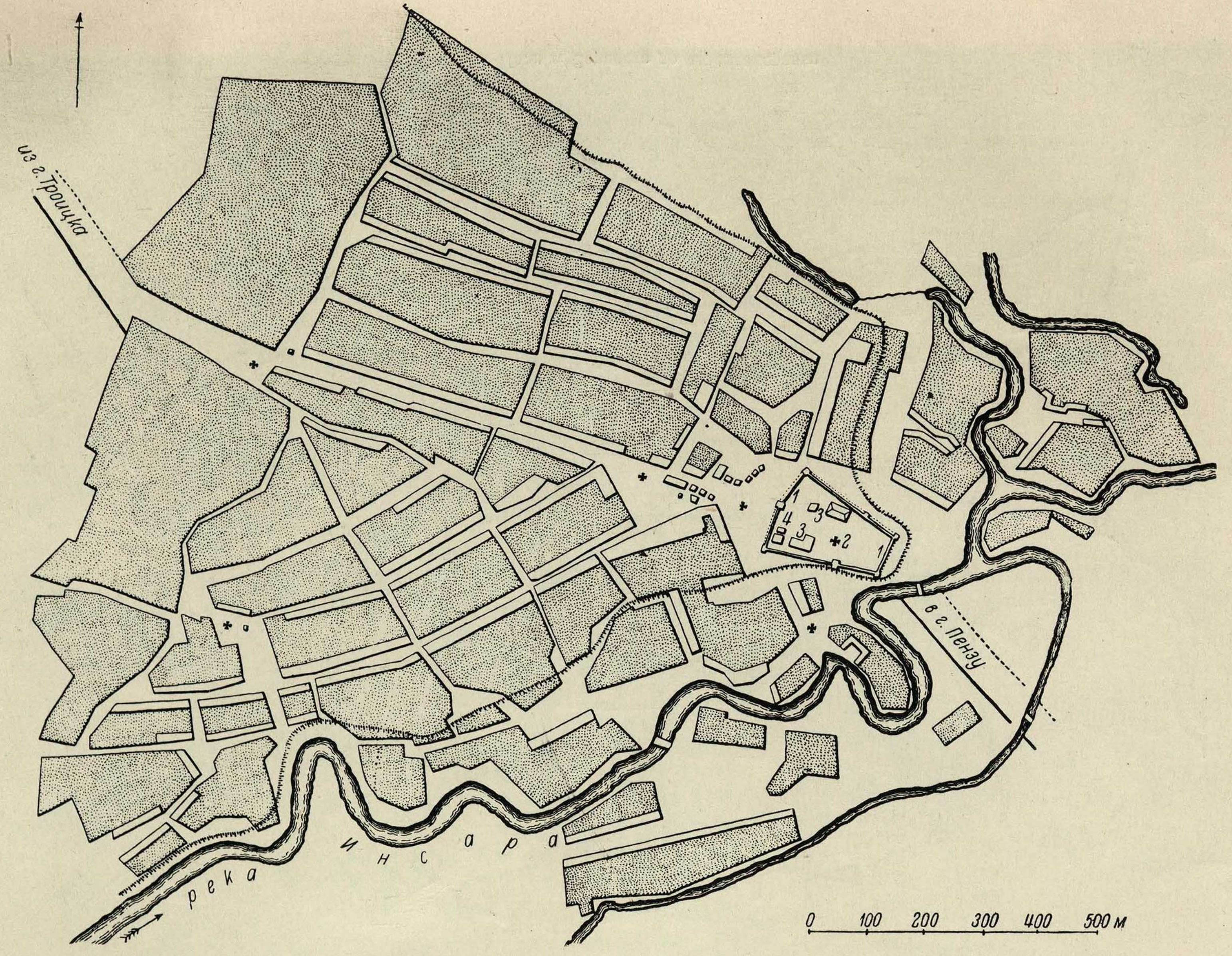


Рис. 58. План г. Инсара до перепланировки

1—деревянная стена; *2*—соборная церковь; *3*—присутственные места; *4*—тюремная изба

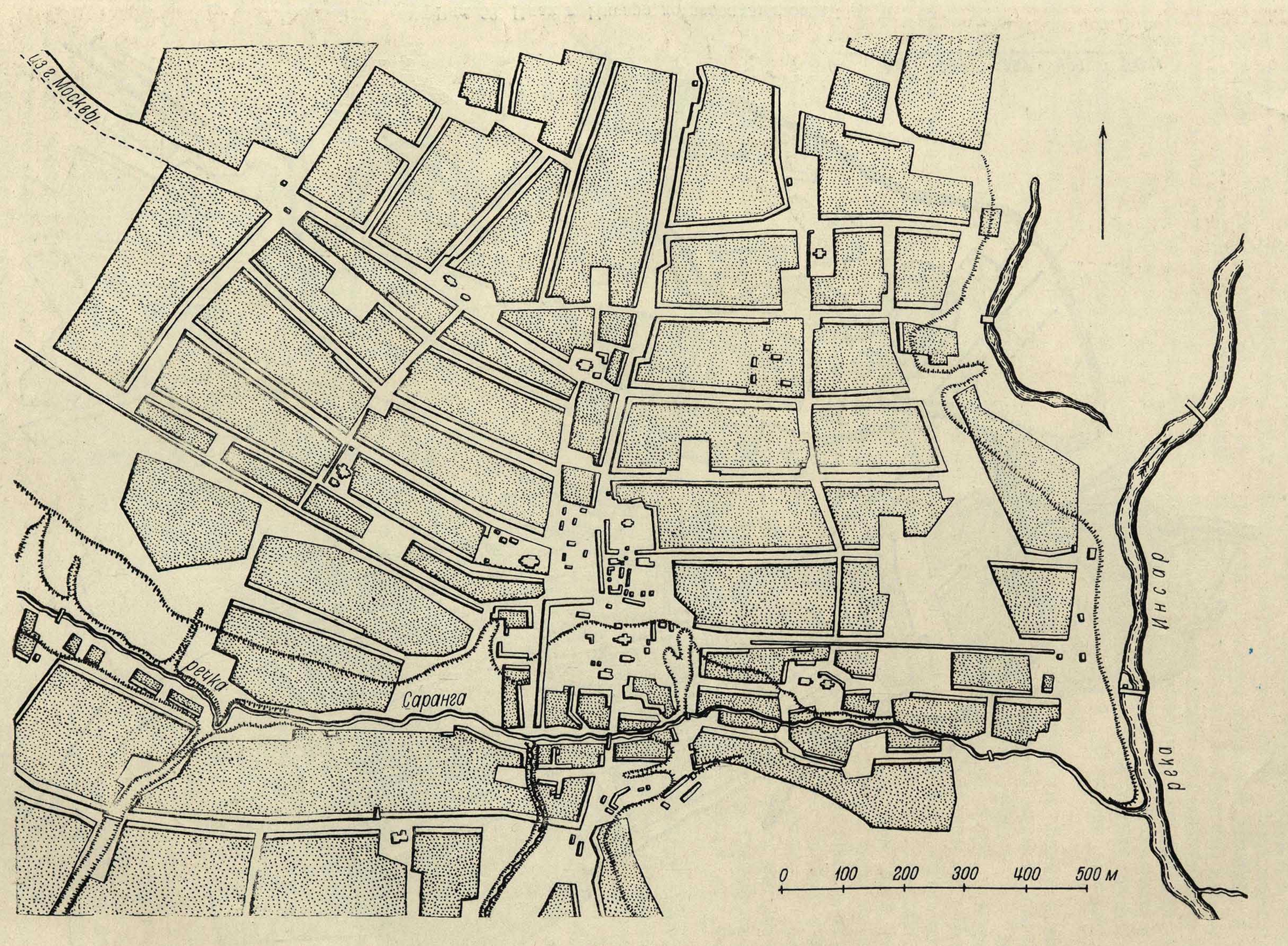


Рис. 59. План г. Саранска до перепланировки

Рис. 60. Общий вид г. Саранска (гравюра середины XVIII в.)

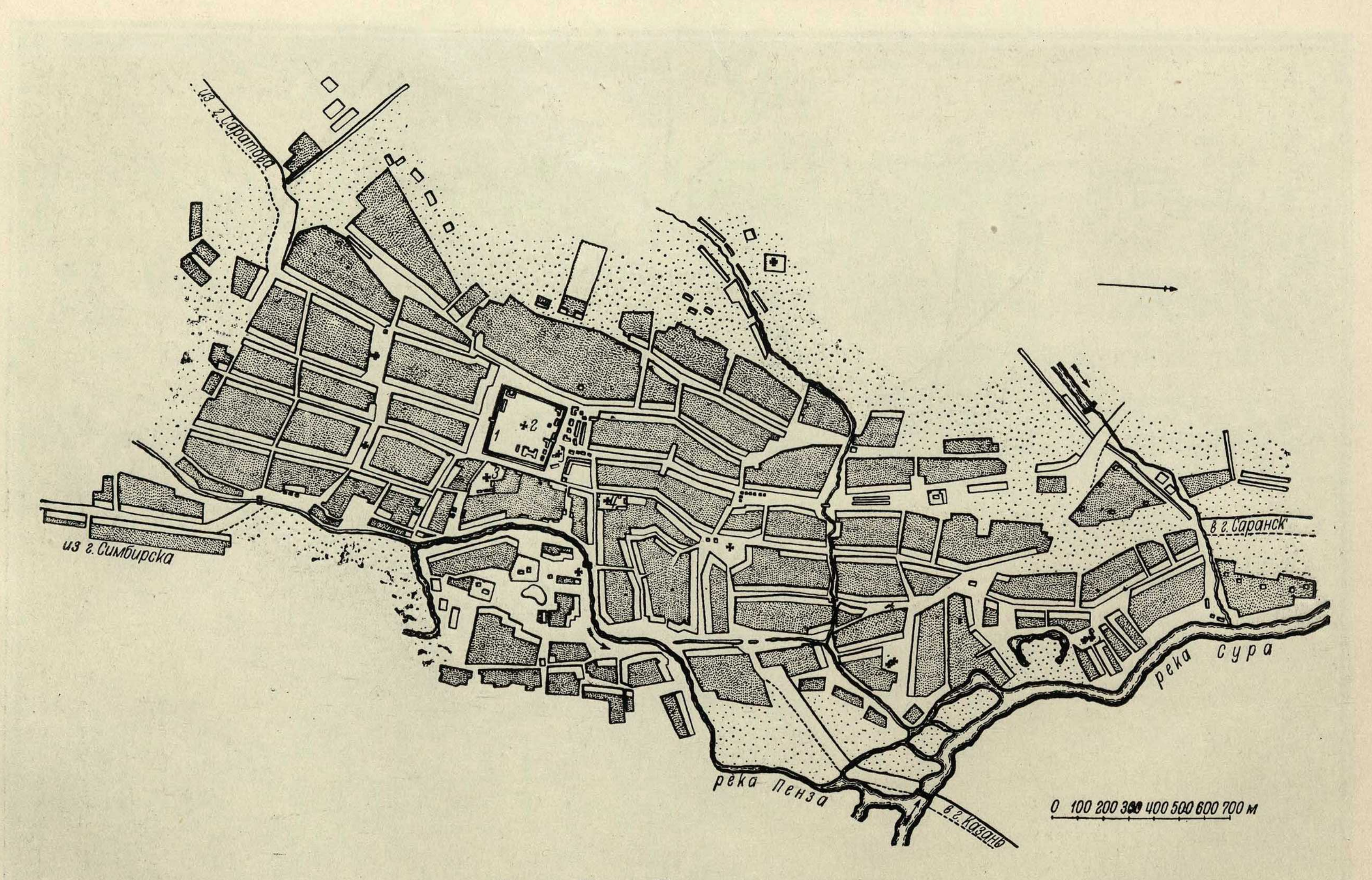


Рис. 61. План г. Пензы до перепланировки
1—земляной вал и ров; *2*—собор; *3*—м. монастырь; *4*—ж. монастырь

Рис. 62. Общий вид г. Пензы (гравюра середины XVIII в.)

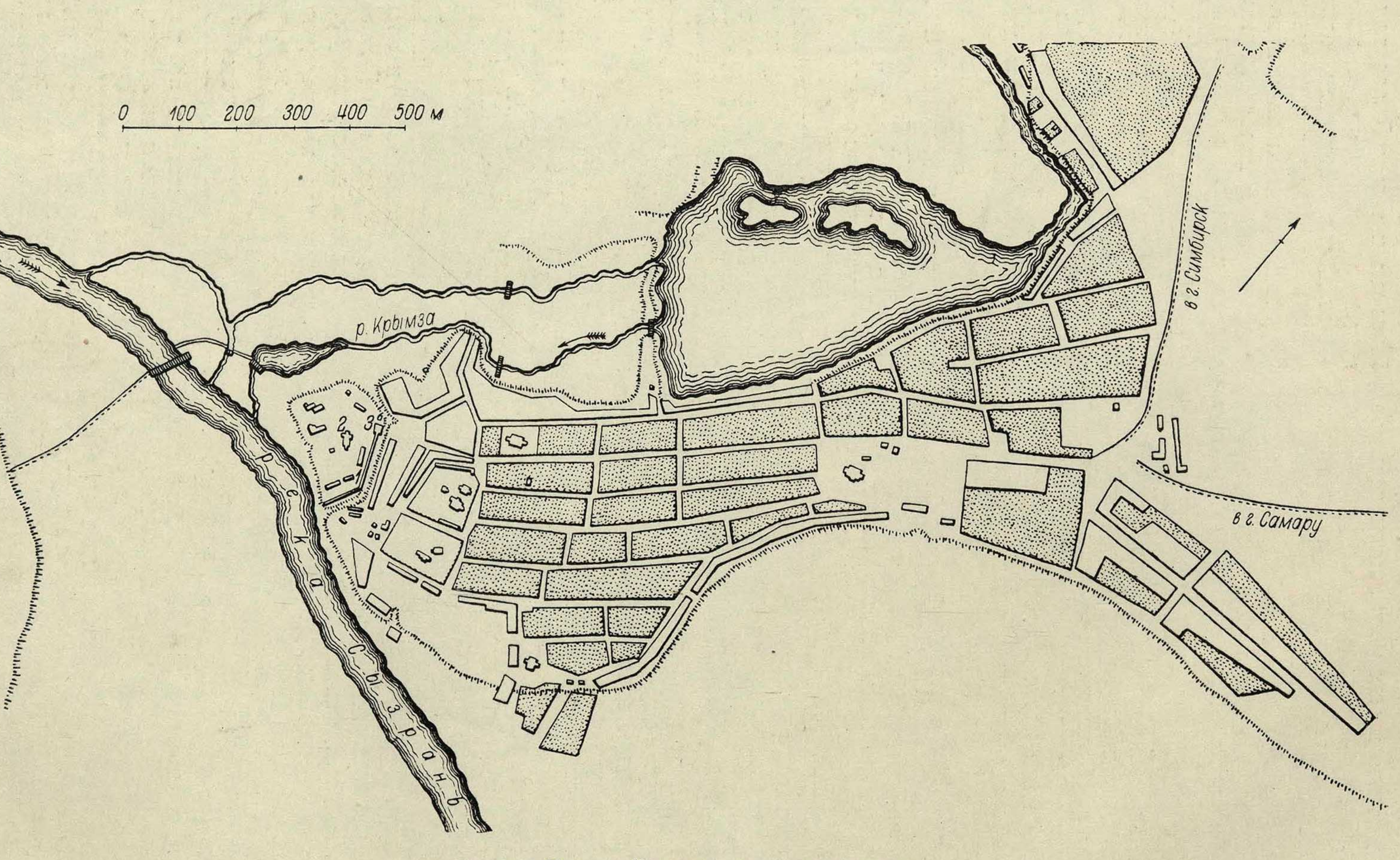


Рис. 63. План г. Сызрани до перепланировки

1—земляной вал и ров; *2*—собор; *3*—церковь на въездных воротах

Рис. 64. Общий вид г. Сызрани (гравюра середины XVIII в.)

чеством осадных дворов. В согласии с древней традицией к «кремлю» примыкала огромная площадь, на которой находились лавки, торговые ряды и приходские церкви. На этом сходство плана Сызрани с планами древних русских городов и заканчивается.

За площадью, по направлению к «полю» (т. е. к северо-востоку), протянулась стройная сеть параллельных улиц, сочетающая стремление к регулярности и равномерности кварталов с приспособлением к сложной конфигурации мыса. Так, в широкой части мыса расположены 8 рядов кварталов, которые довольно искусно сводятся только к 4 рядам в узкой части. Почти одинаковая ширина (около 50 *м*) основной массы кварталов ясно говорит о преднамеренной планировке и соблюдении определенных норм. В поперечном направлении идут лишь отдельные переулки, не образующие связной сети, и потому план в целом нельзя отнести к полноценной прямоугольно-прямолинейной системе, хотя большинство кварталов и имеет прямоугольную форму. Слободы, возникшие за речкой Крымзой и рекой Сызранью, имеют характер, типичный для постепенно сложившейся планировки, и на приведенном плане не показаны. На гравюре середины XVIII в. дан вид Сызрани с северо-востока (рис. 64) [34].

3. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СООРУЖЕНИЮ ГОРОДОВ НА УКРЕПЛЕННЫХ РУБЕЖАХ

Древние традиции в деле планомерного размещения городов на укрепленных рубежах страны получили в XVI в. и особенно в XVII в. форму стройной государственной системы.

Судя по многочисленным документам, сооружение укрепленных городов стало функцией центральных органов власти. Так, в царской грамоте двинскому воеводе в 1583 г. о построении г. Архангельска сказано: «И как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели град делать на том месте и по той мере, по росписи и по чертежу, какову есте роспись и чертеж к нам прислали» [35]. Из этого отрывка видно, что постройке «города» предшествовало составление его «чертежа» и «росписи», присланных царю на утверждение.

В царской грамоте в Пермь Великую 1637 г. о строении укреплений против крымских и ногайских татар приказывается: «для береженья от приходу воинских людей города и остроги жилые и стоялые учинить и меж городов и острогов на сакмах какие крепости доведется поделать, и то все велено им написать в роспись и на чертеж начертить» [36].

Подробные документы, иллюстрирующие последовательные стадии в устройстве укрепленной линии, сохранились в делах по постройке городов и разных укреплений в 1637 г. на Калмиуском, Изюмском и Муравском шляхах.

Первая стадия заключалась, повидимому, в посылке лиц, уполномоченных центральным правительством, для совещаний со сторожами и станичниками по поводу необходимости постройки нового города в том или ином месте.

Из упомянутых документов мы узнаем, что в 1637 г. (145 г.) «в ноябре и в декабре по гос. цареву указу Федор Вахромеев и Сухотин да подъячей Евсевей Юрьев ездили на Калмиускую сакму... и на Изюмскую сакму... и на Муравский шлях... и всяких крепостей досматривали» [37].

В отчете указанных лиц подробно описываются старые городища, реки, леса, броды, татарские перелазы и приводятся соображения станичников о необходимости укрепления тех или иных мест. В результате обследования территории и совещаний с местными сведущими людьми в отчете даются предложения по устройству новых городов и предварительные сметные соображения, как, например: «И по досмотру Федора Сухотина да подъячего Евсевея Юрьева и по сказке осколян детей боярских и станичных голов и атаманов и ездоков и вожей и полковых казаков поставить жилой город на реке на Сосне у отрогу по конец Терновского лесу у Оскольской признаки. А служилых людей в том городе можно устроить землею и сенными покосы 1000 чел. А для береженья покамест город устроица надобно ратных людей 300 конных и 700 пеших. А угодья к тому городу пашня и сенные покосы вниз по Сосне к реке к Дону и вверх по реке по Сосне..., а рыбные ловли на реке на Сосне и на реке на Дону. А лес на острожное и городовое дело надобно на башни и на обламы более 8 000 бревен. А как город устроица и рекою Сосною в реку в Дон судовой ход будет» [38].

Из приведенного текста и аналогичных других документов видно, как широко подходили изыскатели («дозорщики») к вопросу о постройке городов — учитывались не только стратегические условия, но и возможность обеспечения поселяемых людей всем необходимым для их хозяйственного благополучия, устройства путей сообщения, исчислялось количество необходимых строительных материа-

лов и возможность получения их из ближайших лесов и т. п.

Отчетные материалы изысканий представлялись на рассмотрение в Боярскую думу, которая по утверждении места и «чертежа» города составляла финансовую смету: «И генваря в 7 день по государеву... указу бояре росписи Федора Сухотина и подьячего Евсея Юрьева слушали ж и чертеж смотрели...» [39].

Финансовая смета заключалась в исчислении жалованья ратным людям, охранявшим работы по постройке города, и жилецким людям, назначенным к поселению в нем, расходов на плотничные и земляные работы, в исчислении необходимого количества ржи и овса и т. п.

По утверждении сметы Разрядный приказ командировал воеводу с отрядом строителей для сооружения города. Иногда при этом требовалось уточнить положение города и укреплений, данное изыскателями, как это видно из следующего отрывка: «...рассмотреть на Изюмской сакме по Федорову чертежу Сухотина... в которых местах лутче и крепчае быть жилым и стоялым острогам» [40].

По окончании постройки составлялось подробное отчетное описание города в виде так называемой «строельной книги», примером которой может быть упомянутая уже ранее строельная книга г. Усерда.

Для управления построенным городом назначался воевода, обязанный ежегодно посылать в Разрядный приказ ведомости о состоянии городских укреплений и о необходимых исправлениях [41]. Посылаемые книги нередко сопровождались чертежами, которых по описи второй половины XVII в. в Разрядном приказе находилось свыше 250.

На этих «чертежах» изображались планы городов, укрепленные линии и карты обширных областей.

В описи среди прочих материалов упоминаются 8 чертежей г. Усерда, 3 чертежа г. Острогожска, 9 чертежей г. Козлова, 4 чертежа г. Тамбова, 3 чертежа г. Чугуева и чертежи многих других городов.

Древнейшие из чертежей относились к первой четверти XVI в. [42]. К величайшему сожалению, все чертежи, указанные в описи, давно исчезли и об их характере можно судить лишь по нескольким планам конца XVII и начала XVIII вв., приведенным в разных местах настоящей работы.

Таким образом, в результате планомерного строительства новых городов в Москве накапливался большой опыт, создавались кадры горододельцев, формировалась русская градостроительная наука. Все это подготовило почву для дальнейшего расцвета регулярного градостроительства.

4. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Подводя итоги сказанному по развитию русского градостроительства в XVII в. на территории европейской части Русского государства, можно установить следующие положения:

1) Усиление центрального государственного аппарата позволило широко развить градостроительную деятельность на окраинах страны в связи с мероприятиями по ее обороне, по расширению границ и в связи с включением в состав централизованного русского государства новых территорий.

2) Выбор мест для устройства новых городов обусловливался постепенным продвижением линии обороны на юг и юго-восток, а в Поволжье — закреплением речных артерий в русских руках и организацией крепостей в стратегически важных пунктах речной системы.

3) Усиление центрального аппарата позволило сразу заселять новые города полным или почти полным комплектом служилых людей с их семьями на «вечное житье».

4) Воссоединение украинского и русского народа сопровождалось размещением сразу в новых городских поселениях значительного числа украинских выходцев.

5) Условия безопасности в новых городах требовали компактного заселения, что было одной из важнейших причин установления определенных норм дворовых участков.

6) Организованное расселение по определенным нормам вызывало проведение землеустроительных работ, положивших начало регулярной планировке селитебной территории. Правильно распланированный посад становится главным планировочным элементом городского поселения.

7) В некоторых городах Днепровского Левобережья в связи с специфическими условиями расселения украинских выходцев создался особый тип внутренней крепости, который значительно отличался от традиционного русского кремля. В крепостях этого типа размещались не только административные, культовые и тому подобные строения, но и основное ядро дворовых усадеб поселенцев. В результате территория внутренней крепости получает характер небольшого компактно и регулярно распланированного города.

8) В связи с равномерным наделением «переведенцев» дворовыми участками прежняя

радиальная планировка уступает место различным разновидностям параллельной (или рядовой) системы, перекрестной и приближающейся во многих случаях к прямоугольно-прямолинейной.

9) В отличие от зарубежных примеров русская прямоугольно-прямолинейная система сочетается с организацией ясно выраженного городского центра, образуемого кремлем.

10) Кроме того, сеть улиц не образует в русском городе XVII в. жесткого решетчатого рисунка, характерного для зарубежных планов. Требования правильного размежевания, с одной стороны, и традиционное использование природных условий с другой — создали в русском городе XVII в. живую и свободную планировочную ткань, сочетавшую регулярность построения с живописными качествами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI—XVII ВЕКАХ

1. ЗНАЧЕНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОРОДОВ В ОСВОЕНИИ СИБИРИ

Русское продвижение за Урал началось в глубокой древности, но происходило весьма медленно. Начиная уже с середины XVI в., наступление на восток принимает все более энергичный характер под влиянием ряда экономических, исторических и политических обстоятельств. Создание торгового порта в Архангельске (1585 г.), а также облегчение доступа к рынкам Средней Азии в результате завоевания Казани (1552 г.) и присоединения Астрахани (1556 г.) — все это способствовало значительному повышению спроса на пушнину, которая была в то время основным экспортным товаром. С другой стороны, быстрое истребление зверя в лесах европейского севера вызвало усиленное продвижение за Урал по тем путям, которые были уже давно проложены новгородцами.

Падение Казанского царства открыло более короткие и удобные пути в Сибирь. Однако на этих путях находилось Сибирское царство, ханы которого сначала признали себя вассалами московского царя, но затем, пользуясь отдаленностью от Москвы, стали всячески мешать распространению за Урал русского населения.

Вначале проникновение в Сибирь для добычи пушнины является делом «охочих людей». За ватагами этих людей начинают наступать купцы-промышленники Строгановы, устраивая городки в качестве опорных пунктов для дальнейшего продвижения на восток. Постепенное проникновение русских людей в Сибирь привело к завоеванию в 1580 г. территории Сибирского царства экспедицией казаков во главе с Ермаком. Будучи не в силах закрепить сам свои завоевания за Русским государством, Ермак обратился за помощью к царю в Москву. Московское правительство приступает к планомерному дальнейшему закреплению и расширению владений Русского государства в Сибири. Так же как и в Поволжье, и даже в большей степени, основой закрепления русских владений в Сибири являлось широкое и тщательно продуманное строительство городов. Опыт присоединения Поволжья оказался здесь особенно полезным. При этом перед правительством стояли две основные задачи: во-первых, необходимо было обеспечить защиту новых государственных границ и коммуникационных линий, во-вторых, — создать пункты, которые служили бы центрами сбора ценных мехов в виде «ясака» (то есть дани) с местного населения.

Решение первой задачи облегчалось наличием в Сибири весьма развитой речной системы, которая и послужила канвой для создания сети стратегически важных опорных пунктов. Для решения второй задачи места для новых городов выбирались с расчетом охвата определенной группы местного населения, с которого собиралась дань, — «чтобы ясачные волости не отдалели» [1].

В последней четверти XVI в. основным путем в Сибирь служила река Тура, на которой для закрепления этого пути был построен в 1586 году город Тюмень. Командированный отсюда отряд построил вскоре город Тобольск (1587 г.) при слиянии рек Тобола и Иртыша, у самой столицы сибирских ханов — Кашлыка. Для защиты подступов к Тобольску с юга русские основали в 1594 г. город Тару. В 1598 г. был закреплен начальный пункт

водного пути по р. Туре постройкой г. Верхотурья, начавшего играть роль главных ворот в Сибирь. Наконец, в 1600 г. посередине между Тюменью и Верхотурьем был построен г. Туринск.

К началу XVII в. вся водная коммуникационная линия, которая связывала Иртыш с Камой, была прочно закреплена. Так же был закреплен и путь по р. Оби основанием ряда городов: Березов — в 1593 г., Сургут — в 1594 г., Томск — в 1609 г., Кузнецк — в 1618 г. В районе Обской губы на р. Таз в 1600 г. был построен «Мангазейский город» (Мангазея), откуда предпринято было в дальнейшем завоевание Енисея и Лены. Покорением течения Оби заканчивается наиболее интересный период в градостроительстве Сибири.

По мере продвижения в глубь азиатского материка инициатива по дальнейшему освоению новых территорий переходит в руки местной администрации. Организованное наступление сменяется порой случайным, но безудержным стремлением вперед русских людей, проникших за Урал. Московское правительство лишь завершает начатое завоевание и организует управление присоединенными землями [2].

Условия возникновения русских городов в Сибири оказали влияние не только на выбор мест для их сооружения, но и на их внутреннюю планировку. В отличие от задач освоения Поволжья здесь у московского правительства в начальный период не было стремления сделать города центрами колонизации русского земледельческого населения. Наоборот, наиболее выгодным было расположение города в гуще «ясачного» населения. Занятия городских жителей сельским хозяйством в первое время имели лишь подсобное значение и именно этим, прежде всего, был обусловлен характер первоначального городского населения, которое преимущественно состояло из людей военных и агентов по добыванию «ясака», по отправке его и другим операциям.

При размещении в городах более или менее значительного населения приходилось не только создавать укрепленные центры военной и административной власти, но и заботиться об основательном укреплении всей селитебной территории. Поэтому в ряде сибирских городов мы встречаем помимо собственно «города», то есть внутренней крепости (кремля), и жилые остроги, аналогичные укрепленным посадам центральных русских городов. Но жилые сибирские остроги являлись основным укрепленным элементом всего поселения, а внутренняя крепость играла лишь роль убежища на крайний случай. Во многих городах внутренние крепости и вовсе отсутствовали. При сооружении населенных мест в первую очередь требовалось создание острога, чтобы «жить можно было бесстрашно».

Примером инструкции для сооружения комплекса «города» с острогом может служить наказ (1593—94 гг.) Андрею Елецкому для построения города на реке Таре: «...А пришед на Тару реку, присмотрить под город место, где пригоже быти новому городу... и сделать бы... город сажен около в полтретья-ста (250 или в [три]ста, то по месту смотря, да острог де[лать] сажен в 300, и в 400 и... смотря по людям и до 500 сажен... А в городе быти самому князю... а хлебу быть в житницах в городе, ... да попам, да пушкарям, да стрельцам у тех бы в городе дворцы были... а в остроге казаком конным и татарам служилым... чтобы быть бесстрашным... И городовые места, и город и острог на чертеж начертить и всякие крепости выписать, где ст[анет] город, да с тем отписать ко государю подлинно, чтоб государю о всем было известно...» [3].

О том, какое значение придавалось острогу, видно из наказа 1592 г. князю Горчакову для строения г. Пелыма: «...А лес на город ронити лехкой и чтобы вскоре город зделать, а сперва поставить острог» [4]. Из переписки, относящейся к постройке Пелыма, видно, что «внутренний малой город» был только начат, но не закончен, а по челобитной местных жителей им разрешено было окончание города отложить, а вместо этого исправить острог, который «весьма был худ»,

О преимущественной роли острога говорит и грамота в Березов воеводам Степану Волынскому и Юрию Стромилову: «А служилые люди нам били челом, что им в остроге тесното, а у иных и дворов нет, чтоб им для тесноты прибавити велети острогу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б города нового не делали, а острог...» [5].

Размеры острога определялись двумя обстоятельствами. Во-первых, желательно было в остроге сосредоточить по возможности все население, так как жить в открытой местности было опасно. С другой стороны, размеры острога лимитировались количеством его защитников. Сочетание этих двух требований приводило к весьма плотной застройке острожной территории. Так, из одной воеводской отписки 1603 г. видно, что участки под дворы давали весьма небольшие: детям боярским вдоль и поперек по 17 *м*, а стрельцам — по 10 *м*. Но и при столь тесной застройке растущее население должно было неизбежно выходить за пределы острога, подвергаясь большим опасно-

стям. Так, в 1603 г. воевода Плещеев писал царю Борису о том, что в Верхотурском остроге «теснота великая» и что посадские люди и пашенные крестьяне, поставившие свои дворы за острогом, опасаясь нападений «инородцев», постоянно бьют челом, «чтобы их жилецкой слободе быть в остроге» [6]. Разрешение из Москвы было получено, и острог был расширен.

В то же время известен и противоположный случай. В 1612 г. пелымский воевода имел в своем распоряжении не более 65 служилых людей. Этими силами он не мог защитить внешний острог, окружавший жилые дома. Поэтому, опасаясь нападения и общего приступа вогулов, он велел разрушить часть дворов и уменьшить острог.

Иногда оказывалось невозможным вместить все население в пределах острога, и тогда часть этого населения располагалась вне острога — в посадах или слободах, получавших лишь легкие ограждения. Описание такого устройства имеется в «отписке томского воеводы Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову о построении Нарымского острога на новом месте». Из этой отписки мы узнаем, что «во 138 (1630) году в мае пришла в Нарымском остроге снеговая вода, и острог весь потопило». Вследствие этого нарымскому воеводе было дано распоряжение отыскать новое место для постройки острога где-либо в пределах нескольких верст от старого города на берегу р. Оби или хотя бы в полуверсте от берега реки, только бы поблизости от места, удобного для пристани. На найденном месте было велено «острог поставити пространной, и башни устроить добрые, чтоб впредь стоять был прочен. А церковь и воевоцкой двор и казенные анбары и зелейной и питейной погребы... устроить в остроге.... да и служилых людей дворы, [какие] только в остроге вместятся... в остроге ставить, а под дворы места велеть служивым людям отводить, смотря по простору, чтобы нихто в обиде не был. А будет в остроге всеми жилецкими дворами за теснотою устроится немочно... велеть служивым и всяким жилецким людям дворы себе ставить за острогом... А около заострожных дворов... учинить надолбы крепкие...» [7].

Обычно, повидимому, посады развивались за острогами стихийно и кое-как укреплялись в тревожный период, а впоследствии, после успокоения завоеванной местности, оставлялись и открытыми, как, например, в г. Тобольске, наиболее крупном из сибирских городов в XVII в.

2. РЕГУЛЯРНАЯ ПЛАНИРОВКА НОВЫХ ГОРОДОВ СИБИРИ

Изложенные принципы сооружения новых городов должны были оказать влияние и на их внутреннюю планировку. Мы уже ранее видели, что расселение сразу определенного числа людей, наделяемых определенными нормами дворовых участков, естественно, приводило к более или менее правильным формам кварталов и, как следствие, к регулярной сети улиц. Регулярному характеру планировки сибирских городов способствовало еще одно обстоятельство — общая геометрически правильная форма острога. Сочетание правильной формы острога с регулярной внутренней сетью улиц создавало геометрическое соответствие этих двух элементов планировки.

В рассмотренных ранее примерах единство сети улиц и внешней конфигурации обычно не выходило за пределы внутренней крепости (за исключением г. Сумы и небольшого посада г. Цивильска). В сибирских же городах такое единство относится к внешнему острогу, т. е. к основной селитебной территории. Поэтому планировку ряда сибирских городов, начиная с конца XVI в., можно считать наиболее приближающейся к регулярному градостроительству до конца XVII в.

К числу городов с планировкой регулярного типа относится первый русский город в Сибири — Тюмень. Он был выстроен в 1586 г. на возвышенном берегу р. Туры, у впадения в нее речки Тюменки, близ старого татарского городища Чимгитура. Из наиболее раннего описания этого города — «дозорных книг» 1624 г. узнаем, что «на Тюмени город деревянный рубленый... и мерою Тюменский город в стенах и с башнями около 260 сажен (555 *м*). С крепости у города с одну сторону Тура река, а с двух сторон обошла город речка Тюменка, а с четвертую сторону крепости у города ров... На Тюмени же ниже города острог, а в нем 2 стены; стена от города подле речку Тюменку, другая сторона от речки Тюменки до речки до Туры, а подле ту реку до города же острога нет, место простое, потому что к реке осыпь крутая, а острог... ставлен по забору, около его 500 сажен (1065 *м*), а вверху ему мера $1^1/_2$ сажени (3,2 *м*)» [8].

Сравнивая это описание с планом Тюмени конца XVII в. (или самого начала XVIII в.), можно установить, что общая ситуация, показанная на плане (рис. 65) [9], и размеры крепости отвечают состоянию города в первой четверти XVII в. Размер посада в 1624 г., повидимому, был меньше, чем показано на

Рис. 65. План г. Тюмени конца XVII в.

1—деревянная крепость; *2*—приказная изба; *3*—воеводский двор; *4*—тюрьма; *5*—гостиный двор; *6*—женский монастырь; *7*—ц. Знамения; *8*—Большая Спасская ул.; *9*—Знаменские ворота; *10*—Кучумово городище

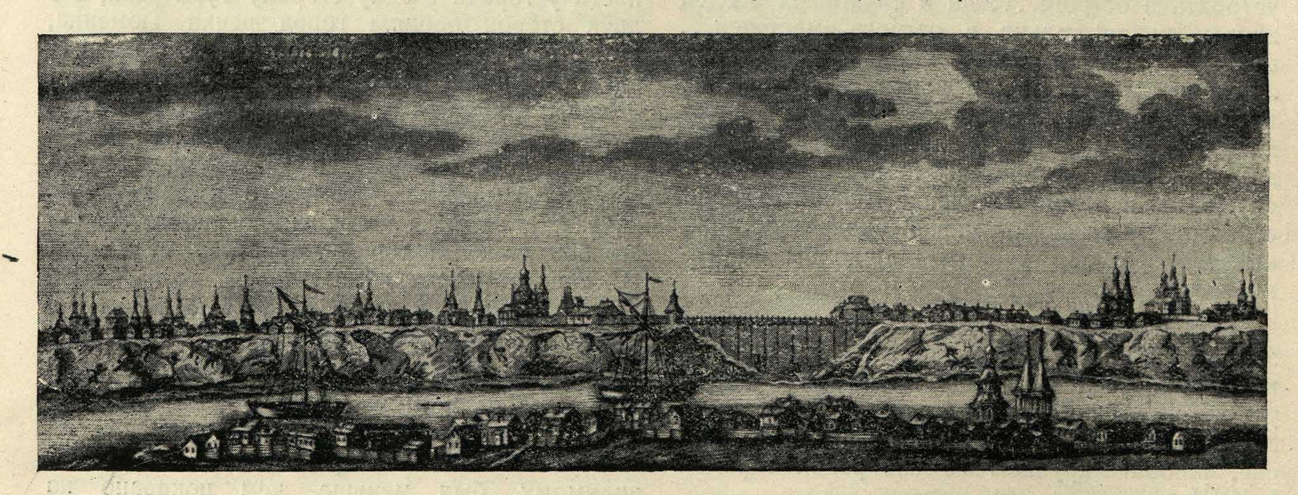


Рис. 66. Общий вид г. Тюмени (гравюра середины XVIII в.)

Рис. 67. План г. Тобольска конца XVII в.

Рис. 68. Общий вид г. Тобольска (гравюра середины XVIII в.)

Рис. 69. План г. Пелыма конца XVII в.

плане. Судя по тому, что в «дозорных книгах» указаны все церкви посада, за исключением Знамения Богородицы и Успения, можно предполагать, что в период от составления дозорных книг (1624 г.) до конца XVII в. был добавлен только последний ряд кварталов, включающий упомянутые церкви. Этим, вероятно, объясняется и резкая разница между кварталами остальной части города и последним рядом, где кварталы почти в три раза длиннее прочих.

Внутри крепости, по данным дозорных книг, находились две церкви, съезжая изба, 2 караульные избы у проезжих башен (подле проезжих ворот), житницы, амбары, тюрьма, окруженная тыном, погреб с торговым питьем, воеводский двор, двор архиепископа и еще 7 дворов.

Все население Тюмени было размещено преимущественно в самом посаде, если не считать небольшой ямской слободы за Тюменкой вверх по Туре, где находился также и Преображенский монастырь. Всего в 1624 г. в Тюмени находилось 317 дворов, что примерно соответствовало населению в 1200—1300 человек.

Приведенный здесь план Тюмени является одним из редчайших городских планов, сохранившихся от конца XVII в. (или самого начала XVIII в.). Установив масштаб плана при помощи размеров, надписанных на подлиннике, и измерив расстояние от крепости до предпоследней дуговой улицы вдоль берега речки Тюменки, а затем вдоль этой улицы до реки Туры, получим общую длину измеренной линии 553 сажени, что примерно отвечает длине острога по «дозорным книгам» 1624 г., т. е. 500 сажен (1065 *м*). Полные же размеры посада, показанные на плане, отвечают «Списку Тюменскому городскому»... 204 года (1696). В этом списке указывается, что в 149 (1641 г.) ставлен был острог и что вокруг всего посада было 1396 сажен (2975 *м*). Этот размер почти в точности совпадает с данными плана. Таким образом, возможно, что увеличение посада было оформлено в 1641 г.

В узкой вершине треугольного плато, у впадения речки Тюменки в реку Туру, расположена крепость в виде неправильной, слегка изогнутой трапеции. На плане крепости показаны: воеводский двор, приказная изба, тюрьма, окруженная тыном, амбары зелейные, хлебные и другие, винный погреб, караульни у двух проезжих башен, две церкви и несколько дворов. К южной стене «города» примыкала большая площадь (около 1,5 *га*) с церковью, гостиным двором в юго-западном углу и лавками. От площади далее к югу развернулся узким веером посад, укрепленный вдоль речки Тюменки и с «полевой» стороны деревянной стеной.

Начало застройки этого посада положено было математически правильной прямоугольно-прямолинейной системой улиц. Кварталы большей частью имеют форму правильных прямоугольников, и только часть их, у береговых линий, приобретает трапецевидную форму в результате приспособления планировки к общим очертаниям города. Дальнейшая застройка посада следовала предначертанному уже пути, но вследствие значительного расширения территории к югу приняла регулярный веерообразный характер. Постепенно улицы, идущие к крепости, меняют свое направление от параллельного средней магистрали до параллельного береговым линиям.

Уширение селитебной территории сказывается не только на увеличении поперечных размеров кварталов, расширяются и сами улицы, по мере их продвижения к югу. Так, главная магистраль увеличивается по ширине от

7 *м* при выходе с площади до 25 *м* у «проезжей башни» в остроге с полевой стороны.

Для строителей Тюмени регулярность планировки не была самоцелью. Очертания берегов, постепенное уширение участка, необходимость коммуникации между отдельными элементами города — все это создает мягкие переходы от жестких математических форм прямоугольно-прямолинейной системы к свободным формам природы. В этом отношении особенно характерен юго-восточный угол плана. Здесь ясно видно, как на трассировку улиц повлияла береговая линия, положение монастыря и Знаменских ворот. Дуговые улицы, отходящие от площади, обобщают несколько линию берега, плавно огибают овальную усадьбу монастыря и подходят к воротам острога.

Насколько этот план далек от геометрической схемы, хорошо видно также на конфигурации площадей.

В целом и в деталях рассмотренный чертеж Тюмени имеет выдающееся значение в качестве одного из наиболее ранних памятников регулярной планировки, который свидетельствует, что в России уже в конце XVI — начале XVII вв. было известно проектирование не только укрепленных частей города, но и посадов. Из этого чертежа видно также, что русские градостроители прекрасно справлялись с регулярной планировкой без излишней геометризации. В плане Тюмени заслуживает внимания небольшая деталь. Южная часть крепости и вся прилегающая к ней площадь покрыты четко начерченным контуром трапеции. Повидимому, здесь изображена намечавшаяся реконструкция города, а именно показано новое место расположения крепости. Надобность в таком переносе крепости возникла еще с середины XVII в. В 1658 г. воевода Веригин писал в Москву, что башни и стены, перестроенные в 1643 г., весеннею водою подмыло, гора осыпалась, и стены и башни «валят под гору к Туре и Тюменке»; поэтому береговые стены и башни необходимо отнести, а чтобы «город» не стал меньше, его придется отодвинуть к посаду, на площадь. Эта сложная реконструкция тогда не была выполнена и в конце XVII в., повидимому, была опять намечена [10].

Общий вид Тюмени изображен на гравюре середины XVIII в. (рис. 66) [11]. Почти в центре картины — высокий мост через долину речки Тюменки, высотой 21 *м* и шириной 8,5 *м*. Слева от моста — угловая башня крепостной стены, а за ней остатки «города» с соборною церковью. Далее, вниз по течению р. Туры — застройка вдоль берега с виднеющимися в глубине приходскими церквами, которые нетрудно найти на плане. Справа от моста — Ямская слобода с Преображенским (впоследствии Троицким) монастырем.

Рис. 70. План г. Красноярска конца XVII в.

Вслед за Тюменью последовало основание города Тобольска. Одно из наиболее ранних описаний его сделано неизвестным путешественником в 1666 г.: «. . .город Тобольск, лежащий на больших свежих и рыбных реках, т. е. Тоболе и Иртыше, является главным городом Сибири, построенным русскими; он стоит на угловой вершине высокого берега, подобном высокой горе над рекой. Эта гора или берег, как я сам видел, в вышину имеет, считая от реки, добрых 25 сажен и спереди столь крута, что на нее нельзя взобраться в повозке или на возу, но только пешком; верхом на лошади — с трудом. . . внизу этой горы сделана дорога, поднимаясь которой обходишь половину города. Город делится на две части, а именно

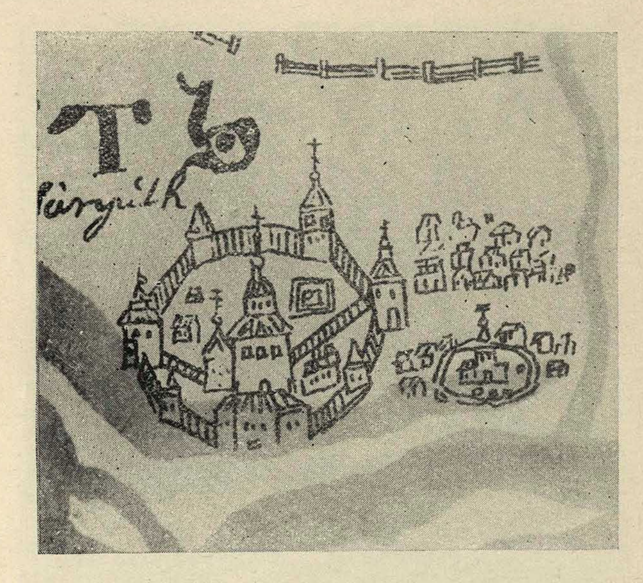


Рис. 71. План г. Сургута конца XVII в.

первая часть находится на горе, а вторая у подножья ее на ровном месте.

Город на горе представляет собой крепость, укрепленную, однако, против набегов только стакетой из еловых деревьев, которые растут наверху палисадами, густо одно к другому без травы и земляного вала; на верхушке горы, прямо над рекой, находится острог, сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как на постройке избы; она достаточно высока, наверху ее находится крытая галлерея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы постройка — стены с камерами, в которых хранится казна, но если бы пришел неприятель, там

Рис. 72. План г. Кузнецка конца XVII в.

могли бы помещаться солдаты; она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни к воде.

В этом городе нет других зданий кроме государевых приказов или канцелярий, дворца, в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанной из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция.

Сюда сносят все сокровища, которые собираются для царя со всей Сибири, как то соболей, черных, белых, красных и серых лисиц, бобров, рысей, белок и прочее...

В той же части города находится также большой монастырь, в котором имеет местопребывание митрополит; ...что же касается нижнего города, лежащего под горой у реки, то он больше по размерам и подобно верхнему городу имеет только одну большую улицу, проходящую через него, но также и ряд маленьких улиц и узких переулков, так как дома очень тесно стоят друг к другу; одна сторона его находится вдоль реки, а другая тянется полумесяцем до самой горы. [Эта часть города] стоит на болотистом грунте; прямо около самой воды расположен довольно большой монастырь... когда [в реке] стоит высокая вода, что обыкновенно случается весною, то все эти дома стоят глубоко в воде... этот нижний город совсем открыт»[12].

Приведенное описание дает общее представление о городе в середине XVII в., но оставляет неосвещенным вопрос о его планировке. Для ознакомления с системой планировки Тобольска необходимо обратиться к более позднему документу — плану его из «Чертежной книги Сибири» Ремезова, составленной в 1701 г. Этот план (рис. 67)[13] в общем отвечает описанию 1666 г., только вместо «еловой стакеты» верхний город (вернее посад) окружен с двух сторон деревянной стеной с 6 башнями. Со стороны Иртыша верхний город-посад оставлен открытым, так как крутой берег сам по себе является достаточной защитой. Южная сторона верхнего города-посада прикрыта внутренней крепостью (то есть собственно «городом», кремлем), названной в описании «острогом», а также архиепископским («Софийским») двором, огражденным каменными стенами с башнями. Между этими двумя крепостями по оврагу вниз, по так называемому «базарному взвозу» идет на нижнюю террасу длинный спуск, а оттуда под прямым углом другой спуск, ведущий к широкой набережной, — «пристани судам». В соответствии с описанием 1666 г. на нижних при-

брежных террасах расположен «полумесяцем нижний открытый посад».

Наиболее характерную для сибирских городов планировку мы видим в верхнем городе-посаде. Посередине от проезжих ворот северной внешней ограды к гостиному двору и далее к Базарному взвозу идет главная широкая магистраль, примерно в меридиональном направлении. Повидимому, это и есть «большая улица» верхнего города, о которой говорится в описании. Восточнее и западнее проложено еще по одной улице того же направления, но короче и уже средней.

Направление трех указанных улиц соответствует примерно направлению восточной стены посада и берега Иртыша. В плане Ремезова эти улицы отнесены к числу «продольных». В поперечном направлении территория верхнего города разбита 9—10 узкими улицами на ряд длинных и узких кварталов почти правильной прямоугольной формы. Направление этих «поперечных» улиц, о которых также упоминает «описание», совпадает с направлением северной стены посада.

План верхней части Тобольска является хорошим примером регулярной системы улиц, геометрически связанной с внешней геометрически правильной конфигурацией города. В эту же систему вписана и большая прямоугольная площадь у кремля, форма которой несколько затемнена различными строениями (Троицкая церковь, Гостиный двор и др.).

В конце XVII в. С. Ремезовым был составлен проект переустройства центральной части города. На этом проекте площадь получила еще более правильную геометрическую форму (см. рис. 132).

Наиболее интересная по своей планировке часть нижнего посада находится между берегом Иртыша и системой ближайших его притоков. Несмотря на чрезвычайно сложный внешний контур, образуемый речками, она имеет тоже ясно выраженный регулярный характер. И здесь, в соответствии с «описанием», мы находим одну «большую» улицу, идущую от спуска на юг, мимо Знаменского монастыря. В том же продольном направлении имеется еще несколько второстепенных улиц и множество переулков в поперечном направлении. Большинство кварталов имеет правильную форму, но, как и в Тюмени, прямоугольно-прямолинейная система не носит здесь характера жесткой чертежной схемы. Подходя к внешним контурам, строго геометрическая сетка улиц несколько изменяется, приноравливаясь к свободным изгибам водных протоков. Восточная часть нижнего посада, за речкой Тырковкой, повидимому, возникла позднее, в порядке стихийной застройки, так как в ней нельзя обнаружить следов какой-либо геометрической закономерности.

Внешний вид г. Тобольска с южной стороны показан на репродукции с гравюры середины XVIII в. (рис. 68) [14]. Слева на горе видна каменная стена кремля с двухэтажным зданием приказной палаты. Над Базарным взвозом (посередине картины) — так называемые «Шведские ворота», построенные в начале XVIII в. пленными шведами; правее ворот — архиепископский двор, окруженный каменной стеной с башнями. На первом плане — нижний город, в котором вблизи берега Иртыша видны три из продольных улиц.

Характерные для данного периода градостроительства Сибири черты регулярной планировки отчетливо видны в планах городов Пелыма (рис. 69) [15] и Красноярска (рис. 70) [16].

В Пелыме небольшая внутренняя крепость охвачена с двух сторон внешним острогом, параллельные ряды домов которого свидетельствуют о регулярной планировке, геометрически связанной с внешним прямоугольным контуром. В Красноярске малая крепость получила развитие в виде укрепленного посада лишь с одной стороны. И здесь застройка посада приняла вполне регулярный характер, связанный с контурами внешних стен. Даже заострожная слобода, вытянувшаяся вдоль берега реки, подчинилась направлению ближайшей крепостной ограды. В планах г. Сургута (рис. 71) [17] и г. Кузнецка (ныне г. Сталинск Кемеровской обл., рис. 72 [18]) нет элементов регулярной планировки, и схемы их отвечают древним традициям округлого города.

3. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Мы ознакомились с текстовыми материалами и планами, относящимися лишь к некоторым городам, из числа возникших в Западной Сибири с конца XVI и до конца XVII вв. Однако и приведенных данных достаточно, чтобы сделать определенные выводы о русском градостроительстве в Сибири.

1. Строительство новых городов преследовало цели:

а) подчинения московской власти сибирских народностей;

б) получения с них ясака в виде ценной пушнины.

Вместе с тем следует отметить огромное положительное влияние на развитие экономики и культуры местного населения, которое оказывали русские города в Сибири, как и

в присоединенных ранее Поволжье и Приуралье.

2. В связи с этим выбор места для постройки того или иного города определялся не только условиями, необходимыми для данной группы населения (удобством защиты, наличием пашен, рыбных мест и т. п.), но и общегосударственными требованиями, продиктованными ростом централизованного государства и экономикой страны.

3. Под влиянием этих общегосударственных требований для сооружения городов выбирались места:

а) важные для закрепления коммуникационных линий, связывавших с центром государства вновь занятые территории;

б) удобные в качестве форпостов для дальнейшего наступления в глубь Сибири;

в) обеспечивавшие контроль за судоходством на больших реках;

г) удобные для сбора ясака с местного населения.

4. Условия заселения Сибири в виде отдельных опорных пунктов русской власти и русских очагов культуры среди местного, враждебного в первое время, населения диктовали переход от традиционного русского комплекса — кремля с более или менее открытым посадом — к хорошо укрепленным населенным пунктам, включавшим в пределах крепостной ограды основную селитебную территорию.

5. В связи с этим в сибирских городах внутренняя крепость (кремль) уже не играла столь значительной роли, как в старом русском городе; она рассматривалась лишь как дополнительное укрепление к основной ограде — внешнему острогу и как вместилище наиболее ценных и важных элементов города.

6. Необходимость обносить крепкой оградой весь или почти весь селитебный массив вынуждала к крайне тесной застройке, ибо слишком обширный острог было трудно защищать. Строгое нормирование дворовых участков и их незначительные размеры приводили к необходимости крайне экономного размежевания селитебной территории, а отсюда и к применению геометрически правильных приемов разбивки, то есть к применению регулярной системы планировки.

7. Правильная, большей частью прямоугольная, форма острога в сочетании с геометрически правильной внутренней планировкой приводила к широкому распространению наиболее ясно выраженного типа регулярной планировки, характеризуемого композиционным единством внешней формы и внутреннего планировочного содержания.

8. Развитие приемов регулярной планировки происходило в сочетании с древними традициями, в которых большую роль играло приспособление к природным условиям (рельефу, береговым линиям и т. п.). В связи с этим регулярность планировки в сибирских городах получила мягкие и, сравнительно, свободные формы, что, впрочем, характерно и для новых городов XVII в. в европейской части России.

9. Постройке города предшествовало составление чертежей местности и общего расположения, которые отсылались для утверждения в Москву или в ближайший административный центр. Даже реконструкция города в связи с необходимостью расширения кремля или острога происходила по заранее составленному чертежу, утверждаемому соответствующей инстанцией. Подобная организация градостроительного дела имела место и на других окраинах страны, однако в Сибири получила наиболее четкое и ощутимое выражение, так как здесь постройка каждого города далеко выходила за пределы местных оборонительных задач.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РАДИАЛЬНО-КОНЦЕНТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

1. ЦЕНТРИЧЕСКИЙ ТИП СЕЛЕНИЙ

Композиция плана населенного места в основном определяется отношением отдельных его частей к главному центру, оказывающему влияние на общую конфигурацию плана, на распределение отдельных селитебных районов, на направление сети магистралей и второстепенных улиц, на расположение архитектурных доминант и т. п.

В древнейших поселениях с ясно выраженной преднамеренной планировкой (поселениях трипольской культуры) центрическое начало проявляется в том, что единому центру подчинена общая конфигурация селитебной территории.

Планы этих селений имеют в своей основе относительно правильное кольцо строений, охватывающее большую круглую площадь. Хотя в самом центре площади отсутствуют какие-либо сооружения, но он служит организующим началом замкнутого кольца строений, расположенных от него на приблизительно одинаковом расстоянии. Кроме того, и в радиальном расположении длинных большесемейных домов заметно стремление к той же центральной точке. Несомненно поэтому, что первое основное кольцо строений представляло собой преднамеренную композицию, подчиненную определенному, хотя и воображаемому центру.

Дальнейшее центрическое развитие поселка — в виде внешних или внутренних кругов — могло быть вызвано тем же стремлением к центру или же обусловлено формой первого кольца.

В период патриархально-родовых отношений возросшие потребности обороны приводят к образованию укрепленных кольцевых оград. Позднее кольцевая форма укреплений применялась, как правило, в тех случаях, когда естественные условия местности этому не мешали, и когда использование природных ресурсов для обороны не приводило к конфигурации, которую можно назвать «топографической».

Кольцевая форма укреплений имела ряд преимуществ в отношении обороны. Во-первых, при круглой конфигурации укреплений отсутствуют «мертвые» углы обстрела из лука; во-вторых, кольцевая форма крепостной ограды дает минимальную протяженность линии обороны; и наконец, при устройстве земляных валов и рвов она обладает также и конструктивными достоинствами.

К тому же, свободная расстановка строений не требовала прямоугольных участков, которые естественно подсказывали бы и общую прямоугольную форму поселения.

Кольцевая форма укреплений характерна для равнинной местности. Однако и в условиях равнины строители городищ стремились максимально использовать в целях обороны природные топографические элементы. В результате, — наиболее распространенная конфигурация городищ представляет собой сочетание линий, обусловленных природным рельефом или контурами речных берегов, с участками дуговой формы. При этом городища получали иногда очертание полукруга, опирающегося на берег реки, как на диаметр; весьма часто — очертание сектора, в котором берега двух рек (или оврагов) играли роль радиусов, а укрепление с полевой стороны — роль дуговой части контура.

Укрепленные элементы ряда древнерусских городов по своей конфигурации почти ничем

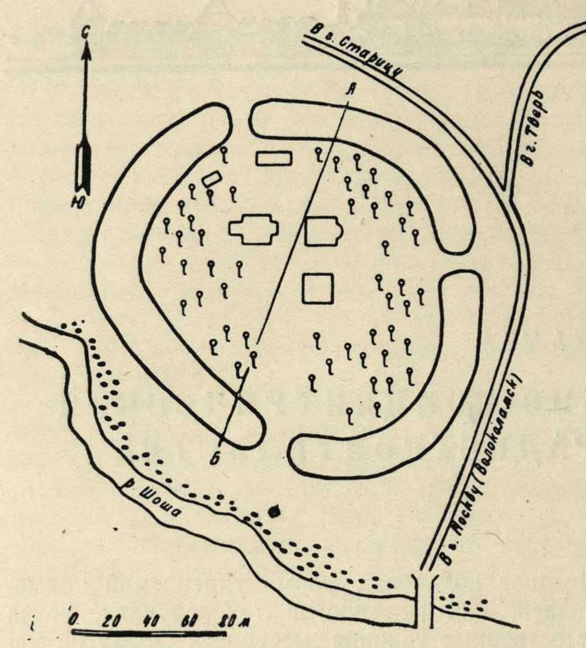


Рис. 73. Микулинское городище

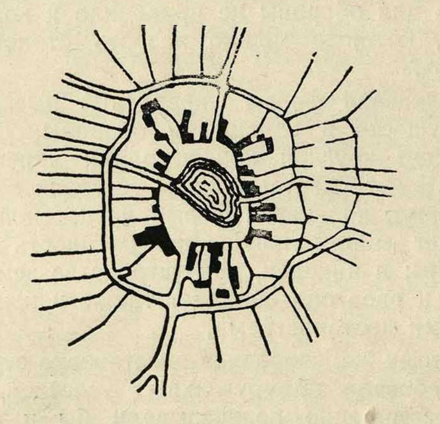


Рис. 74. План чешской деревни Зеленец

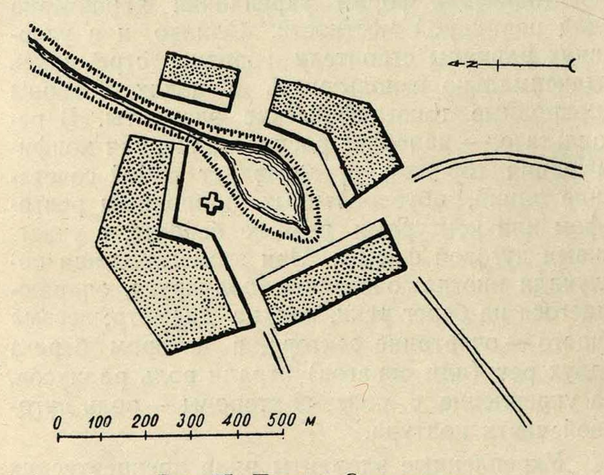


Рис. 75. План с. Элтесуново

не отличались от городищ центрического типа. Так, кремль Юрьева-Польского представлял собой почти правильный круг (см. рис. 21); детинцы Новгорода Великого и Дмитрова имели ясно выраженную овальную форму (см. рис. 18 и 24); кремль Переславля-Залесского принял грушевидную форму в результате приспособления к топографическим условиям (см. рис. 23).

Интересный пример круглой крепости сравнительно позднего происхождения представляет собой Микулинское городище (рис. 73) [1]. Эта крепость возникла в первой половине XIV в. на южной границе Тверского княжества, на пересечении важных путей, в одном из мест, где угрожала наибольшая опасность со стороны московских князей.

Микулинская крепость находилась на левом слегка извилистом берегу р. Шоши и была лишена естественной защиты с флангов. Поэтому в соответствии с древними традициями она и приняла округлую конфигурацию, приближающуюся к овалу площадью около 5,5 *га*.

До конца XV в. никакой новой преднамеренной формы укрепленного поселения в русском градостроительстве мы не встречаем. Традиционную округлую форму получали отдельные небольшие комплексы строений, как, например, укрепленные монастыри, и даже некоторые из сибирских острогов XVI—XVII вв., что видно на планах г. Сургута и Кузнецкого острога (рис. 71 и 72) [2].

Селения древней Руси открытого типа строились обычно из дерева и потому, за исключением отдельных фрагментов, не дошли до нашего времени. Представление о славянских поселениях подобного типа дает хорошо сохранившаяся средневековая чешская деревня Зеленец (рис. 74) [3].

В наиболее ранних топографических документах России, заслуживающих доверия по своей точности, — в межевых атласах губерний и наместничеств конца XVIII и начала XIX вв. — встречаются села центрического типа. К сожалению, эти планы выполнены в очень малом масштабе — 2 версты в дюйме, т. е. в м. $^{1}/_{84\,000}$, и детали застройки, а также границы отдельных усадебных участков на них не показаны. Кроме того, не удалось найти атласов по ряду губерний, что затрудняет составление хотя бы примерной картины распространения селений рассматриваемого типа на территории СССР. Тем не менее, эти планы представляют большой интерес, так как свидетельствуют о живучести традиционного кольцевого поселения, дошед-

шего в некоторых образцах почти до нашего времени.

Рассмотрим некоторые из наиболее характерных примеров.

В селе Элтесуново застройка по ломаным линиям обрамляет большое свободное пространство, посреди которого находится озерко с вытекающим из него ручьем. На площади, в одном из ее углов, на берегу озерка стоит церковь. К селу подходят три проселочные дороги (рис. 75) [4].

Село Лукояново имеет план, аналогичный предыдущему, но без водоема в центре, так как одной стороной оно примыкает к берегу реки. В застройке три разрыва. К селу подходят две проселочные дороги (рис. 76) [5].

В селе Никольском большая внутренняя площадь, обрамленная застройкой, несколько усложнена тем, что в нее с края включен ручей, вытекающий из маленького озерка. На площади у одного из входов — церковь; посредине — две изолированные усадьбы, принадлежавшие, вероятно, духовенству. Застройка состоит из 6 частей, разделенных входами на внутреннюю площадь (рис. 77) [6].

На плане села Смирнова нет ясной кольцевой формы, но принцип построения плана тот же. Большая внутренняя площадь обрамлена со всех сторон усадебной застройкой и вытянута вдоль протекающего посередине ручья с тремя запрудами (рис. 78) [7]. Церковь расположена в одном из углов площади. Дорога проходит вне селения и никакого влияния на формирование плана не оказала. Грушевидная же общая форма села объясняется вытягиванием его не вдоль дороги, а вдоль водного протока с его запрудами, которые имели, повидимому, особое значение для хозяйства села.

План села Городище также имеет грушевидную форму, вытянутую вдоль озерка с вытекающим из него ручьем (рис. 79) [8]. На огромной площади по концам этого озерка поставлены две церкви. К селу подходят радиально три дороги. Обрамляющая застройка разбита на 6 отдельных кустов. Кроме того, посреди площади расположен еще один небольшой квартал.

В селе Великом огромная внутренняя площадь, примерно овальной формы, обрамлена двумя большими кустами усадебной застройки. На плане этого села (рис. 80) [9] в отличие от ранее рассмотренных, мы видим ряд тупиков, внедряющихся от площади в глубь усадебной территории.

На центральной площади расположены две церкви, небольшое озеро, из которого выте-

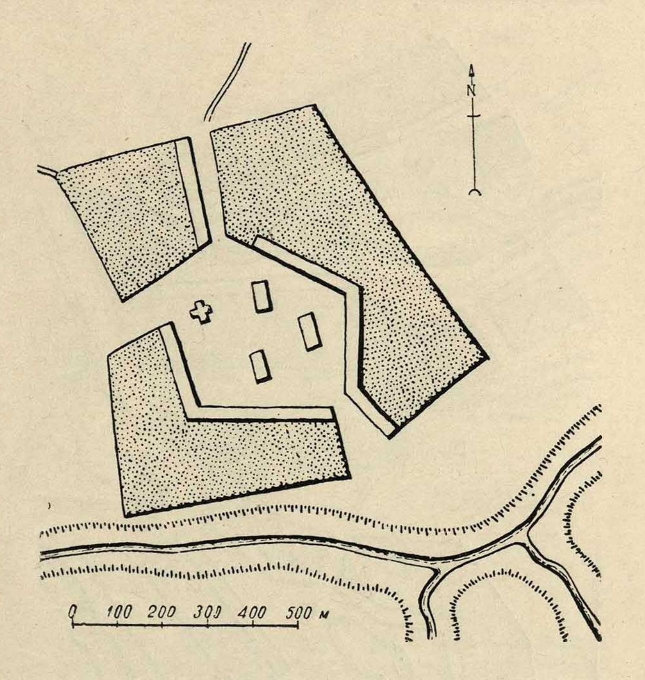


Рис. 76. План с. Лукоянова

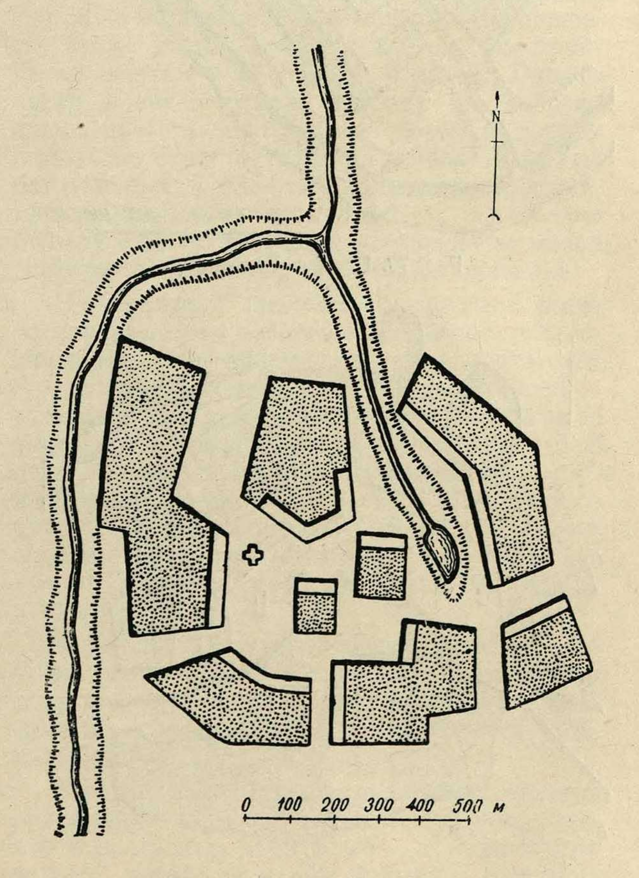


Рис. 77. План с. Никольского

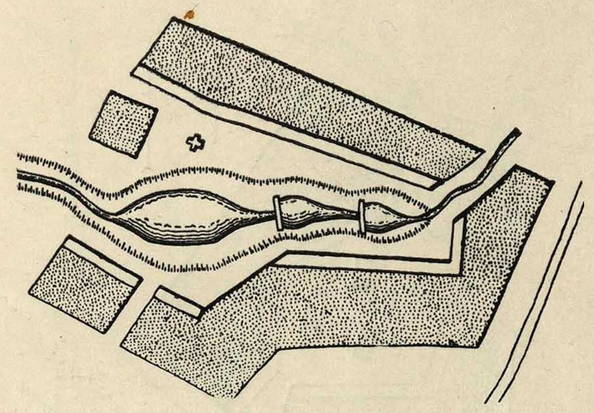


Рис. 78. План с. Смирнова

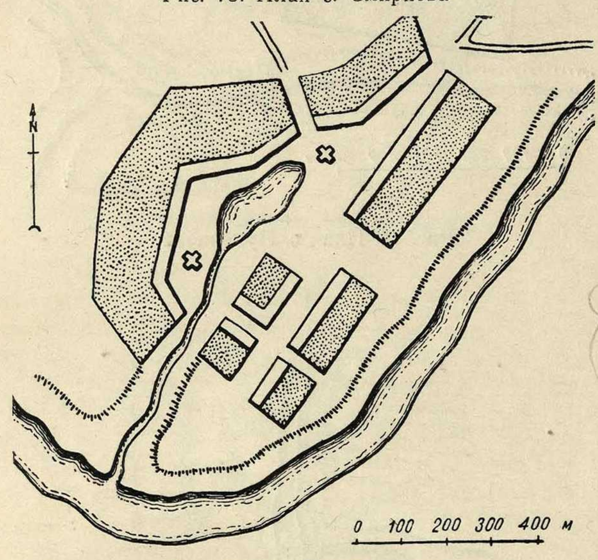


Рис. 79. План с. Городища

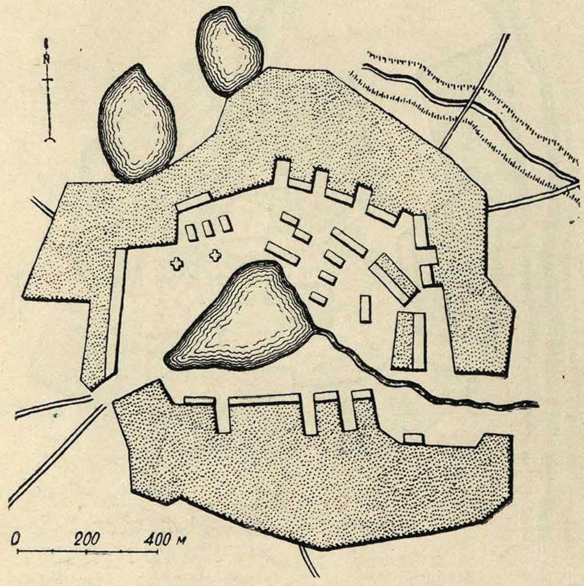


Рис. 80. План с. Великого

кает ручей, а также два небольших куста усадеб и множество строений. К селу подходят радиально семь проселочных дорог, но только два разрыва в застройке дают доступ во внутреннее пространство.

В межевых атласах XVIII—XIX вв. села кольцевого типа составляют лишь незначительную группу. Это обстоятельство, однако, не снижает их значения как населенных мест, сохранивших в порядке преемственности древние традиции славянских поселений и свидетельствующих о стремлении к ясно выраженной центрической системе планировки.

2. ФОРМИРОВАНИЕ РАДИАЛЬНО-КОНЦЕНТРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПЛАНИРОВКИ В РУССКИХ ГОРОДАХ

Развитие радиально-концентрической системы планировки в русских городах вызывалось комплексом таких общественных отношений, которые обусловливали воздействие центральных элементов (детинцев, кремлей) на формирование города в течение всего периода его существования вплоть до второй половины XVIII в.

Проследить историческое развитие радиально-концентрической системы в неукрепленных поселениях на территории нашей страны пока невозможно из-за отсутствия необходимых материалов. Только в атласах конца XVIII и начала XIX вв. встречаются планы больших сел, которые несколько освещают указанный вопрос. Не имея возможности определить ни даты возникновения этих сел, ни отдельные этапы их исторического развития, рассмотрим лишь конечные результаты их территориального роста.

На плане села Великого (см. рис. 80) заметно начало образования внутреннего кольца за счет уменьшения центральной свободной площади. В плане села Стексово (рис. 81) [10] второе (внутреннее) кольцо застройки получило уже почти полное завершение.

Наиболее интересный пример развития кольцевой системы виден в плане села Сеславино (рис. 82) [11]. Здесь три кольца усадебной застройки концентрически расположены вокруг овальной площади с церковью. Только три радиальных направления, прорезающих все кольца насквозь и подходящих к центру селения, имеют характер улиц. Остальные радиусы представляют собой скорее переулки без застройки, и большинство из них до центра не доходит. Кольцевые же направления являются главными планообразующими элементами. Особый интерес представляет кольцо

между первым и вторым рядами застройки, по которому проходит ручей с многочисленными запрудами, выходящий далее из села двумя плавно изгибающимися рукавами.

Таким образом, приведенные материалы позволяют предположить, что характерным приемом развития открытого кругового плана являлось наслаивание концентрических колец застройки с весьма слабым развитием радиальных направлений.

В ряде средневековых зарубежных городов встречаются планы аналогичного типа (рис. 83)[12]. Однако там такая планировка применялась не для открытых поселений, а в качестве своеобразного оборонительного приема. Сущность этого приема, названного Лаведаном «обволакиванием» (l'enveloppement)[13], заключалась в том, что кольца жилых строений выполняли функцию крепостной ограды.

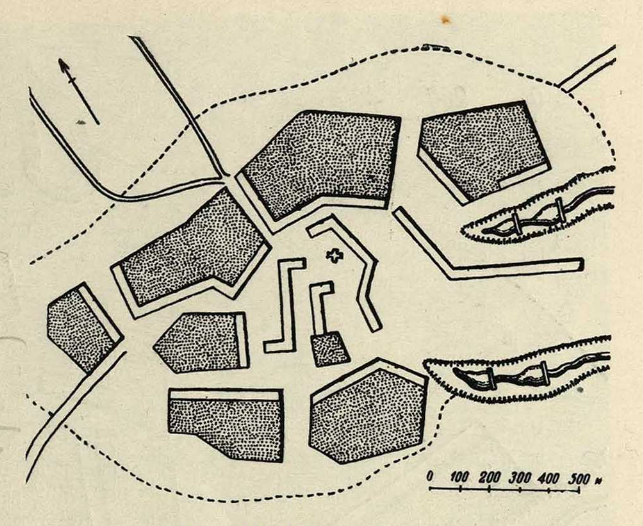


Рис. 81. План с. Стексова

Несмотря на внешнее, чисто геометрическое сходство процесса «обволакивания» с процессом кольцевого наслоения наших открытых поселений, между ними имеется существенное различие. Если во французских городах кольцевые улицы чередуются со сплошными рядами каменных домов, прорезанными лишь очень редкими разрывами, то в русских поселениях улицы охватываются поясами свободно стоящих деревянных домов с участками садов и огородов. Повидимому, бытовые и конструктивные условия, а также противопожарные соображения препятствовали у нас замене крепостной внешней ограды рядами жилых домов.

Развитие укрепленных поселений пошло в древней Руси другими путями, обусловившими своеобразие и самобытность русского градостроительства.

В древнейшие времена основными элементами укрепления служили валы и рвы, дополнявшиеся деревянными, а в некоторых городах и каменными стенами. Среди памятников древнерусской фортификации встречаются также примеры сочетания оборонительных оград с жильем гарнизона. Так, например, раскопками 1948—1950 гг. в детинце древнерусского города Колодяжина, разрушенного татарами в 1241 г., были обнаружены 22 деревянных срубных сооружения, представляющих собой как бы единую длинную постройку, расположенную по краю детинца, разделенную поперечными стенами на четырехугольные клети и засыпанную землей. Здесь размещались жилища, ремесленные мастерские и хозяйственные помещения. Поверх жилищ и других построек был возведен оборонный вал, на котором стоял частокол.

Весь жилищный и фортификационный комплекс городища был конструктивно связан и строился одновременно. Центральная часть детинца оставалась незастроенной и представляла собой как бы большой двор всего жилищного комплекса[14].

По некоторым признакам Колодяжинское городище напоминает Райковецкое городище, где также жилые помещения были конструктивно связаны с оборонной оградой. Однако нигде в древнерусских городах не найдено применения сплошных рядов жилой застройки в качестве самостоятельной крепостной ограды без обычных фортификационных сооружений. Повидимому, в русских городах, в отличие от зарубежных, кольцевое наслоение не имело самостоятельного оборонительного значения.

При наличии крепостной ограды с редко расположенными воротами кольцевое наслоение теряло свои преимущества для обитателей города и в отношении связи с центром города — детинцем. Для этой цели гораздо удобнее было выстраивать новые жилища вдоль радиальных дорог, подходивших к воротам крепости и служивших для связи с подвластной «городу» территорией. Таким образом, первым и основным элементом развития селитебной территории вне кремля стали в русском городе не кольца, а радиусы.

Характер радиально-концентрической системы плана в значительной мере определяется ролью ее центра в жизни города, его размерами, конфигурацией и внутренней планировкой.

В зарубежных городах в качестве центров притяжения служили весьма различные элементы застройки, чаще всего — церковь с площадью, иногда — просто большая рыночная площадь, аббатства, реже — замки, иногда

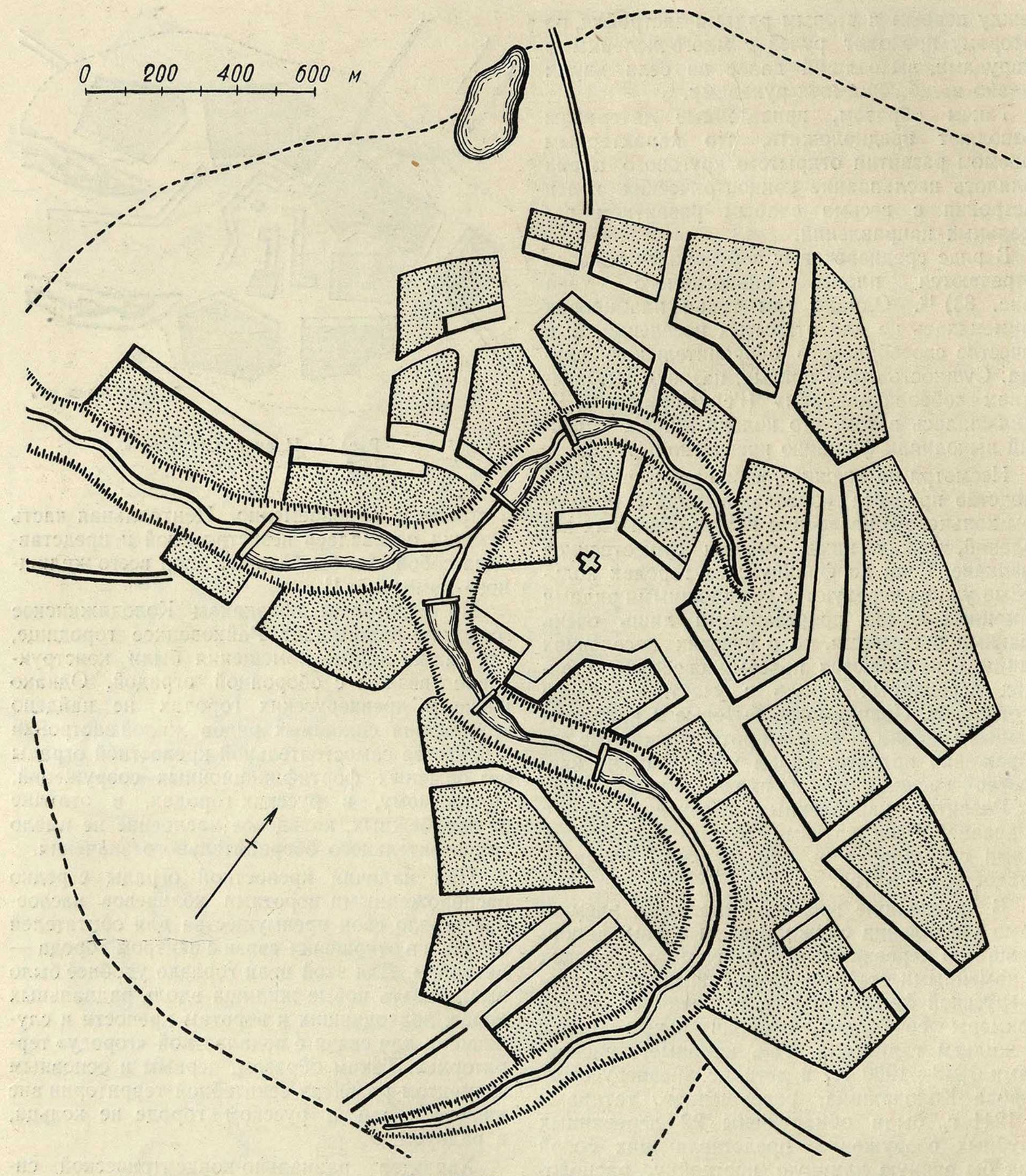


Рис. 82. План с. Сеславина

даже — источник хорошей питьевой воды и т. п. Но все эти элементы играли организующую роль в планировке города лишь в начальный период его жизни, постепенно теряя свое идеологическое и функциональное значение.

Это положение в особенности относится к замкам. Некоторые из них, восходившие еще к общинным поселениям, являлись зародышами города и служили в начальной стадии его развития укрепленными убежищами населения. По мере нарастания внешних каменных колец и в особенности после устройства наружных

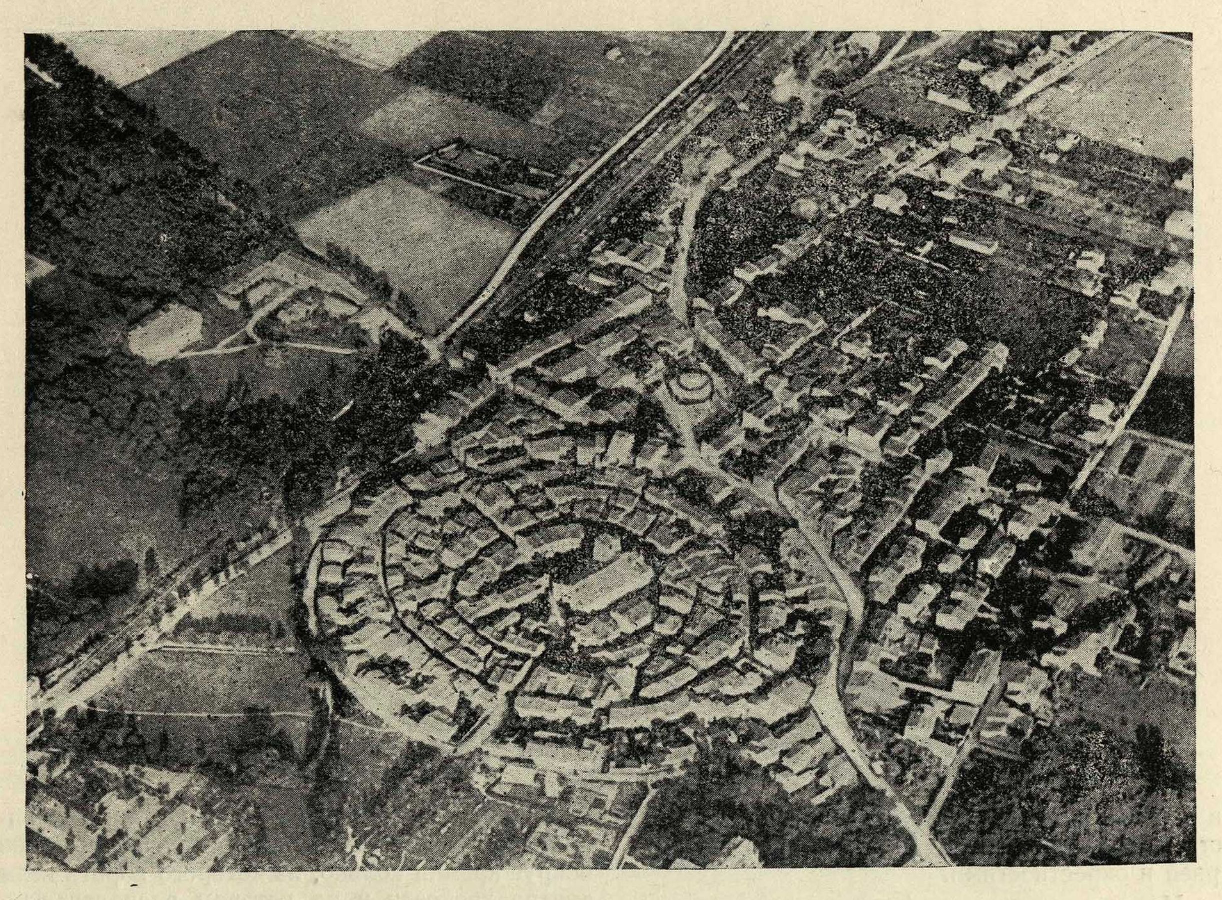


Рис. 83. Средневековый город Брам (Франция)

крепостных стен оборонное значение этих замков деградирует, так как основой защиты становятся периферийные укрепления. Вместе с тем замок перестает быть и ясно выраженным архитектурным центром города, постепенно сливаясь с окружающей застройкой, если этому не препятствуют топографические условия.

Замки другого типа строились феодальными владельцами городов, чтобы обеспечить свою власть над городским населением. В этих случаях замки, как правило, устраивались на периферии города и играли двойную роль: во-первых, — в качестве наиболее укрепленного звена внешней ограды для защиты от внешних врагов; во-вторых, — в качестве оплота феодала против его собственных подданных. При этом особое внимание обращалось на то, чтобы сообщение замка с внешним миром отнюдь не происходило через территорию города. Феодал сохранял возможность получать подкрепление людьми и припасами, минуя потенциальных врагов — горожан. В тех случаях, когда жилище феодала — владельца города оказывалось все же окруженным застройкой, его резиденция переносилась вновь на периферию.

Таким образом, в большинстве случаев замок и город представляли собой два, хотя и тесно связанных, но совершенно разных и враждующих мира. В соответствии с этим для зарубежного средневекового города характерно наличие общественного центра, независимого от местопребывания феодальной власти — замка (рис. 84, 85).

На формирование плана феодального зарубежного города оказывала значительное влияние и организация внутренней обороны. После того как враг прорывался через периферийные стены, борьба продолжалась на территории самого города. Каждый поворот или излом улицы со сплошной каменной застройкой был удобным местом для задержки неприятеля. Последним оплотом защиты становилась центральная городская площадь. Поэтому, чтобы обеспечить внутреннюю оборону, важно было, по возможности, затруднить подходы к центру. Отсюда — усложненность радиальной сети

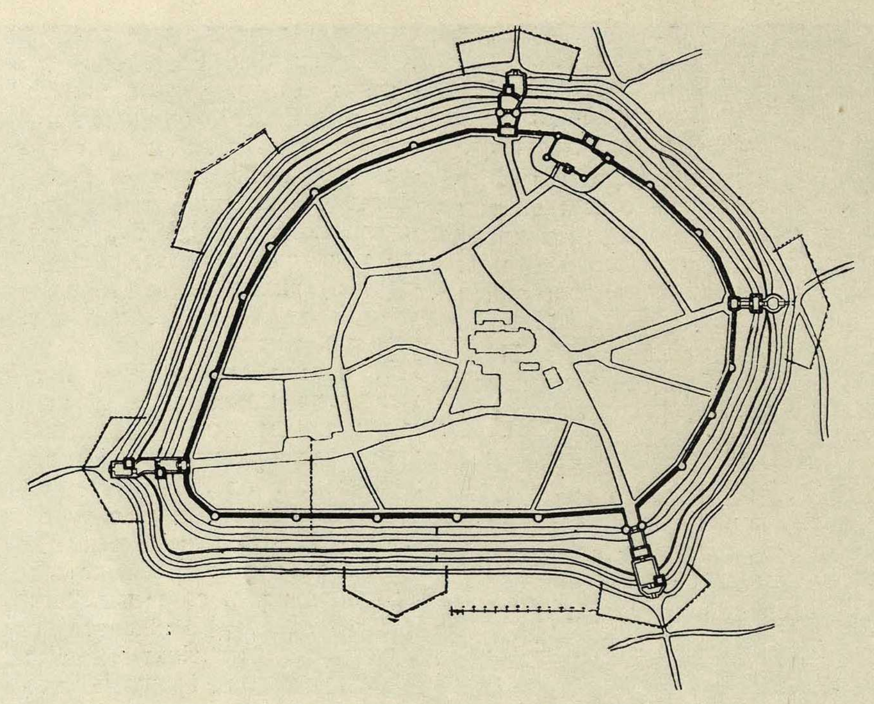


Рис. 84. План г. Эркеленц (Германия)

в зарубежных городах, отсутствие непосредственной связи центра города с его периферией и окрестностями.

Идеологическая и функциональная роль центрального элемента русского города складывалась иначе. Кремль русского города в течение всего периода русской истории до XVIII в. представлял собой укрепленный комплекс учреждений, осуществлявших высшую политическую, административную и церковную власть; он заключал в себе главнейшие святыни, места для хранения богатств населения и всяческих запасов и, наконец, служил основным убежищем для населения во время войны. На протяжении истории менялся характер этих учреждений и их взаимоотношений с населением, но общая структура русского города и значение центра в его жизни оставались почти теми же.

Доступ в кремль, как в центр обороны, для посторонних был ограничен. Поэтому ряд общественных функций выполняла обычно большая площадь (или группа площадей), которая находилась непосредственно у кремля на широкой незастроенной полосе, имевшей защитное значение. Здесь в отдельных местах концентрировалась торговля, устраивался гостиный двор, размещались общественные строения земского управления и особо почитаемые церкви.

Таким образом, элементом притяжения радиальной системы служило расположенное вокруг кремля кольцо, из которого ворота вели внутрь крепости и на котором располагались торговые площади.

Как правило, места «городов», выбирались таким образом, чтобы с двух сторон, или, по крайней мере, с одной, защитой служили естественные береговые склоны рек или оврагов. С этих сторон не было надобности в особых защитных полосах, и потому обычно устраивалась лишь часть кольца со стороны материка или «поля», которая и служила основным местом подхода радиальных улиц. С других сторон радиальные направления устремлялись к точкам расположения переправ и мостов. Различные социально-исторические и топографические условия вносили необычайное разнообразие в рисунок радиальной сети улиц, которая, таким образом, являлась вполне закономерным результатом исторического развития города в конкретных географических условиях, а не предвзятой геометрической схемой, как в теоретических («идеальных») городах ренессанса и барокко.

Если происхождение и формирование радиальной сети в русских городах сравнительно легко проследить, то значительно сложнее вопрос о появлении кольцевых направлений.

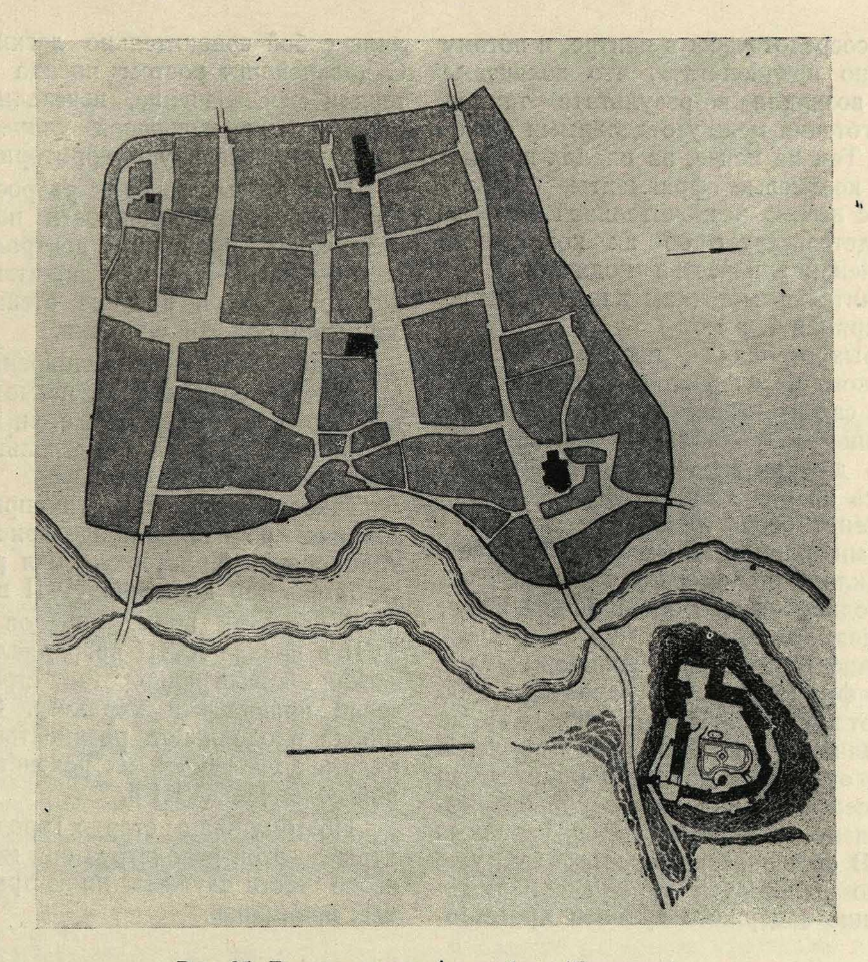


Рис. 85. Город и замок Альтенбург (Германия)

Рассматривая планы городов, находившихся на различных стадиях развития в момент топографической съемки во второй половине XVIII в., можно установить несколько характерных типов кольцевых улиц. Эти типы определялись требованиями коммуникации, интенсификации застройки и заселения, условиями обороны и топографическими особенностями территории.

Как будет показано в дальнейшем на ряде конкретных примеров, условия образования основных типов кольцевых улиц могут быть охарактеризованы следующим образом.

По мере удлинения радиальных улиц сообщение с центром становится все затруднительнее. В то же время расстояние между радиусами все более увеличивается, и между ними образуются крупные земельные массивы, весьма слабо использованные. Совершенно естественно, что вместо удлинения застройки по радиусам с какого-то момента удобнее становится освоение межрадиальных пространств, и от радиальных улиц в глубь этих массивов внедряются тупики и переулки. Соединяясь между собой, эти второстепенные элементы уличной сети образуют фрагменты кольцевых направлений, иногда значительного протяжения.

В ряде городов, расположенных у больших рек, интенсивно развивается прибрежная территория и в связи с этим появляются улицы, перпендикулярные к береговой линии, а вместе с тем и к нескольким ближайшим к реке радиусам. Таким образом, возникает ряд кольцевых направлений, отходящих от реки и глубоко внедряющихся в селитебную территорию.

В некоторых случаях кольцевые направления обязаны своим происхождением решению коммуникационных задач. В большинстве этих случаев, однако, речь идет не о внутригородской коммуникации, а о соединении внешних дорог, подходящих к городу, т. е. о транзитном сообщении через городскую территорию. Главные интересы населения древнерусского

города были сосредоточены в центре, и потому вряд ли можно предполагать, что кольцевые магистрали возникли в результате тангенциального тяготения между отдельными секторами посада. Тем не менее, на планах нередко встречаются кольцевые фрагменты без застройки или с весьма незначительной застройкой, что свидетельствует об их коммуникационном значении в качестве подходов к отдельным значительным точкам плана (к церквам, монастырям и т. п.).

В некоторых городах в периоды бурного роста городского населения, особенно в XVI и XVII вв. в связи с расселением служилых людей, большие межрадиальные массивы использовались для интенсификации застройки и разбивались на ряд мелких кварталов. При этом обеспечение более или менее равномерными наделами размещаемых людей естественно приводило к планомерной разбивке ряда секторов на однообразные по ширине кольца, вернее, кольцевые отрезки.

Все перечисленные типы кольцевых улиц имели либо фрагментарный характер, либо охватывали отдельные районы города. Лишь изредка то или иное кольцо проходит через весь город — от одного крайнего радиуса до другого. Совсем иной вид имеют кольца, возникшие в связи с устройством периферийных укреплений. В большинстве городов, как уже было сказано ранее, эти укрепления имели целью временно задержать врага и представляли собой сравнительно легкие сооружения. С дальнейшим ростом посада и слобод они теряли свое значение, исчезали, но оставляли след в виде кольцевой улицы, проходящей через всю посадскую территорию.

В некоторых городах разросшееся население не имело возможности пользоваться по различным причинам центральным убежищем — кремлем, и для защиты этого населения возводились крепкие стены с кольцевой защитной полосой снаружи.

При дальнейшем расширении города эти укрепления сохранялись, несмотря на возведение новых периферийных стен, и в результате город четко делился на несколько концентрических поясов.

Таковы в общих чертах принципы формирования радиально-концентрической системы планировки, характерные для русского градостроительства до конца XVII в.

В проектах новых городов самого конца XVII и начала XVIII вв. радиально-концентрическая система приобретает строгий, математически правильный характер. Однако старые города продолжают развиваться попрежнему вплоть до коренной их реконструкции во второй половине XVIII в.

Поэтому планы старых городов, снятые с натуры до этой реконструкции, могут в основной своей части служить иллюстрацией изложенных принципов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РАЗНООБРАЗИЕ ПРИЕМОВ РАДИАЛЬНО-КОНЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПЛАНИРОВКИ РУССКИХ ГОРОДОВ

Отсутствие историко-топографических монографий по отдельным городам лишает возможности осветить последовательные стадии в развитии радиально-концентрической системы планировки тех старых русских городов, планы которых (снятые до реконструкции XVIII в.) сохранились. Поэтому здесь будут рассмотрены главным образом окончательные результаты формирования радиально-концентрической системы к моменту составления указанных планов.

1. ЗУБЦОВ (рис. 86) [1]

Начальный этап формирования радиальной сети хорошо представлен в плане г. Зубцова Калининской области, первое упоминание о котором относится к 1216 г.

На мысу, образованном крутым поворотом Волги, против устья реки Вазузы расположился округлый детинец, отделенный от поля земляными укреплениями. За ними — широкая площадь в виде кольцевого отрезка, на 90° охватывающая детинец и упирающаяся обоими концами в берега Волги. Эта площадь служит местом схождения четырех радиальных направлений.

Крепость, повидимому, возникла здесь на территории более ранних поселений. Уже с образованием Киевского государства р. Вазуза, верховья которой близко подходят к истокам Днепра, стала одним из путей сообщения Приднепровья с Верхней Волгой. Здесь на Верхней Волге сходились пути и от Киева через Днепр, и с Нижней Волги. Материалы раскопок дают основание предполагать, что торгово-ремесленный посад сложился вне крепости уже с XII в. [2].

В XIV в. в Зубцове находился таможенный пункт, через который проходили товары и производился сбор пошлины. Все это в результате привело к ясно выраженному тяготению города к берегу Волги. Отсюда и вытянутость плана вдоль реки, и наибольшая длина и ширина радиальной улицы — набережной, и наличие ряда переулков, выходящих к берегу, которые при благоприятных условиях могли бы стать началом кольцевой системы. Из остальных радиальных улиц выделяется по своему центральному положению дорога на Старицу и дальше на Тверь, что также находит объяснение в истории города, который был в свое время важным стратегическим пунктом на юго-западном рубеже Тверского княжества.

В проекте переустройства города, утвержденном в 1777 г., радиальная система была совершенно упразднена, и план Зубцова принял вид прямоугольной решетки. Лишь большая площадь на самой стрелке мыса напоминает о бывшем здесь некогда главном ядре города [3].

2. МУРОМ (рис. 87) [4]

Примером радиальной сети улиц в сочетании с зарождающейся кольцевой системой может служить план г. Мурома Владимирской области.

Муром на р. Оке впервые упоминается в легендарном рассказе летописца об образовании древнерусского государства в летописной записи 862 г. (Лавр. лет., стр. 20). Уже в древности важную роль в нем играла пристань.

Внимательно сопоставляя сеть улиц его прибрежной полосы с рельефом местности, мы убеждаемся в чрезвычайно тесной связи

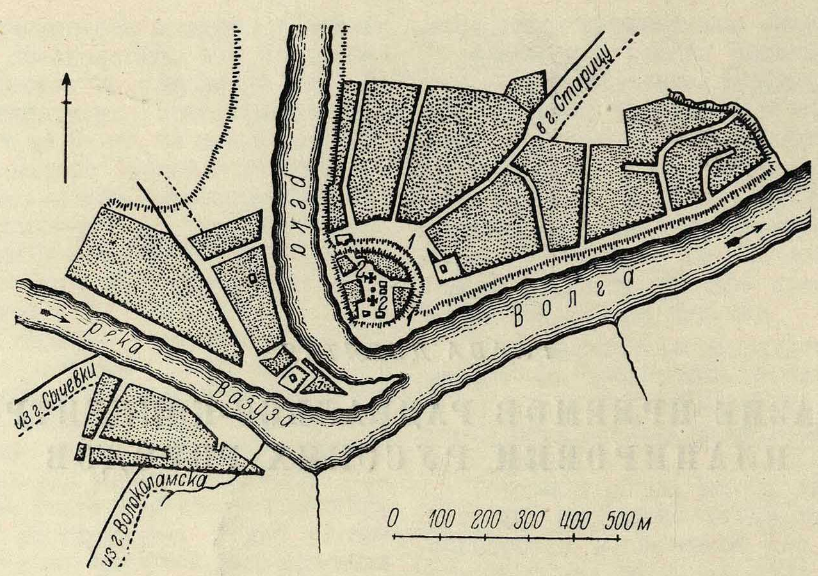


Рис. 86. План г. Зубцова до перепланировки
1—земляная крепость; *2*—собор

топографических условий с планировкой этой части города. Главные улицы ее расположены по тальвегам, промежуточные — отвечают конфигурации отдельных микрорайонов, определяемой в свою очередь узором оврагов и береговых уступов. Частота поперечных выходов к набережным свидетельствует о важной роли реки в жизни города. Обращает на себя внимание и обилие церквей, расположенных непосредственно на берегу.

Вся прибрежная часть с сильно пересеченным рельефом четко отделена от верхнего ровного плато, на котором расположен основной по территории, но, повидимому, более поздний по освоению и менее интенсивно застроенный район города. На его планировку рельеф местности почти не влиял, и сеть улиц тут получила характерный веерообразный узор, некоторые специфические особенности которого вызваны историческими условиями развития города.

Прежде всего, в отличие от плана г. Зубцова, здесь нет ясно очерченного ядра тяготения радиальной сети. Радиальные улицы сходятся в общем к району, включающему крепость, торговую площадь при ней и монастыри Троицкий и Благовещенский. Немаловажную роль в качестве элемента притяжения играл в этом районе и отрезок набережной Оки между крепостью и ручьем Воскресенским. Об этом свидетельствует выход ряда радиусов непосредственно к берегу, а также наличие на самом берегу площади с церковью (у северо-восточного угла крепости).

Усложненность центрального ядра города может быть отчасти объяснена и тем, что крепость первоначально находилась ближе к месту впадения ручья Воскресенского в р. Оку, на так называемом Старом городище, в районе Благовещенского монастыря.

Наиболее интересной особенностью плана Мурома является то обстоятельство, что в нем ясно выражен начальный момент складывания кольцевой системы. От места подхода важнейшей из внешних дорог — из г. Владимира пошла диагональная, несколько изгибающаяся улица по направлению к юго-восточной прибрежной части города. Эта улица, пересекающая по дуге все основные радиусы, может рассматриваться как первое внутреннее кольцо.

Несколько по-иному начался процесс образования второго кольца, к югу от первого. В двух местах поперечные переулки прорезали большие трапецевидные массивы, повидимому, в результате интенсификации застройки или для связи соседних радиусов. Если бы город и дальше продолжал развиваться по тем же принципам, то несомненно был бы прорезан и последний из больших массивов, и тем самым два первых переулка соединились бы в общую кольцевую улицу, проходящую через весь город.

Автор проекта реконструкции Мурома (рис. 88) [5] не использовал сложившейся ситуации. В результате произведенной им перепланировки четкая, исторически сложившаяся радиальная сеть города с зачатками кольцевой системы оказалась разбитой на прямоугольные

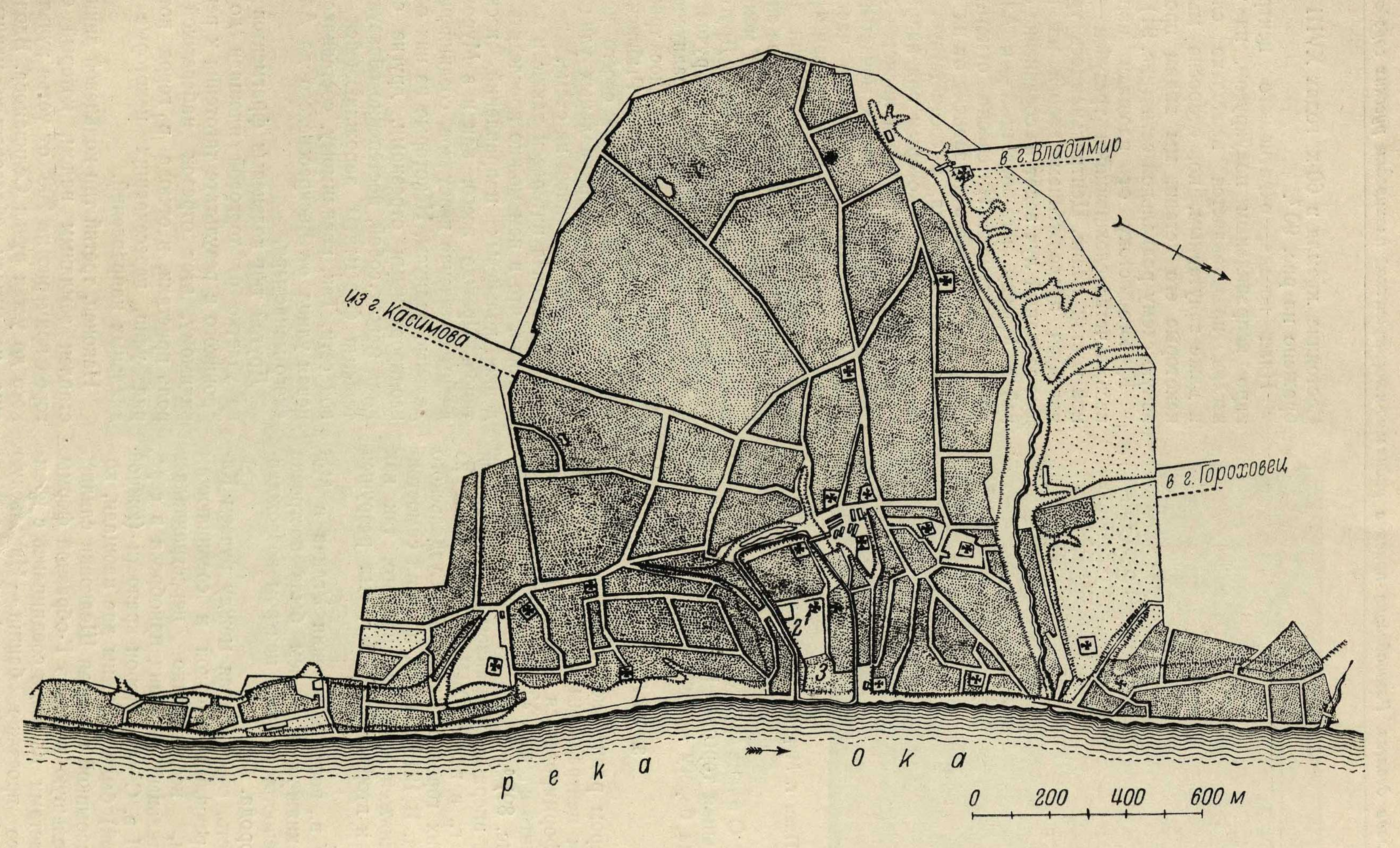


Рис. 87. План г. Мурома до перепланировки

1—собор; 2—духовное правление; 3—воеводский двор

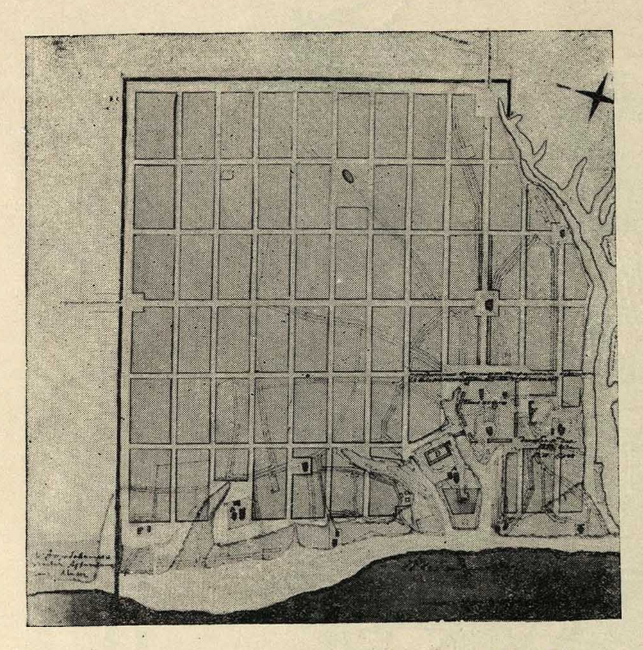


Рис. 88. План г. Мурома, утвержденный в 1781 г.

кварталы. О плане древнего города напоминают лишь большая торговая площадь, да расположенные на берегу монастыри и церкви.

3. УГЛИЧ

Примером радиальной системы с ясно выраженным центральным трезубцем и с начинающей формироваться кольцевой сетью может служить план г. Углича Ярославской области (рис. 89) [6].

Углич, впервые упоминаемый в летописи под 1149 г., в начале XIII в. стал одним из крупнейших городов Владимиро-Суздальского княжества. В 1218 г. город получил самостоятельное княжение, но не надолго, так как в 1238 г. и вторично в 1293 г. был разрушен татарами.

В XIV в., после включения Углича в Московское княжество, в нем была построена новая крепость, ставшая центром возрождавшегося города.

Крепость, сооруженная между ручьем Каменным, речкой Шелковкой и соединяющим их рвом, неоднократно перестраивалась и окончательный свой вид приобрела в середине XVII в. С двух сторон крепости (южной и западной) были устроены две площади, которые с засыпкой верховья Шелковки слились в одну большую площадь Г-образной формы. Двумя мостами площади соединялись с кремлем через проезжие башни — Никольскую (с юга) и Спасскую (с запада), образуя, таким образом, с кремлем основное ядро города. Состояние кремля в 60-х годах XVIII в. изображено на рис. 90 [7].

План посада, охватившего центральное ядро неправильным полукругом, на первый взгляд представляется несколько сложным и даже запутанным, но, отбросив мысленно некоторые его детали, мы видим простую и ясную схему радиальной сети (рис. 91) [8].

К юго-востоку от площади направлен весьма четко сложившийся трезубец — основной костяк плана. Центральная ось трезубца является продолжением дороги на Ростов; юго-западный луч ведет на соединение с дорогой в Москву, юго-восточный — к Алексеевскому монастырю. Интересно отметить, что ширина лучей здесь не зависит от их геометрического положения, а соответствует значению тех пунктов, к которым они направлены. Так, самой широкой улицей является луч на Москву, самой узкой — луч к монастырю.

Кроме трезубца, от головной части площади отходят еще два радиуса, примерно параллельные течению Волги. Один из них (западный), имеющий чисто местное значение, направлен к Воскресенскому монастырю и дальше к загородной слободе. Другой (восточный), перейдя мостом через ручей Каменный, разветвляется на 6 новых радиусов, из которых два средних имеют важное транзитное направление на Ярославль и Рыбинск (ныне г. Щербаков). В результате своего исторического развития сеть радиальных улиц Углича приняла вид, указанный на схеме.

План Углича интересен также и в том отношении, что в нем можно проследить зарождение кольцевых направлений нескольких типов. Прежде всего, как и в Муроме, мы видим появление переулков, соединяющих отдельные радиусы. Некоторые из них остаются изолированными отрезками, другие соединяются между собой, постепенно образуя значительные фрагменты зарождающейся кольцевой сети. Так, повидимому, составилась кольцевая улица от Воскресенского до Алексеевского монастыря.

Другой тип кольцевых фрагментов возник на участке от торговой площади до ручья Троицкого в результате тяготения к реке. Повидимому, этот отрезок набережной играл роль пристани, и отсюда в город потянулся ряд улиц, пересекавших некоторые из радиальных направлений.

Наконец, третий тип кольцевой линии представлен земляным валом, который охватил город примерно на 200° от устья ручья Троицкого до устья ручья Селиванова. Вдоль вала еще не успели образоваться улицы, и за ним видна лишь незначительная застройка.

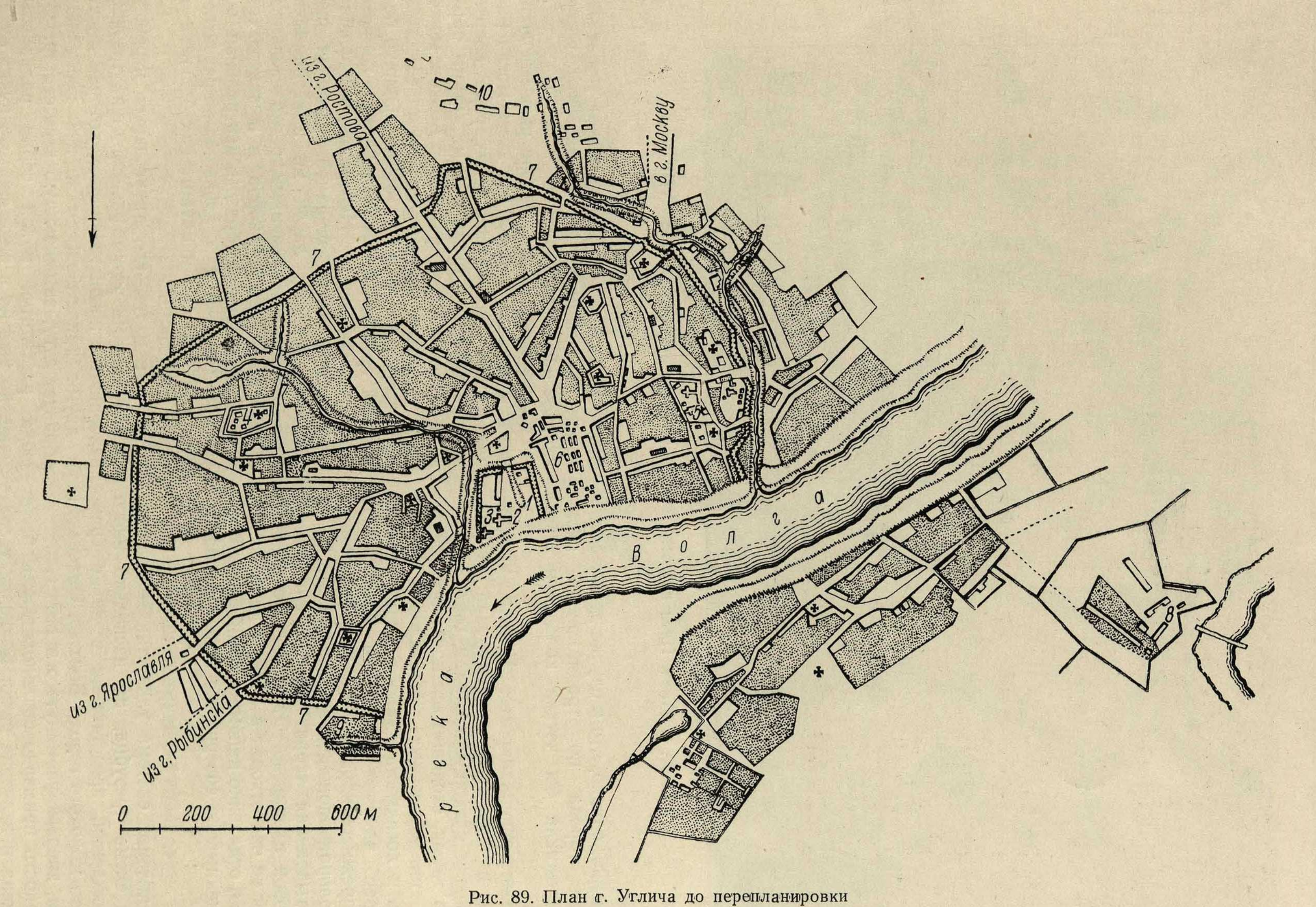


Рис. 89. План г. Углича до перепланировки

1—земляная крепость; *2*—собор; *3*—дворец, в котором жил царевич Дмитрий; *4*—Алексеевский м. монастырь; *5*—Воскресенский монастырь; *6*—лавки; *7*—земляной вал; *8*—бумажная фабрика; *9*—кожевенный завод; *10*—кирпичный завод

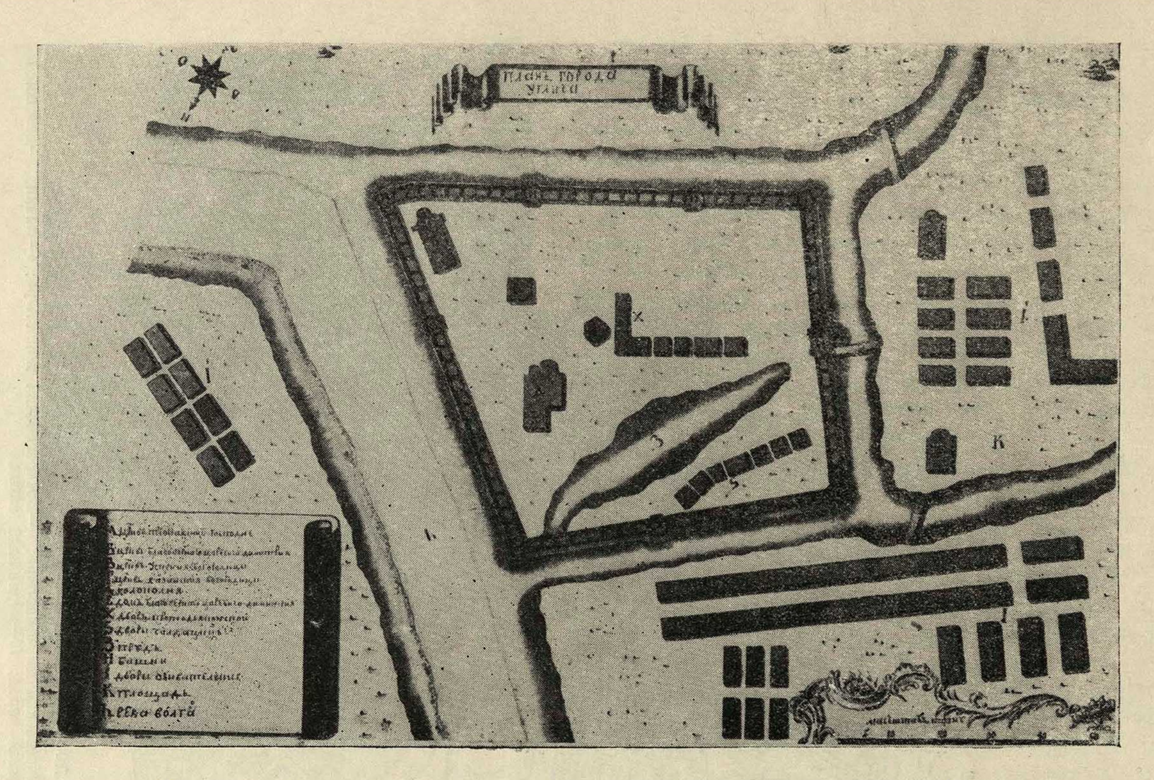


Рис. 90. г. Углич. План крепости, составленный во второй половине XVIII в.

Несомненно, однако, что в случае дальнейшего развития города по традиционной схеме здесь возникла бы четкая кольцевая магистраль.

Проект перепланировки Углича, утвержденный в 1784 г.[9], ликвидировал старый, исторически сложившийся план города, заменив его двумя, сходящимися под углом, системами прямоугольных кварталов. Однако ясность и логичность старого плана оказала некоторое влияние на автора проекта. На месте прежнего ядра города видна огромная пятиугольная площадь, выходящая на Волгу и охватывающая территорию кремля вместе с торговой площадью. От новой площади по главной ее оси отходит в южном направлении трезубец, отдаленно напоминающий старый, но проложенный по совершенно новым направлениям.

4. БОЛХОВ (рис. 42)

Радиальная система улиц, также основанная на схеме трезубца, но несколько иного происхождения, представлена в плане сравнительно молодого города Болхова Орловской области, впервые упомянутого в 1556 г.

Крепость примерно овальной формы была сооружена в излучине речки Болховки у впадения ее в р. Нугру (приток Оки). К северу от крепости, на узком перешейке между речками, возникла большая площадь, откуда узким сектором по направлению к материку пошло главное развитие города.

Сдавленность этого сектора речными долинами и привела к тому, что здесь могли расположиться лишь четыре узких ряда кварталов, разделенных тремя лучами. Таким образом, происхождение трезубца в Болхове может быть, главным образом, приписано естественным топографическим условиям. Однако болховской трезубец имеет интересную композиционную особенность. Центральный луч обладает значительной шириной, разделен продольными рядами лавок на 2—3 проезжие части и обогащен церквами, расположенными в глубине открытых дворов и в завершении перспективы. Таким образом, центральная ось трезубца является дальнейшим развитием торговой площади и служит как бы главной осью композиции.

В том месте, где треугольный перешеек между речками резко расширяется, трезубец завершается новой площадью, которая вместе с двумя прилегающими к ней переулками образует дугу, замыкающую весь сектор. Отсюда расходится новая серия радиальных улиц, но уже не в виде сжатого пучка лучей, а в виде широкого веера, свободно раскинувшегося на просторе.

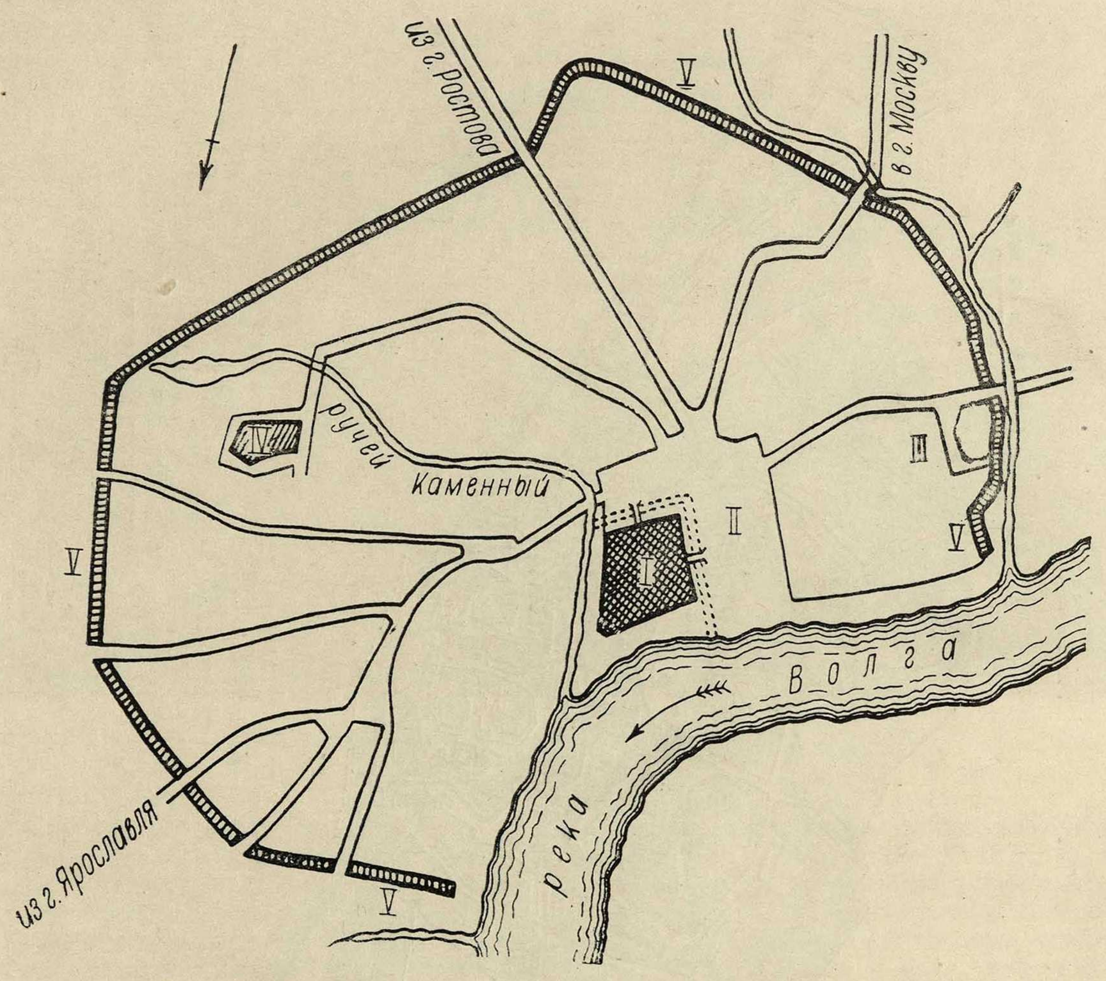


Рис. 91. г. Углич. Схема главных магистралей по плану второй половины XVIII в.
I—кремль; *II*—торговая площадь; *III*—Воскресенский монастырь; *IV*—Алексеевский монастырь; *V*—земляной вал

Особенности исторически сложившейся планировки Болхова нашли отражение и в центральной части «прожектированного» плана, утвержденного в 1780 г.[10]. Прежняя торговая площадь, будучи обрамлена торговыми строениями и зданиями присутственных мест, получила правильную геометрическую форму. В секторе трезубца в результате укрупнения кварталов сохранился только один средний луч. Сохранилась в геометризованном виде и дуга, завершавшая сектор. Далее планировка приняла уже прямоугольно-решетчатый характер.

5. РОСТОВ ВЕЛИКИЙ (рис. 92)[11]

Среди планов старых русских городов, в которых преобладает радиальная сеть улиц, заслуживает внимания и план города Ростова Великого Ярославской области, хотя радиальные направления представлены здесь весьма извилистыми и запутанными линиями.

Роль центрического начала в плане Ростова проявилась не только в устремлении радиальных улиц к кремлю, но и в четко очерченном концентрическом наслоении четырех зон застройки, различной интенсивности и значения. Поэтому, несмотря на отсутствие явно оформленных кольцевых улиц, план Ростова можно рассматривать в качестве переходного звена между радиальной и радиально-концентрической системами.

Ростов Великий впервые упоминается в летописной записи 862 г. (Лавр. лет., стр. 20) в легендарном рассказе летописца об образовании древнерусского государства. В XI—XII вв. он значительно разросся и, подобно другим древним городам, состоял из трех

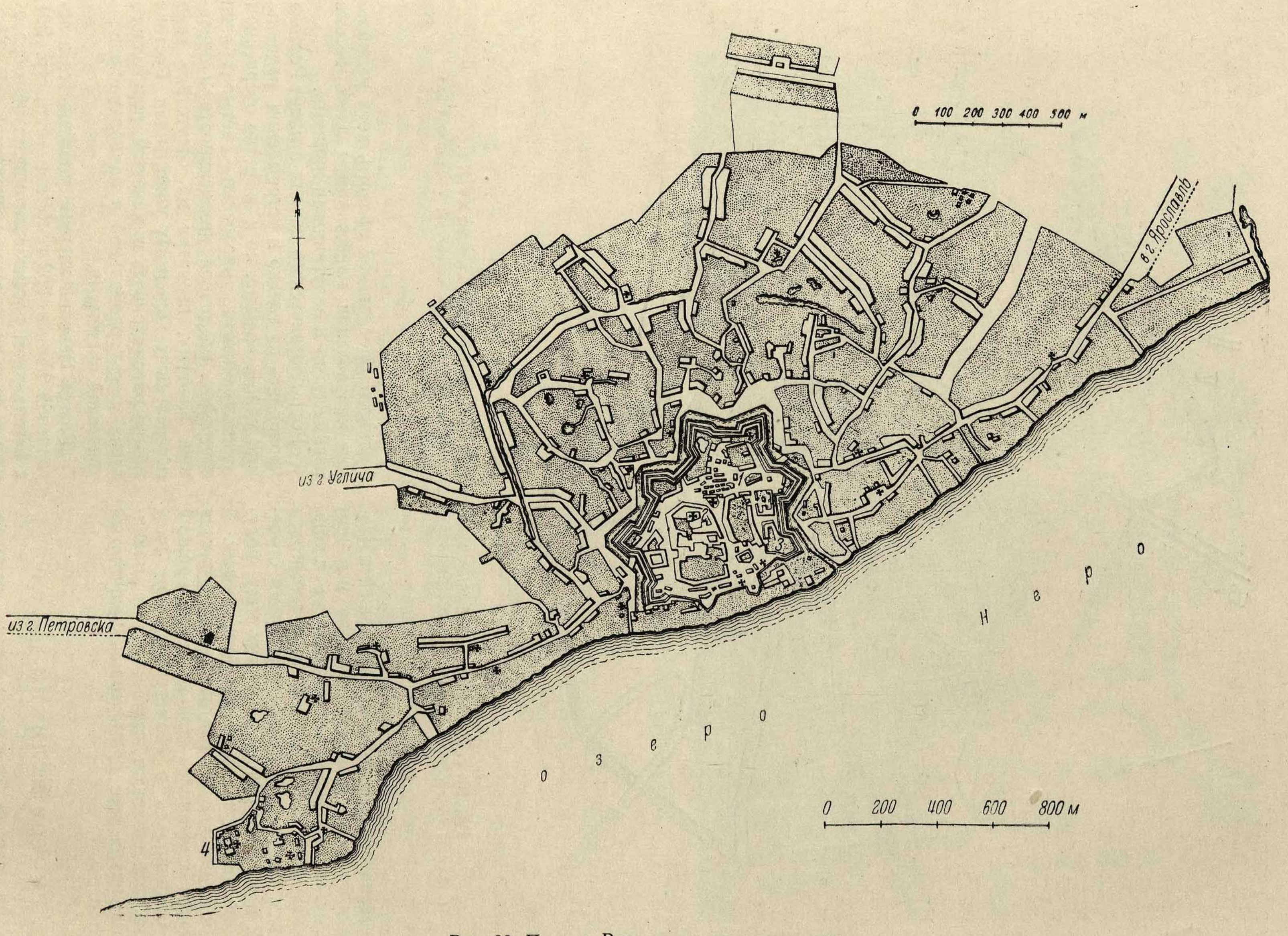


Рис. 92. План г. Ростова до перепланировки

1—земляная крепость; 2—Успенский собор; 3—Рождественский ж. монастырь; 4—Яковлевский м. монастырь

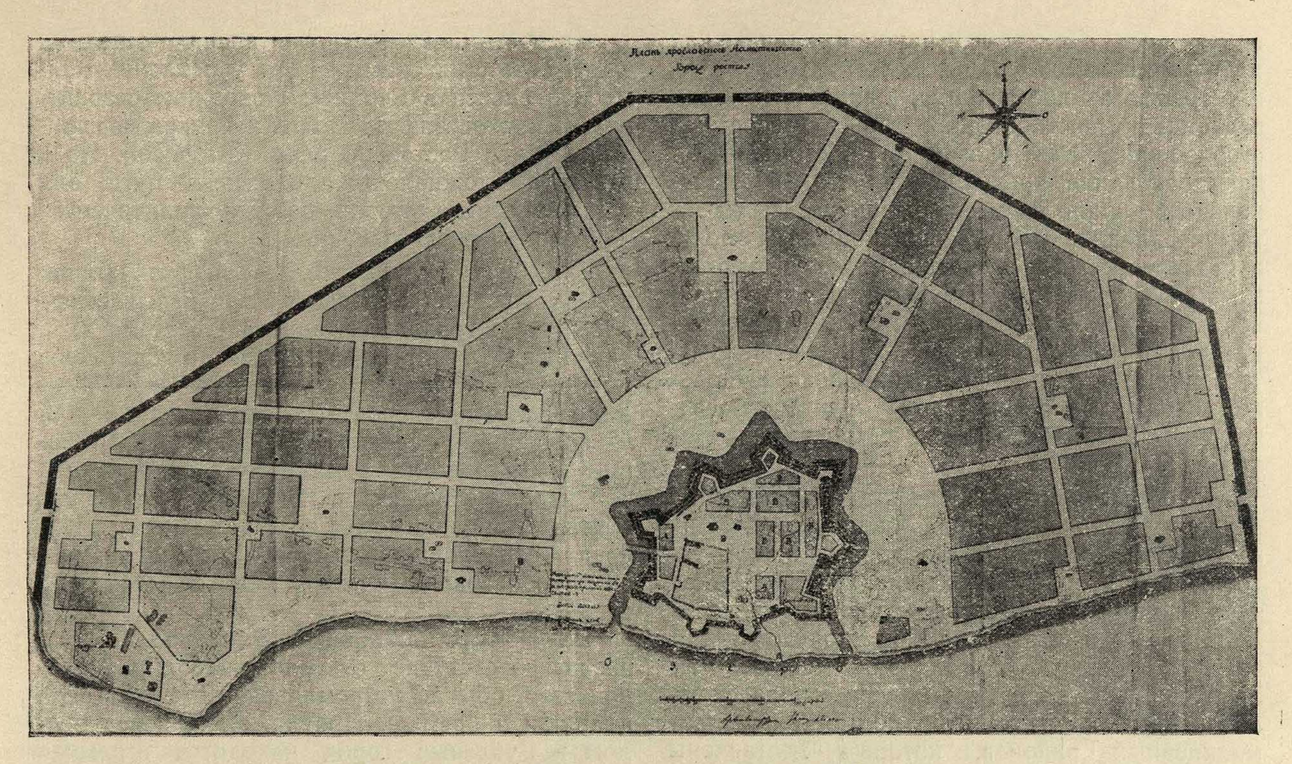


Рис. 93. План г. Ростова, утвержденный в 1779 г.

частей — рубленого города, земляного города и предградья (посады и слободы). В XVII в. центральная часть города была столь капитально перестроена, что по плану второй половины XVIII в. о древней его топографии можно только догадываться. Так, о местоположении древнего детинца можно судить лишь по расположению старинного Успенского собора. Во второй половине XVII в. к усадьбе собора был пристроен архиерейский двор с рядом церквей, который включил в свои стены существовавшие здесь ранее строения.

Новый комплекс церковных и жилых сооружений, окруженный мощной крепостной стеной с башнями, получил характер цитадели церковной власти, характер церковно-иерархического центра, сложившийся после присоединения Ростова к Москве и потери им политической самостоятельности.

Усадьба собора, окруженная каменными стенами, сливается с архиерейским домом в единое четкое ядро города примерно овальной формы.

Церковное ядро окружено второй зоной, которая интенсивно застроена зданиями преимущественно торгового и административного значения (рынок, лавки, административные здания и т. п.), а также приходскими церквами, монастырями и несколькими кварталами с усадьбами духовенства, купцов, администрации. Эта зона в 30-х годах XVII в., то есть еще до постройки архиерейского двора, для защиты от шаек польских интервентов была окружена мощной оградой из двух земляных валов с 9 бастионами и рвом, наполненным водой. Звездообразный контур укреплений врезался в окружающую застройку посада и сильно нарушил сложившуюся ранее планировку.

Вокруг укреплений возникла, следуя за изломами рва, зубчато-кольцевая улица, от которой уже потянулись в разные стороны радиальные улицы посада, в том числе и дороги на Москву (через г. Петровск), Углич, Ярославль. Особенностью этой радиальной сети являются многочисленные петлеобразные и тупиковые ответвления, придающие плану чрезвычайно изрезанный характер. Наиболее измельченная часть города расположилась вокруг крепости поясом шириной 400—600 *м*. Границей ее служит не совсем завершенная полукольцевая улица, подходящая своими концами к озеру Неро, но прерванная посередине двумя кварталами. При этом обращают на себя внимание следующие обстоятельства: плавность и закономерность линии улицы, присущие линиям сразу задуманным; резкое различие в степени измельченности кварталов

внутри кольца и вне его; наконец, наличие как в пределах самой улицы, так и в том месте, где трасса ее прерывается, длинных и узких водоемов, напоминающих рвы крепостных ограждений. Все указанные обстоятельства дают основание предполагать, что это полукольцо возникло на месте бывших здесь когда-то укреплений, опоясывавших посад Ростова и потерявших свое значение после устройства мощной центральной крепости. Пояс от крепости до полукольца был населен основной массой посадского люда (ремесленниками, торговцами и т. п.). Последний пояс за кольцом сложен из сравнительно крупных массивов сельского характера с весьма незначительной застройкой.

Ярко выраженное центральное начало в древнем плане Ростова нашло отражение и в общем построении его нового плана, утвержденного в 1779 г. (рис. 93) [12]. Четкое ядро композиции — звездообразная крепость XVII в. — охвачено огромной полукольцевой ярмарочной площадью шириной около 200 *м*. За площадью — основной массив города, скомпонованный из нескольких прямоугольно-прямолинейных районов, которые поставлены и соединены таким образом, что в целом создают подобие радиальной системы с одной ясно выраженной полигональной магистралью, концентричной ярмарочной площади.

Мы ознакомились с характерными примерами планировки старых русских городов, планы которых сложились в основном по радиальной системе и заключают в себе лишь начальные, фрагментарные элементы кольцевой сети. Перейдем теперь к рассмотрению планов, в которых можно проследить радиально-концентрическую систему, выраженную уже в полной мере.

6. ЯРОСЛАВЛЬ (рис. 94)[13]

Ознакомление с процессом концентрического роста города удобнее начать с примера, в котором отдельные концентры остановились на различных стадиях своего развития. В этом отношении интересным образцом может служить план г. Ярославля, составленный до его перепланировки во второй половине XVIII в.

Начальным ядром города (или первым концентром) был небольшой «Рубленый город», построенный в начале XI в. на стрелке между р. Волгой и ее притоком р. Которослью. Границей первого концентра со стороны водораздельного плато служила дуга оврага «Медведица», превращенного в оборонительный ров между Волгой и Которослью.

Крепость была построена вначале с целями чисто стратегическими — для укрепления княжеской власти в Верхнем Поволжье, безопасности судоходства по Волге и прикрытия водного пути в Ростов по реке Которосли. Но в результате оживления волжского пути она рано приобрела также важное политическое и экономическое значение.

В связи с этим уже в XIII в. развивается второй концентр в пределах так называемого «Земляного города». Границей его стала дуга укреплений на линии от Волги до Спасского монастыря, игравшего роль передового форта. В древности, вероятно, укрепления шли и дальше — до оврага «Медведица». Оформление этой границы Земляного города в виде рва и вала с башнями, показанное на плане, относится, повидимому, к XVI в. Дуга укреплений, сопровождавшаяся с двух сторон улицами, образовала четкий элемент кольцевой системы города.

Внутренняя планировка Земляного города несколько отступает от традиционной радиальной сети, обычно устремлявшейся к торговой площади и кремлю. Правда, здесь перед входом в Рубленый город находится огромная продолговатая площадь, выходящая торцом к набережной Волги. Однако от площади вместо пучка радиусов идет только одна значительная дорога, проложенная параллельно Волге от входа в Рубленый город до северо-западных (Семеновских) ворот Земляного города. Вторая значительная магистраль пошла под прямым углом к первой от юго-западных (Власьевских) ворот к берегу Волги.

Пересечение этих магистралей стало новым полюсом общественной жизни, независимым от кремля. Здесь возникла группа площадей и церквей, образующая ясно выраженный центр. Этот центр подчеркивает еще не совсем завершенная кольцевая улица, огибающая его на некотором расстоянии. Интересно отметить, что именно этот пункт был использован впоследствии для расположения центрального элемента композиции — большой полукруглой площади, в середине которой находится один из лучших памятников Ярославля — Ильинская церковь.

Остальные улицы Земляного города сложились явно под влиянием притяжения к набережной Волги, которая в XVI в. после закрепления всего волжского пути в русских руках и открытия морского пути через Белое море стала играть еще бо́льшую роль в жизни города.

Разрастание слобод за пределами Земляного города привело к образованию законченного третьего концентра, отчетливо

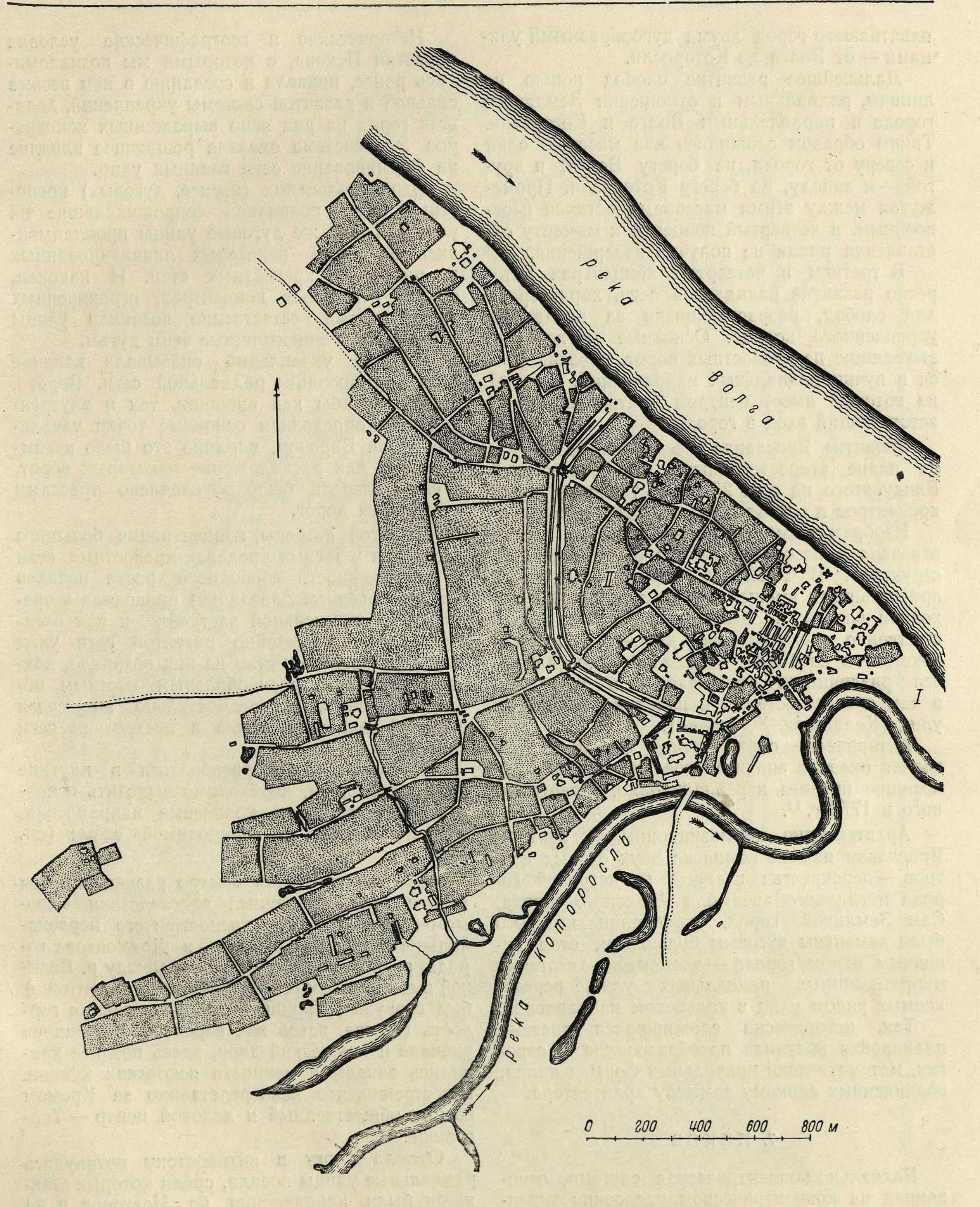


Рис. 94. План г. Ярославля до перепланировки

I—рубленый город; *II*—земляной город; *1*—Спасский монастырь; *2*—церковь Михаила Архангела; *3*—церковь Спаса на городу; *4*—церковь Николы Рубленый город; *5*—церковь пророка Ильи

охватившего город двумя дугообразными улицами — от Волги до Которосли.

Дальнейшее развитие слобод пошло по линиям, радиальным в отношении Земляного города и параллельным Волге и Которосли. Таким образом сложились два массива: один к северу от города, на берегу Волги, и другой — к западу, на берегу Которосли. Промежуток между этими массивами остался неосвоенным, и четвертый концентр к моменту составления плана не получил завершения.

В третьем и четвертом концентрах интересно развитие радиальной сети, характерное для слобод, разрастающихся за пределами укрепленного кольца. Основные магистрали, выходящие из крепостных ворот, превращаются в пучки радиальных направлений, каждый из которых имеет центром притяжения соответствующий вход в город.

Развитие Ярославля несколько затемнено на плане второстепенными его элементами. Ввиду этого на рис. 25 дана условная схема концентров и основных магистралей города.

Изображенному на схеме делению города отвечала в известной мере и социальная его структура. В Рубленом городе находились представители высшей административной и духовной власти; в Земляном городе — преимущественно многочисленное купечество и духовенство; в слободах — население, занимавшееся различными промыслами и ремеслом, о чем свидетельствуют и названия некоторых улиц (Калашная, Железная).

Исторически сложившаяся ситуация Ярославля оказала значительное влияние на композицию проекта перепланировки, утвержденного в 1778 г.[14].

Архитектурно - композиционным центром Ярославля явился комплекс двух старых центров — перекрестка главных магистралей города и главного ансамбля Рубленого города. Сам Земляной город, укрепления которого были заменены дуговым бульваром, стал основным ядром города — элементом тяготения многочисленных радиальных улиц, пересекаемых рядом улиц в кольцевом направлении.

Так, исторически сложившаяся система планировки получила преобразование в строгих, математически правильных формах плана, подчиненных единому замыслу архитектора.

7. ПСКОВ

Радиально-концентрическая система, основанная на концентрическом наслоении укреплений, в наиболее полном и законченном виде выражена в планах Москвы (см. гл. X) и Пскова.

Исторические и географические условия развития Пскова, с которыми мы познакомились ранее, привели к созданию в нем весьма сильной и развитой системы укреплений, делящих город на ряд ясно выраженных концентров. Эта система оказала решающее влияние на формирование сети главных улиц.

Вдоль кольцевых (вернее, дуговых) крепостных стен появились сопровождавшие их улицы. Такие же дуговые улицы прокладывались на месте некоторых ликвидированных и снесенных крепостных стен. И наконец, внутри отдельных концентров, ограниченных двумя дугами, естественно возникли улицы и переулки, концентричные этим дугам.

Система укреплений оказывала влияние и на формирование радиальной сети. Ворота, башни, захабы как внешних, так и внутренних стен определяли основные точки начальных улиц. Впрочем, влияние это было взаимным, так как расположение некоторых ворот, в свою очередь, было обусловлено трассами важнейших дорог.

С другой стороны, концентрация большого населения в тесных пределах крепостных стен и невозможность свободного роста посадов (за исключением Завеличья) приводила к чрезвычайно интенсивной застройке, и как следствие, — к чрезвычайно развитой сети улиц и переулков. Множество из них возникло, подчиняясь самым разнообразным местным обстоятельствами, и, следовательно, вне связи с общей закономерностью в построении сети главных улиц.

Поэтому, чтобы разобраться в паутине псковского плана, необходимо выделить основные радиальные и кольцевые направления, как это сделано на приводимой схеме (см. рис. 27).

Центром тяготения быстро развивавшегося города стал, названный впоследствии «Кромом», комплекс двух крепостей: его первоначального ядра — детинца — и Довмонтова города, расположенных на холме между р. Великой и ее притоком р. Псковой. Здесь (в детинце) был сооружен Троицкий собор — главная гордость Пскова, здесь же, вероятно, помещался вначале и княжеский двор, здесь позднее хранились запасы и ценности псковских купцов. Естественно, что непосредственно за Кромом возник общественный и деловой центр — Торговище.

Отсюда к югу и юго-востоку потянулись радиальные улицы посада, среди которых главными были направления на Новгород и на Смоленск.

На схеме мы видим, что от самой площади расходятся веером пять радиальных

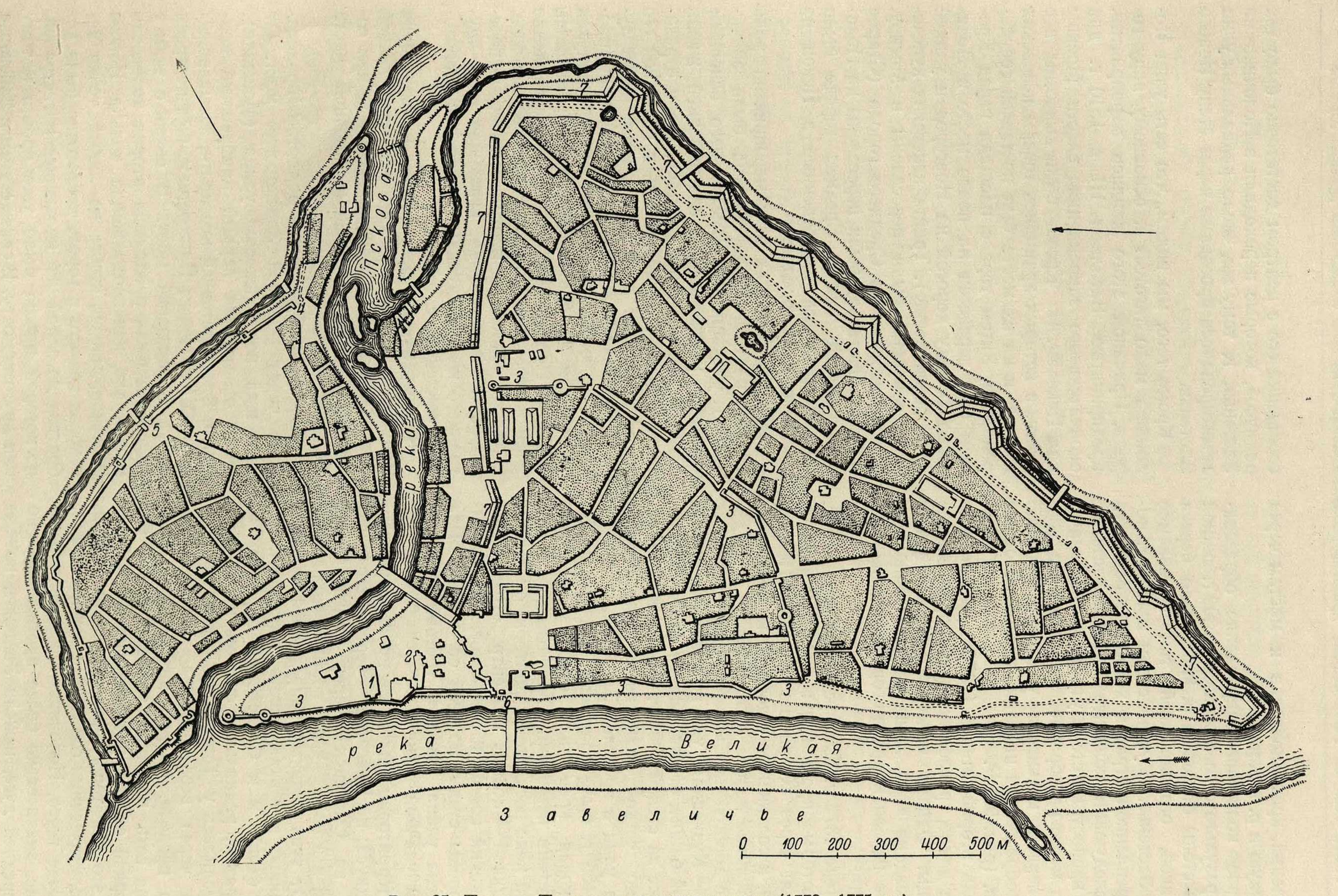


Рис. 95. План г. Пскова до перепланировки (1772—1775 гг.)

1—Троицкий собор; *2*—Архиерейский дом; *3*—каменная стена; *4*—Гремячьи ворота; *5*—Ильинские ворота; *6*—Власьевские ворота; *7*—земляной вал

направлений, кроме подходов к мостам через р. Великую и р. Пскову.

Первое кольцевое направление образовалось в результате сооружения в 1309 г. южной дуговой стены от берега р. Псковы до берега р. Великой, ограничившей так называемое Старое Застенье. С устройством в 1375 г. новой укрепленной ограды, которая ограничила с юга следующий концентр — Новое Застенье, старая крепостная стена утратила свое значение. На месте разобранной стены в XV в. возникла первая кольцевая улица, совершенно ясно изображенная на плане второй половины XVIII в. (рис. 95) [15].

Вдоль второй стены (1375 г.), почти по всей ее длине, расположились параллельные ей улицы. Однако четкая кольцевая улица была создана здесь лишь впоследствии в результате перепланировки города по проекту 1778 г.

В стене 1375 г. было устроено трое ворот, через которые прошли три главных радиуса Застенья: через Казанские ворота — Петровская ул. к соединению с дорогой на Новгород; через Великие ворота — Великая ул. к соединению с дорогой на Смоленск и через Темные ворота — Кузнецкая ул. по направлению к Лужской башне, ответвившаяся от Великой ул. сразу же за стеной 1309 г. Так сложилась совершенно четко радиально-концентрическая система улиц в пределах Застенья.

В 1465 г. была построена, сначала из дерева, новая крепостная стена, замененная впоследствии каменной. Она охватила с юга широкий пояс посадской территории от Псковы до Великой — новый концентр «Полонище» (Полоницкий конец) и Запсковье. С внутренней стороны стены, по всей ее длине, была проложена улица, ставшая третьим главным кольцом уличной сети.

По территории Полонища прошли три главных радиуса: на Новгород — через Петровские ворота, на Смоленск — через ворота башни Великой и в поле — через ворота башни Лужской. От этих главных направлений ответвились улицы: к Михайловским воротам, к Сокольей башне и к Свинорским воротам. Таким образом, радиальная система улиц, которая зародилась у Торговища перед Кромом, прошла через весь город до его крайнего, южного предела. Однако на Полонище радиальная сеть получила сравнительно с его территорией слабое распространение. Объясняется это как топографическими условиями, так и политическими событиями начала XVI в.

Прежде всего, Полонище представляло собой пояс, значительно более протяженный по своей средней дуге, нежели Застенье, но для сообщения его с центром достаточно было тех радиусов, которые переходили в Полонище из Застенья. К тому же, число радиальных улиц лимитировалось проездами через стену Нового Застенья.

Кроме того, мы видим, что сеть улиц Полонища мало тяготеет к основному ядру города. Причиной этого явились мероприятия, предпринятые Василием III в 1510 г. для окончательного закрепления власти Москвы над Псковом. Из Крома были вынесены все клети, в которых хранились товары псковских купцов, и на их месте был поставлен государев двор. Затем торг с площади перед Кромом был перенесен на новое место в Полонище (между дорогой на Новгород и улицей к Лужской башне). Триста псковских купеческих семейств были переселены в Москву, и все псковичи из Среднего города (Старое и Новое Застенье) были переселены на Полонище. Вместо них в Среднем городе были поселены купцы, переведенные в Псков из десяти разных городов.

В результате всех этих мероприятий роль старого центра города должна была значительно уменьшиться. Вместо него основным пунктом концентрации общественной жизни стала новая торговая площадь, что и отразилось в плане Полонища. Так, в восточной его части мы видим ясно выраженный пучок лучей, направляющийся к восточному краю площади; с юго-запада ряд лучей потянулся к площади от Смоленской дороги; наконец, в центре Полонища также заметно стремление улиц и переулков к новому торгу. Кроме того, через все Полонище проходит примерно посередине Большая улица, играющая роль внутреннего кольца и связывающая всю территорию концентра с торгом.

Одновременно осваивалась и территория Запсковья. Закономерность развития уличной сети Запсковья становится очевидной при сопоставлении ее с планом основной части города.

Сообщение Запсковья с торгом происходило через Большой Запсковский мост. От него шла по Запсковью улица (Мощенка), дугой охватившая первый прибрежный концентр. Впоследствии в местности, называвшейся в XVI в. Новым Примостьем, был построен новый Запсковский мост. В связи с этим в Запсковье была проложена вторая кольцевая магистраль, как продолжение кольца Нового Застенья. Теперь, чтобы из любой точки Запсковья попасть в город, достаточно было добраться до одной из кольцевых магистралей, по которой можно было уже пройти к тому или другому мосту. В связи с этим в Запсковье

возникает несколько улиц, нормальных к кольцевым магистралям.

На схеме указаны лишь те из радиусов, которые вели к выходам из Запсковья в поле: к Варлаамскому захабу, Ильинским воротам, Образскому захабу, к башне Толокнянке с воротами, к Гремячьим воротам. Таким образом, сеть улиц Запсковья включилась в единую радиально-концентрическую систему всего города. Только Завеличье, находившееся на западном берегу р. Великой, не смогло быть эффективно укреплено и потому не вошло в общую систему обороны и планировки Пскова.

План города, который сложился к моменту его переустройства во второй половине XVIII в., был настолько тесно связан с системой сохранившихся укреплений и с топографией местности, а также со многими каменными строениями, что проект перепланировки, утвержденный в 1778 г., должен был в значительной мере унаследовать его черты [16]. Интересно при этом отметить, что главный торг вновь был перенесен на старое место перед Кромом, где были запроектированы торговые ряды, гостиный двор и новые правительственные здания. Это место, находившееся вблизи двух мостов и двух набережных, было настолько удобно связано с Завеличьем и Запсковьем, что естественно стало опять центром всей композиции плана.

Старая система улиц, линии укреплений и набережных, тяготение к прежнему месту городского центра подсказали автору проекта радиально-концентрический прием планировки, весьма близкий к схеме старого плана. Только Завеличье и Запсковье, где не было материально закрепленных линий, оказались покрытыми прямоугольно-решетчатой сетью.

8. НИЖНИЙ НОВГОРОД

В рассмотренных примерах радиально-концентрическая система планировки обусловливалась историческими условиями роста города, системой его обороны и линиями водных протоков. В некоторых же древнерусских городах значительное влияние на формирование радиально-концентрической системы оказывал и рельеф местности. Наиболее характерный пример подобного влияния виден в плане г. Нижнего Новгорода (ныне г. Горький).

Местность, на которой расположен Нижний Новгород, по характеру своего рельефа несколько напоминает территорию Киева. Приволжская возвышенность, подходя к мысу между Окой и Волгой, образует здесь высокий и крутой берег, раздробленный оврагами, ручьями и мелкими речками на ряд отдельных холмов (Дятловы горы), которые возвышаются над широкой рекой и равнинным левым берегом. Сходство с Киевом дало повод перенести в Нижний Новгород и некоторые киевские топографические названия (речка Почайна, Печерский монастырь).

На одном из холмов, высотой около 120 *м*, у самого слияния Оки с Волгой, Юрием II в 1221 г. был заложен деревянный «город». Новый город должен был, с одной стороны, служить опорным пунктом для защиты окраин Ростово-Суздальской земли от вторжений мордвы, а с другой, — форпостом для дальнейшего продвижения в приволжские земли и для обеспечения безопасности волжского пути.

Исключительно выгодное географическое положение города привело к быстрому его развитию. Экономическое и политическое значение Нижнего Новгорода во второй половине XIII в. и в XIV в. все возрастало. Нижегородское Поволжье сделалось среди русских земель экономически очень важным районом.

В 1350 г., то есть примерно через 130 лет после своего основания, Нижний Новгород становится столицей княжества Нижегородского.

В 1366 г. князь Борис Константинович велел копать ров под каменную городскую стену и башни, сделав таким образом первый шаг к построению каменного кремля. Эту работу продолжил князь Дмитрий Константинович, отдавший распоряжение строить в Нижнем Новгороде каменную стену, начав ее с постройки Дмитровской башни.

В 1392 г. Нижний Новгород был присоединен к великому княжеству Московскому и перестал быть столичным городом. Дальнейшее его развитие определялось политикой Москвы «по собиранию земли Русской», по созданию централизованного государства.

В составе единого Русского государства Нижний Новгород приобрел значение важного стратегического пункта. В нем было сосредоточено постоянное войско, и он стал сборным местом при действиях против Казани. В связи с этим Иван III в 1500 г. вновь предпринял постройку каменного кремля и русские мастера завершили его сооружение к 1511 г. [17].

Есть основание предполагать, что стены этой крепости были возведены на остатках сооружения XIV в., повторяя его план, по крайней мере, в нагорной части.

Наиболее раннее описание каменного нижегородского кремля дано в писцовой книге 1621—1629 гг. По этому описанию каменный город имел 13 башен, из которых пять (Дмитровская, Никольская, Ивановская, Зачатцкая, Егорьевская) были четырехугольными и имели

Рис. 96. Вид Нижнего Новгорода со стороны Волги в XVII в. (рисунок Олеария)

ворота, а остальные были круглыми и глухими.

«А около каменного города на верхнем посаде от Егорьевские башни и до уголные до Коромысловы башни ров выкопан. . .» [18].

Этот ров, вероятно, был устроен еще при самом основании Нижнего. Устройство рва только на верхнем посаде объясняется тем, что в этой части крепость не имела естественной защиты. Остальная часть каменного города, построенная на крутом склоне холма, во рве не нуждалась.

Расположение каменного города, показанное на плане 1769 г. (см. рис. 34), в основном отвечает описанию писцовых книг. На этом плане видно, как вокруг всего каменного города образовалось кольцо улиц, состоящее из двух ветвей — верхней (от Егорьевской до Коромысловой башни) и на склоне к набережной. На рисунке Олеария (1636 г.) хорошо видна часть каменного города, расположенная на склоне, часть кольцевой улицы вдоль берега Волги и подъем (мимо Ивановских ворот) к верхнему посаду (рис. 96) [19].

На расстоянии примерно 500 *м* от каменного города на плане ясно отмечена часть второго кольца, идущего от бровки приволжского откоса к мосту через речку Почайну. На этой трассе в некоторых местах видны и остатки земляных сооружений, что свидетельствует о крепостном происхождении кольца. И действительно, в писцовой книге 1621—1629 гг. после описания каменного города читаем: «Да в Нижнем же Новгороде острог стоячей: . . . около верхнево посаду от каменного города, от Егорьевской каменной башни по Егорьевской стороне, а от Егорьевской стороны к Чорному пруду, а от Чорного пруда к Почайне и через Почайну поперег Ямское улицы и к Турунову врагу и по Турунову врагу на низ по гребени и по берегу Оки реки мимо Степановской двор Хохолкова и до Волги реки». Описанию в точности отвечает положение на плане части второго кольца до р. Почайны; дальнейшее направление острога не совсем ясно и показано на схеме (рис. 97) [20] предположительно.

Этот острог, называемый в документах XVII в. новым, был поставлен на валу, уже существовавшем ранее, что видно из писцовой книги: «за каменным городом в новом остроге, что поставлен ново по старинной осыпи. . .» [21].

Таким образом, можно считать, что и второе кольцо улиц существовало в Нижнем Новгороде уже значительно ранее начала XVII в.

На трассировку второго кольца, несомненно, оказал влияние рельеф местности, что видно и из описания писцовой книги.

За пределами нового острога расположился третий концентр города в виде пояса шириной тоже около 500 *м*. На плане этот пояс ограничен частично улицами, частично оврагами и остатками каких-то земляных сооружений и просто межами освоенной территории. При этом обращает на себя внимание почти правильная форма ограничивающего его полукруга, который опирается на береговую линию Оки и Волги как на диаметр.

Расположение этого полукольца вполне соответствует описанию Большого или Старого острога, данному в писцовой книге. Но писцовая книга определяет длину всего большого острога в 1 639 саж. (3 500 *м*), а на плане длина всей внешней линии составляет около 1 850 саж. (3 950 *м*). Разница в 210 саж. (450 *м*) вполне могла произойти и по неточности измерения в начале XVII в. и от несовершенства топографической съемки 1769 г., и, наконец, от нечеткости границы в ряде мест. Во всяком случае, можно с достаточным основанием принять внешнюю границу города на плане за трассу бывшего здесь когда-то старого острога. Рельеф местности сыграл здесь еще бóльшую роль, нежели в трассировке второго кольца, так как почти половина третьего кольца проходит вдоль естественных оврагов.

В 1636 г. Олеарий так описал Нижний Новгород: «Он лежит у Оки на правом берегу в высокой местности, окружен каменною стеною и башнями. Вне городских стен здесь, пожалуй, больше домов и людей, чем в городе; живут они здесь в круге, описанном полумилею» [22]. Несомненно, Олеарий правильно обрисовал общий характер города и его конфигурацию.

Таким образом, кольцевые направления охватывают весь Нижний Новгород в целом. Несколько иначе под влиянием рельефа местности сложилась радиальная система города.

В отличие от обычного приема расположения больших торговых площадей вдоль стен укрепленного центра, в Нижнем Новгороде были два разобщенных центра тяготения: нижний — на берегу Волги у Ивановских ворот и верхний — у Дмитровских ворот; посад также соответственно делился на верхний и нижний. Такое расположение центров нетрудно заметить уже в плане города 1769 г. Изучение писцовой книги 1621—29 гг. подтверждает их древность.

В описаниях башен с воротами только относительно двух из них встречается упоминание о площадях. Так, в описании Дмитровской башни читаем: «. . .да от отводной башни через ров за город на п л о щ а д ь мост на клетках. . .», а в описании Ивановских ворот — «. . .от тех Ивановских ворот за городом к

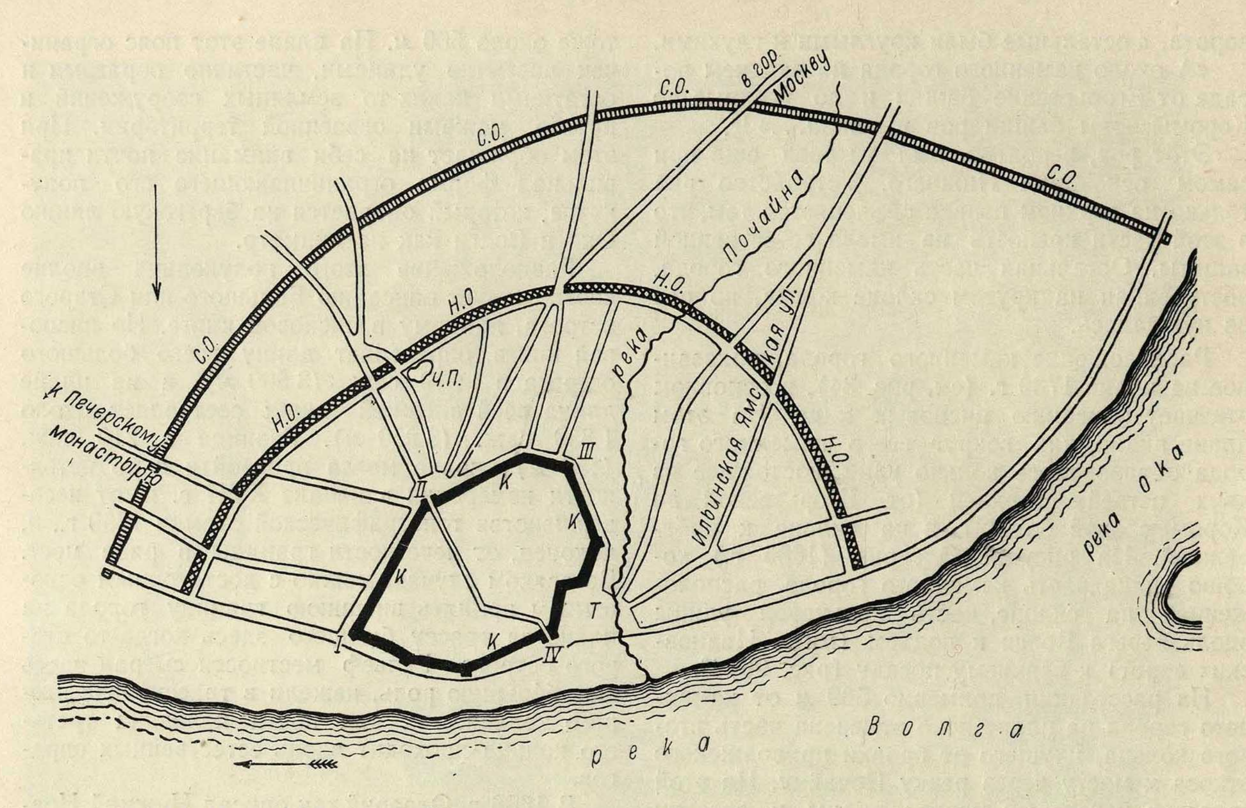


Рис. 97. Нижний Новгород. Схема исторического формирования плана и главных магистралей

I—Егорьевская башня; *II*—Дмитровские ворота; *III*—Коромыслова башня; *IV*—Ивановские ворота; *Т*—торговая площадь нижнего посада; *Ч. П.*—Черный пруд; *К*—стены кремля; *Н. О.*—Новый острог; *С. О.*—Старый острог

торгу на нижней посад мост деревянной. . .».

В других местах писцовой книги сообщается о застройке этих площадей. У Дмитровских ворот был расположен двор государев кабацкий, ряд кузниц, три церкви, лавки; в торге нижнего посада у церкви Иоанна Предтечи (близ Ивановских ворот) — гостиный двор и многочисленные торговые ряды. Естественно, что эти два пункта вместе с названными главнейшими воротами каменного города должны были стать и главнейшими фокусами общественной жизни верхнего и нижнего посадов, а следовательно, и центрами тяготения городских улиц. Оба центра были связаны съездом, идущим и сейчас внутри каменного города от Дмитровских ворот до Ивановских.

От верхнего центра по направлению к второму кольцу отходят 5 улиц, три из которых продолжаются и дальше к третьему кольцу. Кроме того, между первым (каменным городом) и вторым кольцами расположены еще 4 радиальных отрезка. В поясе между вторым и третьим кольцами имеется 7—8 радиальных отрезков, из которых 4 направляются далее в окрестности.

К нижнему центру — торгу — также сходится пучок радиальных улиц (4—5) вдоль берегов Почайны и Волги, но их трассы в значительной мере усложнены рельефом, и их радиальный характер заметен лишь при внимательном изучении плана.

Для более четкого восприятия радиально-концентрической системы Нижнего Новгорода сеть его главнейших улиц представлена в виде схемы, на которой устранены второстепенные детали (рис. 97).

Итак, можно установить, что исторически сложившаяся радиально-концентрическая система планировки Нижнего Новгорода под влиянием рельефа получила следующие особенности.

Первое кольцо, следуя контурам кремля, расположилось на склоне. При трассировке второго и третьего колец были использованы овраги, включенные в трассы в качестве естественных элементов защиты.

В связи с расположением города на двух уровнях каждая часть (верхний посад и нижний посад) получила свой центр. Из них наиболее значительным стал нижний, как связанный с «торгом» и судоходством.

Наличие этих двух центров получило отражение в формировании радиальной сети, в которой ясно выражены два главных пучка лучей. При этом пучок лучей, подходящих к торгу, принял сложную конфигурацию, продиктованную прибрежным рельефом. Сеть улиц западной части в своем развитии целиком приспособилась к рельефу.

И наконец, планировка подола (нижнего посада) определилась конфигурацией нижней прибрежной террасы.

Показательно, что основные принципы радиально-концентрической системы древнего плана сохранились и в проекте перепланировки Нижнего Новгорода, утвержденном в 1824 г.[23]. В нем целиком сохранен кремль с опоясывающим его кольцом и сохранены оба главных центра, причем основное значение получила верхняя площадь у Дмитровских ворот, которая приняла форму правильной трапеции. В новый план перешел и радиальный прием планировки восточной части с сохранением ряда улиц.

Второе кольцо (примерно по трассе Нового острога) также получило четкое выражение, но, конечно, в геометризованном виде. Даже третье кольцо по линии Старого острога вошло в новый план в виде небольших «рвов для ограничения предместий».

Таким образом, и в новом плане ясно выражена радиально-концентрическая система, ориентированная на кремль и частично на набережные Оки и Волги, с теми особенностями, продиктованными рельефом, которые были заложены еще в плане XVII в.

9. ПУТИВЛЬ

В приведенных выше планах доминирующую роль играли радиальные направления. Однако планы ряда городов представляют собой иную картину. В этих городах под влиянием исторических условий заселения возникает на некоторых участках сгущенная сеть кольцевых улиц. Характерным примером подобной системы застройки является план города Путивля.

Впервые Путивль упоминается в летописях в связи с войной, разгоревшейся в 1146 г. между князем северским Святославом Ольговичем, двор которого находился в Путивле, и великим князем киевским Изяславом II Мстиславичем. Но основан он был значительно ранее, так как из летописного рассказа можно заключить, что Путивль был уже тогда многолюдным, богатым и хорошо укрепленным городом.

В 1165 г. Путивль перешел к Игорю Святославичу, воспетому в «Слове о полку Игореве». После нашествия монголов, в первых битвах с которыми участвовали и путивльцы, имя этого города долго не встречается в летописях. Известно, однако, что княжество Путивльское продолжало существовать.

Воспользовавшись ослаблением Руси после татарского погрома, литовцы в XIV в. захватили ряд русских княжеств, в том числе и Путивльское. В литовских руках Путивль находился до 1500 г., когда Ивану III удалось окончательно вернуть его Русскому государству.

Путивль вскоре стал важным стратегическим пунктом для обороны государства со стороны Крыма и Литвы. Однако он имел значение не только военное. В XVII в. Путивль стал средоточием оживленной торговой деятельности Северской земли. В торговом уставе 1667 г. Путивль упомянут в числе значительных торговых городов наряду с Псковом и Новгородом [24].

О топографии древнего Путивля можно отчасти судить по плану (рис. 98) [25], составленному во второй половине XVIII в. до коренного переустройства города. На этом плане видно, что территория города резко делится на две части: южную (прибрежную), сильно пересеченную оврагами, и северную, расположенную на спокойном по рельефу плато.

Планировка прибрежной части имеет крайне неправильный, изрезанный характер. Однако, присмотревшись к ней внимательнее, нетрудно установить закономерность ее построения, обусловленную рельефом местности. В этом отношении рассматриваемая часть Путивля напоминает прибрежную полосу Мурома. Так же как и в Муроме, в середине прибрежной холмистой полосы Путивля был расположен детинец, остатки которого хорошо видны на плане.

Передняя (южная) часть детинца находилась на небольшом холме с выравненной верхней площадкой и с крутыми откосами к р. Сейму, к речке Путивльке с востока и к оврагу с запада. Такое расположение детинца у слияния двух рек с использованием естественных условий для защиты типично для древнерусского «города». На территории Путивльского «городка» в начале XX в. был обнаружен под землей ряд дубовых палей необычайной толщины. Не представляют ли они собой остатки укреплений древнего детинца, на ограде которого Ярославна оплакивала князя Игоря?

С севера к «городку» примыкал укрепленный участок меньшего размера, обведенный рвом и валом с бастионами.

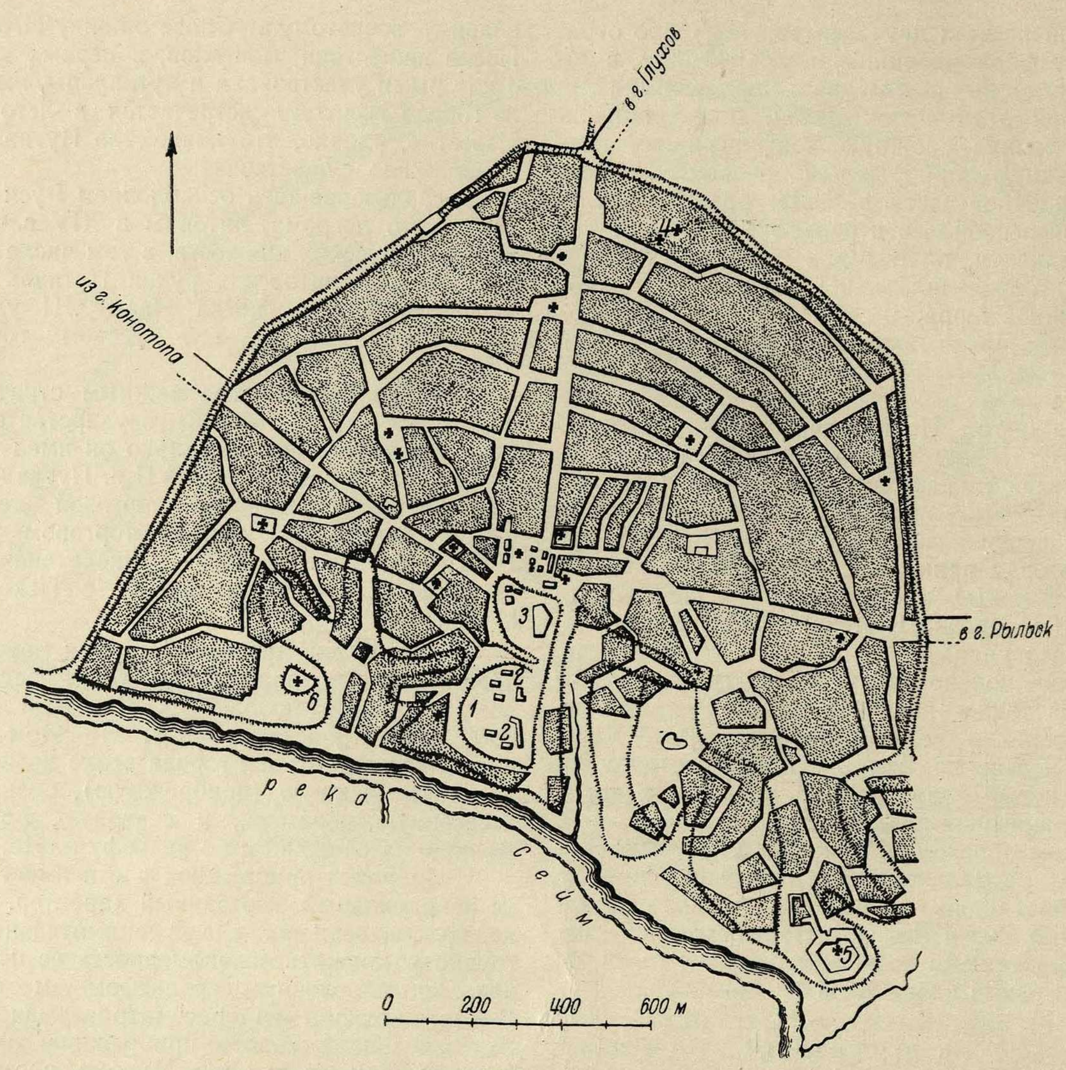


Рис. 98. План г. Путивля до перепланировки

1—крепость называемая «настоящий город»; 2—казенные строения; 3—вторая небольшая крепость, называемая «передний городок»; 4—собор; 5—Молчанский м. монастырь; 6—«горняя» церковь Николая

Общее расположение и размеры крепости, показанные на плане, вполне отвечают следующему описанию ее по «росписи города» 1678 г.: «...город Путивль острог верхней стоячий деревяной... мерою около того города по осыпи 291 сажень (620 *м*)... К верхнему городу приделан другой город земляной, к тому земляному городу приделан вывод земляной же... Мерою около того земляного города к выводу по мере 271 сажень (575 *м*)...» [26].

В начале XVII в. в Путивле была и каменная крепость, превращенная впоследствии в Молчанский монастырь. На плане видно, что монастырь был расположен на крайнем юго-восточном холме прибрежной части города. Еще в конце XIX в. на его территории можно было видеть несколько древних каменных башен с грозными бойницами.

На территории между монастырем и детинцем находился, повидимому, древнейший посад Путивля, который, по словам летописи, был сожжен половцами после поражения Игоря [27].

На ближайшем к детинцу холме с западной стороны, на котором была построена в XVII в. «горняя» Николаевская церковь, археологические разведки обнаружили остатки застройки, относящейся к домонгольскому времени [28].

Таким образом, можно считать, что прибрежная часть Путивля является древнейшим его районом. С этим выводом согласуется и характер ее планировки, подчиненной рельефу.

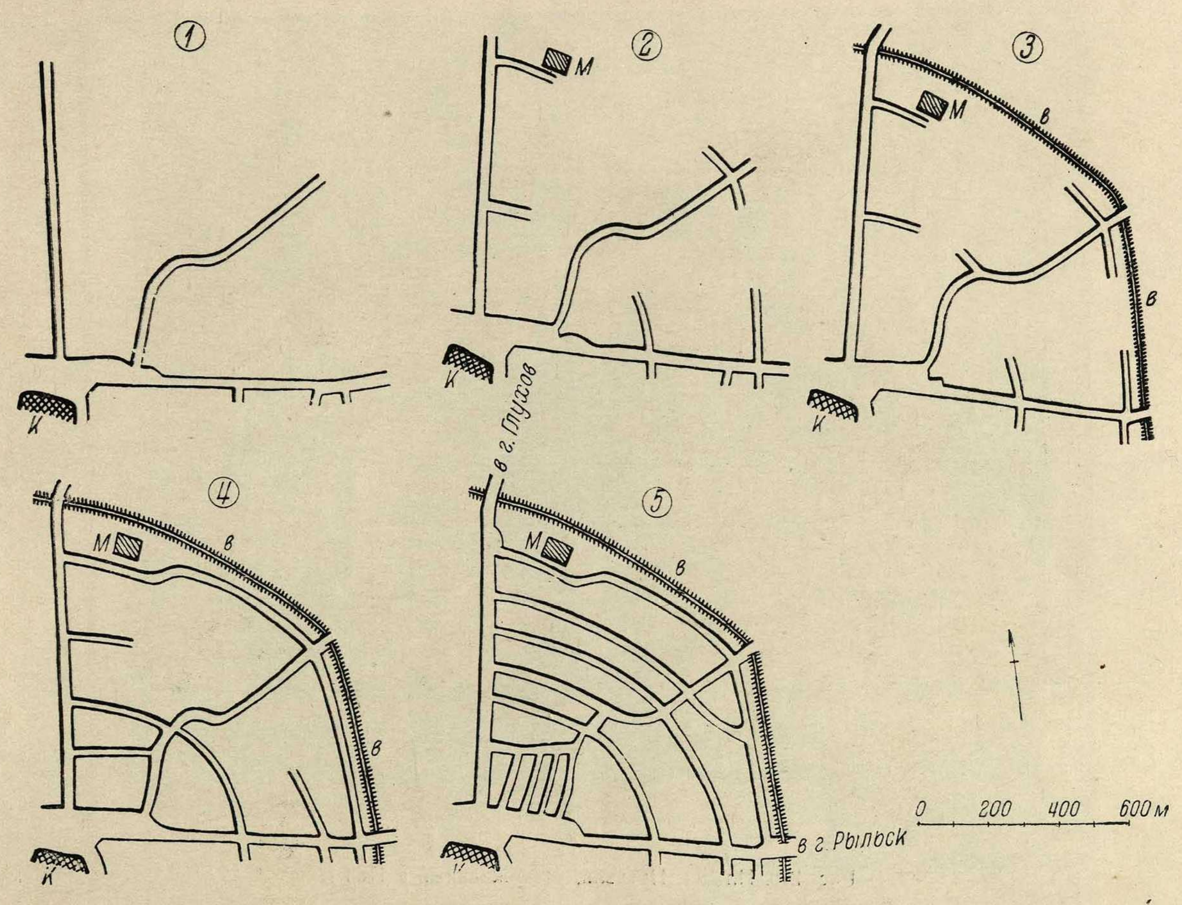


Рис. 99. Путивль. Предполагаемая схема формирования северо-восточного сектора
К—крепость; *М*—монастырь; *З*—земляной вал

Иной характер имеет планировка северной части города, расположенной на ровном плато и не имеющей никаких естественных элементов защиты. Подобно древним городищам, расположенным в аналогичных топографических условиях, территория города-посада имела укрепленный полукольцевой пояс, который ясно виден на плане и о котором в росписи города сказано: «. . .В Путивле ж около всего посаду вал земляной от реки Семи до реки ж Семи оплотнен с обе стороне хворостом и поставлены на верху плетеные небольшие туры; на этом же валу 5 башен с вороты. А мерою около того земляного валу 1 998 сажень (9 265 *м*)» [29].

На плане видно расположение ворот, от которых расходятся дороги в окрестности: на запад — в г. Конотоп, на север — в г. Глухов, на восток — в г. Рыльск. От этих же ворот направляются главные магистрали посада по направлению к торговой площади, находящейся у северной границы крепости.

Обращает на себя внимание интересная деталь — расширение магистралей по направлению к периферии посада.

Таким образом, основной костяк радиальной системы представляет собой ясно выраженный трезубец, напоминающий несколько трезубец Углича (см. рис. 89).

Секторы между лучами осваивались постепенно, начиная от центра и далее по направлению к периферии, т. е. так же, как это было в г. Муроме. Освоение естественно происходило в виде застройки поперечных ответвлений, отходивших от радиусов в глубь территории. Таким путем могли образоваться некоторые из кольцевых улиц, особенно под влиянием контура периферийного укрепления.

На развитие кольцевых направлений, несомненно, оказывало влияние и притяжение некоторых точек. Так, в частности, могло образоваться полукольцо, начинающееся от Сейма у «горней» церкви, идущее на соединение с Конотопской дорогой, затем выходящее на

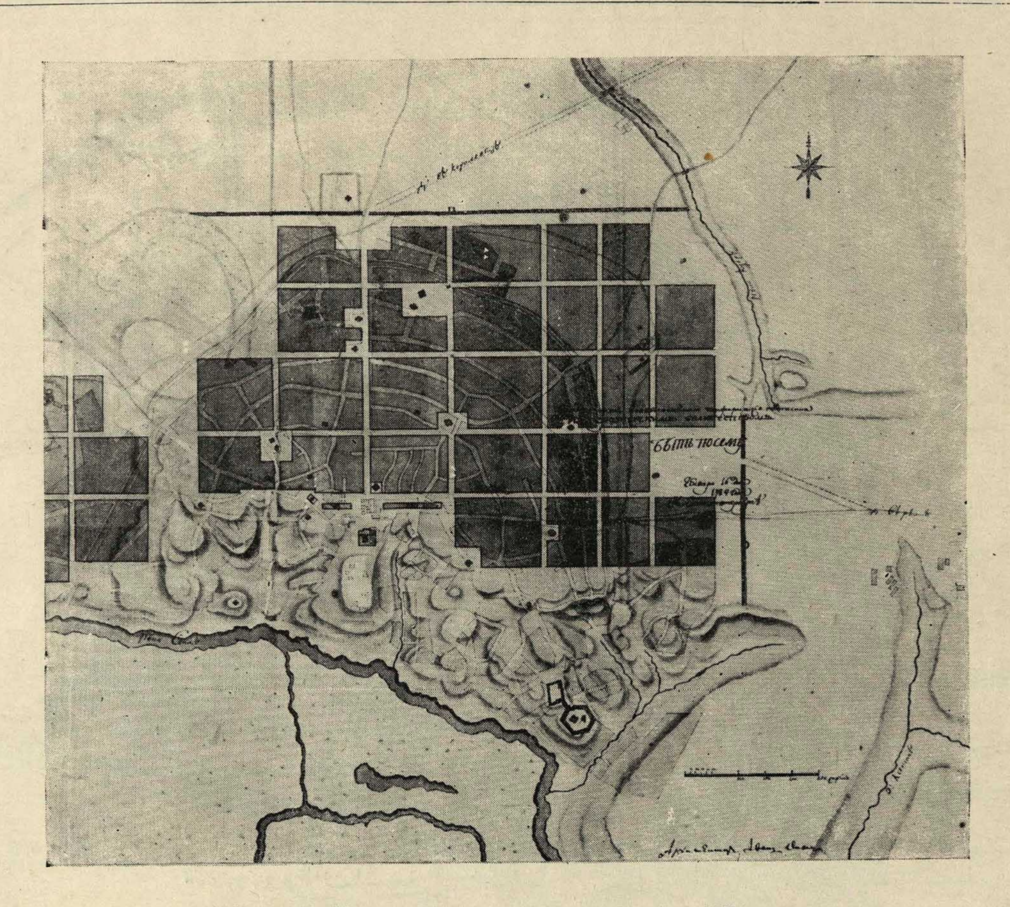


Рис. 100. План г. Путивля, утвержденный в 1784 г.

центральный луч, далее на Рыльскую дорогу и, наконец, подходящее к Молчанскому монастырю.

Указанные условия способствовали образованию кольцевых улиц, но только ими нельзя объяснить исключительное развитие кольцевой сети в плане Путивля, особенно в его восточном секторе. Здесь на сравнительно близком расстоянии мы видим 5 улиц кольцевого направления. Кроме того, обращает на себя внимание сравнительная равномерность кварталов (по ширине) между кольцевыми улицами. Все это заставляет предполагать, что кольцевая сеть Путивля образовалась не только в результате постепенного развития, но и в порядке систематического «размеривания».

Будучи важным пунктом средоточия и сбора войск близ юго-западной границы, Путивль использовался для заселения служилыми людьми. Один из моментов подобного заселения освещает относящаяся к 1678 г. «Отписка царю новгородского воеводы князя Юрия Одоевского», в которой сказано: «. . .указал ты великий государь быть на своей великого государя службе в Путивле в полку Касимовского царевича Василия Араслановича с товарищи, новгородским, псковским, олонецким, старорусским стрельцам, всего 2 100 человекам. . .» [30]. Поселение служилых людей сопровождалось отводом для них дворовых участков определенных размеров. В связи с этим, вероятно, и возникала надобность в разбивке больших земельных массивов на мелкие кварталы, более или менее однообразной ширины. При форме массива в виде сектора такая нарезка легче всего могла быть осуществлена по кольцевому принципу. Следует отметить, впрочем, что один из крупных массивов (у северо-восточного угла площади) был разбит на ряд однообразных кварталов, вытянутых параллельно радиальному направлению.

Заслуживает внимания, что большинство кольцевых направлений уходит своими корнями в прибрежную, более древнюю часть города. Таким образом, несмотря на контраст обеих частей города по рельефу и общему характеру уличной сети, план города в целом отличается единством и органичностью построения.

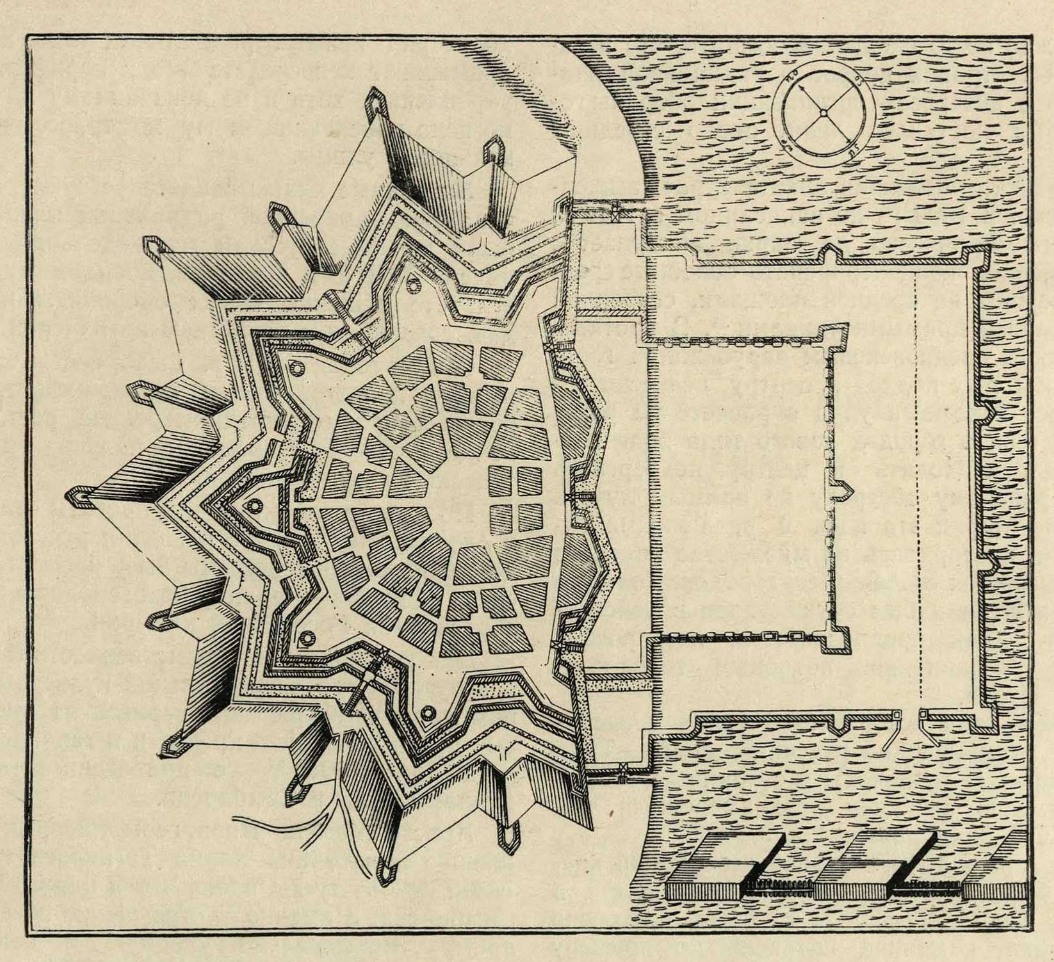


Рис. 100а. План г. Таганрога конца XVII в.

Процесс формирования плана Путивля иллюстрируют схемы (рис. 99) [31], изображающие вероятные стадии в развитии восточного сектора города. На первой схеме мы видим три радиальных направления, отходящих от центрального торга у детинца; на второй — кольцевые ответвления в виде тупиков, отходящие от радиусов; на третьей — обрамление посада периферийным укреплением, под влиянием которого пошло дальнейшее формирование кольцевой сети, изображенное уже на схеме четвертой; наконец, на пятой схеме изображено появление дополнительных колец в результате преднамеренной разбивки больших земельных массивов на ряд мелких кварталов.

Рассмотренные ранее планы ряда городов сохранили в порядке преемственности традиций свою основную схему и после их переделки во второй половине XVIII в. Однако автор проекта перепланировки Путивля, утвержденного в 1784 г., не понял органичности древнего плана города и заменил его жизненную ткань нейтральной геометрической решеткой. Только прибрежная часть, где рельеф не позволил применить стандартные прямоугольные кварталы, осталась без изменения (рис. 100) [32].

10. САМОБЫТНОСТЬ РАДИАЛЬНО-КОНЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПЛАНИРОВКИ РУССКИХ ГОРОДОВ

Приведенные примеры радиально-концентрической системы планировки иллюстрируют основные пути ее формирования в древнерусских городах. При всем разнообразии рассмотренных планов общим для всех является образование радиально-концентрической сети улиц в процессе медленного, постепенного развития города. В связи с этим возникает вопрос — применялась ли русскими градостроителями радиально-концентрическая система в масштабе целого города в качестве преднамеренного приема планировки?

Прежде всего следует вспомнить, что в зарубежных странах вопрос о радиальной планировке в интересах организации обороны города был поставлен лишь около середины XVI в.

В трактате «Военная архитектура», вышедшем в свет в 1599 г., но написанном в 1540 г., автор его Франческо де Марки выступает с предложением концентрировать основные средства обороны на средней площади, связанной с периферией прямыми улицами [33]. В противоположность средневековым зарубежным городам, в которых подход к центру всячески затруднялся изломами улиц в расчете на рукопашные бои, в городах нового типа враг должен был подходить к центру, подвергаясь артиллерийскому обстрелу по прямым лучам.

После Марки эта идея с различными вариациями повторялась во множестве проектов так называемых «идеальных» городов. Только в 1593 г. в Италии был осуществлен в действительности (как предполагается, по проекту Скамоцци) один из подобных городов — Пальма Нуова.

В свете этой исторической справки заслуживают внимания два русских города — Тула и Симбирск (Ульяновск), в старинных планах которых ясно выражен преднамеренный тип радиальной планировки.

Тула в виде полигональной деревянной крепости была построена на новом месте в 1509 г., а с 1514 по 1521 г. была построена внутренняя каменная цитадель по примеру Московского Кремля. Несомненно, что за этот короткий промежуток было застроено и внутреннее пространство между указанными укреплениями, так как на новое место было переведено население из старого городища, находившегося при речке Тулице.

В планах крепостей Тулы, реконструированных Афремовым, видна четкая система прямых радиальных улиц, идущих от башен внешней крепости к большой центральной площади, посреди которой расположилась внутренняя прямоугольная цитадель (см. рис. 35).

Аналогичный прием планировки заметен и в плане г. Симбирска (Ульяновска), построенного в 1648 г. (см. рис. 56). И здесь от центральной площади с внутренней цитаделью отходит ряд прямых радиальных улиц, которые примыкают непосредственно к периферийному укреплению, хотя и не показанному на плане, но ясно прослеживаемому по трассе широкой кольцевой улицы.

Указанные планы свидетельствуют, что начала преднамеренной радиальной планировки были знакомы русским градодельцам уже в начале XVI в. и возникли, повидимому, в результате решения новых оборонительных задач, связанных с развитием артиллерии.

В 90-х годах XVII в. было составлено несколько проектов новых городов-крепостей, в которых приемы преднамеренной радиально-концентрической планировки получили математически точное выражение.

По своему характеру эти проекты относятся к следующему этапу в развитии русского градостроительства и должны быть рассмотрены в связи с изучением планировки городов в период образования Российской империи.

Для установления преемственности в развитии русской градостроительной культуры сравним лишь наиболее характерный из упомянутых проектов — план крепости и гавани Таганрога (рис. 100а) [34] — с приведенными ранее планами Тулы и Симбирска.

Кристаллически ясная, геометрически совершенная композиция плана Таганрога имеет в своей основе ту же идею, что и планы Тулы и Симбирска, а именно — стремление обеспечить прямую, максимально удобную и непосредственную связь центрального плацдарма с периферийной оградой. Принципиальным отличием плана Таганрога является лишь то, что в нем отсутствует внутренняя цитадель (кремль), ставшая излишней благодаря мощности периферийных укреплений. Место кремля в плане города заняла группа из четырех кварталов, примыкающая к центральной площади. В этих кварталах были, вероятно, размещены административные учреждения и жилые дома высших воинских чинов. Кроме того, развитие военно-оборонительной техники к концу XVII в. вызвало и более усложненную систему крепостной ограды в виде ожерелья куртин и бастионов, к каждому из которых предусмотрен в проекте прямой луч от центральной площади.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РАДИАЛЬНО-КОНЦЕНТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПЛАНИРОВКИ МОСКВЫ

1. РАЗВИТИЕ РАДИАЛЬНОЙ СЕТИ МОСКВЫ

Наиболее ярко, последовательно и с наибольшей полнотой принципы радиально-концентрического формирования города нашли выражение в плане Москвы. В нем мы встречаем комплекс всех тех приемов образования уличной сети, которые в отдельности были отмечены при рассмотрении планов ряда других старинных русских городов. В Москве русские градостроительные традиции получили свое наиболее совершенное воплощение и отсюда, по мере объединения Руси, они оказывали воздействие и на другие города.

История планировки и застройки Москвы изучена гораздо лучше и полнее, нежели историческая топография какого-либо другого города. Кроме того, Москва располагает и наиболее ранними планами, которые дают более конкретное представление о городе, чем отрывочные свидетельства письменных источников.

Ввиду этого как общая система планировки Москвы, так и ее детали приобретают исключительное значение для истории русского градостроительства.

По мнению ряда русских историков, наиболее обстоятельно изложенному и обоснованному И. Забелиным, Москва возникла в результате заселения района у перевала из речной долины Москвы-реки в речную же долину реки Клязьмы, вблизи двух небольших рек — Восходни, именуемой теперь Сходней, и Яузы. Верховья Яузы и Сходни достигали этого перевала и потому служили удобной дорогой в лесных непроходимых дебрях как от западных торговых путей, так и от торгового юга [1].

Эта теория не объясняет все же причин возникновения крепости на холме, у впадения р. Неглинной в р. Москву, так как указанные Забелиным речные пути проходят в стороне от крепостного холма.

В поисках правильного решения этого вопроса была создана дополнительная гипотеза о скрещении у подножья холма двух сухопутных дорог. Впервые она была предложена историко-географической комиссией, работавшей под председательством Д. Н. Анучина при Московском коммунальном музее в 1921—22 гг. В последнее время эта гипотеза вновь выдвинута и обстоятельно обоснована П. В. Сытиным в его труде «История планировки и застройки Москвы».

По мнению Сытина, «одна дорога шла с северо-запада, из Великого Новгорода, через Волоколамск (почему и называлась «Волоцкой» дорогой) по линии современных улиц — Красной Пресни, Баррикадной, мимо древнего села Кудрина, затем по улице Воровского, улице Фрунзе к броду на Москве-реке, бывшему на месте Большого Каменного моста. Перейдя брод, она направлялась к югу по линии современных улиц Серафимовича, Большой Полянки, Большой Серпуховки, Тульской и Серпуховского шоссе к берегам Оки, к Рязани и другим приокским городам. На Серпуховском шоссе она шла мимо древнего села «Котел» (Нижние Котлы) . . . Другая дорога шла из Киева и Смоленска в Ростов Великий, Суздаль, Владимир на Клязьме и другие северные города. На территории современной Москвы она переходила вброд р. Москву у Новодевичьего монастыря и направлялась вдоль текшего от него к современному Крымскому мосту ручья Вавилона к селу Киевцу, находившемуся на современной Кропоткинской

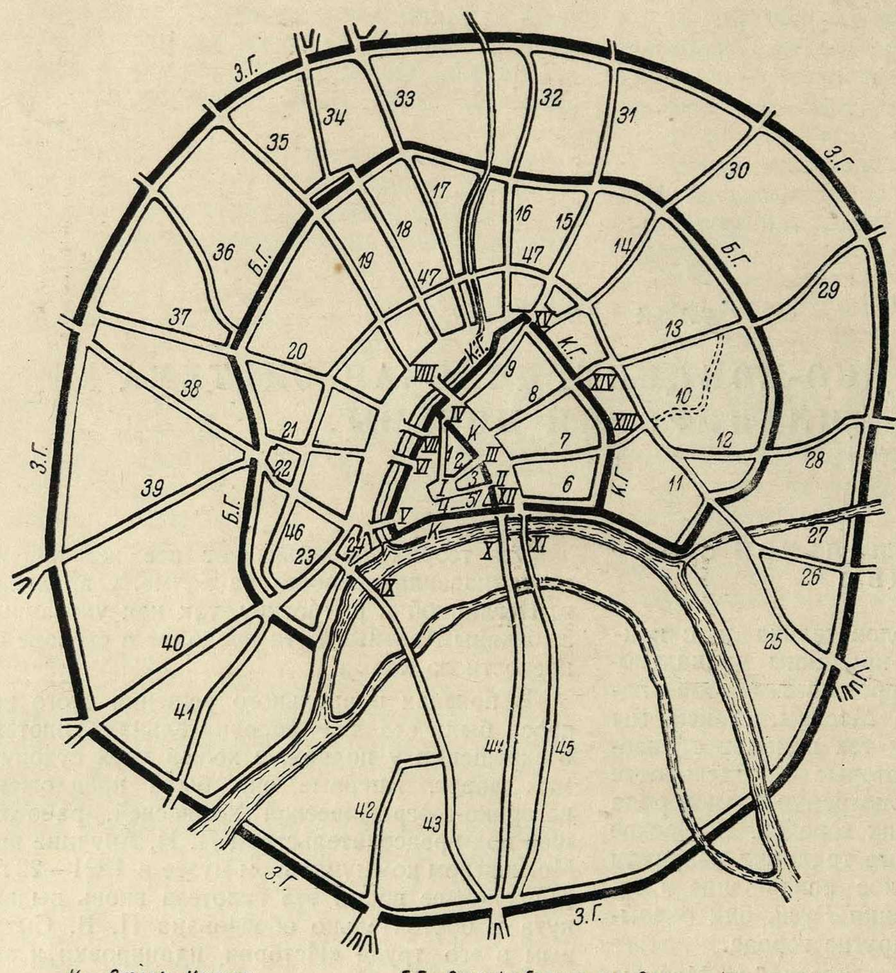


Рис. 101. Москва. Схема радиальной сети магистралей

1—Никольская ул. (в Кремле); *2*—Спасская ул. (в Кремле); *3*—улица к приказам; *4*—улица на Подоле; *5*—ответвление к Константино-Еленинским воротам; *6*—Мокринский пер.; *7*—Варварка; *8*—Ильинка; *9*—Никольская ул.; *10*—Б. Ивановский пер.; *11*—Солянка; *12*—Подколокольный пер.; *13*—Маросейка; *14* — Мясницкая ул.; *15*—Б. Лубянка; *16*—Рождественка; *17*—Петровка; *18*—Б. Дмитровка; *19*—Тверская ул.; *20*—Б. Никитская ул.; *21*—Воздвиженка; *22*—Знаменка; *23*—Волхонка; *24*—Лебяжий пер.; *25*—Таганная ул.; *26*—Николо-Ямская ул.; *27*—река Яуза; *28*—Воронцово поле; *29*—Покровка; *30*—Мясницкая ул.; *31*—Сретенка; *32*—Трубная ул.; *33*—Петровка, Каретный ряд; *34*—М. Дмитровка; *35*—Тверская ул.; *36*—М. Бронная ул.; *37*—М. Никитская ул.; *38*—Поварская ул.; *39*—Арбат; *40*—Пречистенка; *41*—Остоженка; *42*—Б. Якиманка; *43*—Б. Полянка; *44*—Б. Ордынка; *45*—Пятницкая ул.; *46*—Б. Знаменский пер.; *47*—Кузнецкий мост; *I*—Соборная площадь; *II*—Константино-Еленинские ворота; *III*—Спасские ворота; *IV*—Никольские ворота; *V*—Боровицкие ворота; *VI*—Троицкие ворота; *VII*—Средние арсенальные ворота; *VIII* — Иверские ворота; *IX*—Б. Каменный мост (в древности брод); *X*—Старый Москворецкий мост; *XI*—Новый Москворецкий мост; *XII*—Москворецкие ворота; *XIII*—Варварские ворота; *XIV*—Ильинские ворота; *XV*—Владимирские ворота

набережной у Хилкова переулка, затем по левому берегу реки до пересечения с Новгородско-Рязанской дорогой. Отсюда под холмом Кремля и Китай-города она шла берегом р. Москвы до Китайского проезда, поднималась по нему на север, и шла по линии современных улиц Дзержинского, Сретенки, 1-й Мещанской, мимо древнего села Напрудского на современной Трифоновской улице, затем по линии Ярославского шоссе и дальше» [2] (см. рис. 28).

В свете этой гипотезы становится ясным происхождение четырех основных радиальных направлений, существовавших еще до появления города.

С постройкой в 1156 г. на холме у впадения р. Неглинной в р. Москву крепости у ее восточной стены стал развиваться посад, как это обычно и происходило с «полевой» стороны русских городов-крепостей.

Возникновение посада обусловило появление новых радиальных направлений. Приблизительно от нынешних Троицких ворот Кремля уже в древности проходила по Занеглименью сельская дорога по направлению к новой Смоленской и к старой Волоцкой дорогам.

В связи с развитием торговли на посаде это ответвление приобрело бо́льшее значение, нежели основная трасса к броду, и само получило название Волоцкой дороги. Таким образом оформилась улица, проходившая по направлению современной улицы Калинина. В конце XIII в. изменила направление и дорога из Владимира, пройдя от современной улицы Дзержинского по улице 25 Октября, доходившей в древности до центра Кремля.

В результате расширения московской крепости, которая с 1331 г. стала уже называться Кремлем, посад отодвинулся далее к востоку.

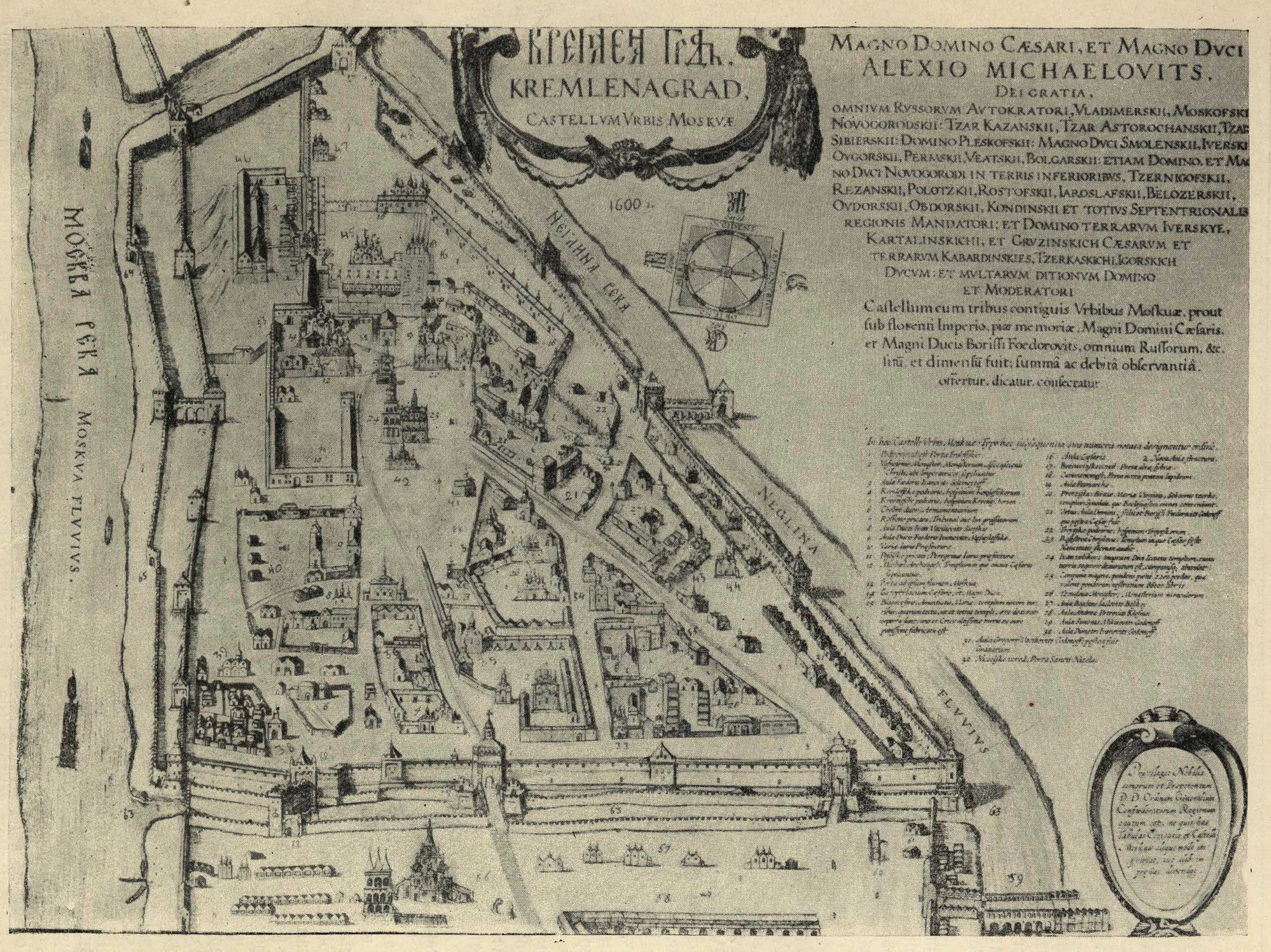


Рис. 102. Москва. План Кремля времени царя Бориса Годунова

После постройки Иваном Калитой в 1339—1340 гг. новых дубовых стен, которые доходили на востоке до современной Средней Арсенальной башни, от Волоцкой дороги пошло новое ответвление — от площади Восстания по нынешней улице Герцена (Б. Никитской ул.)

Таким образом, изменение направлений первоначальных сухопутных дорог под влиянием притяжения центрального ядра развивавшегося города — Кремля с посадом (будущим Китай-городом) — дало начало еще трем радиальным дорогам.

Кроме того, развитие радиальной сети было обусловлено возведением вокруг Москвы монастырей, часть которых играла роль передовых укреплений — «сторо́ж», защищавших подступы к городу.

В 1280-х гг. по дороге, которая шла от берегов Оки, появилась первая «сторо́жа» — Данилов монастырь. На севере Москвы в начале XIV в. возник Петровский монастырь, в 80-х годах XIV в. — Рождественский, в конце XIV в. — Сретенский. Во второй половине XIV в. были построены еще две сторо́жи — Андроньев монастырь на Яузе и Симонов монастырь на р. Москве (рис. 28).

Некоторые из монастырей стали на дорогах, уже существовавших, и закрепили этим самым их трассы: Андроньев монастырь на дороге в г. Владимир, Данилов монастырь — на Коломенской дороге, Сретенский монастырь — на Троицкой дороге. Монастыри Петровский и Рождественский вызвали появление новых радиальных направлений (улицы Петровка, Рождественка).

Благодаря центральному положению среди старых русских городов и росту торгового и политического значения, Москва быстро стала важным узлом сухопутных сообщений. С начальными путями, идущими из города, смыкались дороги — Тверская, Дмитровская, Новая Смоленская, Стромынская, Владимирская, Коломенская, Рязанская, Калужская. В результате к концу XIV. в. в основном уже оформилась сеть главных радиальных дорог, а частичная застройка участков вдоль этих дорог слободами, заселенными выходцами из разных городов, превратила пучок их начальных отрезков в сеть радиальных улиц.

Центром притяжения для всей сети радиальных улиц в целом служил комплекс Кремля с Большим посадом, позднее — Китай-городом (рис. 101) [3]. Однако при более внимательном изучении плана можно обнаружить три различных типа образования радиальной сети в основных секторах города.

В восточном секторе (от р. Неглинной до р. Яузы) наиболее четко выражен общий принцип построения радиальной сети русского города, заключающийся в расхождении улиц веером от центра Кремля. В плане Кремля времени царя Бориса Годунова (рис. 102) [4] видна сеть основных радиальных улиц, начало которых может быть отнесено к самому раннему периоду истории Москвы. Постепенно с ростом Кремля и оттеснением посада к востоку прежние посадские улицы входят в состав уличной сети Кремля, а с постройкой кирпичных стен в конце XV в. воротными башнями были закреплены их выходы на Красную площадь. На упомянутом плане, идя от севера к югу, можно отметить следующие основные радиусы, расходящиеся от сердца Кремля — Соборной площади с дворцом и приказами: Никольская ул. от Соборной площади до Никольских ворот, Спасская ул. (ранее Новая) от Соборной площади до Спасских ворот (ранее Фроловских), улица от Соборной площади к заложенным в XVII в. Константино-Еленинским воротам, улица вдоль южной стены Кремля (на Подоле). Непосредственный выход этой улицы на Красную площадь был, повидимому, отрезан кирпичной стеной и заменен ответвлением к Константино-Еленинским воротам.

Кроме основного пучка радиальных направлений, на плане видны еще следующие улицы: от Никольских ворот к Троицким (Житничная ул.) и от последних на восток, примерно к Сенатской башне (Троицкая ул. и Чудовская ул.).

На другом плане (так называемом Сигизмундовом чертеже Москвы, 1610 г.) хорошо видно продолжение Кремлевского веера в Китай-городе (рис. 103) [5]. Улица возле южной стены продолжается по направлению Мокринского переулка (прежде Великой улицы). За пределами китайгородской стены ни на одном из планов дальнейшей трассы этой улицы не видно. Улица от Соборной площади к Константино-Еленинским воротам, а также ответвление от южной улицы Кремля к тем же воротам получили продолжение по Варварке (ныне ул. Разина).

Судя по рельефу местности, продолжение улицы с Подола по Мокринскому переулку проходило по низменной (возможно заболачиваемой и заливаемой паводками) местности, вследствие чего и было выбрано более возвышенное положение — по Варварке, проходящей вдоль бровки второй прибрежной террасы.

Радиальное направление Варварки в пределах Белого города не получило ясного продолжения.

Ильинка (ныне ул. Куйбышева), которую можно рассматривать как продолжение Спас-

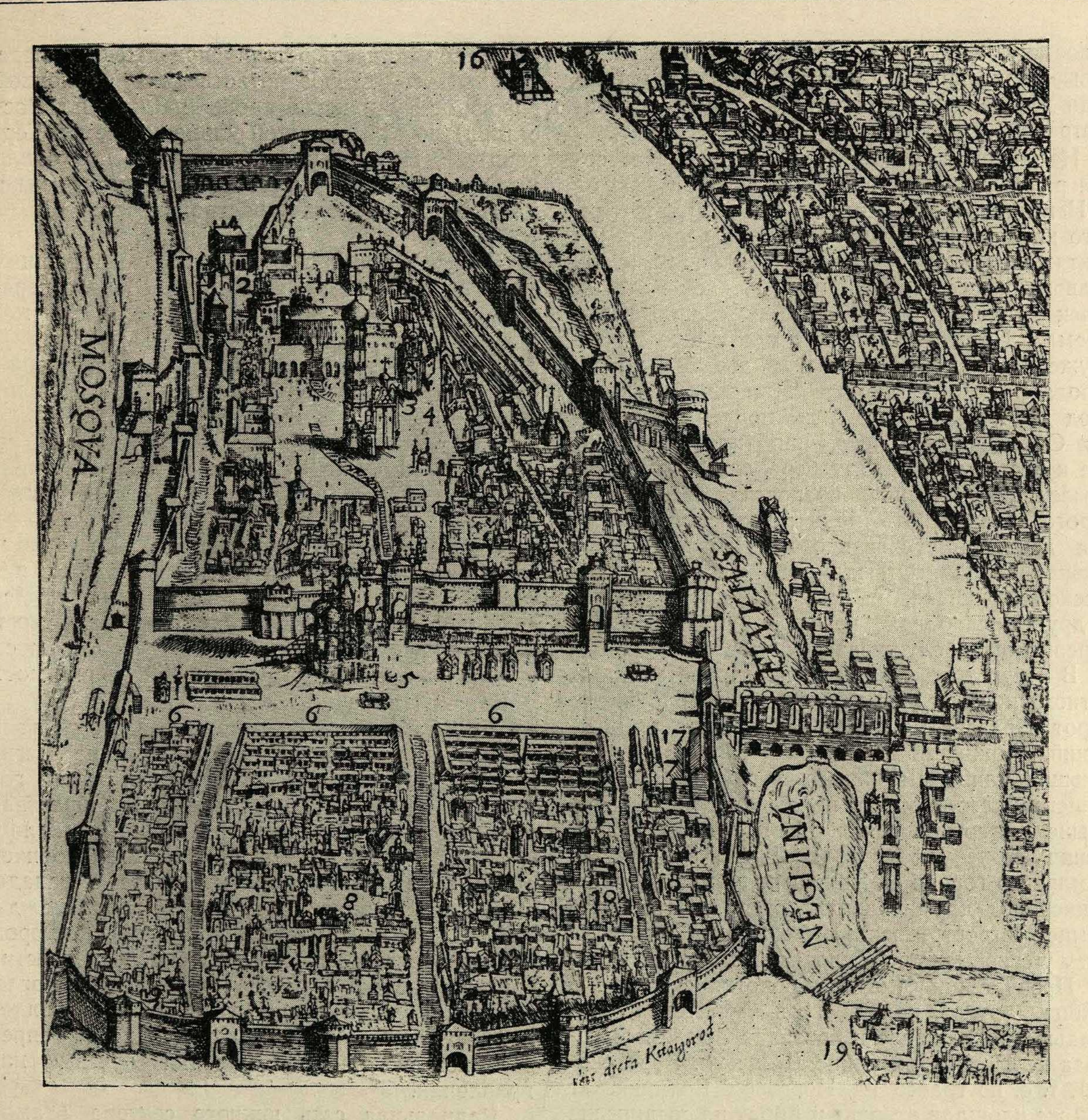


Рис. 103. Москва. Кремль и Китай-город на Сигизмундовом чертеже

ской улицы Кремля, в свою очередь продолжается в Белом городе и в Земляном городе по Маросейке и Покровке. По общему мнению историков Москвы, Ильинку следует считать наиболее молодой из радиальных улиц Китай-города. Продолжением Никольской улицы Кремля служит Никольская улица Китай-города (ныне ул. Дзержинского), идущая и далее по радиальному направлению в Белом и Земляном городах. Это направление у площади Дзержинского (б. Лубянская площадь) получает ответвление на северо-восток по ул. Кирова (б. Мясницкая), также идущее через Белый и Земляной город и включающееся в общую систему восточного веера. Таким образом, все улицы, составляющие основу радиальной сети в восточном секторе Москвы, имели в качестве элемента притяжения единый центр, расположенный в Кремле. Это не значит, конечно, что на протяжении всего периода формирования радиальной сети все развитие ее происходило под влиянием этого основного центра. Зародившись в восточных воротах первоначальной крепости, несколько радиальных улиц по мере увеличения территории Большого посада (Китай-города) продолжали расти

к востоку, а на этом направлении возникали новые точки притяжения, которые способствовали дальнейшему удлинению радиальных магистралей.

Несколько иную картину представляет собой радиальная система западного сектора от р. Неглинной до р. Москвы. Здесь вместо единого начального центра мы имеем ряд точек притяжения, исторически возникавших вдоль правого берега р. Неглинной. Первой из таких точек явилось место у Боровицких ворот Кремля. Примерно к этому месту еще до сооружения крепости подходила дорога из Новгорода Великого, которая направлялась через брод далее к югу. Сюда же подходила и старая Смоленская дорога, направлявшаяся далее к востоку по левому берегу Москвы-реки. После сооружения крепости Боровицкие ворота стали играть роль точки притяжения для движения, связанного с хозяйственной жизнью дворца. Отсюда пошли дороги к княжеской конюшне, к конюшенной слободе и к другим слободам, которые были населены персоналом, обслуживавшим дворец.

В результате сочетания потребностей транзитного и местного движения у Боровицких ворот образовался пучок радиальных направлений, сложившийся в Белом городе из следующих улиц: Лебяжьего переулка, переходящего далее в улицу по берегу р. Москвы (ныне Кропоткинская наб.), Волхонки и Знаменки (ныне ул. Фрунзе). Далее, в пределах Земляного города Волхонка получила разветвление по двум направлениям: Остоженки (ныне Метростроевская), шедшей к Самсонову лугу у современного Новодевичьего монастыря, и Пречистенки (ныне Кропоткинской ул.). Улица Фрунзе получила за Арбатской площадью продолжение в пределах Земляного города по Поварской улице (ныне ул. Воровского), т. е. по трассе на Новгород Великий. От той же площади отходит и Арбат на соединение с новой Смоленской дорогой.

Следующей точкой притяжения явился мост через р. Неглинную у позднейших Троицких ворот, который давал доступ к посадскому торгу, развившемуся здесь в связи с заселением территории к востоку от Кремля. К этому мосту перешло направление Волоцкой дороги (из Новгорода Великого) по Воздвиженке (ныне ул. Калинина). По этой же улице пошло движение на посад и от новой Смоленской дороги.

После постройки Иваном Калитой новых дубовых стен Кремля в 1339—1340 гг. посад должен был отодвинуться еще дальше к востоку. Вследствие этого и мост через р. Неглинную был перенесен на новое место (у нынешней Средней Арсенальной башни), которое и определило третью точку притяжения. Сюда направилось второе ответвление Волоцкой дороги от Кудринской площади (ныне пл. Восстания) по Б. Никитской улице (ныне ул. Герцена). К Новому мосту, вероятно, подходило и прежнее направление Тверской улицы (ныне ул. Горького) после постройки стен 1367—1368 гг.

Наконец, постройка ныне существующих стен Кремля (1485—1495 гг.) потребовала переноса моста через р. Неглинную на третье место (против современной Красной площади), которое стало четвертым центром тяготения радиальных улиц. Сюда повернулась своим концом Тверская дорога. Здесь же возникла большая торговая площадь — Охотный ряд, на которую вышли Б. Дмитровка (ныне Пушкинская ул.) и Петровка. Итак, элементом притяжения радиальной сети в западном секторе был не единый центр, как в секторе восточном, а геометрическое место точек, на которые последовательно ставились мосты через р. Неглинную (мост к Боровицким воротам, мост к посаду у нынешних Троицких ворот, мост у нынешней Средней Арсенальной башни, мост у Красной площади).

Другой особенностью радиальной сети в западном секторе является расхождение магистральных улиц пучками от ворот Белого города по направлению к периферии. Образование этих пучков преимущественно в западном секторе можно объяснить бо́льшим количеством дорог, подходящих к Москве с запада и бо́льшей шириной кольцевого района между укреплениями. Некоторые из радиальных дорог существовали здесь уже в глубокой древности, но оформление пучков, повидимому, могло произойти лишь после устройства укреплений по линии Белого города, когда определились центры расхождения лучевых направлений.

Радиальная сеть южного сектора (Замоскворечья) развивалась примерно по такому же принципу, но не достигла здесь той четкости и законченности, какими отличается планировка западного сектора. В западном секторе, охватившем примерно 120°, точки притяжения располагались последовательно весьма близко друг от друга. Кроме того, к западному сектору подходило, по крайней мере, пять внешних дорог. К южному же сектору подходили всего две основные дороги — от Калуги и от Серпухова. Точек притяжения дорог к городу было также всего две, и расположены они были на сравнительно большом расстоянии. Первая из них находилась у брода через Москву-реку у Б. Каменного моста, сооруженного во второй половине XVII в.; вто-

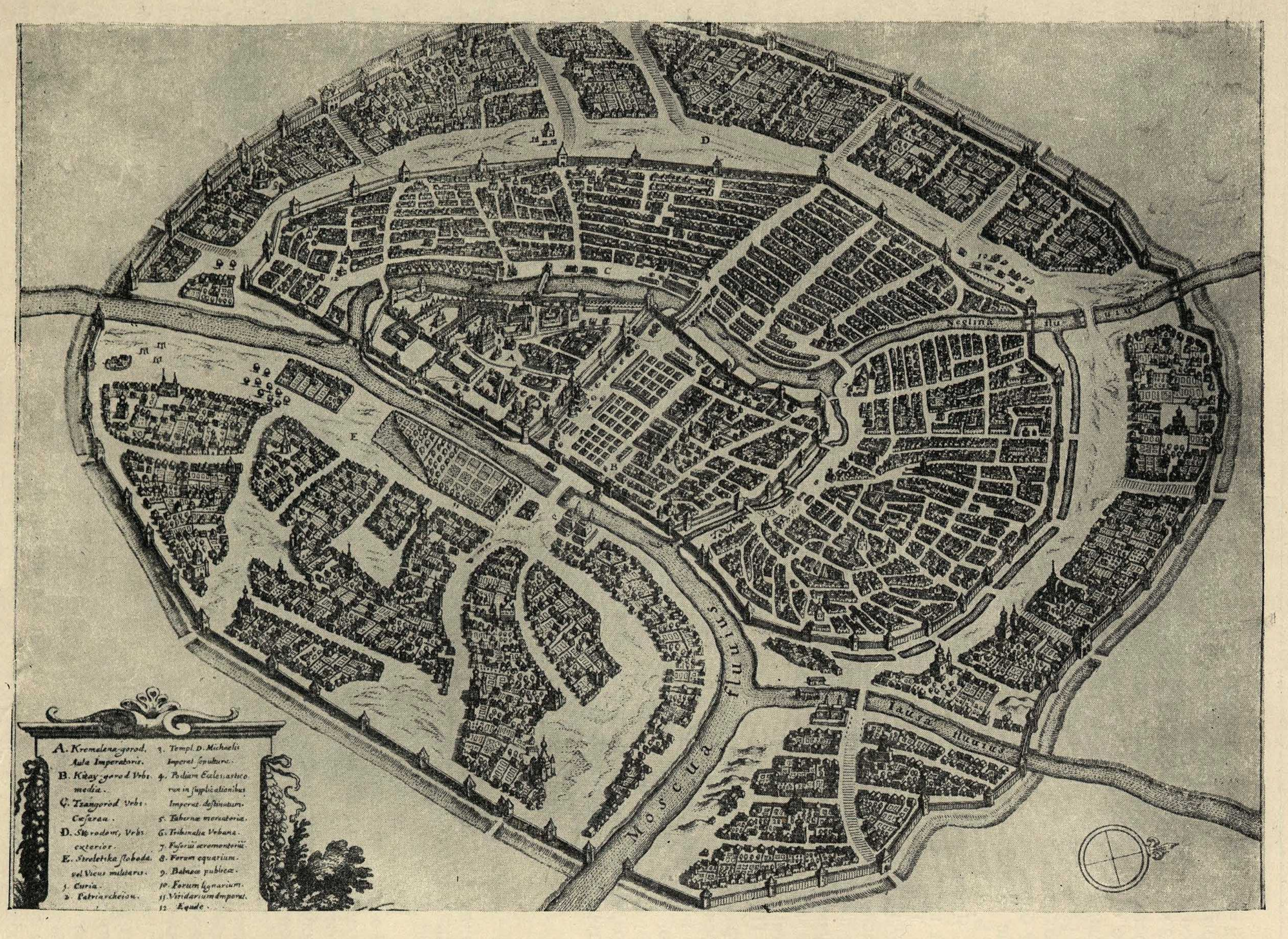


Рис. 104. Москва. Гравированный план 1643 г.

рая — перемещалась на небольшом отрезке от первоначального местоположения Москворецкого моста у восточной границы Кремля 1339 г. до последнего расположения того же моста у Москворецких ворот Китай-города, что соответствовало на правом берегу отрезку между Б. Ордынкой и Пятницкой улицами. В результате на правом берегу Москвы-реки создались всего два узла радиальных дорог. От брода через Москву-реку прошло продолжение Волоцкой дороги на юг (по Всехсвятской и Б. Полянке) с ответвлением на Калугу по Б. Якиманке, а от Москворецкого моста пошли на юг Б. Ордынка и Пятницкая улица.

Точки пересечения Калужской и Серпуховской дорог с Земляным валом определили расположение соответствующих ворот. В дальнейшем эти ворота послужили центрами двух пучков, расходящихся по направлению к периферии. Внутри Земляного города к Серпуховским воротам отклонились концы Б. Полянки и Пятницкой улицы, образовавшие вместе с Ордынкой подобие трезубца, расширяющегося по направлению к середине города и искажающего несколько характер радиальной сети. Тем не менее, общая устремленность уличной сети Замоскворечья к центру города поддерживается расположением множества второстепенных улиц.

2. РАЗВИТИЕ КОЛЬЦЕВОЙ СЕТИ МОСКВЫ

Рассмотрим теперь кольцевые направления, определяющие вторую особенность радиально-концентрической системы планировки Москвы.

Первое кольцо как по времени, так и по своему геометрическому положению начало создаваться уже сразу после сооружения крепости в виде свободной полосы вокруг крепостных стен. Восточное звено этого кольца передвигалось по мере разрастания Кремля и продвижения его на восток. Четкое выражение первое кольцо приобрело лишь в самом конце XV в., когда Кремль достиг нынешнего своего очертания. В 1493 г. после большого пожара, от которого в значительной мере пострадал и Кремль, Иван III издал указ о том, чтобы очистить от всех строений пространство по берегу р. Неглинной на расстоянии 110 саженей от кремлевских стен. В 1495 г. был издан аналогичный указ и в отношении местности за Москвой-рекой. В это же время, вероятно, была освобождена на 110 саженей (235 *м*) полоса территории и за восточной стеной Кремля, названная впоследствии Красной площадью. Таким образом и было четко оформлено первое кольцо вокруг Кремля, имевшее противопожарное и оборонительное значение. Однако в связи с постройкой китайгородской стены в 1535 г. восточное звено кольца было опять перенесено дальше на восток, и первое кольцо (строго говоря, полукольцо) получило при этом свою окончательную конфигурацию, показанную на Петровом плане [6] Москвы и на всех планах XVII в., для которых он послужил основой, в частности на плане Мериана 1643 г. (рис. 104) [7].

Второе полукольцо, вероятно, уже существовало в XII—XIII вв. в виде пограничной линии посада и проходило по современной ул. Грицевеца (ранее Большой Знаменский пер.), Крестовоздвиженскому пер., ул. Семашко (ранее Большой Кисловский пер.), ул. Огарева (ранее Газетный пер.), проезду Художественного театра (ранее Камергерский пер., Спасский пер.) и Кузнецкому мосту. Впоследствии эта кольцевая линия получила дальнейшее продолжение в восточном секторе города, по направлению к Солянке. Второе полукольцо, вероятно, сложилось постепенно, в результате тангенциального движения, обусловленного расположением монастырей и стоявших около них дворов наиболее богатых и знатных людей. Возможно также, что формирование его было ускорено и потребностями транзитного движения между радиальными магистралями.

Возникновение третьего полукольца, как и первого, было обусловлено развитием оборонительных сооружений. Уже в XIV в. существовали укрепления в виде вала со рвом по линии современного Бульварного кольца (в его западной части) от реки Москвы до Сретенских ворот [8]. Впоследствии, вероятно в связи с уничтожением густого леса, прикрывавшего подступы к Москве с востока, эти укрепления были продолжены до устья р. Яузы, а в 1586—1593 гг. на месте старого земляного вала русский мастер Федор Конь построил кирпичную крепостную стену. Для того, чтобы не дать потенциальному врагу возможности организовать плацдарм для наступления под прикрытием прилегающей застройки, с внешней стороны крепостной стены была организована широкая защитная полоса, свободная от каких-либо строений (судя по плану Мериана, шириной около 150 саж. (320 *м*). Ширина этой полосы должна была отвечать и требованиям противопожарной защиты.

Свободное пространство было использовано для устройства рынков и частично для

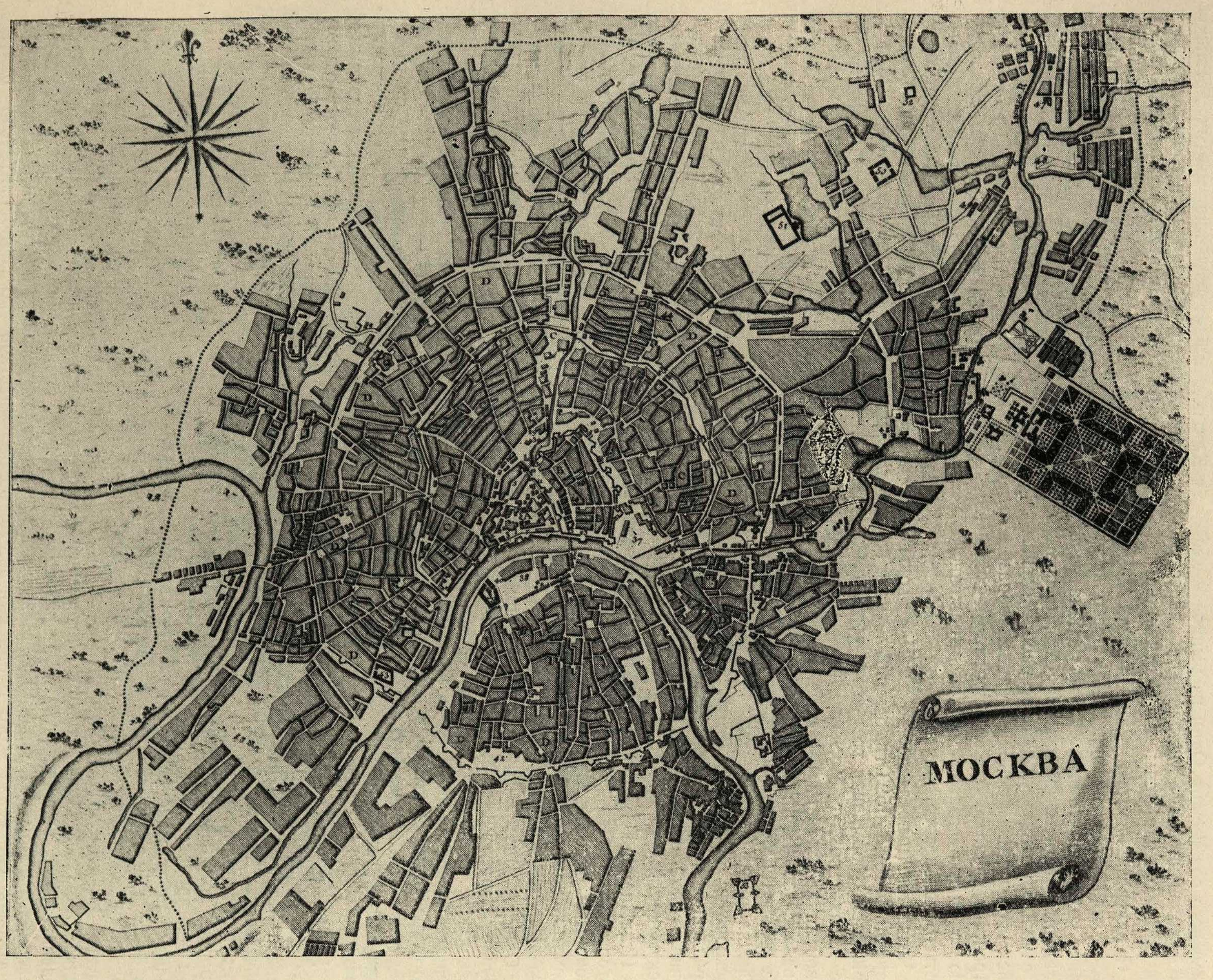


Рис. 105. Москва. План, исполненный под наблюдением архитектора И. Мичурина в 1739 г. (гравюра середины XVIII в.)

кольцевого сообщения. Один из рынков — лесной — виден на плане Мериана близ пересечения Белгородской стены с р. Неглинной.

С внутренней стороны крепостной стены также было оставлено свободное пространство в виде кольцевой улицы, которая играла роль плацдарма защиты, скрытого от взоров врага и служившего для сбора и распределения войск по линии обороны. Таким образом, устройство крепостной стены привело к созданию в плане города четко выраженного третьего кольцевого направления.

Четвертое (и последнее до XVIII в.) кольцо возникло в 1592—1593 гг. одновременно с завершением оформления третьего кольца, когда все посады вокруг Москвы были опоясаны новой линией укреплений, состоявшей из рва и вала с деревянной стеной на нем. На этот раз кольцо окружило город уже на все 360°, включив в охваченную площадь и часть Замоскворечья. С внутренней стороны новой укрепленной линии также прошла кольцевая улица, включившаяся в радиально-концентрическую систему плана.

Итак, четыре кольцевых направления, из которых три были вызваны потребностями обороны и одно, повидимому, потребностями коммуникации, образовали основу концентрической системы плана Москвы.

Однако, как мы знаем по примеру ряда крупных зарубежных городов, наличия даже нескольких крепостных колец еще недостаточно для создания кольцевого плана. Для этого необходимо, чтобы кроме улиц, непосредственно окаймляющих стены, и прочие улицы были подчинены главным направлениям.

Наиболее четко влияние основных кольцевых направлений на формирование других улиц заметно в западном секторе города (от реки Москвы примерно до ул. Дзержинского). Весь широкий пояс между основным ядром города — комплексом Кремля с Китай-городом — и крепостной стеной по Бульварному кольцу разбит в зависимости от ширины пояса на 8—11 рядов кварталов с соответствующим количеством кольцевых улиц. Уже при первом взгляде на план города конца XVI в. (или начала XVII в.) обращает на себя внимание сравнительная правильность этой разбивки, кажущаяся необычной для XVI в. Между тем тщательное сравнение этого плана с первым геодезическим планом Москвы, составленным архитектором Мичуриным в 1739 г. (рис. 105) [9], и с современным планом не оставляет сомнений в правдоподобности такой разбивки.

Как показывает изучение многих древних городов, первоначальная планировка сохраняется в течение ряда веков без принципиальных изменений, если только она сознательно не подвергается преобразованию. Так, Париж сохранил свою средневековую планировку до середины XIX в., когда она претерпела значительное изменение в результате преобразований Османа. Центральная часть Лондона и до сих пор сохранила в основном свой средневековый характер. Центральная часть Неаполя до середины XIX в. сохраняла разбивку, данную греческими колонистами еще в середине I тысячелетия до н. э. Это постоянство городского плана сопровождается, однако, характерным процессом постепенного укрупнения кварталов.

Несомненно, что и в Москве имело место подобное явление, объясняемое тем, что вытеснение слобожан беломестцами в XVII в. из Белого города приводило к увеличению площади дворовых усадеб и вместе с тем к захвату некоторых переулков. Стало быть, только путем добавления некоторых исчезнувших улиц и переулков к современной уличной сети можно получить план, весьма близкий к древнему плану города. Такая попытка и сделана автором на выкопировке из плана Москвы 1912 г. (рис. 106) [10]. Оттененными линиями показаны контуры кварталов, которые существовали в 1912 г., а тонкими — предполагаемые границы кварталов на плане конца XVI — начала XVII вв. Из чертежа видно, что современный план Москвы в рассматриваемой части может быть приведен довольно близко к тому виду, какой он имел на гравюре Мериана (рис. 104), исключительно при помощи расчленения крупных кварталов на более мелкие. Только в одном случае (в углу между Б. Никитской, ныне ул. Герцена, и Тверским бульваром) пришлось несколько изменить направление одного из переулков (Леонтьевского — ныне Станиславского).

Общий характер планировки рассматриваемого сектора в пределах Белого города настолько последователен, настолько подчиняется основным кольцевым направлениям и принципу равномерного деления крупных массивов, что в отличие от других секторов является, повидимому, результатом сознательного «размеривания» территории в связи с отводом участков по приблизительно одним и тем же нормам.

Как было уже сказано, четкую планировку Занеглименья мы впервые встречаем на плане конца XVI в., но о времени ее создания ни

графические, ни текстовые материалы ничего не говорят; об этом можно догадываться только по некоторым данным косвенного характера.

Как известно из летописи, великий князь прислал в 1508 г. в Новгород «своего боярина Бобра, велел ему урядити в Новегороде торги, ряды и улицы размерити по Московски»[11]. В другом варианте летописной записи сказано: «Тою же осене прислал князь великий Василей Иванович в Новгород Василия Бобра оулицы мерити, болши старого оучиниша: 4 сажени шириною; и дворы велики давати людем, и ряды торговые переведе по своему обычаю, не яко прежде было; а от стены не быти двором 40 сажен»[12].

В летописной записи 1531 г. говорится о том, что присланные в Новгород дьяки начали «размеряти Великую улицу от Володимерских ворот прямо в конец и все улицы ис поля в берег прямо»[13].

Сопоставление этих текстов указывает, что уже в начале XVI в. у московских бояр и дьяков был опыт в определенной системе размеривания улиц по прямым линиям. В результате работы московских дьяков в Новгороде была создана на Софийской (и частично на Торговой) стороне стройная система параллельных улиц, шедших от периферии города прямо к берегу Волхова. О прямизне этих улиц можно говорить, конечно, лишь условно, учитывая, что единственным геодезическим инструментом того времени была мерная веревка.

Если мы теперь попытаемся отыскать в плане Москвы следы подобной планировки, представляющей систему приблизительно прямых и параллельных улиц, проложенных на приблизительно равных расстояниях друг от друга, то найдем ее в небольших размерах в Китай-городе и, главным образом, в Занеглименье между р. Неглинной и нынешним Бульварным кольцом. В пределах отдельных секторов между радиальными направлениями улицы (вернее переулки) можно рассматривать как прямые отрезки, но в целом, в результате последовательных небольших изломов при переходе от одного сектора к другому вся система планировки является комплексом кольцевых направлений. Поводом к урегулированию плана Китай-города и Занеглименья могло послужить восстановление этих частей города, непосредственно граничивших с Кремлем, после больших пожаров 1493 и 1501 гг., когда особенно пострадало Занеглименье.

В восточном секторе Белого города, судя по планам XVII в. и по современному плану Москвы, планировка имела характер, типичный

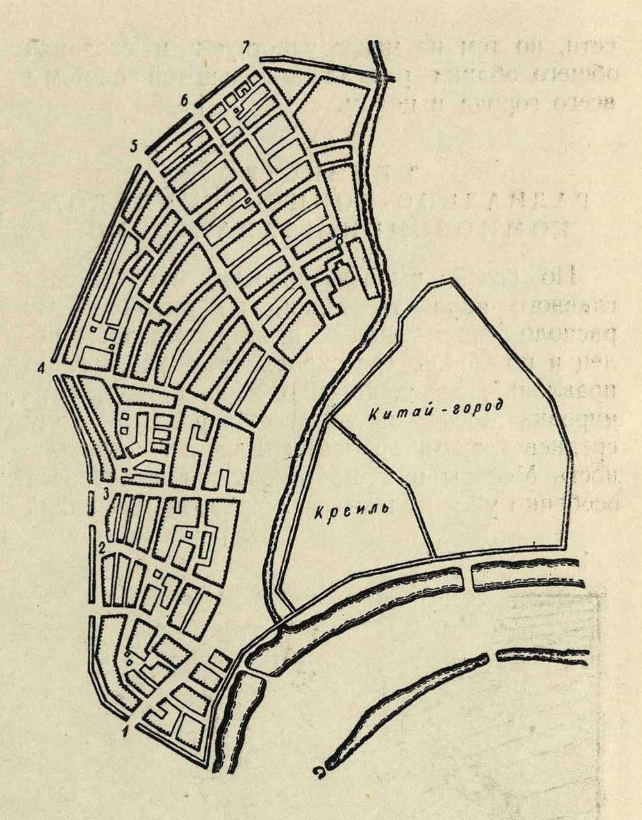


Рис. 106. Москва. Реставрация уличной сети Занеглименья XVII в.

1—Волхонка; *2*—Знаменка; *3*—Воздвиженка; *4*—Б. Никитская; *5*—Тверская; *6*—Б. Дмитровка; *7*—Петровка; *8*—Кузнецкий мост

для медленного и стихийного развития, осложненного к тому же в южной части сектора значительным рельефом.

О планировке Земляного города и Замоскворечья мы можем судить только по планам XVIII в. и прежде всего по плану 1739 г., а также по современному плану Москвы, так как на планах конца XVI и XVII вв. эти районы изображены слишком схематично.

В Земляном городе следы регулярной планировки имеются лишь в двух районах, а именно между Остоженкой и Пречистенкой (ныне Метростроевской и Кропоткинской ул.) и между Стрелецким пер. (ныне Костянским) и Цветным бульваром. Правда, и в ряде других мест Земляного города встречается довольно густая сеть кольцевых улиц и переулков, но без того четко выраженного регулярного характера, которым отличается планировка западного сектора Белого города.

В Замоскворечье заметны только отдельные фрагменты кольцевых направлений, которые также не имеют характера регулярной

сети, но тем не менее участвуют в создании общего облика радиально-кольцевой системы всего города в целом.

3. ЕДИНСТВО РАДИАЛЬНО-КОНЦЕНТРИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ ПЛАНА МОСКВЫ

По своей выразительности, по четкости главного ядра тяготения, по ритмическому расположению главных и второстепенных колец и по ясной трассировке радиальных направлений, доходящих до ядра города, планировка Москвы не имеет себе равных между средневековыми городами Европы. Уникальность Москвы в этом отношении становится особенно убедительной при сравнении ее плана с планами других больших городов Европы приблизительно того же времени.

В своем известном труде по градостроительству Штюббен, приводя характерные примеры радиально-концентрической системы планировки, ставит рядом с планом Москвы и план Парижа, добавляя, однако, что последний получил свое завершение благодаря диагоналям, дополнительно проложенным в старых частях города и планомерно запроектированным в новых [14]. Если же мы обратимся к планам Парижа, составленным до его преобразования, в особенности к планам XVI в., то увидим, что они ничего общего с радиально-концентрической системой не имеют.

Некоторое сходство с планом Москвы можно заметить в планах Милана, Вены, Ам-

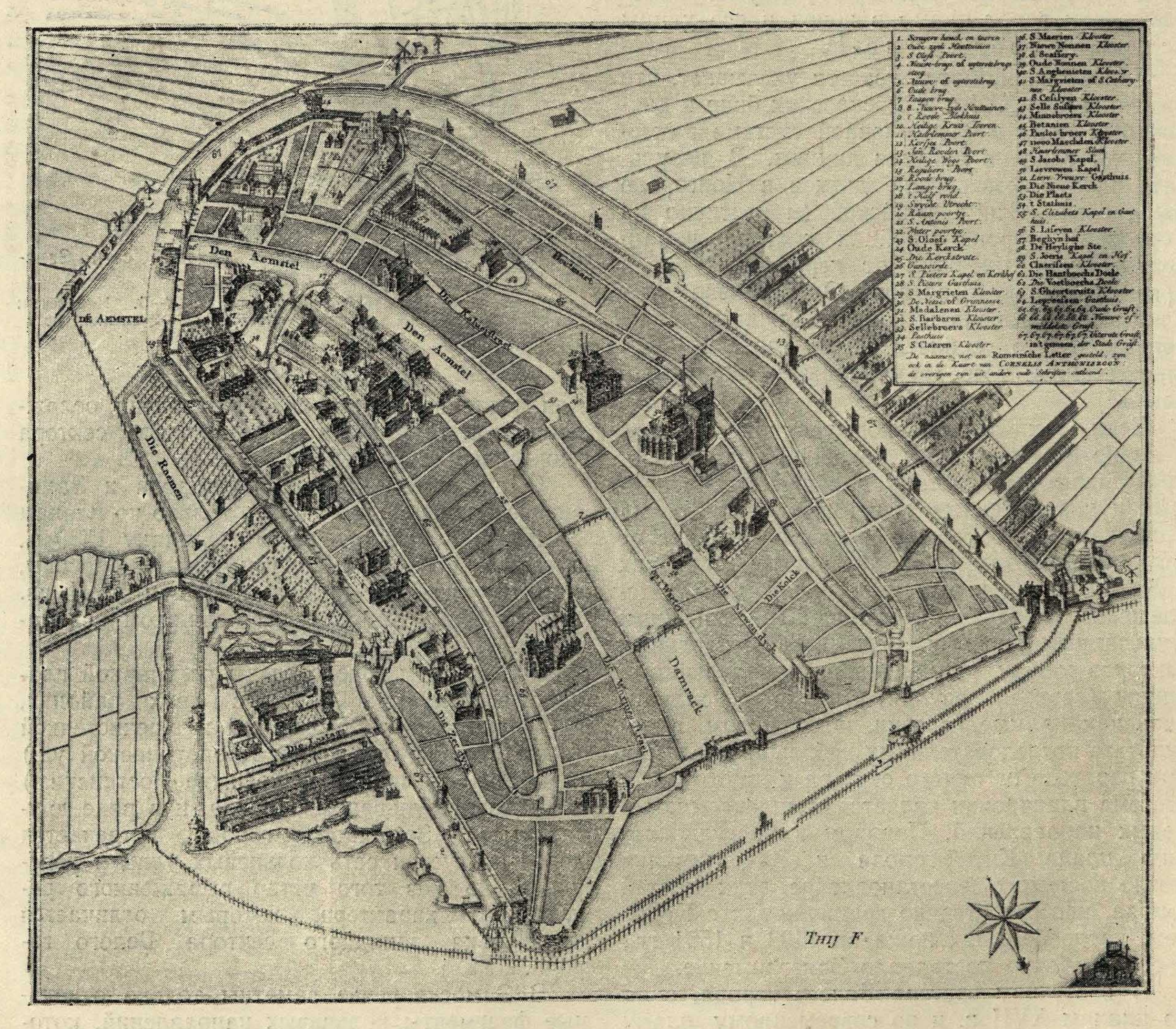


Рис. 107. План г. Амстердама 1544 г.

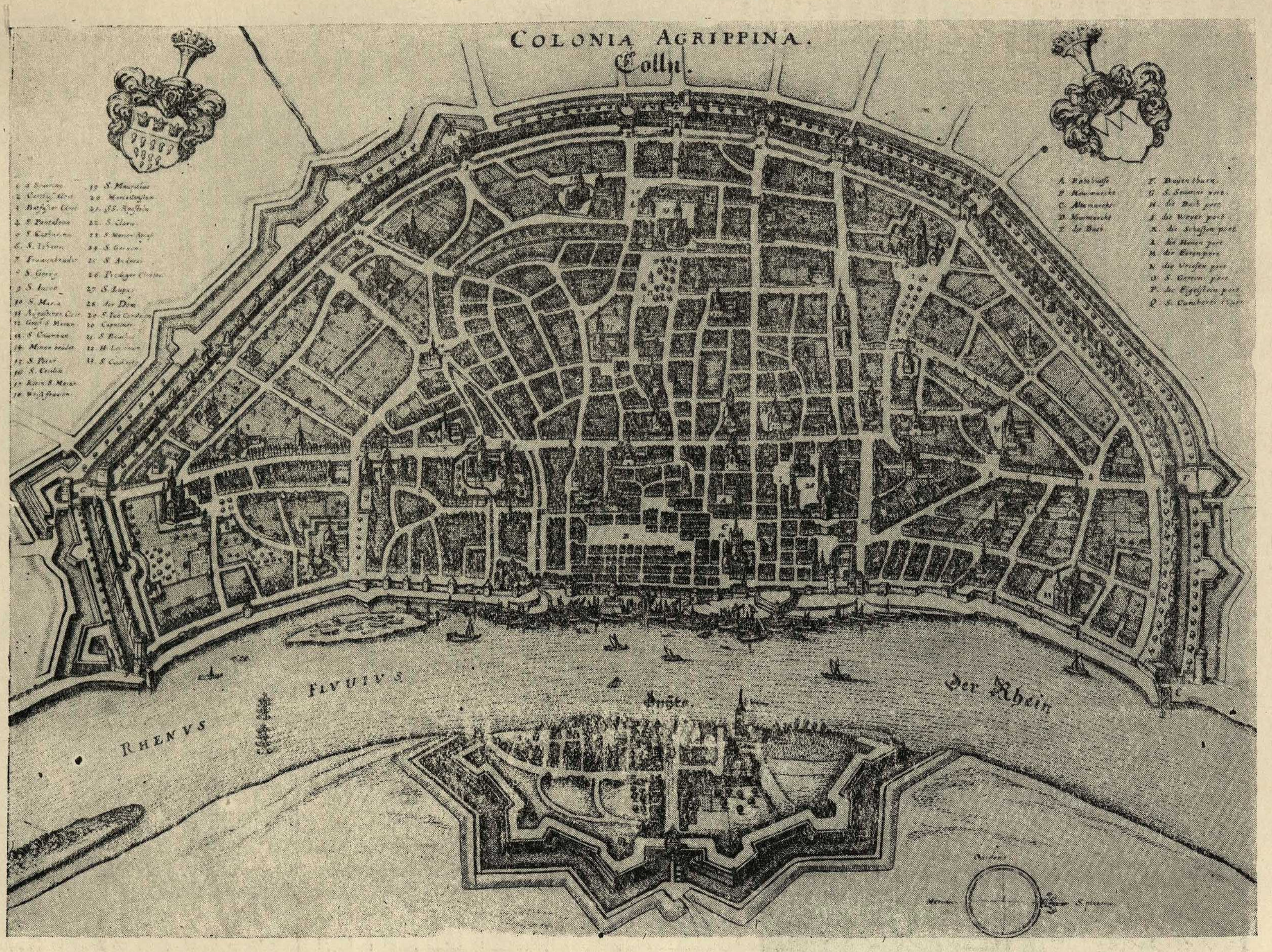


Рис. 108. План г. Кельна середины XVII в.

Рис. 109. План г. Милана 1599 г.

стердама, Кельна. Однако это сходство относится лишь к новым районам указанных городов. В пределах же территории, освоенной до XVII в., сходство с Москвой или полностью отсутствует или весьма незначительно. Как правило, во всех этих и аналогичных зарубежных городах отсутствует ясно выраженное ядро тяготения, связанное с системой главных магистралей. Радиальные направления более или менее четко выражены только на периферии, теряясь по мере приближения к центру. Кольцевые улицы представлены в виде фрагментов, не связанных в единое целое, за исключением укреплений и улиц, идущих по периферии. В Милане (рис. 109) [15], Кельне (рис. 108) [16], Париже планировка центральных районов сложилась под влиянием древнеримской прямоугольно-прямолинейной сети улиц и оказалась чуждой последующим наслоениям. В Амстердаме центральная часть города выросла по примитивной прямоугольно-прямолинейной системе, вытянувшейся вдоль р. Амстель и нескольких параллельных ей каналов (рис. 107) [17].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПЛАНИРОВОЧНЫЕ СИСТЕМЫ НЕЦЕНТРИЧЕСКОГО ТИПА В РУССКОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ

1. ЛИНЕЙНАЯ СИСТЕМА

Наряду с поселениями центрического типа в древней Руси существовало немало таких, в которых общественный центр не служил основным планообразующим элементом. В некоторых из них совершенно не выражена закономерность построения плана. Кварталы разбросаны в беспорядке вокруг укрепленного центра и вообще не образуют какой-либо сети улиц. Кварталы не прилегают плотно друг к другу и разделяют их не улицы, а промежутки совершенно неопределенной формы. В ряде других городов кварталы, хотя и прилегают плотно друг к другу, но сеть улиц, их разделяющая, представляет собой неопределенный узор, лишенный какой-либо правильности. Обе эти группы планов не представляют особого интереса для истории русского градостроительства и потому в дальнейшем не рассматриваются.

Многочисленную группу составляют планы нецентрического типа, в которых в той или иной мере проявлена закономерность их образования. Простейшими из них можно считать планы линейной системы, состоящие из одной или нескольких улиц, вытянутых вдоль какого-либо направляющего элемента. Иногда таким элементом являлась транзитная дорога.

Такой тип поселения получил во французской специальной литературе название «Ville de route», а в немецкой (по отношению к деревням) — «Strassendorf». То и другое название определяет рассматриваемую разновидность линейной системы как «дорожную». Направляющим элементом в старых русских городах и селах чаще всего служили береговые линии рек, ручьев, озер и потому в отличие от «дорожных» следует выделить довольно многочисленную группу планов «прибрежных», как особенно характерных для русских населенных мест линейной системы.

Многие из линейных планов русских городов по своему происхождению представляют собой первую стадию в образовании радиальной системы. Как известно, начальное развитие посада вокруг внутреннего укрепления заключалось в вытягивании застройки от крепости вдоль прилегающих берегов реки (например, в Москве, Муроме, Путивле). Лишь впоследствии осваивалась территория вдоль радиусов, уходящих в «поле», и тогда возникала радиальная система.

В некоторых случаях развитие города останавливалось на первой стадии, в других — топографические условия препятствовали углублению города-посада в «поле». Иногда, наконец, река или озеро представляли для хозяйственной деятельности населения столь жизненно необходимый элемент, что жители неохотно селились на удаленных от них участках.

Во многих городах значительное развитие получали слободы, вытягивавшиеся по линиям дорог от кремля. Если мы представим себе посад, остановившийся в своем развитии на сравнительно небольшой территории, а слободы — вытянувшимися вдоль берега реки или озера на значительную длину, то перед нами окажется план, в основном характеризующий линейную систему. Нередко поэтому в линейных планах мы можем встретить некоторое подобие центрированной сети вблизи кремля.

Таким образом, если линейные планы русских городов и не обнаруживают подчинения главному центру, то, во всяком случае, с ним тесно связаны, и этим органическим единством

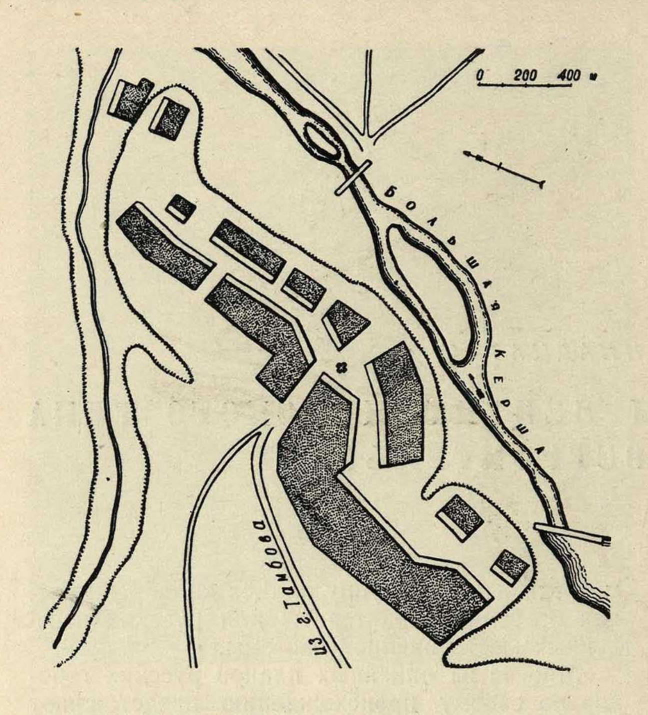


Рис. 110. План с. Пахотный Угол

отличаются от планов зарубежных городов подобного типа.

Линейные планы древних неукрепленных поселений не известны, но для их предположительной характеристики могут быть использованы планы позднейших прибрежных сел, во множестве встречающиеся в межевых атласах второй половины XVIII и начала XIX вв.

Одним из характерных примеров рассматриваемой системы может служить село «Пахотный Угол», основанное в 90-х годах XVII в. и расположенное в 50 *км* к северо-востоку от Тамбова, вдоль левого берега речки Большой Керши (рис. 110) [1]. Бровка береговой террасы этой речки образует прихотливо изогнутую линию. Сельская улица следует ее изгибам, несколько их упрощая. Другой особенностью плана, также вызванной прибрежным расположением, можно считать широкое раскрытие уличного пространства в сторону долины, куда выходят не только несколько переулков, но и несколько площадей. На центральной из них находится церковь. Этот простейший пример хорошо иллюстрирует, как топографические элементы и природный ландшафт получают отражение в композиции плана населенного места и в комплексе живописных ансамблей.

Двухуличная линейная система прибрежного типа представлена на плане села Спасского (позднее г. Спасск Тамбовской губ., а ныне г. Беднодемьяновск Пензенской обл.). Село было основано Спасским монастырем в XVIII в. (вероятно, в первой его половине), однако по характеру своего плана может быть отнесено к типам селений и более раннего периода. На образование плана поселения одновременно оказали влияние тракт из г. Керенска (ныне районный центр Вадинск Пензенской области) в г. Темников, речка Студенец и впадающий в нее ручей (рис. 112) [2]. Первоначально, повидимому, застройка велась по обе стороны тракта, идущего вдоль берега речки Студенца, а в дальнейшем была добавлена еще одна улица с односторонней застройкой вдоль ручья. Таким образом, и для села Спасского характерна связь первой и второй улиц с водными протоками.

Ряд поперечных переулков, идущих от улиц к реке и ручью, не застроен и потому нисколько не нарушает цельности двухуличного линейного плана. Изгиб ручья отразился несколько на трассе ближайшей к нему улицы.

Заслуживает внимания главная площадь треугольной формы с соборной церковью, питейными домами и лавками, расположенная при въезде в селение, где главная дорога разветвляется на две линии. Интересна также маленькая площадка асимметричной формы, врезавшаяся в угол квартала и устроенная в связи с находящимся на ней прудом. Как в общем расположении селения, так и в его деталях, заметно преобладающее влияние водных элементов топографии.

Хороший пример городской двухуличной системы планировки прибрежного типа представлен на плане г. Карсуна (районный центр Ульяновской области, рис. 111) [3]. Возникновение города связано с постройкой в середине XVII в. острога на р. Барыш. Острог правильной прямоугольной формы с шестью башнями был расположен между двумя оврагами, спускающимися в долину реки. К северу от крепости и торговой площади по двум улицам, изгибающимся вдоль бровки коренного берега, раскинулась Стрелецкая слобода; к югу по таким же двум улицам — сначала Пушкарская слобода, а еще далее — Казачья. В сторону от реки застройка не получила развития, и весь город вытянулся в виде двухуличной ленты, примерно, на 2,5 *км*, следуя изгибам реки. В середине, как бы в виде пряжки на поясе, крепко вошла в композицию плана крепость. В каждой из слобод средние кварталы прерываются, чтобы дать место локальным центрам с церквами. Таким образом, несмотря на крайнюю простоту

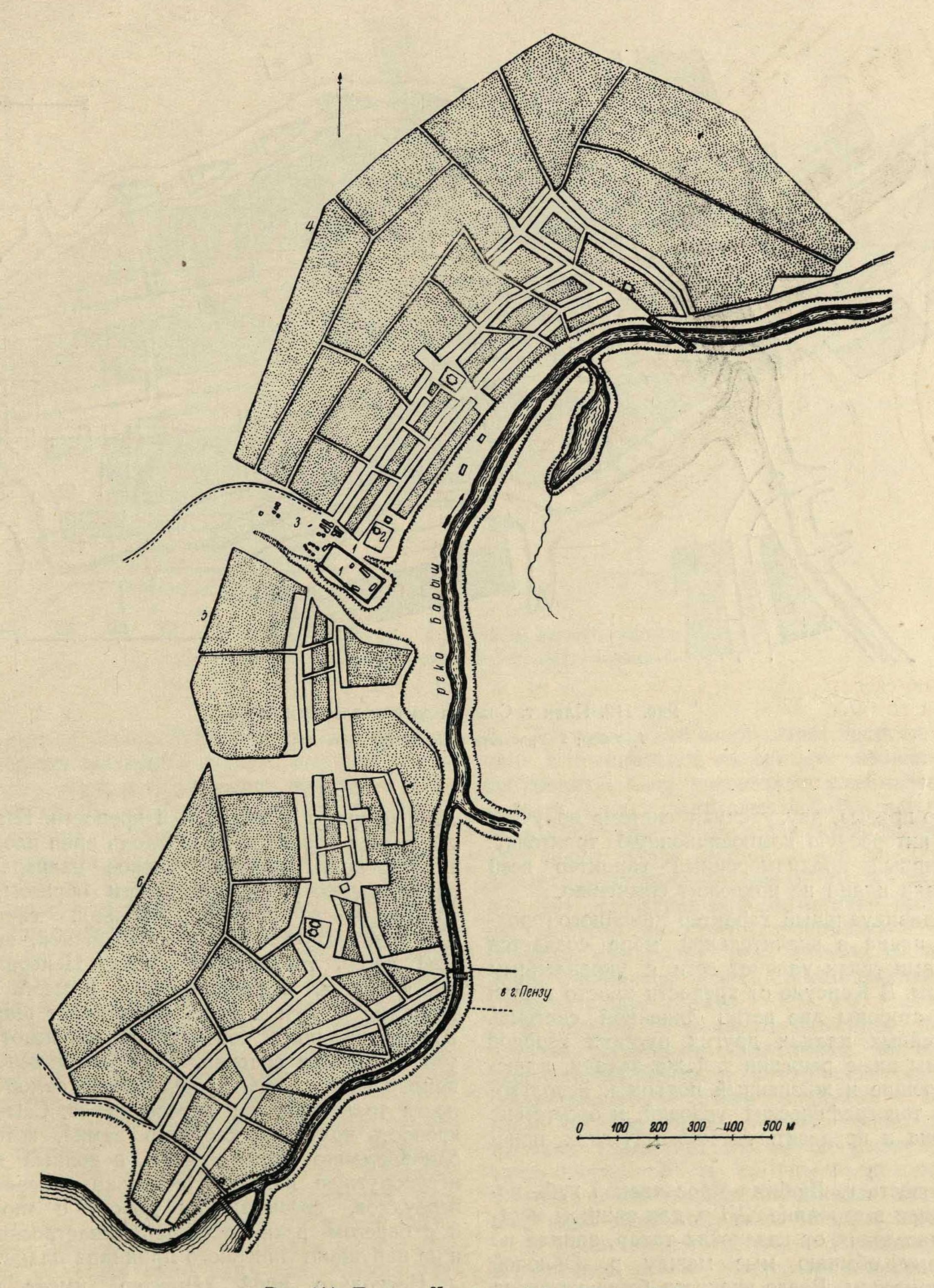


Рис. 111. План г. Карсуна до перепланировки

1—деревянная крепость с шестью башнями; *2*—собор; *3*—торговая площадь; *4*—слобода Стрелецкая; *5*—слобода Пушкарская; *6*—слобода Казачья

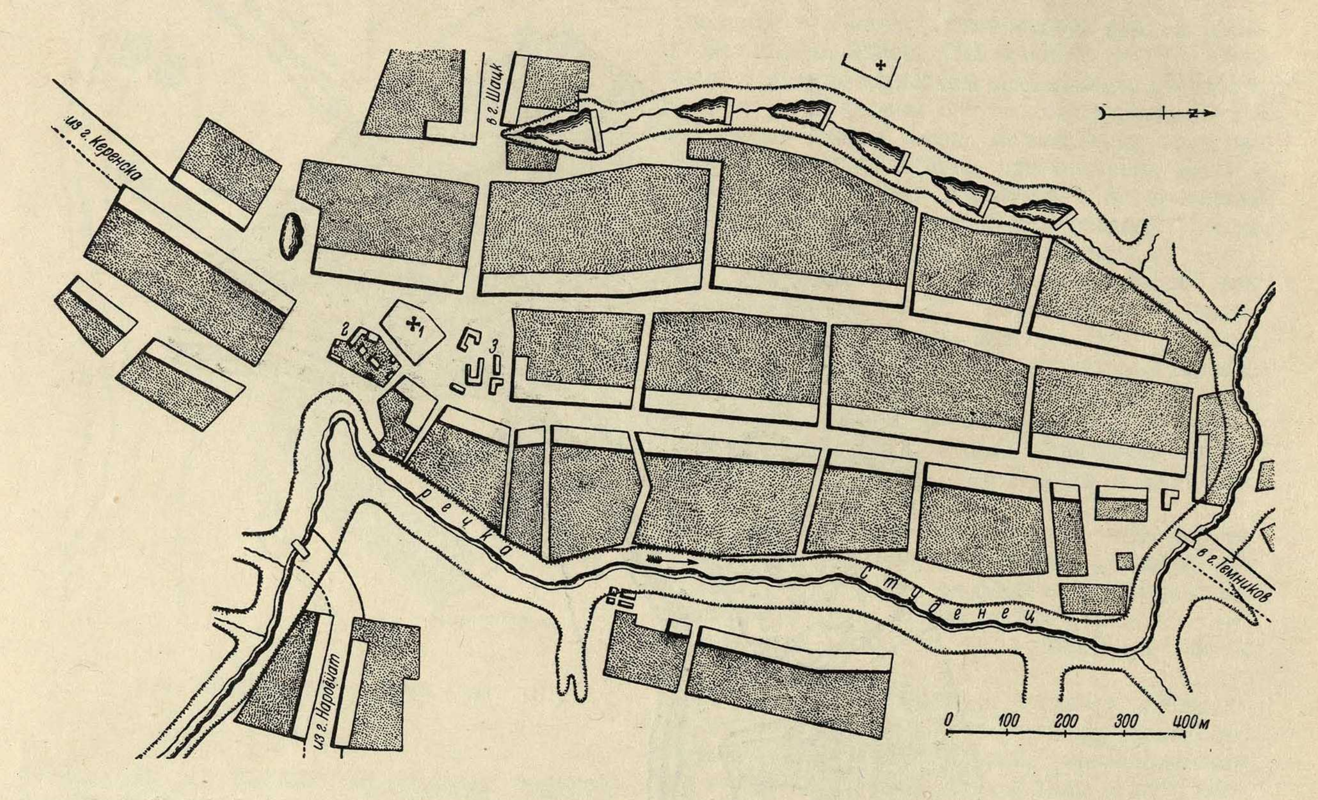


Рис. 112. План г. Спасска до перепланировки

1—собор; *2*—присутственные места; *3*—лавки

самого приема, двухуличная система получила здесь интересную композиционную трактовку. Регулярный, преднамеренный характер всей разбивки плана не подлежит сомнению.

Индивидуальный характер линейного городского плана в значительной мере создается приемами связи уличной сети с укрепленным центром. В Карсуне от крепости просто пошли в обе стороны две ветви линейной системы. В линейных планах других русских городов найдены иные решения той же задачи, иллюстрирующие и жизненный подход к использованию топографических условий, и отсутствие шаблона и предвзятых геометрических приемов.

Крепость г. Любима Ярославской губ., построенная в середине XVI в. для защиты местного населения от казанских татар, заняла по древнему обычаю мыс между р. Обнорой и ее притоком. Возле крепости была устроена торговая площадь, и таким образом возникло основное ядро города (рис. 113) [4]. Дорога из г. Данилова Ярославской губ., не доходя на некоторое расстояние до центра г. Любима, слилась с дорогой из Пошехонья и получила ответвление под углом примерно 20°, направленное прямо к площади и крепости. Главная же трасса дороги прошла вдоль края площади и у крепости получила новое направление, параллельное р. Обноре. Таким образом, мы имеем здесь пример линейной системы, частично одноуличной и двухуличной, выросшей вдоль транзитной дороги. Центральное ядро города, расположившись в месте примыкания дороги к реке, напоминает шарнир, вокруг которого повернулась на некоторый угол линейная система. При этом основное направление дороги прошло возле самой крепости транзитом, не пересекая ее. Сама же крепость получила характер замка́, который одновременно мог запереть и водный путь, и сухопутную дорогу. Несколько поперечных переулков, связывающих дорогу с «полем» и с берегом реки, остались незастроенными и не нарушают линейного принципа плана.

Несколько иной характер имеет план г. Юрьева-Польского, находившегося в аналогичных топографических условиях (см. рис. 22). Детинец Юрьева-Польского, построенный в 1152 г., занял место на крутом повороте р. Колокши. От него пошли три дороги в разные стороны: на Владимир, на Александров

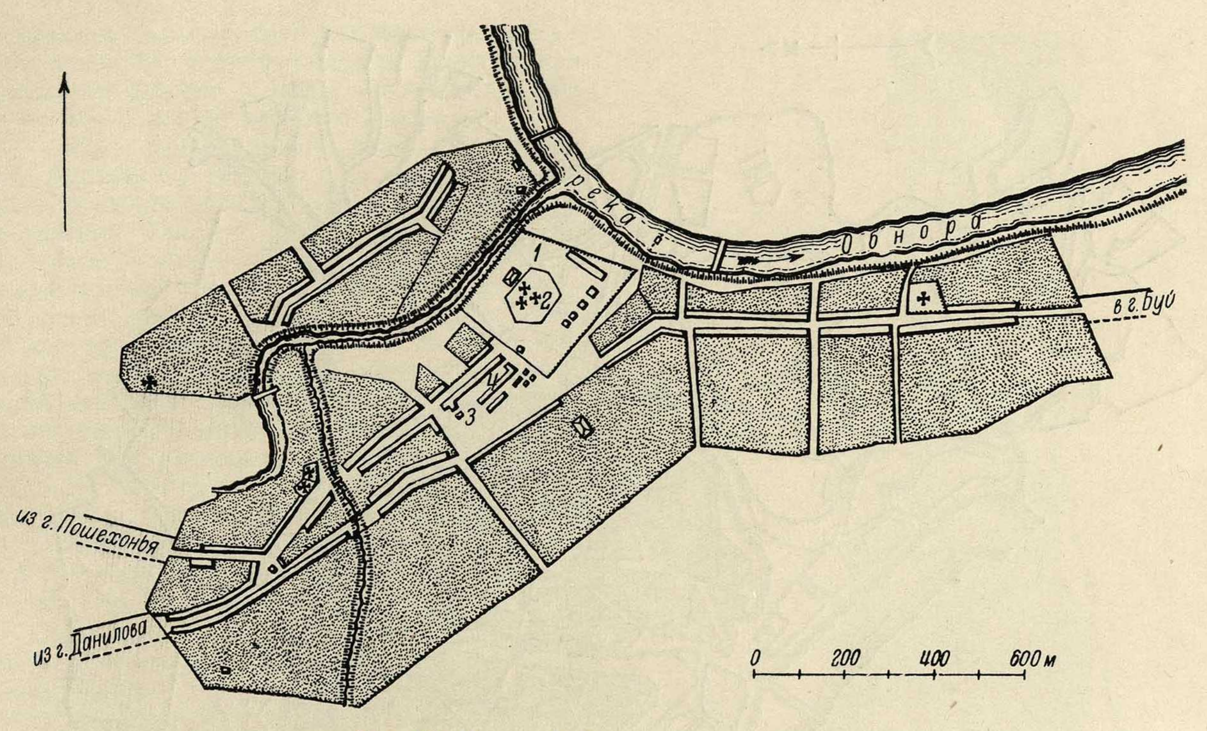


Рис. 113. План г. Любима до перепланировки
1—земляная крепость; *2*—собор; *3*—народное училище; *4*—лавки

и на Ростов. Застройка, однако, вытянулась лишь вдоль последней дороги, шедшей рядом с берегом реки, и план посада получил характер линейной системы, вначале, вероятно, одноуличной, а затем двухуличной с тенденцией перехода к трехуличной. Детинец прочно устроился в развилке дорог, как жолудь в чашечке, контролируя путь по реке и по всем трем дорогам. Вторая линия, ответвившаяся от главной дороги на Ростов, проходит через детинец по диаметру и разветвляется так же, как и главная дорога, на два направления. Таким образом, общая система дорог повторяется в детинце как бы в миниатюре. Общая схема плана еще лучше выражена на чертеже начала XVIII в. (см. рис. 21).

Своеобразную трактовку получила линейная система в плане одного из древнейших городов — г. Владимира на Клязьме (рис. 114) [5]. Через все три укрепленных района города, расположенного на узком водоразделе между рекой Клязьмой и речкой Лыбедью, проходит лишь одна центральная улица, выходящая в окрестности в виде дороги, которая связывает Владимир с Москвой и Нижним Новгородом. Под разными углами к этому центральному «хребту» присоединяются, как ребра, поперечные улицы. Аналогичные системы планировки, встречающиеся и в средневековых зарубежных городах, получили в специальной литературе наименование ребристых [6]. Сеть поперечных улиц сгущается больше всего в центральной части — в городе Мономаха. При входе в эту часть у Ивановских ворот, и при выходе из нее, у Торговых ворот (расположение ворот см. на схеме — рис. 19), к центральной магистрали присоединяется несколько лучевых направлений. Таким образом, уже сразу, при первом взгляде на план, становится ясным расположение центрального ядра города.

В отличие от ранее приведенных планов, главная магистраль Владимира не обходит укрепленный центр, а непосредственно пересекает его и тем самым связывает с остальными частями города. Общий характер планировки Владимира еще лучше виден на чертеже начала XVIII в., где прекрасно чувствуется роль «города Мономаха» как главного ядра всего комплекса (см. рис. 20).

В проектированном плане Владимира, утвержденном в 1781 г., утеряно единство древнего расположения. Отдельные части города разбиты по прямоугольно-прямолинейной системе, но с самостоятельными и не соподчиненными центрами и с различной ориентацией координатных осей. Общая композиционная ось, роль которой так четко исполняла

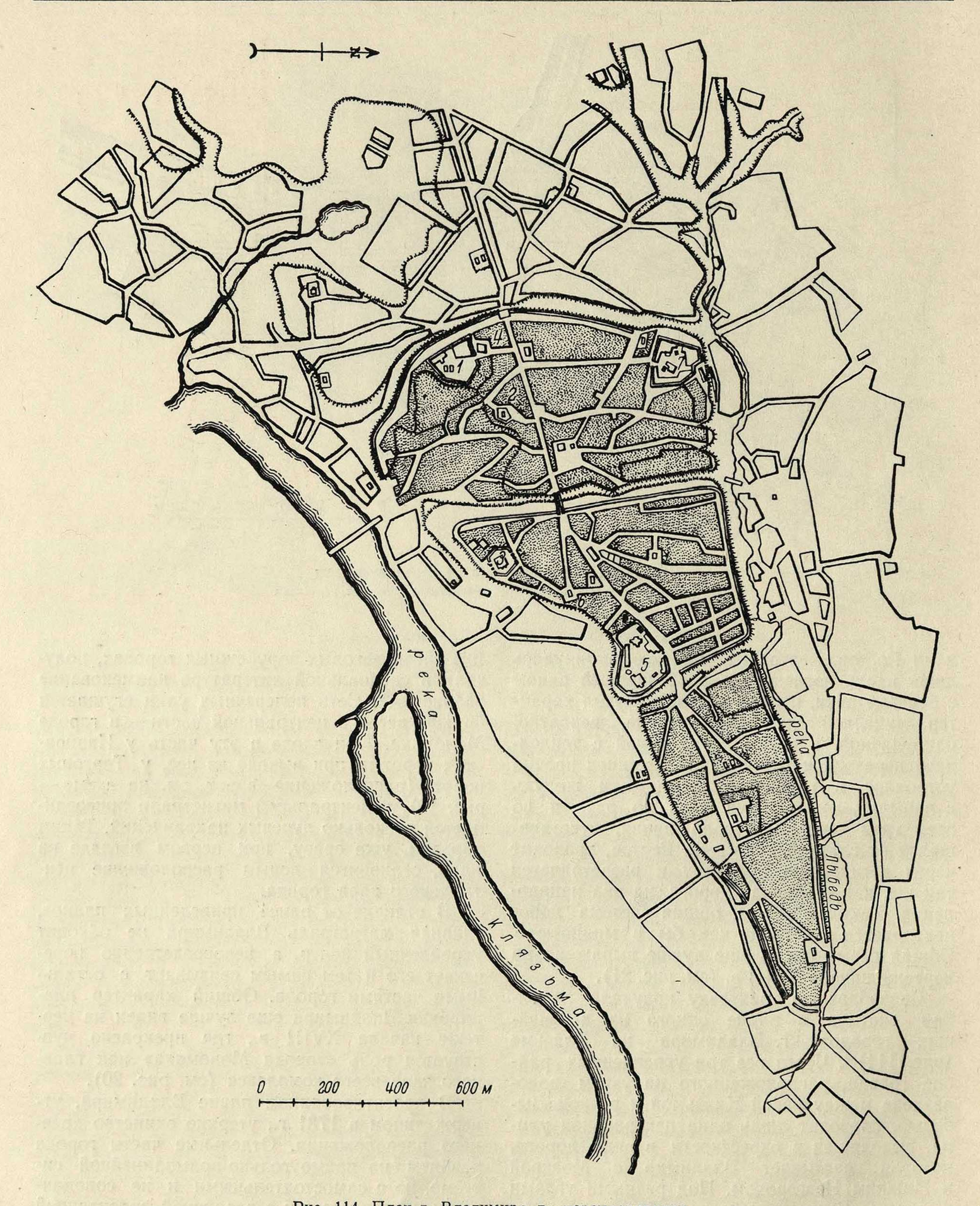


Рис. 114. План г. Владимира до перепланировки

1—ц. Спаса; 2—ц. Георгия; 3—Успенский собор; 4—Золотые ворота; 5—Рождественский м. монастырь; 6—Дмитриевский собор; 7—Успенский д. монастырь

в древнем плане центральная магистраль, в новом плане отсутствует. Лишь по группе сохранившихся соборов и монастырей можно догадываться о центре древнего города [7].

Особую разновидность линейной системы мы встречаем в планах, в которых количество улиц увеличивается по пути от одного края к другому. Так, в г. Галиче Костромской обл. (впервые упоминается в 1-й половине XIII в.), расположенном на берегу озера Галицкого, от Старого городища к северу вытянулась одна улица вдоль берега. К югу от того же городища продолжение этой улицы несколько отклоняется от берега, пролегая посередине более широкой прибрежной террасы, и принимает ряд поперечных ответвлений. Пройдя большую торговую площадь, главная улица пересекает прямо посередине трапецевидную земляную крепость и разветвляется при этом на пять приблизительно параллельных линий (рис. 115) [8].

Увеличение числа параллельных улиц в Галиче явно вызвано развитием города по направлению расширяющейся прибрежной террасы и расположением в самом широком месте ее нового укрепленного центра. Отношение магистрали к ядру города проявилось в двух вариантах: у Старого городища она лишь касается его края, а в новой части города решительно пересекает площадь и крепость наподобие того, как это мы видели в плане Владимира. Общий характер своего древнего плана Галич сохранил и после перепланировки, утвержденной в 1781 г. [9].

В плане г. Бежецка Калининской обл. мы имеем пример весьма постепенного нарастания числа улиц от одного края к другому (рис. 116) [10]. Бежецкая крепость, впервые упоминаемая в 1137 г., была построена на правом берегу р. Мологи у впадения в нее глубокого ручья. Таким образом, крепость с двух сторон получила естественную защиту, а с двух других сторон была ограждена рвами. Р. Молога играла в древности важную роль в сети водных сообщений. Кроме того, возле крепости прошла сухопутная дорога из г. Кашина в г. Красный Холм, которая и явилась направляющей в развитии бежецкого посада.

В южной части плана имеется лишь одна улица, продолжающая дорогу из г. Кашина, но, уже начиная со второго квартала, параллельно ей появляются две дополнительные улицы. Через два квартала появляется еще одна долевая улица, а около крепости общее количество параллельных улиц достигает шести. Главная дорога подходит к треугольной торговой площади и отсюда несколько отклоняется от реки, направляясь далее в г. Крас-

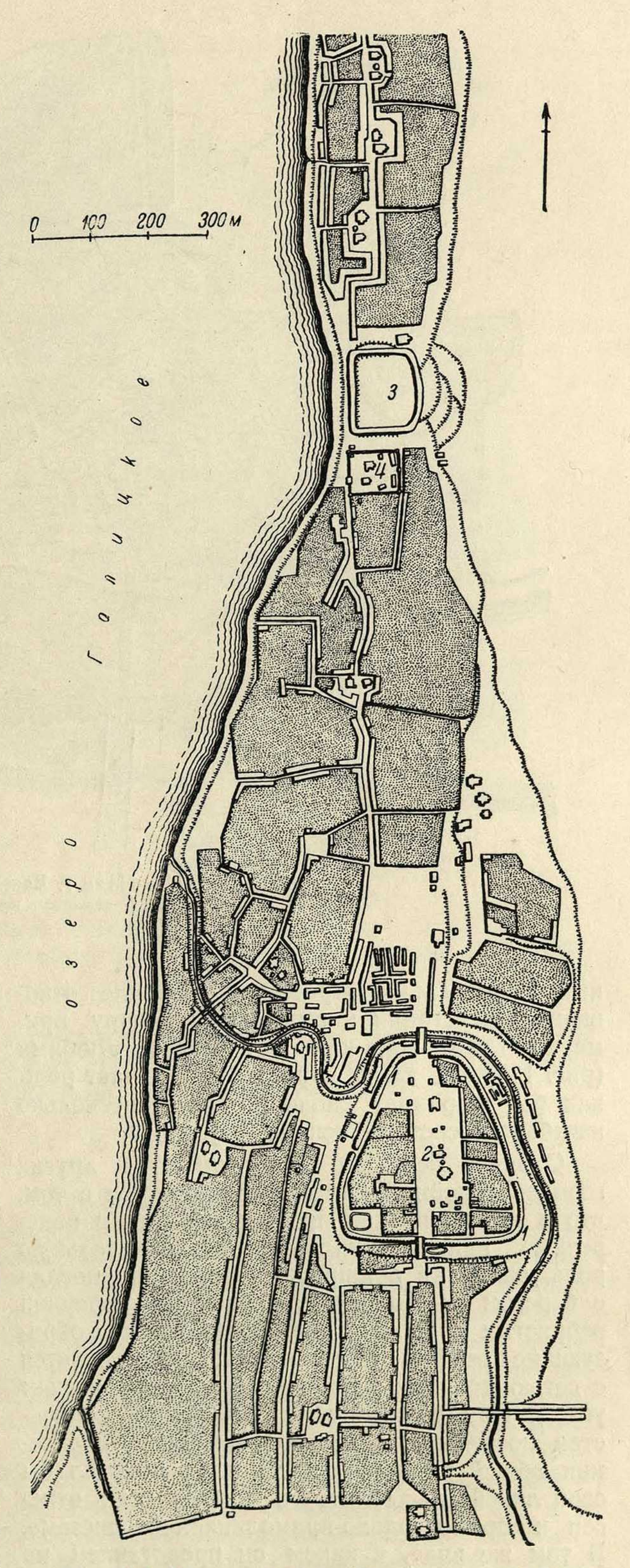


Рис. 115. План г. Галича (Костромского) 1780 г.
1—новый земляной вал; 2—собор; 3—старое городище; 4—ж. монастырь

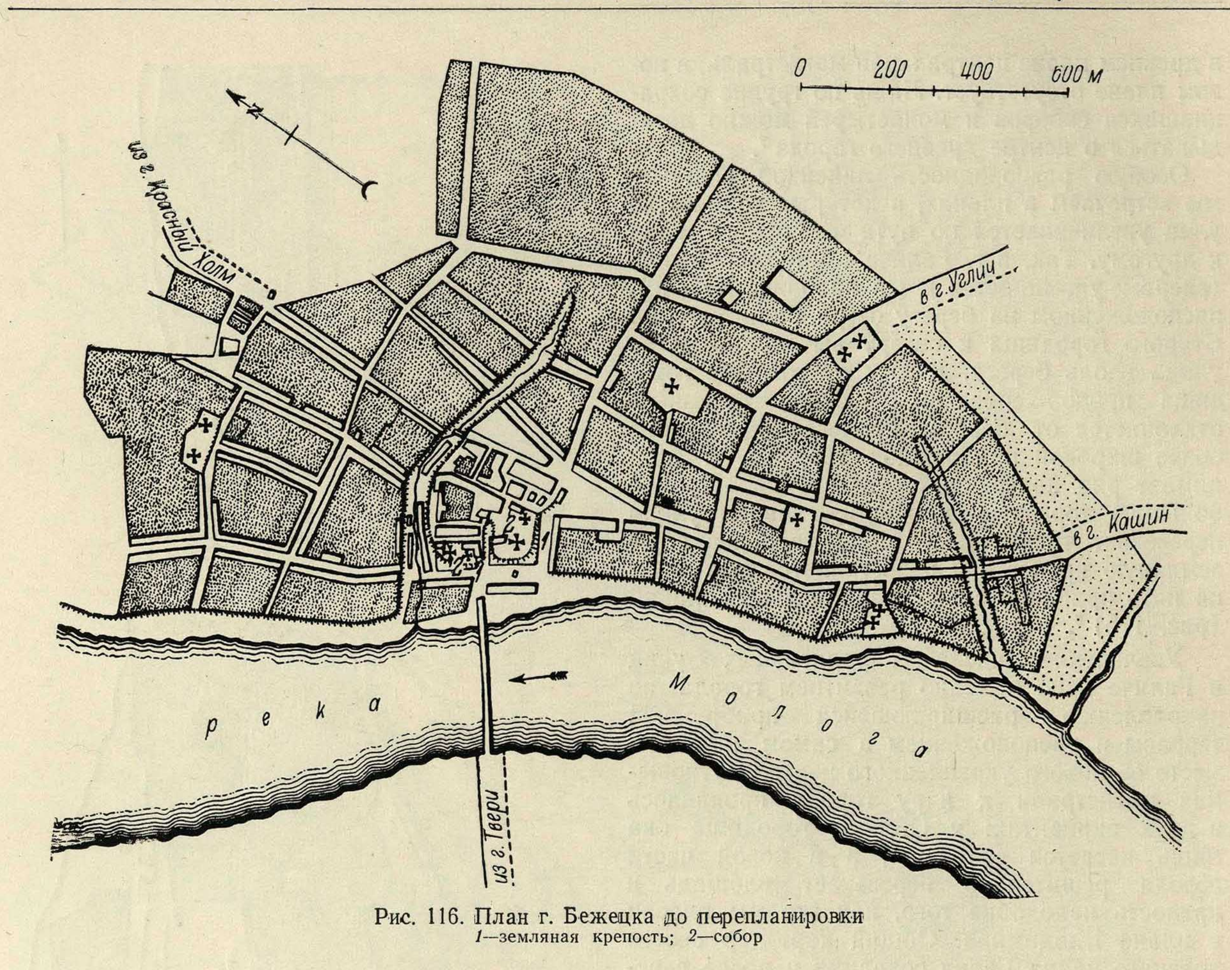


Рис. 116. План г. Бежецка до перепланировки
1—земляная крепость; *2*—собор

ный Холм. Таким образом, в Бежецке отношение магистрали к городскому центру примерно такое же, как в плане г. Любима (рис. 113). И здесь ядро города играет роль как бы шарнира, около которого несколько изгибается система основных улиц.

Отличие Бежецка от большинства других городов линейной системы заключается в том, что в его плане как продольные, так и поперечные направления играют значительную роль, связывая обширную территорию посада с берегом р. Мологи. Это уже не переулки ребристых планов, а настоящие улицы, образующие особую сеть, которая пересекается с сетью долевых улиц примерно под прямым углом. При дальнейшем увеличении количества последних, а следовательно, и увеличении общей ширины города план потерял бы свой линейный характер и мог бы быть отнесен к прямоугольно-прямолинейной системе. В том же виде, в каком он представлен на рис. 116, он может считаться переходным от одной системы к другой. Под прямоугольной решеткой проектированного плана, утвержденного в 1777 г., совершенно исчезла исторически сложившаяся топография Бежецка. Только большая квадратная площадь свидетельствует о местоположении древнего центра города [11].

В некоторых городах линейной системы улицы, сопровождающие главное направление, отклоняются от него под более или менее острым углом и таким образом составляют входящий в город пучок лучей.

Четкий трехлучевой пучок возник вдоль главной дороги, подходящей с востока к г. Коломне. Центральный луч этого пучка пересекает овальный кремль по его большому диаметру, боковые — идут примерно по направлению касательных к овалу крепостной стены (рис. 117) [12].

Развитие вдоль ясно выраженного трезубца получил план г. Суздаля. От крепости, построенной в XI в. в излучине р. Каменки, во все стороны потянулся пучок радиальных улиц посада, главным образом, на левом (восточном) берегу реки (рис. 118) [13]. В начале XIII в. посад с восточной стороны кремля

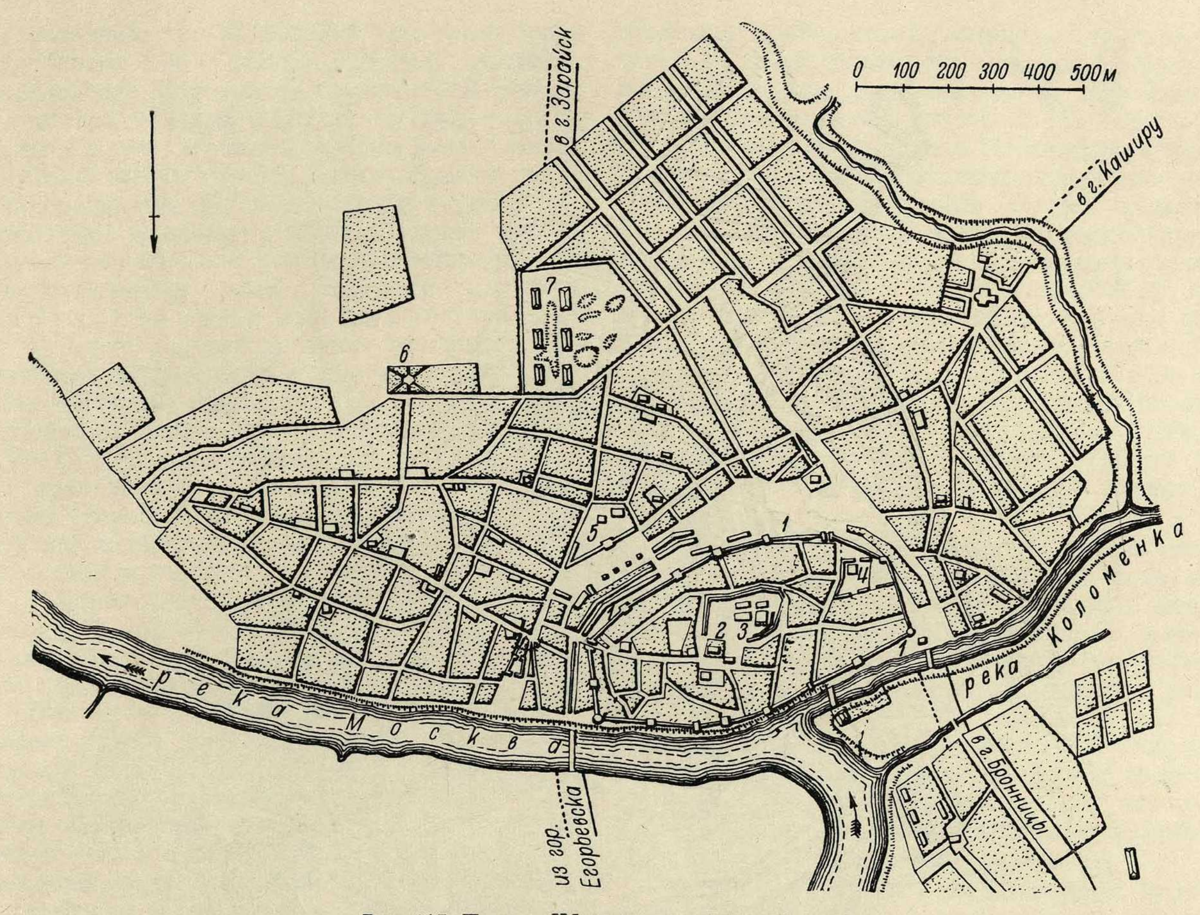


Рис. 117. План г. Коломны до перепланировки

1—каменная крепость; 2—собор; 3—архиерейский дом; 4—Успенский монастырь; 5—Спасский монастырь; 6—сад; 7—кирпичный завод

был окружен острогом и весь комплекс в целом получил типичный радиальный план древнерусского города. Дальнейшее развитие, однако, пошло несколько иначе. Посад за пределами острога распространился преимущественно вдоль дороги на север, на соединение с дорогой к Юрьеву-Польскому. В юго-западном направлении город получил лишь незначительное развитие по дороге на Владимир. Таким образом, в основном город вытянулся вдоль дороги из Юрьева-Польского, проходящей через весь посад, сквозь кремль и через мост направляющейся на Владимир.

Почти у самого входа этой магистрали в город от нее ответвляются симметрично в обе стороны (примерно под углом в 30°) два направления: западное — вдоль берега Каменки, и восточное — на Васильевский монастырь. Оба направления к югу опять симметрично сближаются и входят на площадь острога перед самым кремлем. О древности центральной магистрали можно судить по монастырям, расположенным на ней: Ризположенскому (XIII в), Троицкому (XIII в.) и Спасо-Евфимиевскому (XIV в.).

2. РЯДОВАЯ СИСТЕМА

В русских городах до XVIII в. передвижение населения обусловливалось, главным образом, тяготением к кремлю, торговой площади перед ним, к набережным судоходных рек, иногда к отдельным точкам города, как, например, к монастырям, к местам входа в город внешних дорог и т. п. Внутренние же связи между отдельными жилыми районами, повидимому, были развиты слабо. Поэтому для внутригородской коммуникации не требовалось системы улиц, облегчающей сообщение между любыми точками города, как это необходимо в современном городе. Поэтому же, когда для отвода дворовых усадеб стандартных размеров устраивались кварталы равномерной ширины, оказывалось достаточным проводить параллельные улицы лишь в одном

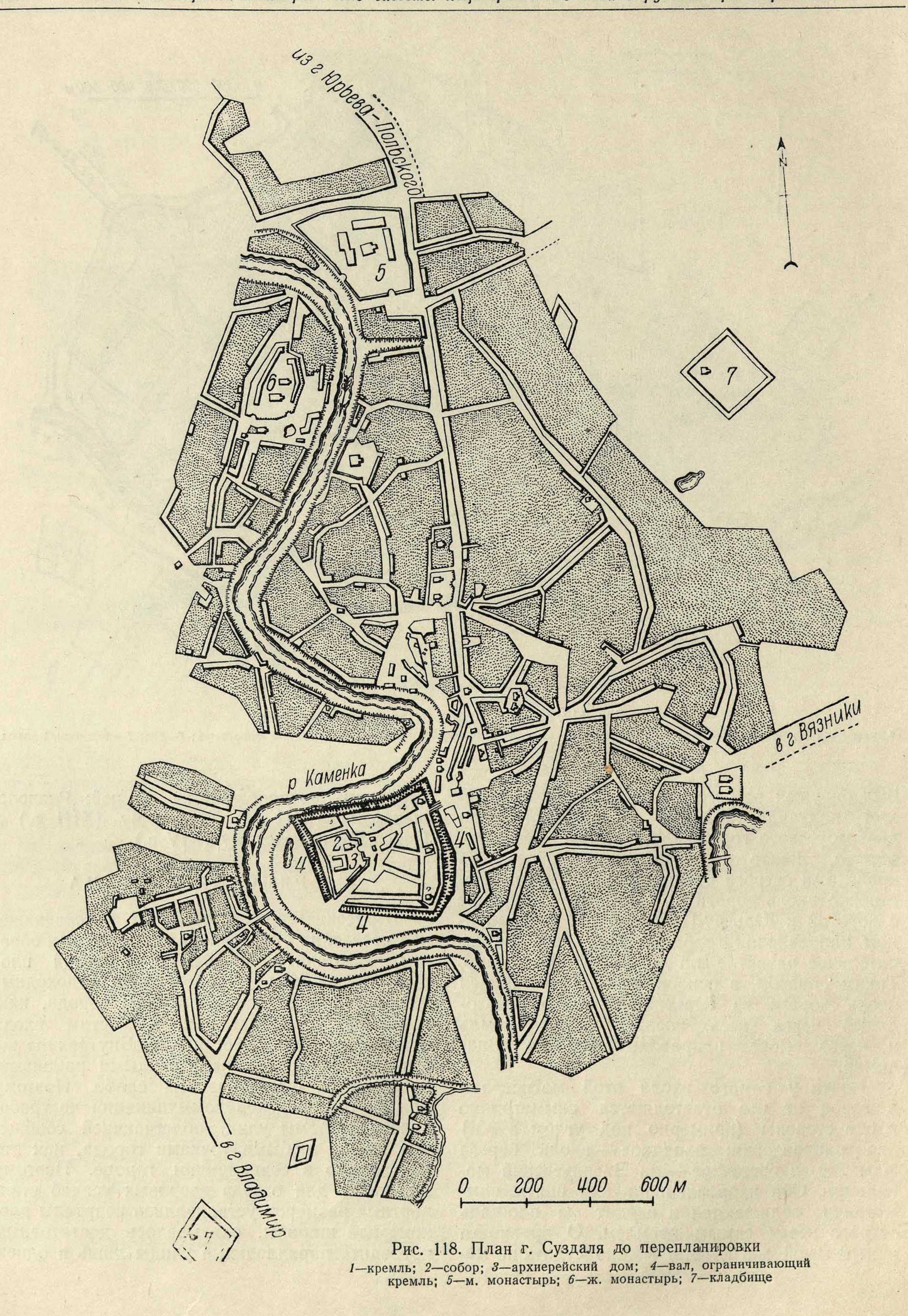


Рис. 118. План г. Суздаля до перепланировки

1—кремль; *2*—собор; *3*—архиерейский дом; *4*—вал, ограничивающий кремль; *5*—м. монастырь; *6*—ж. монастырь; *7*—кладбище

направлении, в поперечной же сети улиц надобности не было. Иногда основное направление диктовалось тяготением к кремлю и торговой площади, в других случаях — стремлением к реке, игравшей важную роль в хозяйственной жизни города. Таким образом появлялись системы параллельных улиц одного направления с крайне слабой, а иногда просто случайной связью в поперечном направлении. Такие системы улиц условимся называть параллельными или рядовыми.

Подобие рядовой системы, вероятно, применялось в древности и при устройстве сельских общинных поселений. Во всяком случае, материалы, касающиеся общинных поселков XV—XVI вв., свидетельствуют об устройстве их правильными рядами[14]. Особенно характерно расположение правильными рядами лавок как в торговых селах, так и на торговых площадях в городах.

Рядовая планировка применялась в русском градостроительстве в тех случаях, когда необходимо было сразу разместить значительное количество каких-либо объектов.

Примером рядовой системы в масштабе целого города является описанный уже план города Острогожска (см. рис. 51). Рядовая система здесь обусловлена несомненно тяготением к реке, вследствие чего и направление рядов пошло к берегу. Возможно, что расположение рядов от реки к периферийному укреплению имело целью также обеспечить быструю переброску защитников к линии обороны. Достаточная связь всех рядов между собой и с внутренней крепостью достигалась при помощи одной продольной дороги и нескольких, случайно расположенных отрезков того же направления. Пример рядовой системы, но направленной к внутренней цитадели, дает план г. Сызрани (см. рис. 63). В нем ряды застройки вытянулись вдоль мыса к площади перед кремлем, которая по своей длине равна общей ширине всех кварталов посада. И в Острогожске, и в Сызрани рядовая система была создана в результате преднамеренно составленной схемы, так как нельзя себе представить, чтобы столь стройная система улиц могла сложиться в порядке стихийной застройки.

Несколько более сложный процесс формирования рядовой системы можно проследить в планах Новгорода Великого, где она явилась, повидимому, результатом переустройства стихийно сложившейся старой сети улиц. В планах его, которые дошли до нас от XVIII в., в частности, в плане 1756 г. (рис. 119) [15], обращают на себя внимание в некоторых частях города ряды узких кварталов, вытянутых перпендикулярно береговой линии по направлению к внешним стенам. На Софийской стороне такие кварталы расположены в Неревском конце и частично в Гончарском. На Торговой стороне они расположены в Плотницком конце и в Славенском — от Федоровского ручья до Ильинской Большой улицы. Только в Загородском конце имеется намек на радиальную систему, да в южной части Славенского конца основу уличной сети образует входящий пучок лучей. Вместе с тем, некоторые кварталы по обоим берегам Волхова выделяются своей значительной величиной, не вяжущейся с общим характером планировки, в особенности вдоль правого берега. Кроме того, система узких кварталов, отходящая от берега, теряется в больших пустырях, не доходя до границы города.

В середине прошлого века И. Красов сделал попытку разобраться в древней топографии Новгорода Великого на основании летописных сведений, некоторых архивных материалов и плана 1756 г. Пользуясь его работой [16], можно установить, во-первых, что ряд улиц, показанных на плане (рис. 119) в виде коротких отрезков, в древности тянулся от реки до самого «деревянного города»; во-вторых, — что широкие кварталы между некоторыми улицами делились исчезнувшими впоследствии улицами на более узкие.

В настоящее время план Новгорода Великого может быть прокорректирован значительно полнее благодаря опубликованной В. Майковым «Книге писцовой по Новгороду Великому конца XVI в.» [17]. Ввиду того, что перепись производилась в определенном порядке, по ней нетрудно установить пропущенные на плане улицы. Кроме того, пользуясь данными переписи, можно во многих случаях определить начало и конец улицы, а также контролировать направление старых улиц расположением церквей, упоминаемых в «книге» и сохранившихся до середины XVIII в.

Опыт такой корректуры плана представлен на рис. 120. В качестве топографической основы был взят план 1778 г. в масштабе 50 саж. в дюйме, как наиболее точный и подробный из всех планов, составленных до переустройства города [18]. Целью корректуры было не восстановление плана древнего Новгорода, для чего, конечно, необходимы были бы специальные археологические исследования, а лишь выяснение общего характера планировки его до изменений, происшедших, главным образом, в XVIII в. В результате проделанной работы можно с достаточным основанием утверждать, что в конце XVI в. общая система планировки Новгорода Великого в большей

Рис. 119. Новгород. План 1756 г.

его части имела ясно выраженный рядовой характер. Все улицы этой системы явно тяготели к берегу, параллельно которому с каждой стороны только одна улица пересекала город по всей его длине. В отдельных частях города (например, между Большой улицей и берегом в Неревском конце) планировка приближалась к прямоугольно-прямолинейной системе, как это подтверждается «Планом части Новгорода Великого конца XVII века», опубликованным Б. Д. Грековым (рис. 121) [19].

Этот план охватывает южный участок Неревского конца. Сверху показана стена, идущая по берегу Волхова, а справа — ручей и стена, отделяющие участок от детинца.

Относительная равномерность и правильность разбивки кварталов на значительной территории города вызывает предположение о преднамеренном происхождении планировки. Весьма вероятно, что она явилась результатом деятельности тех московских дьяков, которым в начале XVI в. было поручено после большого пожара в Новгороде Великом размерить улицы «по-московски» из поля прямо в берег (см. стр. 145). Следует отметить некоторое противоречие между общей овальной формой города и его ядра, с одной стороны, и преобладающей рядовой системой планировки — с другой. В этом отношении проект переустройства Новгорода Великого, утвержденный в 1778 г., правильнее решает планировку Софийской стороны, подчеркивая яснее роль центрального элемента города радиально-кольцевой сетью улиц [20].

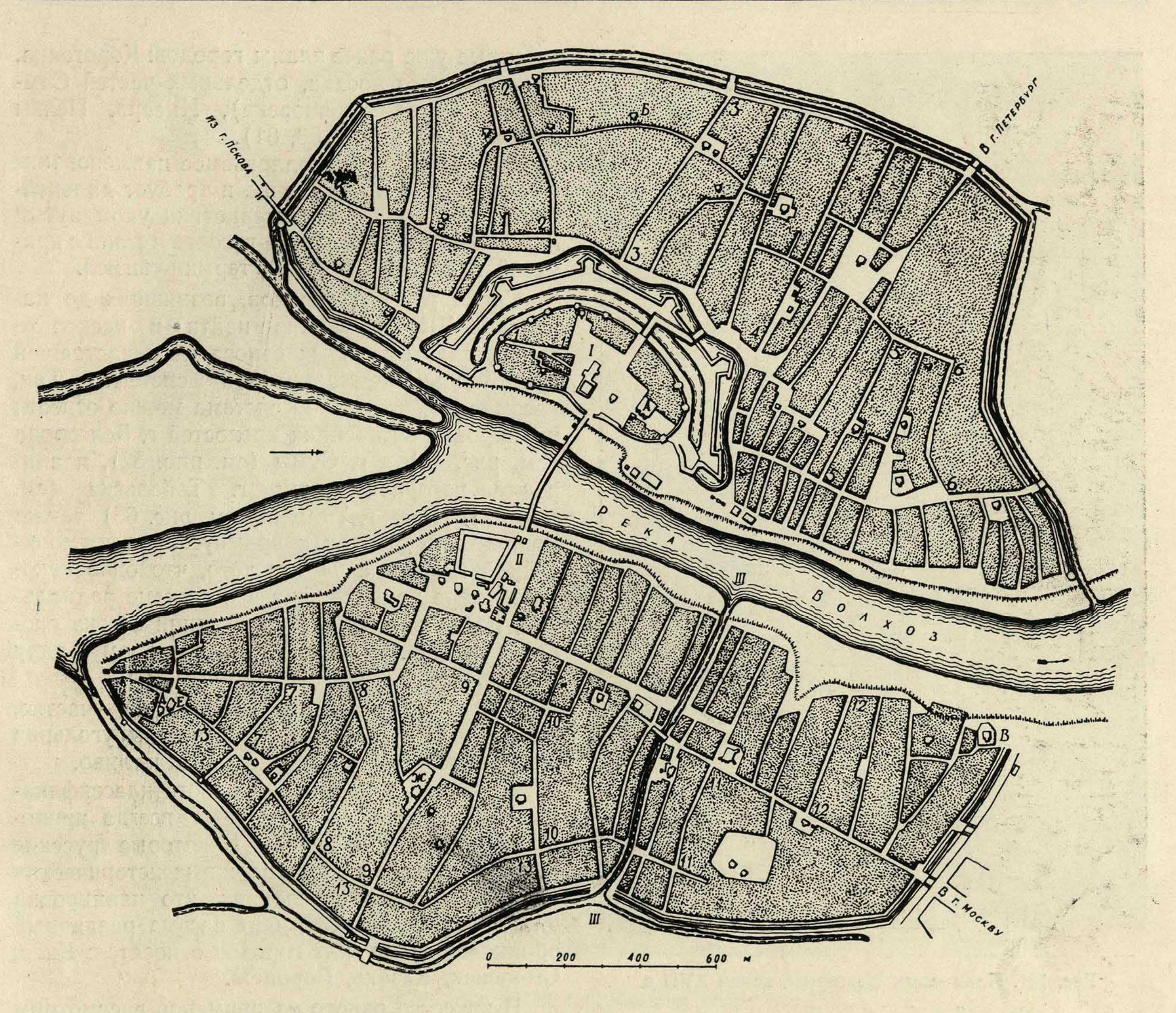


Рис. 120. Новгород. План 1778 г., дополненный и прокорректированный по планам 1756 и 1701 гг. по изображению детинца на иконе Михайловской церкви и по данным писцовой книги конца XVI в.

Улицы:

1—Бискупля; *2*—Прусская; *3*—Чудинцева; *4*—Янева; *5*—Холопья; *6*—Дослана; *7*—Павлова; *8*—Нутная; *9*—Ильина; *10*—Рогатица; *11*—Никитина; *12*—Щитная; *13*—Запольская

Церкви:

А—собор Софии; *Б*—церковь 12-ти апостолов; *В*—церковь Бориса и Глеба; *Г*—церковь Федора Стратилата на торговой стороне; *Д*—церковь Петра и Павла на Славне; *Е*—Церковь Ильи; *Ж*—Спасо-Преображенский собор; *I*—детинец; *II*—Ярославово дворище; *III*—ручей Федоровский

3. ПЕРЕКРЕСТНАЯ И ПРЯМОУГОЛЬНО-ПРЯМОЛИНЕЙНАЯ СИСТЕМА

Принятая в настоящее время классификация планировочных систем сложилась без учета той специфики, которую представляет планировка русских городов до XVIII в. Поэтому без введения некоторых новых наименований нельзя охватить все разнообразие планов, раскрывающееся по мере изучения русского градостроительного наследия. В частности, необходимо дать дополнительно наименование для таких планов, которые приближаются к прямоугольно-прямолинейной системе, но отличаются от нее тем, что фактически не содержат ни прямых линий, ни прямых углов. Существо этих планов заключается в том, что две системы рядов (необязательно прямолинейных) перекрещиваются под некоторым углом. Правильнее поэтому такие планы называть «перекрестно-рядовыми», нежели относить их с различными оговорками к прямоугольно-прямолинейной системе.

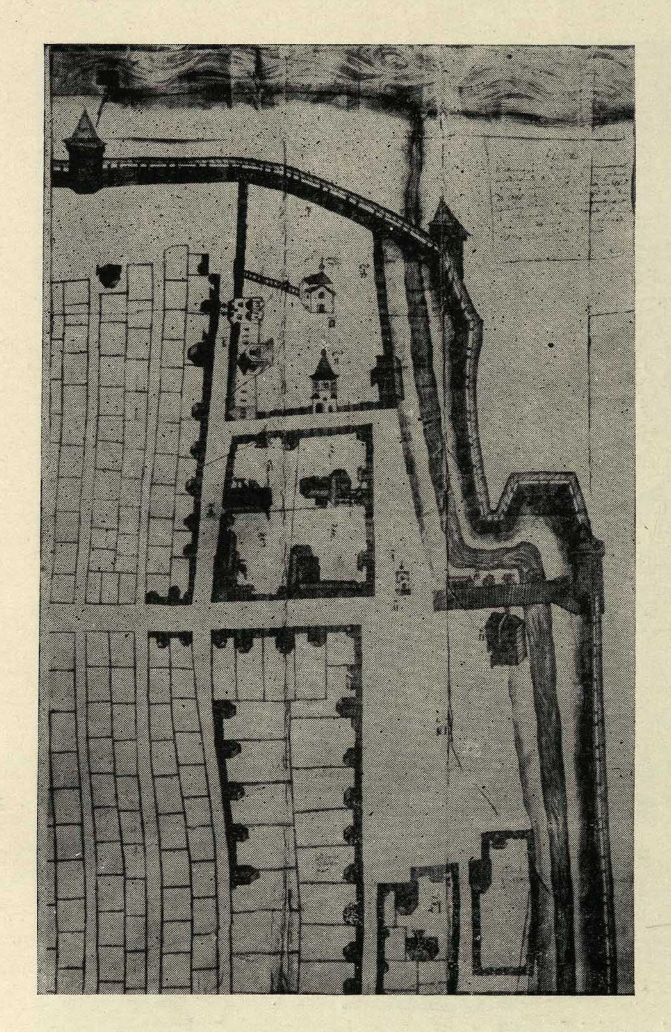


Рис. 121. План части Новгорода конца XVII в.

Перекрестно-рядовая система отнюдь не представляет собой низшей стадии в эволюции городского плана. Отсутствие в ней геометрической правильности только в некоторой мере вызывается отсталостью в области топографической техники, противоречиями в земельных отношениях, отсутствием правил застройки и другими отрицательными обстоятельствами. В основном же перекрестно-рядовая система русского города отступает от жесткой геометрической сетки вследствие учета рельефа, изгиба береговых линий, потребностей коммуникации и тому подобных условий, что, несомненно, свидетельствует о прогрессивных чертах русского градостроительства и является одним из источников живописности русского города.

Примерами планов, подходящих под наименование перекрестных, могут служить приведенные уже ранее планы городов: Коротояка, Белгородского посада, отдельных частей Симбирска (ныне Ульяновска), Инсара, Пензы (см. рис. 47, 48, 56, 58, 61).

Ввиду того, что предлагаемое наименование еще не вошло в обращение и требует дальнейшего обсуждения, характеристика упомянутых городов была ранее дана в соответствии с принятой в настоящее время терминологией.

Среди русских городов, возникших до начала XVIII в., можно найти и несколько таких, планы которых относятся к настоящей прямоугольно-прямолинейной системе. Так, несомненно, что к этой системе можно отнести планировку внутренних крепостей г. Белгорода (см. рис. 49) и г. Сумы (см. рис. 52), планировку нагорной части г. Тобольска (см. рис. 67). План г. Тюмени (см. рис. 65) также может быть отнесен к прямоугольно-прямолинейной системе с учетом того, что он в некоторой мере принадлежит и к системе радиальной, поскольку одна группа линий слегка сходится по направлению к центральному ядру города.

Это схождение мало заметно на участке, ближайшем к крепости, и здесь прямоугольная система выражена совершенно отчетливо.

Принятая в настоящей работе классификация планировочных систем не всегда приложима к городу в целом. Некоторые русские города выросли в столь сложных исторических и топографических условиях, что планировка отдельных их частей имеет весьма различный облик. К числу таких городов относятся: Киев, Смоленск, Казань, Воронеж.

В качестве одного из примеров рассмотрим план г. Смоленска, упомянутого впервые летописью в 865 году, но возникшего задолго до времени, с которого начинается русское летописание. Основной массив города расположен на комплексе прибрежных выступов, подходящих своими концами к левому берегу Днепра (рис. 121а) [21]. На оконечности среднего выступа — Соборном холме — был расположен в древности детинец, ставший только религиозным центром после перенесения в XII в. княжеской резиденции к западу от города.

На перешейке, связывающем холм с материком, расположилась большая площадь с лавками и административными строениями, а к югу от нее возник типичный для русского города жилой район с пучком радиально расходящихся улиц. К востоку и к западу от среднего выступа планировка приняла «топографический» характер, подчиняясь в основном естественному рельефу.

Рис. 121а. План г. Смоленска 1773 г.

На периферии, в особенности вдоль северо-восточного участка крепостной стены (построена русским зодчим Федором Конем в 1595—1602 гг.), возникла ясно выраженная кольцевая система улиц. Наконец, вдоль западного участка стены, по обе стороны пятибастионной цитадели, мы видим районы, распланированные по характерной для XVII в. примитивной прямоугольно-прямолинейной системе, наподобие военных слобод Тамбова и ряда других городов (см. главу VI). Надо полагать, что эта планировка относится к времени, когда после окончательного перехода Смоленска к Русскому государству (1654 г.) в нем устраивались на постоянное житье целые полки стрельцов и других служилых людей.

Планировка посада на правом берегу Днепра также может быть отнесена к прямоугольно-прямолинейной системе, но, судя по ее относительной правильности, была урегулирована уже в начале XVIII в. в связи с устройством кронверка в 1706 г.

* * *

Рассмотрев различные системы планировки русских городов, необходимо несколько остановиться на вопросах об их размерах и численности населения.

Планы, составленные перед реконструкцией городов во второй половине XVIII в., включают и те кварталы, которые прибавились с начала этого века. Определить по таким планам территорию, занятую городами к концу XVII в., не представляется возможным без специальных исследований по каждому из них в отдельности.

В некоторых городах, однако, периферийные укрепления четко выделяют основной компактный массив, за пределами которого рассе-

ление было сравнительно незначительным и который был освоен безусловно до XVII в. Приняв указанные укрепления в качестве границ, получим следующие площади ряда городов:

Москва в пределах укреплений конца XVI в. (Скородом) . . .	1 900 *га*
Новгород Великий в пределах земляного вала (внешний город, острог XII в.)	410 „
Нижний Новгород в пределах „Старого" острога	310 „
Путивль	230 „
Псков (без Завеличья) в пределах стены второй половины XV в.	220 „
Смоленск в пределах стены конца XVI в.	190 „
Углич в пределах земляного вала	150 „
Чернигов в пределах укреплений XII в.	110 „

Для характеристики размеров зарубежных городов следует отметить, что один из крупнейших городов Западной Европы — Париж — занимал к концу XVI в. площадь всего в 500 *га*.

Приведенные данные объясняют, почему иностранных путешественников поражали размеры русских городов, в особенности обширность Москвы, Новгорода, Пскова.

Значительно сложнее обстоит дело с исчислением населенности русских городов до XVIII в.

Этот вопрос еще ждет своих исследователей. Пока же можно лишь весьма приближенно подойти к его освещению на основании данных писцовых книг и других источников о количестве дворов в разных городах и соображений о населенности одного двора.

Так, известно, что в Новгороде Великом в середине XVI в. находилось 5096 дворов. В Пскове, по данным летописи, перед уничтожением псковской автономии в Среднем городе было 6 500 дворов. Этим цифрам отвечало население, вероятно, в несколько десятков тысяч человек.

В таких городах, как Тверь, Нижний Новгород, Путивль, Ярославль, Вязьма и многих других насчитывалось по несколько тысяч человек населения [22].

В Новгороде при площади, равной 410 *га*, получаем, что на 1 *га* его территории брутто приходилось 12,5 дворов. Если предположить теперь, что плотность застройки Москвы мало отличалось от новгородской, то при площади города в пределах Скородома, равной 1 900 *га*, получим общее количество дворов около 24 тысяч, что дает основание предполагать примерную численность населения порядка 150 тысяч человек.

Еще в XVI в. расселение перешло черту Земляного города (современного Садового кольца) и в течение XVII в. Москва росла за ней узкими полосами вдоль радиальных дорог. В середине XVII в. по приближенному подсчету С. К. Богоявленского в Москве было не менее 27 тысяч дворов с населением около 200 тысяч человек [23].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЖИВОПИСНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА И ДЕТАЛИ ПЛАНИРОВКИ

1. ВНЕШНИЙ АНСАМБЛЬ

Живописность панорамы русского города — не случайное явление. Она является результатом взаимодействия всех тех факторов, которые определяли его внутреннюю структуру и планировку. Те же закономерности, которыми определялась организация плана, отражаются и в трехмерном построении города.

Главным композиционным элементом внешней картины города, как и его плана, служит обычно центральный комплекс монументальных сооружений, охваченный и выделенный из всей остальной массы города крепостными стенами или валами. Возвышенное положение этого укрепленного массива усиливает его доминирующее значение, но не изолирует его от общего внешнего ландшафта русского города, как это характерно для зарубежных городов феодального периода, в которых стоящие на неприступных высотах замки оторваны от всего городского комплекса. Кремль (детинец), будучи главной доминантой городского ландшафта, сливается с ним в единое и неразрывное целое. Пейзаж русского города трудно представить без его архитектурного ядра, служившего в течение многих веков центром притяжения всей остальной застройки. Эта роль кремля, как композиционного центра картины, хорошо видна на всех старинных панорамах Москвы (рис. 122), а также на панорамах Казани, Владимира, Торжка, Саранска, Верхотурья и Симбирска (рис. 122а, 123, 124, 60, 126, 57) [1].

Везде господствующая роль кремля, определенная в плане ясно выраженным тяготением к нему важнейших улиц, подчеркивается в панораме возвышенным положением его, сгущением здесь монументальных строений (соборов, церквей, башен и т. п.) и крепостной оградой.

Дальнейшее членение плана города выражается в его внешней панораме расположением доминант второго порядка — приходских церквей, каждая из которых становится центром своего небольшого участка картины. Наконец, контраст между жилой застройкой и местными доминантами как по масштабу, так и по характеру архитектуры, развивает композицию панорамы. Роль второстепенных центров, подчиненных кремлю и в то же время доминирующих в своих районах, хорошо видна на панораме г. Саранска (см. рис. 60) с правого берега р. Инсары. На первом плане в крупном масштабе особенно ясно представлено взаимоотношение одной из доминант второго порядка и прилегающей к ней жилой застройки.

Второй особенностью панорамы русского города является его слитность с природным ландшафтом. Крепостная ограда охватывала лишь ядро города — кремль (детинец); весь же остальной массив либо совсем не отграничивался от окружающей территории, либо укреплялся невысоким тыном или валом, что совершенно не мешало его единству с природным ландшафтом. Посад и слободы вклинивались в окружающие поля, спускались по пологим откосам к реке, вытягивались вдоль главных дорог, сливаясь с окрестными лесами и садами.

Расположение на высоких берегах рек вносит обычно в ландшафт русского города элементы рельефа. Типичным при этом становится деление на «подол», занимающий береговую террасу, и возвышенную часть или «гору» с кремлем. Крутые склоны остаются

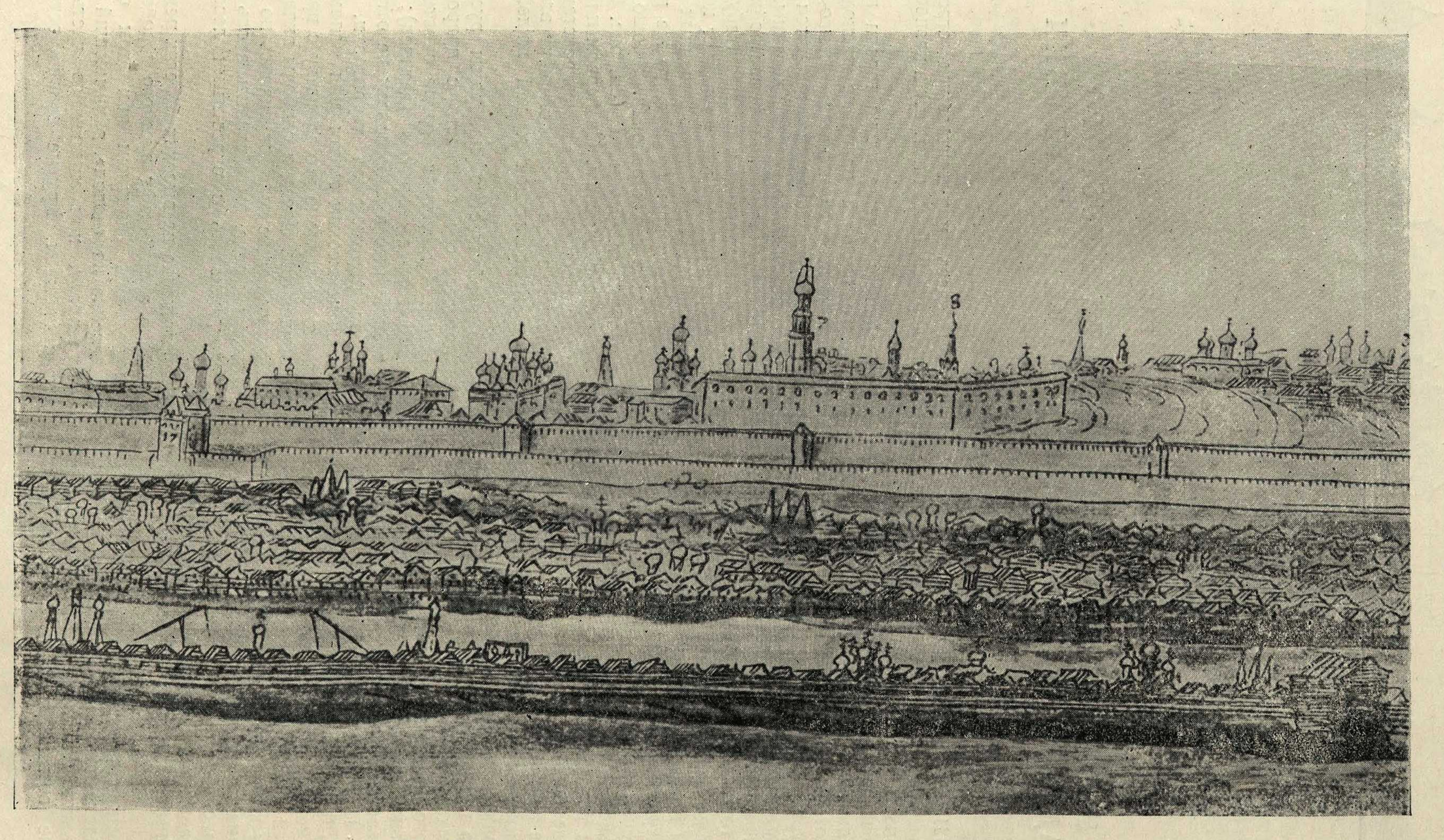


Рис. 122. Фрагмент панорамы г. Москвы по рисунку середины XVII в.

без застройки и включаются в пейзаж в своем природном наряде. Сбегающие к реке ручьи и овраги придают рельефу берега пересеченный характер и расчленяют его иногда на множество отдельных холмов, венчаемых архитектурными доминантами. Подобная картина видна на панорамах Нижнего Новгорода[2] (рис. 125), Свияжска (рис. 41). Извилистые линии дорог и спусков к берегу соединяют разные уровни города. Таким образом, элементы застройки вступают в тесное взаимодействие с формами природы, подчеркивают и выявляют топографические особенности территории. Отсюда — необычайное разнообразие городского пейзажа, индивидуальность картины каждого города.

О сознательном отношении русских градостроителей к художественной связи города с природным ландшафтом свидетельствуют и некоторые документы. Так, в летописи под 1259 г. в подробном рассказе о создании князем Даниилом города Холма читаем: «Холм бо город сице бысть создан: . . .ездящу же ему по полю и ловы деющу, и виде место красно и лесно на горе. . . И возлюбив место то и помысли, да сожижет на нем градец мал. . .»[3].

В наказе красноярскому воеводе 1629 г. находим следующее интересное сообщение о выборе места для нового острога: «. . .и присмотрели Андрей Дубенской с служилыми людьми в новой Качинской землице на реке на Енисее на яру место угоже, высоко и красно, и лес близко всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставити мочно, . . . а прозвал то место Красным яром Андрей Дубенской с ратными людьми, потому что то место красно же»[3а].

Третьей особенностью внешнего вида русского города является необычайное богатство силуэта, связанное с обилием разнообразных по форме вертикальных элементов — шатров, куполов, башен, подымающихся над низкими жилыми домами. То группируясь в кусты, то рассыпаясь поодиночке, остроконечные, уступчатые, округлые вышки создают сказочную, не встречаемую в Западной Европе картину.

Художественная роль башен в городском ансамбле уже в глубокой древности учитывалась русскими людьми. В упомянутом выше рассказе о построении в 1259 г. города Холма находим следующее его описание: «Вежа же среде города высока, яко же бити с нея окрест града, подздана каменьем в высоту 15 лакот, создана же сама древом тесаным и убелена яко сыр, светящися на всеи стороны. . .»[3б].

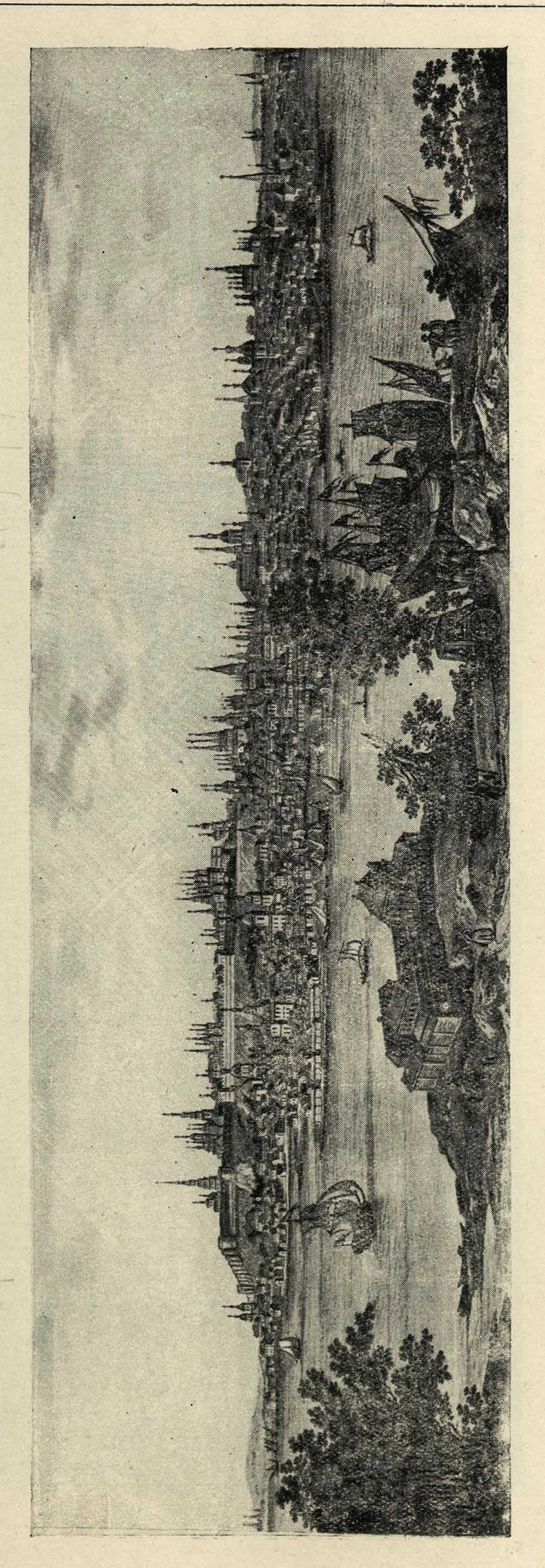


Рис. 122а. Общий вид г. Казани (гравюра 1767 г.)

Рис. 123. Общий вид г. Владимира (гравюра середины XVIII в.)

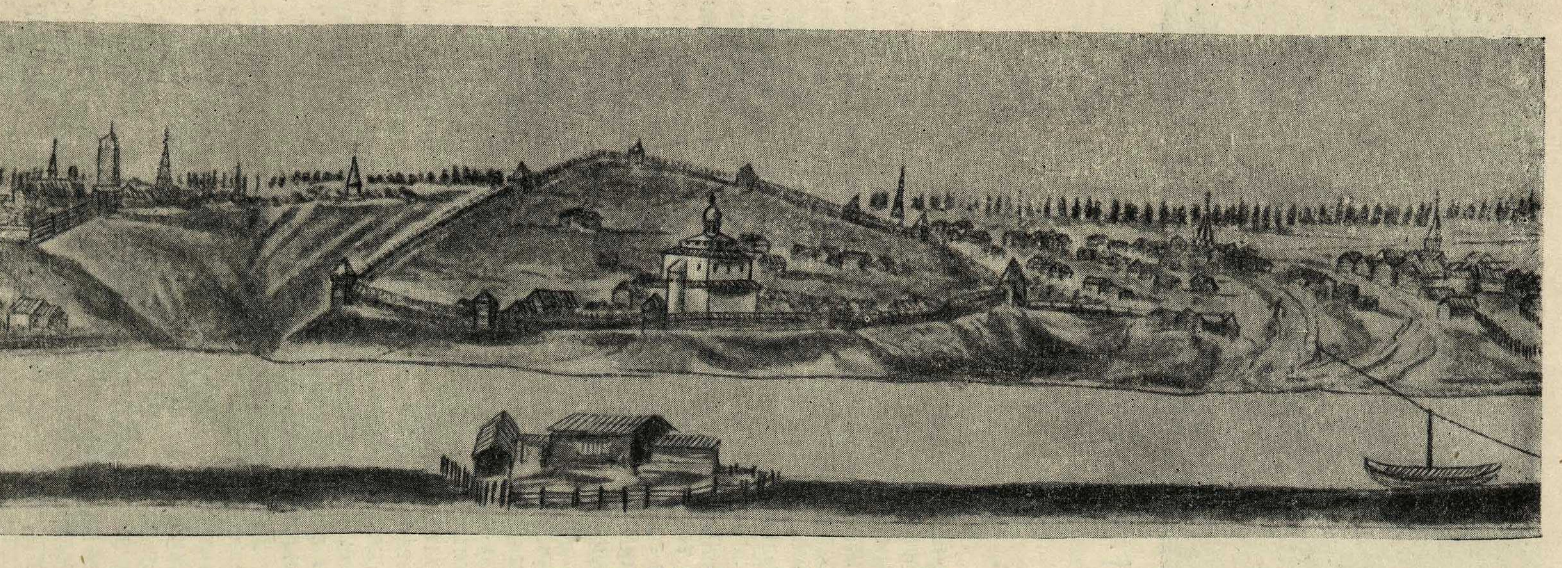


Рис. 124. Общий вид г. Торжка в XVII в.

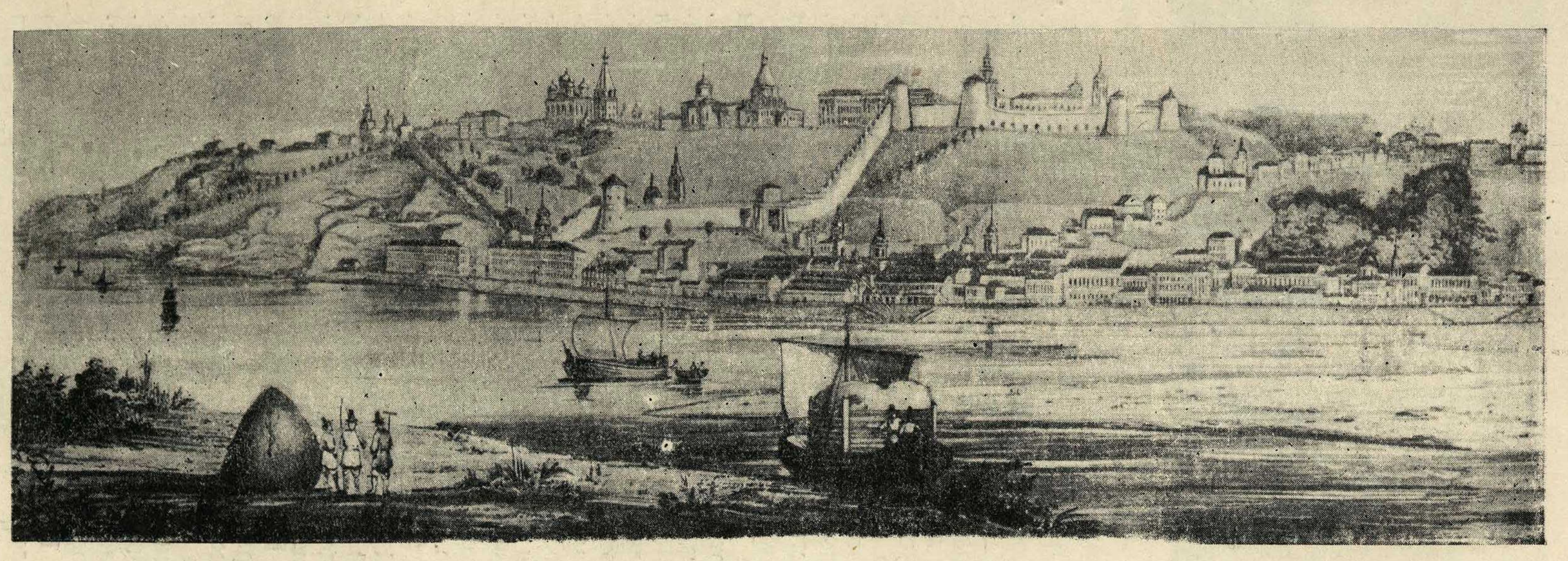


Рис. 125. Общий вид г. Нижнего Новгорода (литография середины XIX в.)

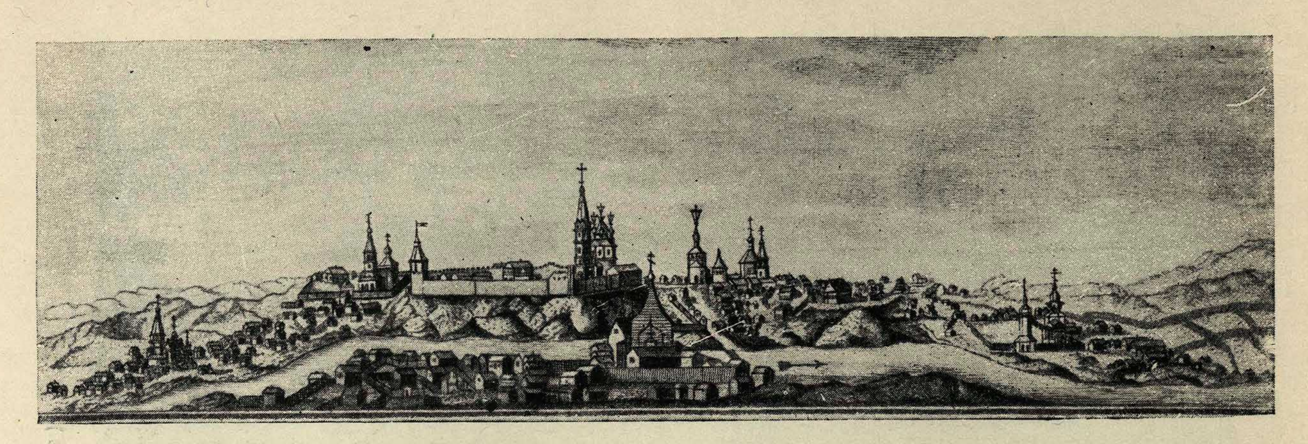


Рис. 126. Общий вид г. Верхотурья (гравюра середины XVIII в.)

В рассказе о московском пожаре 1409 г. летописец пишет, что жалостно было видеть гибель церквей, которые «высокими стояньми» украшали «величество града» [3в]. Неверно было бы думать, что русский город своей живописностью обязан случайному нагромождению в его силуэте разнообразных элементов. В силуэте, при отсутствии геометрической правильности, несомненно заложены закономерности, аналогичные тем, которые мы видели ранее и в планах. Эти закономерности сразу же воспринимаются зрителем, угадывающим соответствие их внутренней структуре города. Подобно тому, как в увертюре к опере слышатся фрагменты лейтмотивов, развивающихся далее в определенных действиях, так и в силуэте города зритель почти одновременно охватывает всю сумму доминант, каждая из которых внутри города связана с целым комплексом ансамблей. Это единство внешнего и внутреннего облика придает панораме города глубокое архитектурно-художественное содержание.

Следует еще остановиться на исключительной красочности русского города, обусловленной разнообразием строительных материалов и декоративной обработкой архитектурных доминант.

Путешественников-иностранцев особенно поражали горевшие как жар золотые купола, кресты, шатры и обилие зеленых насаждений. На сером фоне основной массы деревянных домов — белокаменные церкви, золотые и разноцветные купола, зелень садов; все это создавало совершенно уникальный колорит русского города.

Глубокое понимание красоты города в его целом и отдельных его ансамблей заложено в ряде иконографических видов Новгорода, Пскова, Москвы и многих монастырей.

2. ВНУТРЕННИЕ АНСАМБЛИ И ДЕТАЛИ УЛИЧНОЙ СЕТИ

О внешней живописности русских городов допетровского времени мы можем судить частично и по нынешнему их виду, и по некоторым изображениям XVII и XVIII в., и по описаниям многих путешественников. Иначе обстоит дело с внутренними ансамблями этих городов. За исключением немногочисленных фрагментов, древние ансамбли жилых районов исчезли после коренной переделки планов во второй половине XVIII и в начале XIX вв. С тех пор для внутреннего ландшафта русского города стали характерны длинные, широкие, прямые улицы, геометрически правильные и обширные площади. Уже в 40-х годах XIX в. Н. В. Гоголь писал: ...«Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам... Домы были в один, два и полтора этажа... Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов...», и далее: — «Таким образом, одевшись, покатился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам...».

Для того, чтобы теперь после сплошной переделки старых городов представить себе характер их прежнего архитектурно-художественного ландшафта, надо внимательно вглядеться в те планы «по межеванию», которые служили топографической основой для планировщиков второй половины XVIII в. При этом следует, однако, иметь в виду различие между встречающейся иногда современной формалистической нарочито живописной композицией и свободной композицией ансамбля, выраставшей в древнем городе в процессе решения практических задач.

В зарубежном градостроительстве нашего времени известны примеры городов и поселков, в планах которых совершенно ясно чувствуется намеренное подражание случайным эффектам. Под влиянием венского архитектора Камилло Зитте в конце XIX в. возникла школа архитекторов-планировщиков, стремившихся к умышленно случайным эффектам для достижения того, что Зитте называл «впечатлением живописности». Произвольные изломы улиц, случайные формы площадей и тому подобные формалистические приемы представители этой школы оправдывали тем, например, что при планировке города очень важно... сохранить частновладельческие границы, а это, мол, автоматически ведет к живописным случайностям. Такой же формалистический характер носят некоторые из проектов английских поселков, в рисунке которых чувствуется капризная рука автора, подражающего узору дорожек пейзажного парка.

Живописность русского города — не результат слепых случайностей или стихийности застройки. Она совершенно естественно проистекает, во-первых, из приспособления планировки и застройки к местному природному ландшафту и, во-вторых, из определенных традиций в формировании объемно-пространственных элементов города. Если о роли кремлей, монастырей, церквей в ансамбле древнерусского города мы можем получить конкретное представление еще и сейчас по многим сохранившимся сооружениям, то об ансамбле жилых улиц, кварталов, районов нам остается судить только по сохранившимся плановым материалам. План сам по себе не имеет, конечно, никаких живописных свойств, но, давая представление о расположении застройки, общий характер которой более или менее известен, план может быть использован и для выводов по объемно-пространственной характеристике города или района. Поэтому применяемое иногда выражение «живописная планировка» следует понимать лишь как условный показатель живописности объемно-пространственного ансамбля, предполагаемого на основе данного плана.

Примером влияния природных условий на планировку жилого района может служить план южной части города Путивля (см. рис. 98). В ней трудно установить какую-либо закономерность геометрического порядка, и потому, на первый взгляд, планировка производит впечатление случайной, неорганизованной.

Если же учесть местные топографические условия, то многое в запутанной сети города становится ясным.

Несмотря на кажущуюся неопределенность рельефа, территория Путивля имеет три ясно выраженные доминирующие высоты:

а) центральную, на которой расположился древний «город», воспетый еще в «Слове о полку Игореве»;

б) восточную, на которой находится Молчанский монастырь (у р. Крынки);

в) западную с «горнею» церковью Николая.

Все эти три высоты были подчеркнуты архитектурными сооружениями и в панораме с южной стороны играли роль значительных доминант.

Вот как описывает пейзаж южной части Путивля путешественник 30-х годов XIX в.: «...Площадь, на которой расположен Путивль, у прибрежья Сейма, разбиваясь оврагами на отдельные холмы, имеет на одном из них древний городок, замечательный историческими воспоминаниями и прелестными видами.

Справа (автор смотрит с севера на юг — ***Л. Г.***) на набережной Семи подымается, не в дальнем расстоянии отсюда, высокий зеленый курган с горнею церковью св. Николая, — место редкое по красоте положения... Влево за глубоким логом выдвигается на скале монастырь Молчанский или прежняя каменная крепость, о которой упоминает Маржерет и которой ветхие башни и стены с амбразурами и казематами еще целы, и покойно отживают век свой на живописных крутизнах, заросших плодовитыми деревьями монастырского сада... за монастырем тянется лесистый горный берег Семи, на котором, верстах в двух от города, на обрывистой скале над самою рекою, находятся остатки древнего укрепления, составляющего вал и ров окружностью с версту и известного под именем Княжеского городка. Предание говорит, что там был дворец князей Путивльских» [4].

Территория от города до Молчанского монастыря включительно была, повидимому, занята укрепленным посадом (острогом). Здесь планировка имеет наиболее причудливый характер, и найти ее топографическую закономерность без подробного плана в горизонталях трудно. Зато система улиц к западу от «города» расшифровывается довольно ясно. В ней четко выявлены три пучка радиальных улиц. Наиболее значительный из них (из семи-восьми улиц), проходя вдоль водоразделов и долин овражной сети, направлен к холму с горнею церковью. Второй пучок, также из 7 улиц, сходится у площади с приходской церковью (к северо-западу от церкви Николая). Третий, состоящий из трех лучевых улиц, направлен в юго-западный угол города

к месту пересечения острога с берегом р. Сейма, где находился ранее Борисоглебский монастырь.

Таким образом, мы видим здесь, как сложные топографические условия — рельеф и расположение основных доминант — способствовали формированию свободной и живописной уличной сети. Северная часть Путивля расположена на плоской местности и потому не имеет тех объемно-пространственных контрастов, которыми так богата прибрежная полоса. Тем не менее, и она была необычайно живописна, судя по рисунку плана. Однако ее архитектурно-планировочные эффекты имели иной характер и были обусловлены традиционными приемами формирования уличной сети и расстановки церквей. Наряду с этим, три прямые радиальные улицы давали плану жесткий, крепкий остов. Средняя из них приобрела значение главной магистрали. По направлению к «городу» ее перспектива была замкнута главными воротами, выходившими на торговую площадь и увенчанными сторожевой башней.

В противоположном направлении (к северу) перспектива главной магистрали завершалась сбоку двумя церквами. С более близких к ним точек зрения ансамбль улицы обогащался двумя боковыми кулисами площадей. Перспективному эффекту, несомненно, способствовало и то обстоятельство, что улица шла «раструбом», то есть все время уширялась по мере приближения к периферии.

Западная и восточная радиальные магистрали замыкались группой из нескольких церквей, расположенных на торговой площади и около нее. Восточная магистраль, кроме того, имела и боковое завершение перспективы в виде приходской церкви, близ ворот на Рыльскую дорогу. Некоторые из второстепенных радиальных улиц также имели либо центральное, либо боковое завершение перспективы.

Особенностью плана Путивля, как уже было указано, является частое расположение кольцевых улиц. Причем перспектива их, даже независимо от расположения доминант, постоянно заканчивается изгибами или изломами улиц, а приходские церкви, расположенные на площадях, создают особый ритм в беспрерывной смене кадров.

Живописный рисунок кольцевой системы северной части создан был в процессе роста города, то замедленного, то стремительно-бурного. Его линии — это трассы, проложенные не циркулем чертежника, а созданные в результате решения множества жизненных задач непосредственно на местности с учетом мельчайших деталей естественной и сложившейся топографии. Главные кольца исходят из образовавшихся уже ранее перекрестков на диаметре, который делит город на две части, разные по рельефу, времени происхождения и характеру планировки. Таким образом, несмотря на различия, обе части города сплетаются в единый, крепко связанный организм.

В целом, и по своему четкому узору и по угадываемым ансамблям, план города Путивля представляет собой интересный образец древнерусского градостроительства, созданный не отдельными выдающимися зодчими, а безымянным народным творчеством в течение веков.

Оба главных источника живописного начала видны и в плане г. Мурома (см. рис. 87). Так же как и в Путивле, прибрежная часть его отличается пересеченным рельефом, обусловившим «топографический» рисунок планировки. Конфигурация отдельных микрорайонов и их внутренняя разбивка соответствуют контурам участков на первой террасе, ограниченных оврагами и крутыми откосами. Улицы, соединяющие верхнюю часть города с берегом, следуют изгибам оврагов, вдоль которых они спускаются. Конфигурация самой крепости в виде несколько изогнутого прямоугольника также обусловлена формой холма, расположенного между двумя оврагами.

Торговому значению Мурома отвечает развитие прибрежной полосы. Каждый клочок земли здесь использован. К берегу сбегают многочисленные улицы и переулки, свидетельствующие о роли реки в жизни муромского населения. Здесь же, близ берега, сосредоточены и почти все церкви и монастыри города (14 церквей из общего числа 17), что, несомненно, создавало живописнейший силуэт со стороны Оки и обогащало внутренние ансамбли прибрежной части.

К югу и к юго-западу от центра города сложилась радиальная система дорог с зачатками кольцевых направлений. Подобно тому как в Путивле, и здесь радиальная система органически вырастает из планировки прибрежной части. Почти все ее отклонения от геометрической схемы объясняются либо тяготением к наиболее удобному пересечению с встречной улицей, либо стремлением пойти диагонально по кратчайшему направлению к определенной точке, либо отражением изгиба соседнего оврага и т. п. Таким образом, живописность планировки Мурома — не плод слепой случайности, а итог жизненного решения множества мелких и крупных задач, возникавших по мере роста города. В сложившейся системе улиц мы

читаем, хотя и без хронологических дат, историю развития города, историю его постепенного продвижения от кремля сначала к северу и югу вдоль берега Оки, затем в глубь территории вдоль ручья Воскресенского и, наконец, в юго-западном направлении, где сохранились еще крупные слабо застроенные и нерасчлененные массивы.

Влияние традиционных процессов постепенного роста на живописное формирование города хорошо видно на плане Ростова Великого (см. рис. 92). Центральным его ядром был огромный комплекс строений, окруженный земляной крепостью с бастионами, прилегающий южной стороной к озеру Неро. Эта крепость, сооруженная в 1632 г. для защиты от отдельных шаек польских интервентов, охватывала территорию прежнего «города», обширную торговую площадь и Рождественский монастырь. Построенный во второй половине XVII в. архиерейский двор находился внутри крепости. Этот комплекс своим содержанием и архитектурным обликом, несмотря на некоторые крепостные аксессуары (стены, башни с бойницами и т. п.), отличается от кремлей преобладанием церковных сооружений, что придает всему городу особый отпечаток, отображающий значение его как религиозного центра.

От крепости во все стороны, в пределах 180°, тянулись извилистые радиальные улицы. В их изломах и случайных поворотах сказывается медленное формирование плана, усложненное множеством обстоятельств. Захват и застройка уличной территории, необходимость огибать случайно возникшие усадьбы, появление церковных и монастырских усадеб на окраинах без всякой связи с уличной сетью, которая уже потом должна была с ними считаться, многочисленные пожары и разорения с последующими восстановлениями, множество других местных событий средневековой истории — все это наложило отпечаток на длительное и постепенное образование сложного узора плана. Однако, как ни ломала жизнь трассы радиальных улиц, притягивающая сила кремля неуклонно вела их к центру города. В результате образовалась живая угловатая ткань улиц и переулков с ясно выраженным тяготением к огромному звездообразному ядру.

На первый взгляд кажется, что рисунок этой ткани столь произволен, что нет никакой возможности установить принципы его образования. Ключом к нему может послужить план слободы, ответвившейся от города в юго-западном направлении вдоль берега. В нем видны изолированные и потому ясно читаемые

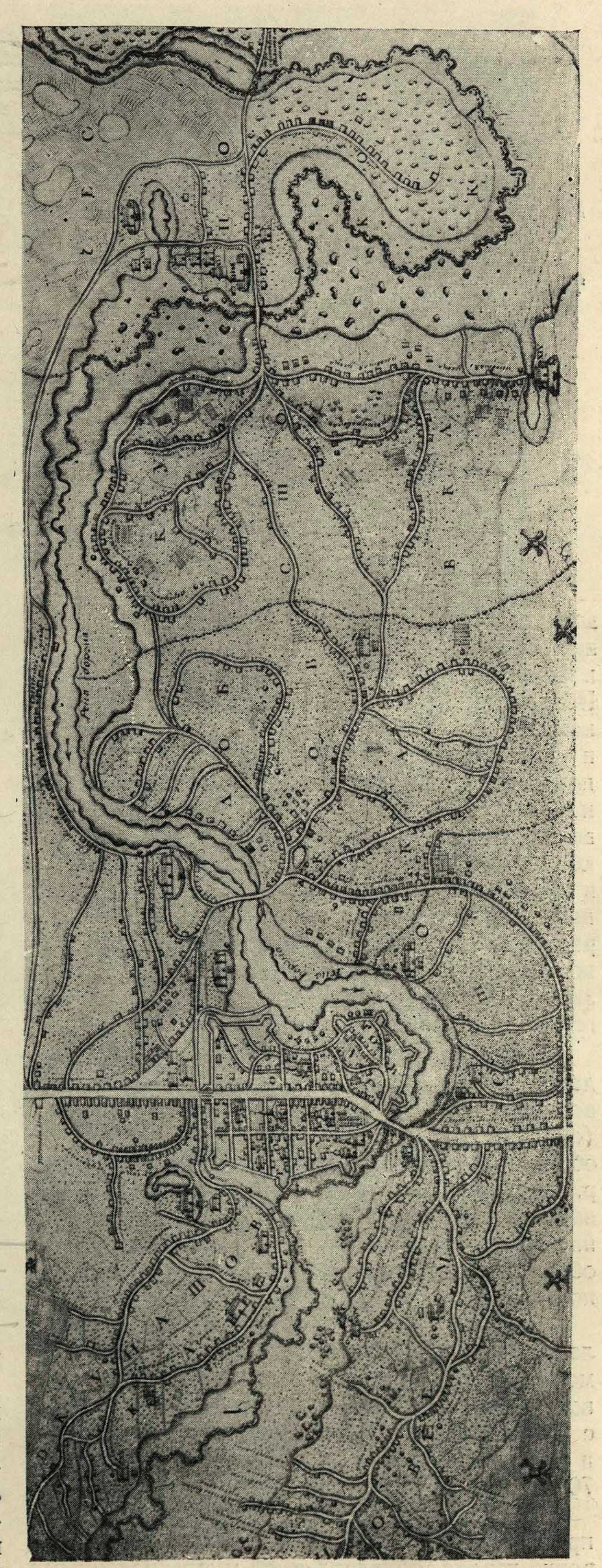


Рис. 127. г. Борзна. План 1782 г.

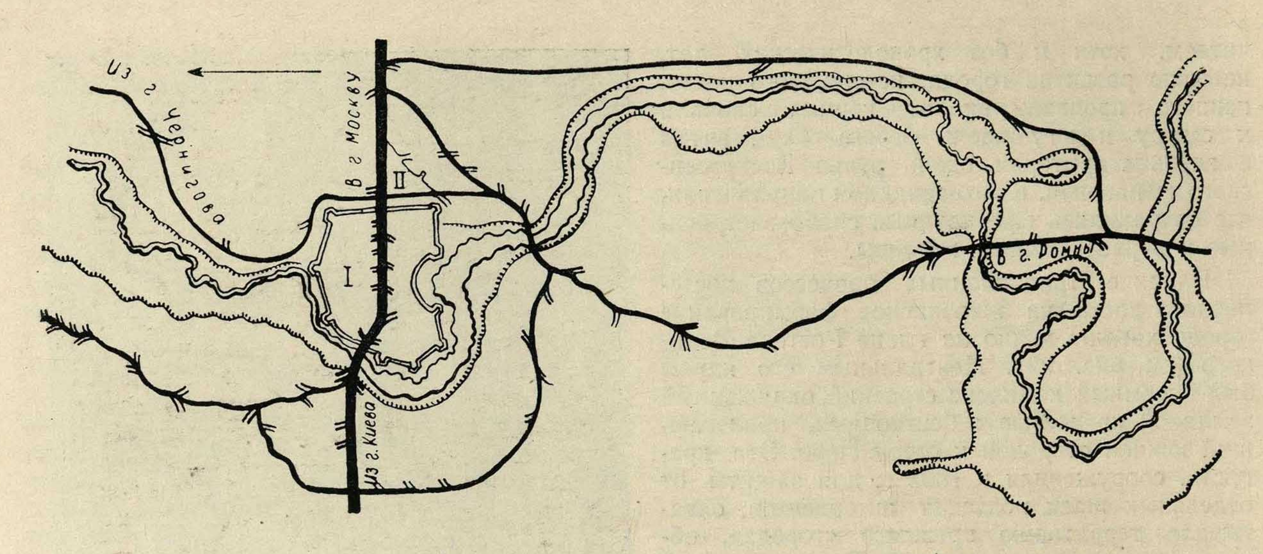


Рис. 128. г. Борзна. Схема магистралей (по плану 1782 г.)

элементы плана: трасса основной магистрали, начинающаяся от самого кремля и довольно плавно идущая на соединение с дорогой из Петровска; ответвление от магистрали, начинающееся приблизительно с ее середины и идущее параллельно берегу; кольцевая петля, которой оканчивается ответвление и, наконец, ряд тупиков самой разнообразной величины и формы, врезающихся в глубину кварталов. Все эти элементы, сплетающиеся в единую ткань, мы можем найти и в общем плане Ростова. Все они являются характерными приемами освоения территории по мере роста населения и интенсификации застройки в условиях медленного развития города.

Образцом живописной системы улиц, созданной под влиянием весьма сложной сети водных протоков, является план г. Суджи (см .рис. 53). На плане 1783 г. город занимает обширную территорию между извилинами р. Суджи, ее притоком Олешней и так называемым Гусиновским болотом. Такое положение было чрезвычайно выгодно в отношении обороны, как это видно из «описания новопостроенного города Суджи 1665 года»:

«. . .А то Гусино болото топко и широко, лошадьми переехать и пешему пройтить немочно, с трех сторон тово города неприятелем воинским людям приступных мест нет, только с четвертой стороны, промеж речки Олешенки и Гусинова Болота от Сумской стороны проход 70 сажен. . .» [5].

Эти же, столь важные для обороны условия привели и к необычайно живописной планировке города, обусловленной многочисленными изгибами береговых линий. В центре комплекса слобод — укрепленное ядро (крепость), четко выделяющееся своей регулярной планировкой кварталов среди криволинейного узора всей остальной территории. Благодаря такому контрасту укрепленная часть города, несмотря на свои незначительные размеры, объединяет всю композицию плана. Этому эффекту способствует и то, что крепость является как бы фокусом, к которому сходятся со всех сторон (кроме запада) многочисленные радиальные улицы.

Типичной радиальной системы в плане г. Суджа, однако, не видно, так как радиусы тесно переплетаются с кольцевыми направлениями, подчиненными береговым линиям. Улицы, проходящие непосредственно у самого берега, в точности повторяют все его извилины, но по мере удаления от реки уличные трассы принимают более независимое направление, лишь в обобщенной форме отражая изгиб берега. Далее, приближаясь к другому протоку, улицы вновь подчиняются изгибам береговой линии. Таким образом, складывается общий узор плана, который представляет своеобразную модуляцию направлений между многочисленными водными линиями, обрамляющими или перерезающими город. Все это разнообразие переходов, изгибов, изломов и т. п. нисколько не мешает ясности основных направлений. В таком городе, вероятно, легко было ориентироваться. В то же время несомненно, что богатство форм плана создавало беспрерывную смену городских пейзажей и тесную связь их с окружающим водным ландшафтом. Живописности Суджи способствовало

Рис. 129. Пейзаж Сергиева посада (литография К. Ф. Юона)

и обилие различных деталей планировки, вроде уличных ответвлений, открытых дворов, полупетель и т. п.

Совместное влияние природных условий (извилины реки) и традиционных приемов построения уличной сети привело к созданию исключительного по своей живописности плана г. Борзны (ныне районный центр Черниговской области). На плане съемки 1782 г. Борзна занимает весьма обширную территорию — в длину около 5 и в ширину около 2 *км* (рис. 127) [6].

Укрепленная часть города расположена близ его северного края, на правом берегу реки Борзны, на «переверте». Она интересна, как сочетание строгой прямолинейно-прямоугольной планировки в северной части с весьма свободным рисунком уличной сети в южной.

Слободские районы вытянулись вдоль извилистых берегов реки, преимущественно на западной стороне. Их планировка представляет наибольший интерес.

В общем плане Борзны обращает на себя внимание, прежде всего, четкая система магистралей, связывающих город с внешним миром и отдельные районы между собой. Для большей ясности она изображена на отдельной схеме (рис. 128) [7].

С запада на восток через плотину и укрепленный «город» идет большая столбовая дорога из Киева на Москву. Эта дорога в пределах плана трассирована по совершенно прямой линии, с изгибом лишь у пересечения р. Борзны. Она воспринимается как поперечная композиционная ось плана, к которой тяготеет вся остальная сеть магистралей.

Сразу же по выходе из восточных ворот крепости, у треугольной площади — Майдана, столбовая дорога принимает два ответвления. Одно из них идет на юго-запад, пересекает р. Борзну, далее следует плавными изгибами вдоль левого берега реки, опять пересекает ее русло и направляется на соединение с дорогой в города Прилуки и Ромны. Эта дорога пересекает на своем пути значительную часть города и делает ряд изгибов, неудобных для транзита. Повидимому, в связи с этим, по восточному берегу от большой столбовой дороги проложена специальная транзитная дорога к Роменскому тракту, совершенно не пересекающая населенной местности и делающая минимальное количество изгибов. Другая ветвь от Майдана идет на северо-восток по правому берегу реки под названием Черниговской дороги.

От западного участка большой столбовой дороги также ответвляются две магистрали. Первая из них начинается у самой плотины и идет на север параллельно левому берегу; вторая начинается несколько западнее и плавным изгибом идет на соединение с Прилукско-Роменской дорогой. Интересно отметить, что по этой магистрали можно через вторую плотину перейти на другой берег и, обойдя укрепленный «город», выйти опять на большую столбовую дорогу у Майдана, или же, в обход этой площади, — несколько восточнее.

В ясной связи с системой основных магистралей находится и сеть второстепенных жилых улиц. В формировании этой сети нашли применение, главным образом, два приема — петлеобразные и тупиковые улицы и переулки, ответвляющиеся от главных магистралей. Кроме того, при длинных петлях встречаются еще переулки, стягивающие обе ветви петли в виде хорды. Петля, начинаясь в какой-либо точке магистрали, уходит в сторону, глубоко прорезывает осваиваемый участок и возвращается опять на ту же магистраль. Тупиковые переулки ответвляются иногда изолированно, большей же частью группами, направляясь преимущественно к реке.

Все улицы, как жилые, так и магистральные, образуют в целом живописную сеть, не теряющую при всей свободе своего начертания ясной закономерности построения. Усадебная застройка вдоль изгибов улиц все время образует плавно замыкающиеся перспективы; вдоль ответвлений, направляющихся к берегу, раскрывается речной ландшафт. При этом обилие зелени придает парковый облик всей территории, чему способствует и сам характер уличной сети.

К внутригородским ансамблям русского города следует отнести и те панорамы, которые раскрываются изнутри сквозь большие свободные пространства разнообразного назначения: промежутки между домами, внутриквартальные территории и т. п. Типичным примером, в котором лучше, чем где-либо, сохранились характерные черты русского живописного ансамбля, может служить г. Загорск (б. Сергиев посад). Монастырская усадьба расположилась на горе, с трех сторон ограниченной склонами к р. Кончуре и ее притокам. Отсюда и произошло, вероятно, древнее наименование монастыря «иже в Маковце» (то есть на вершине). С юга, на склонах к реке, был устроен большой «Пафнутьев» сад; с юга, севера и северо-востока в пейзаж включались большие пруды. Возвышенности с запада и востока получили название «Красных гор», повидимому, потому, что с них раскрывался красивый вид на монастырь и по направлению к ним от монастыря. Благодаря изолированному положению монастырской усадьбы, из многих мест посада полностью воспринимается необычайно

живописный ее силуэт, обогащенный насаждениями и застройкой первого плана и дальнего фона (рис. 32 и 129) [8].

Нами было рассмотрено несколько наиболее ярких примеров формирования городского плана и связанных с ним ансамблей. Из них видно, как под воздействием рельефа, речной сети, социально-экономических процессов роста города, коммуникационных и оборонительных условий возникала планировка, свободная от геометрической предвзятости, но в то же время закономерная и обоснованная. Этими примерами, конечно, не исчерпывается богатство нашего наследия в области живописного градостроительного стиля. План любого русского города, снятый до его переделки, мог бы послужить материалом для подобного же анализа, и всякий раз мы находили бы все новые и новые примеры жизненно оправданных и в то же время свободных приемов планировки. При этом мы увидели бы, что каждый город представлял собой совершенно индивидуальную по характеру «планировочную ткань», которая, несмотря на общность стиля и традиций, не повторяла каких-либо стандартных образцов.

3. КРЕМЛЕВСКИЕ ПЛОЩАДИ

В планах русских городов до их переделки в XVIII в. мы встречаем следующие основные виды площадей:

1. Кремлевские площади, имевшие значение административно-политических, религиозных и военных центров города.
2. Главные торговые площади в посадах.
3. Церковные площади в посадах.

Кремлевские площади, несмотря на чрезвычайное разнообразие своих форм, имеют в основе один и тот же принцип образования. Все жилые строения (палаты, хоромы, осадные дворы и пр). со своими усадебными участками и образуемые ими кварталы прижимаются более или менее тесно к стенам крепости таким образом, что внутри кремля остается некоторое свободное пространство, большей частью неправильной формы и, обычно, независимой от общего контура кремля. По краям площади, а часто и посреди ее, располагаются соборные и приходские церкви, являющиеся главными архитектурными доминантами. Площадь, следовательно, не проектировалась сразу как некая определенная объемно-пространственная композиция, а формировалась в результате постепенного обрамления по краям и расположения объемных элементов посередине. Но неверно было бы думать, что мы имеем здесь дело со случайным, стихийным формообразованием, ибо каждый новый элемент устанавливался с учетом уже существовавших ранее, и таким образом ансамбль создавался в результате коллективной композиции во времени.

Несмотря на неправильность формы, можно подметить по крайней мере два типа кремлевских площадей, обусловленных общей планировкой дорожной сети. Первый тип, который может быть назван «проходным», получался в результате расширения магистрали, проходящей сквозь кремль, как это мы видим на планах Юрьева-Польского и Галича (см. рис. 21 и рис. 115). В этих случаях площадь вытягивалась вдоль магистрали и получала сравнительно правильную прямоугольную конфигурацию. В плане Новгородского детинца (рис. 130) [9] площадь вытянулась вдоль дороги, проходившей через ворота Пречистенской (А) и Воскресенской (З) башен и пересекавшей овальный кремль по его малой оси. Некоторое усложнение формы площади было вызвано здесь влиянием Бискупли-улицы, проходившей через ворота Спасской башни (Г).

В Переславле-Залесском (см. рис. 23) мы также видим «проходной» тип площади, которая вытянулась вдоль дороги из Владимира в Москву, пересекавшей грушевидной формы кремль по его длинной оси. Здесь усложняющим элементом явилась диагональная улица от северо-восточных ворот к западным. Слияние этой улицы с главной осью привело к образованию треугольной горловины площади, на северной стороне которой расположен древнейший памятник города — Спасо-Преображенский собор (середина XII в.).

В плане Московского Кремля (см. рис. 102) мы видим пример площади второго типа, который может быть определен как «тупиковый». Здесь площадь воспринимает пучок лучевых улиц, идущих от различных «проезжих» башен и сходящихся, как к своему фокусу, к комплексу царского и патриаршего дворцов. Суздальский детинец (см. рис. 118), хотя и имеет насквозь проходящую дорогу, но тем не менее площадь его приближается к тупиковому типу. Здесь центром притяжения пучка радиальных лучей является комплекс собора (1222 г.) и архиерейских палат (конец XVII в.). В г. Зубцове (Калининской обл.) встречаем интересную разновидность кремлевской площади, раскрывающейся в сторону Волги (см. рис. 86).

Во всех приведенных примерах площадь является композиционным центром кремля, подобно тому как сам кремль является композиционным ядром всего города в целом. В тех же случаях, когда укрепленный центр города служил главным образом для размещения

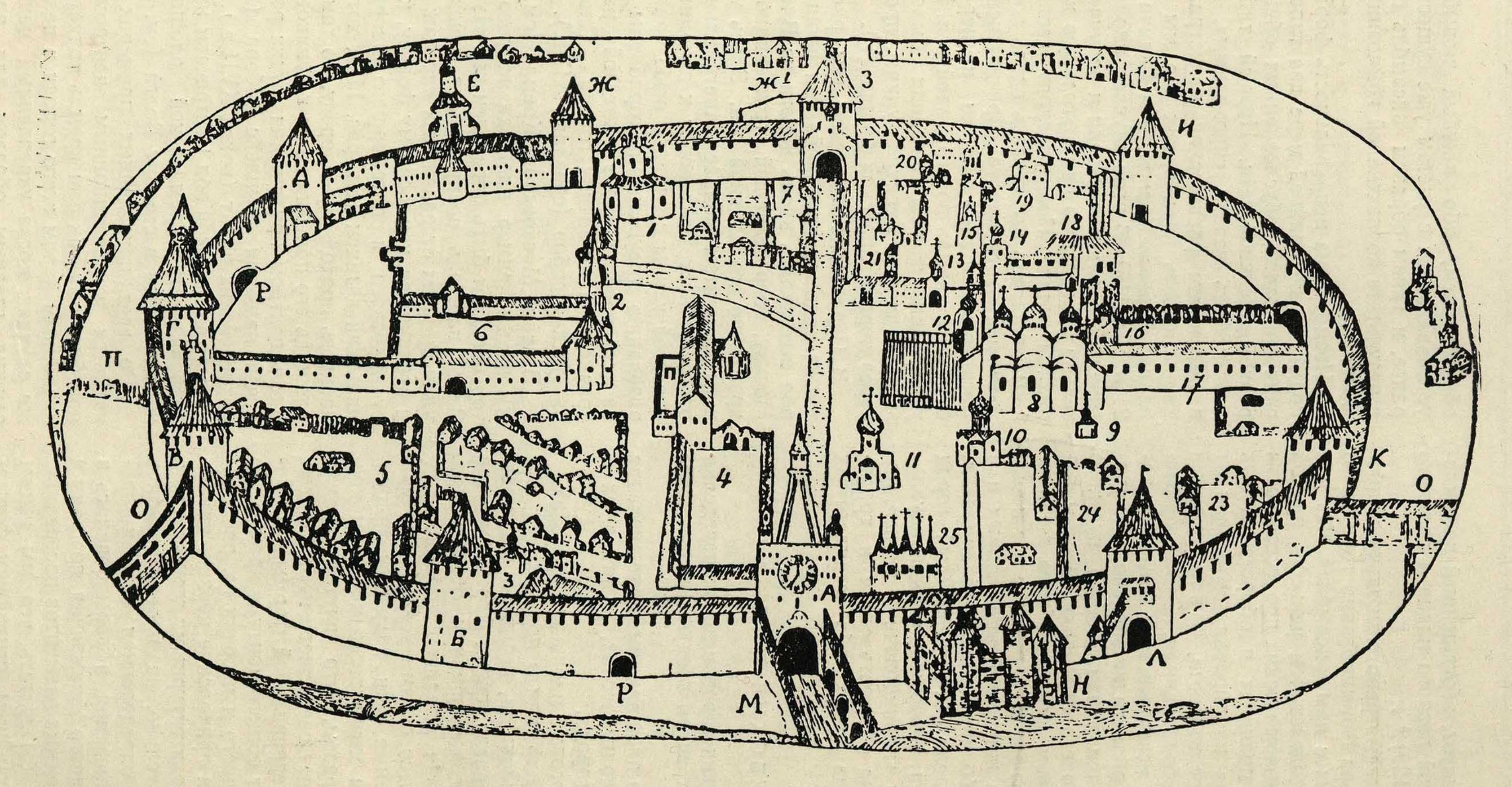


Рис. 130. Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви

А—Пречистенская (Богородицкая) башня; *Г*—Спасская башня; *Е*—Кокуй-башня; *З*—Воскресенская башня; *И*—Федоровская круглая башня; *М*—Великий мост; *Н*—Владычный остров; *О*—стены малого земляного города; *П*—мост из Спасских проездных ворот; *Р*—Водяные ворота; *4*—Наместничный двор (приказная палата); *5*—дворы приказных служащих; *6*—государевы и царевы и великого князя житницы; *7*—тюрьма; *8*—собор Софии; *17*—Никитский корпус; *18*—Иоанновский корпус; *19*—Митрополичий приказ; *22*—Евфимьевская башня; *23* и *24*—сытный и житный дворы; *25*—звонница

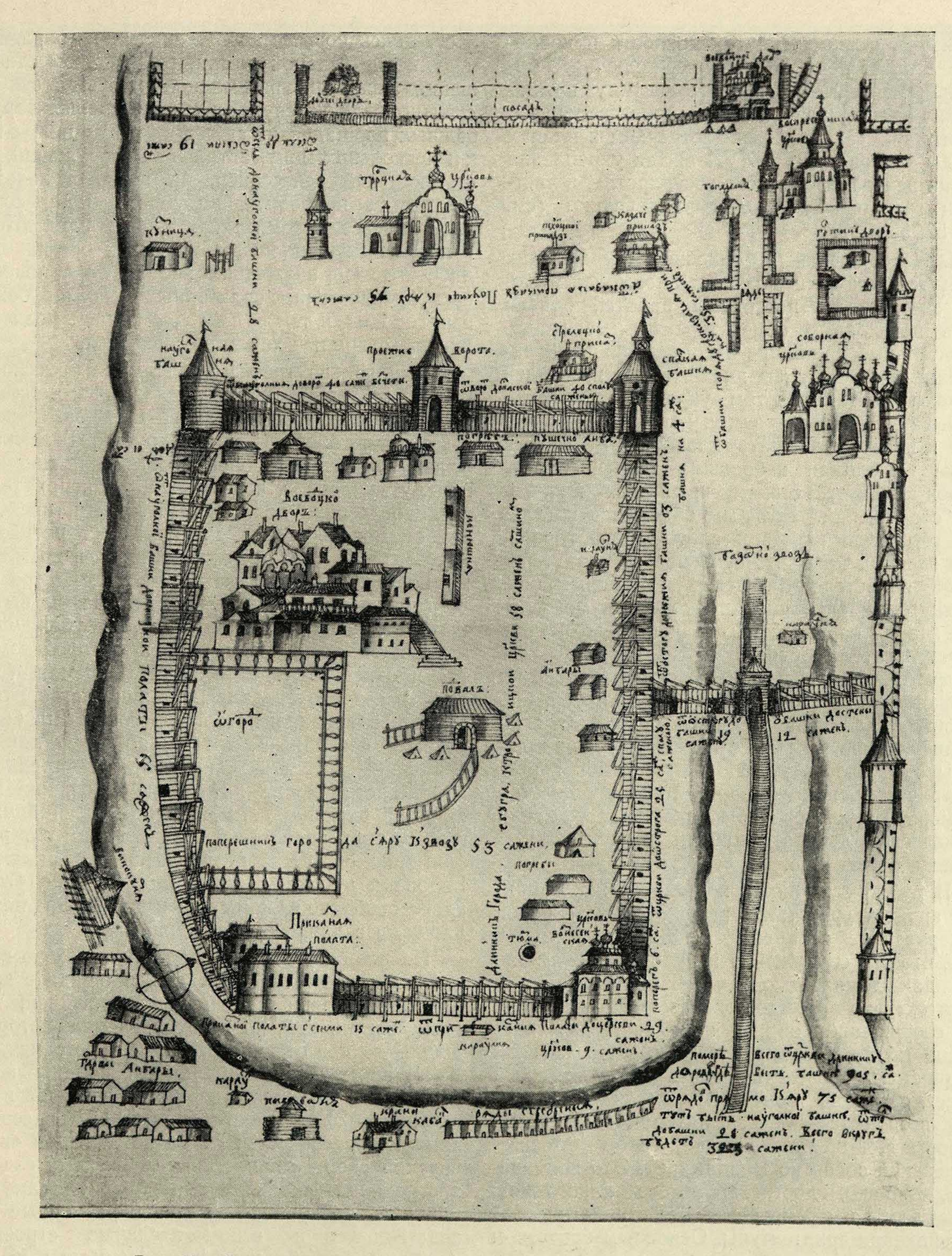


Рис. 131. Крепость и главная площадь в г. Тобольске (чертеж конца XVII в.)

гарнизона, площадь внутри крепости приобретала второстепенное значение, включаясь более или менее механически в систему прямоугольно-прямолинейной планировки крепостной территории. Такие решения встречаем в планах городов, основанных в XVII в. для укрепления окраин централизованного государства, в частности городов Сумы, Ахтырки, Суджи (см. рис. 52, 55, 53).

Характеристика и описание кремлевских площадей как архитектурных ансамблей выходит за пределы настоящей работы, однако здесь необходимо отметить основные градостроительные принципы их образования. В зарубежных городах мы аналогичных площадей не находим, так как там укрепленное местопребывание власти — замок — по своей структуре и не мог включать площади. Роль ее в замке выполняли небольшие дворы, со всех сторон замкнутые стенами крепостных или жилых сооружений. Если мы обратимся к главной городской площади зарубежного города, то и здесь увидим, что основной ее характеристикой является стремление к максимальной замкнутости; свободно стоящих монументальных зданий на такой площади не было. Лишь в результате «расчисток» XIX в. готические соборы оказались в ряде западноевропейских городов изолированными, и ансамбли средневековых площадей потеряли при этом свои специфические черты. Готические церкви и соборы строились в гуще жилых домов и рассматривались как дома, но только большого размера. Использование подобных сооружений в качестве декора площади относится уже к эпохе ренессанса.

В русских детинцах и кремлях как характер архитектуры, так и расположение соборов и церквей не оставляет никаких сомнений в том, что эти сооружения играли роль отдельно стоящих доминант определенного идейного и архитектурно-художественного значения. Одно из сооружений, образующих ансамбль площади, принимало характер основной, главной доминанты, господствовавшей как по своей массе, так и по монументальности трактовки над всей остальной застройкой (Софийский собор в Новгороде, Успенский собор в Москве, Успенский собор во Владимире). Это подчинение, однако, достигается без какого-либо стремления к симметрии и без стилистической унификации архитектуры. Основным средством при этом становится принцип контраста. Отсутствие строгой геометризации ансамбля позволяет по мере необходимости включать в него новые элементы без нарушения основной композиционной идеи. Ансамбль, таким образом, живет и развивается в течение столетий, обогащаясь новыми сооружениями и сохраняя подчинение главной доминанте. В этом отношении ансамбль кремлевской площади существенно отличается и от средневековых зарубежных площадей, не знающих г р у п п и р о в к и нескольких монументальных сооружений, и от площадей ренессанса, на которых нельзя ничего ни прибавить, ни убрать без реконструкции всего комплекса. Улицы вливаются в кремлевскую площадь свободно, без каких-либо изломов, внутренних ворот и тому подобных препятствий, характерных для зарубежных городов, и тем самым еще больше подчеркивают открытый характер ансамбля.

Отличие внутреннего ансамбля русского кремля от зарубежного средневекового замка в значительной мере объясняется различием в характере обороны того и другого. В замках основу внутренней обороны составляла система замкнутых дворов, через которые неприятель последовательно должен был пройти, прежде чем он мог добраться до центра сопротивления — донжона. В русских детинцах и кремлях мы подобной системы замкнутых элементов не встречаем, да вряд ли она и могла бы быть, ибо детинцы и кремли служили убежищем многочисленному населению, как городскому, так и окрестному. Вся защита кремля (детинца) сосредотачивалась на периметральных его укреплениях, к которым должен был быть открыт свободный доступ по всей линии. Отсюда — открытый ансамбль внутреннего пространства кремля. В этом отношении застройка русских детинцев и кремлей ближе к тому типу крепостной планировки, которая примерно с XVI в. развивается в Западной Европе и в основу которой положена была идея свободной коммуникации центральной площади с линией укреплений.

На планах русских городов, снятых во второй половине XVIII в., связь площади с крепостной оградой нарушена позднейшей, видимо, застройкой, но в тех чертежах, которые дошли до нас от конца XVII и самого начала XVIII вв., указанный принцип свободной коммуникации выражен совершенно ясно. На плане тобольской крепости (рис. 131) [10] в северном углу расположен свободно большой «воеводский двор» с прилегающим к нему садом, в середине — «подвал» для хранения амуниции и вдоль крепостной стены различные хозяйственные и вспомогательные строения (амбары, погреба, караульни, тюрьма и т. д.). Несколько необычным для русского кремля является расположение приказной палаты и церкви в составе укреплений — в виде угловых башен. Вся внутренняя территория крепости совершенно свободно сообщается

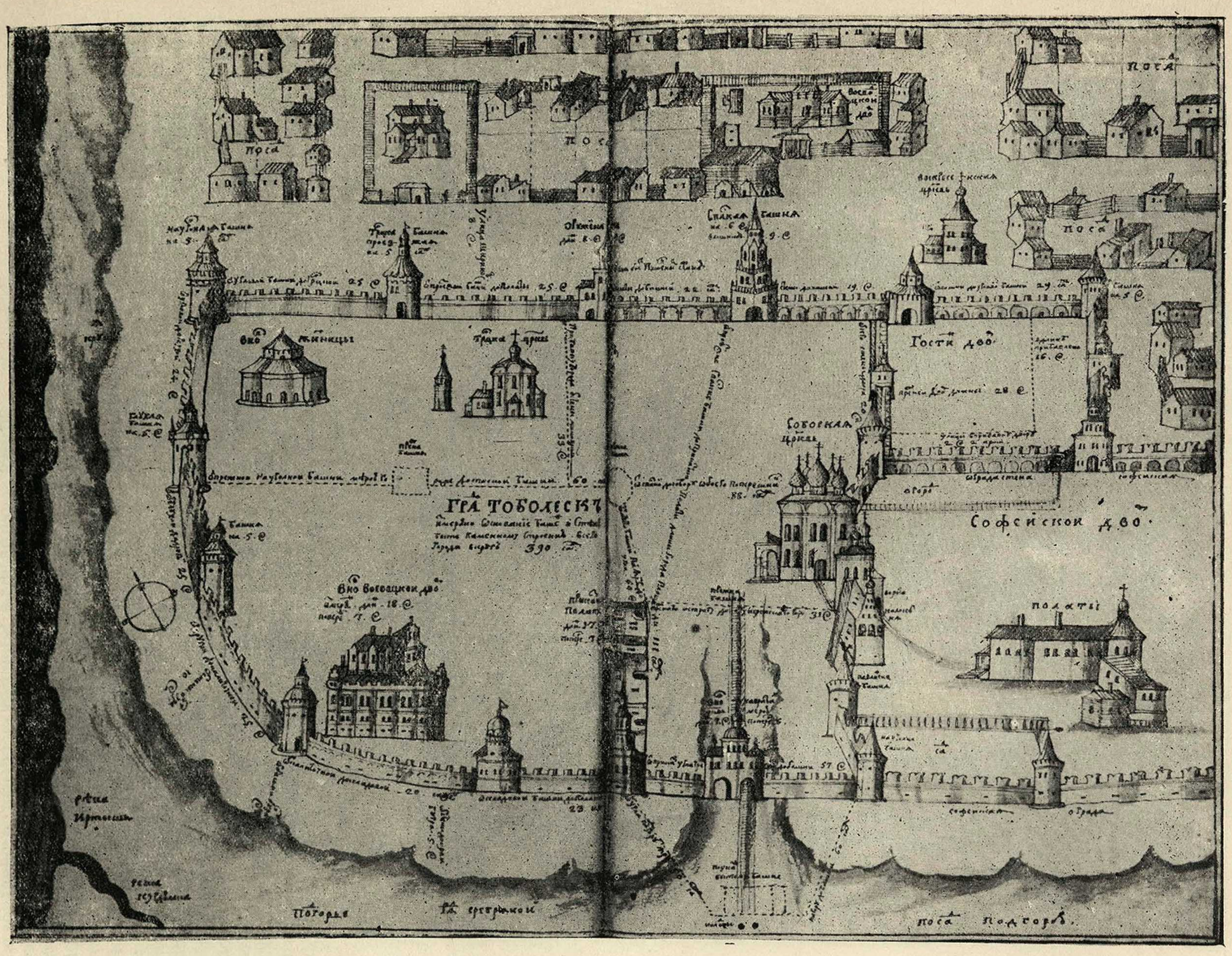


Рис. 132. Проект переустройства Тобольской крепости, составленный С. Ремезовым (чертеж конца XVII в.)

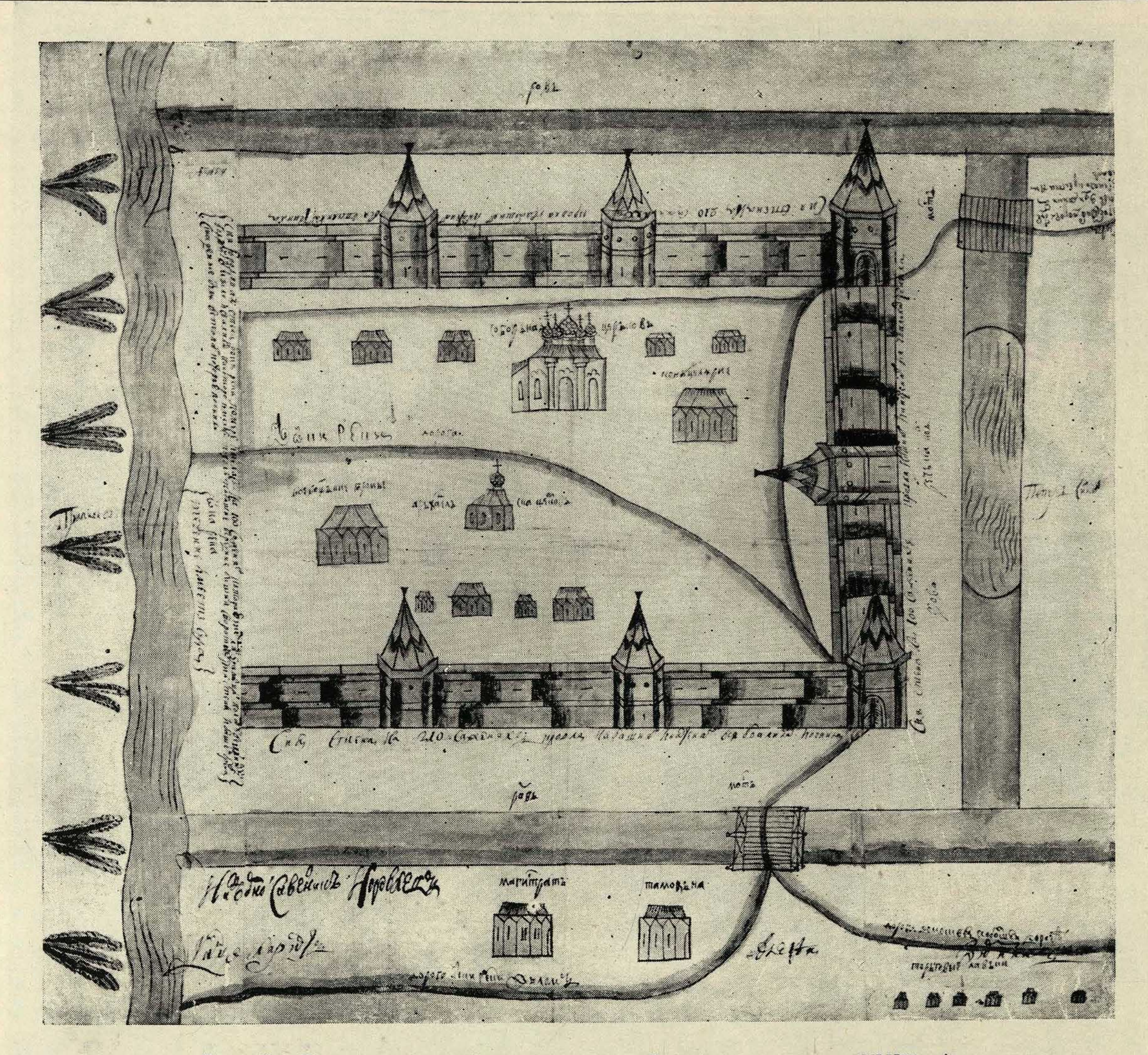


Рис. 133. План неизвестной крепости на р. Оке (чертеж начала XVIII в.)

с линией стен. В конце XVII в. С. Ремезовым по распоряжению Сибирского приказа был составлен проект устройства нового каменного «города» на месте старой деревянной крепости[11]. Согласно этому проекту (рис. 132) каменный город занял в северо-восточном направлении часть прилегавшей посадской площади с Троицкой церковью и гостиный двор, а в юго-восточном направлении включил овраг между двумя холмами, по которому поднимался въезд с нижнего базара, и подошел вплотную к стене Софийского архиерейского двора. В результате каменный город составился из 3 замкнутых элементов: военно-административного центра — крепости, религиозного центра — Софийского двора, и торгового центра — гостиного двора. Однако эти отдельные элементы ни по размерам, ни по характеру планировки ничего общего не имели с системой замкнутых дворов зарубежного замка. В крепости мы видим свободную постановку главных архитектурных объемов: воеводского двора, приказных палат, Троицкой церкви, житницы. Центральное пространство и территория вдоль стен оставлены совершенно свободными. Обрамление всего ансамбля образовано каменными зубчатыми стенами с ритмично расставленными башнями. Два элемента в этой ограде выделяются по своему архитектурному значению — Соборная церковь, включенная в стену Софийского двора, и надвратная церковь над двойной аркой Базарного взвоза.

Несколько иную картину мы видим в крепости Белгорода на чертеже XVII в. (см. рис. 49). Здесь площадь прямоугольной формы

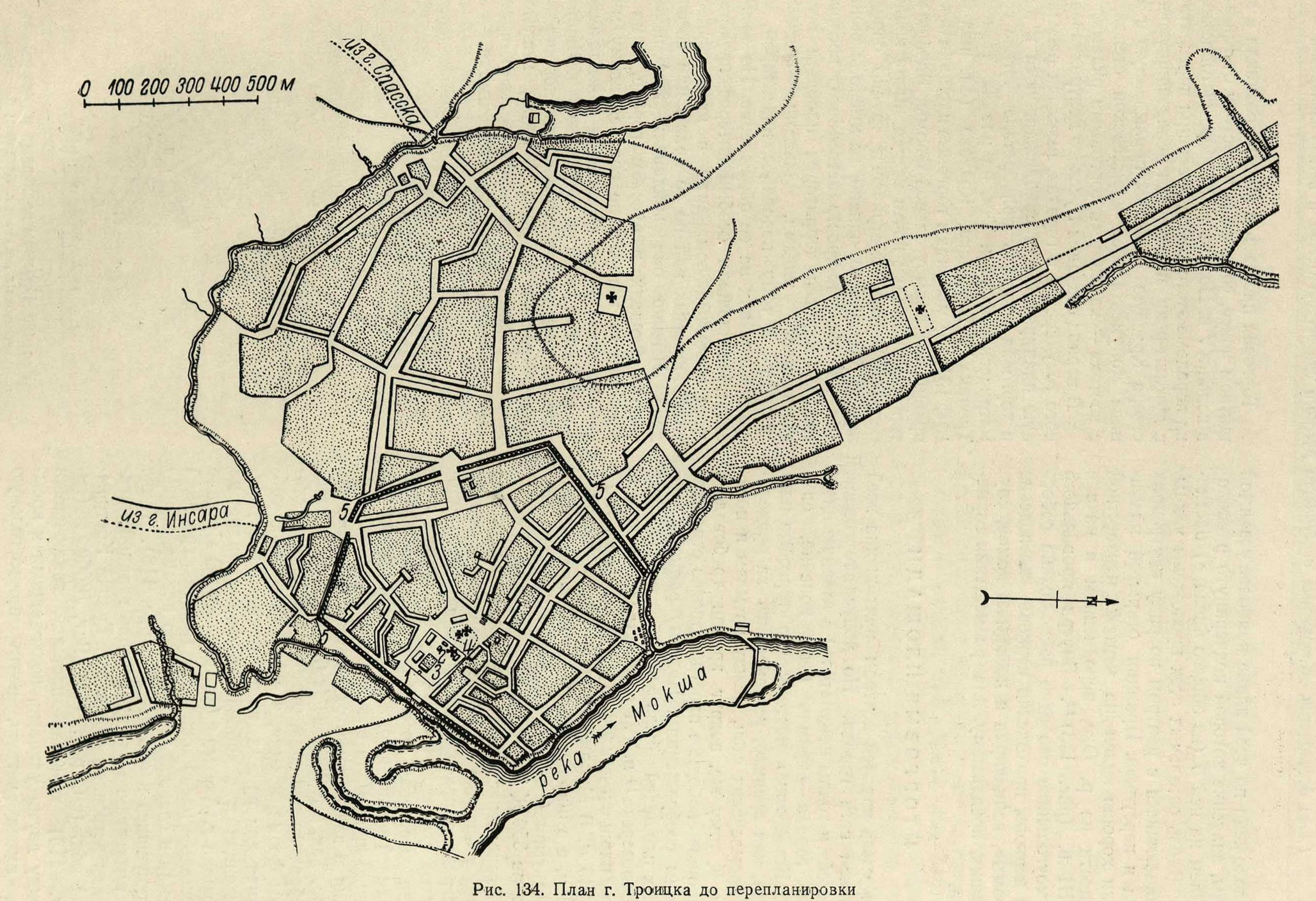


Рис. 134. План г. Троицка до перепланировки

1—земляной вал и ров; *2*—соборная церковь; *3*—дом городничего; *4*—дома присутственных мест; *5*—земляной вал и ров второго укрепления

расположена по всей длине наиболее уязвимой стены, значение которой подчеркнуто расположением на ней 5 (из общего числа 8) бастионов. Вдоль остальных стен проложены улицы, сообщающиеся с центром по ряду внутренних улиц и переулков. Принцип открытой планировки хорошо виден на чертеже неизвестной крепости на р. Оке, исполненном в начале XVIII в. (рис. 133) [12]. Внутри правильного прямоугольника свободно расположена соборная церковь, приходская церковь, «воеводские хоромы», канцелярия и несколько домов, служивших, повидимому, для размещения гарнизона.

4. ТОРГОВЫЕ ПЛОЩАДИ

Кремль являлся центром притяжения всей уличной сети города. Но допуск торговцев, «гостей» и толпы покупателей в главную цитадель города — кремль был, конечно, опасен. Естественно поэтому, что торговые площади, как правило, устраивались за пределами кремлевских стен, между кремлем и посадом. К тому же, вокруг кремля требовалось обширное свободное пространство по стратегическим соображениям. Поэтому размеры торговых площадей были весьма значительны. В Белозерске [13] в XVI в. при трехстах дворах была площадь длиной 511 *м* и шириной от 77 до 145 *м*. В Муроме площадь имела в длину 200 *м*, а в ширину от 26 до 55 *м*. На плане г. Алатыря (см. рис. 43) видна площадь размерами 350 × 120 *м*.

Располагаясь около кремля, площадь еще более усиливала значение городского центра как района притяжения и воспринимала множество сходившихся сюда улиц. Форма площади со стороны кремля определялась конфигурацией последнего, а со стороны посада она обычно принимала весьма разнообразные очертания в зависимости от системы подходивших улиц. Так, в г. Зубцове (см. рис. 86) была кольцеобразная площадь, отвечавшая с одной стороны форме кремля, а с другой — приспособленная для приема веера радиальных улиц. Тенденция к подобной же форме видна на площади г. Алатыря (см. рис. 43). В Суздале площадь расположилась между границей кремля и главной магистралью посада, сильно вытянувшись вдоль нее (см. рис. 118). Такое же вытягивание площади вдоль главной магистрали встречаем в плане г. Галича Костромской обл. (см. рис. 115). В г. Любиме (см. рис. 113) торговая площадь, заключенная между двумя улицами, подходящими к кремлю, имела четкую, почти прямоугольную форму.

Торговая площадь в Москве возникла в защитном поясе, созданном к востоку от Кремля в конце XV в. Покровский собор, поставленный на переломе этого пояса, завершил перспективу с Москвы-реки и оформил образовавшуюся с севера Красную площадь, обрамленную с запада монументальной кремлевской стеной, а с востока — каменными торговыми рядами.

В период создания Русского централизованного государства в городах, имевших регулярную планировку или приближавшуюся к ней, и торговая площадь приобретала четкие геометрические формы. Так, на планах Тюмени, Троицка [14], Тобольска, Козлова (см. рис. 65, 134, 131, 45) мы видим торговые площади почти правильной прямоугольной формы. Вообще же торговые площади почти всегда имели крайне неправильную, геометрически трудно определимую форму. Это, однако, не имело значения для их объемно-пространственного восприятия, так как вся территория площади густо заставлялась рядами, лавками, полками, скамьями и тому подобным инвентарем, закрывавшим вид на ее обрамление. Но зато в ансамбле площади особый интерес представляли объемные доминанты в виде церквей, расположенных или по ее краям или посередине. Именно они придавали живописный эффект площади в русском городе, а не ее замкнутость, которая, по справедливому мнению Камилло Зитте, характерна для площадей в зарубежных городах средневековья. Лишь со стороны кремля, как это особенно хорошо видно на Красной площади Москвы, монументальное обрамление вступало в свои права, подчеркивая главную сторону ансамбля.

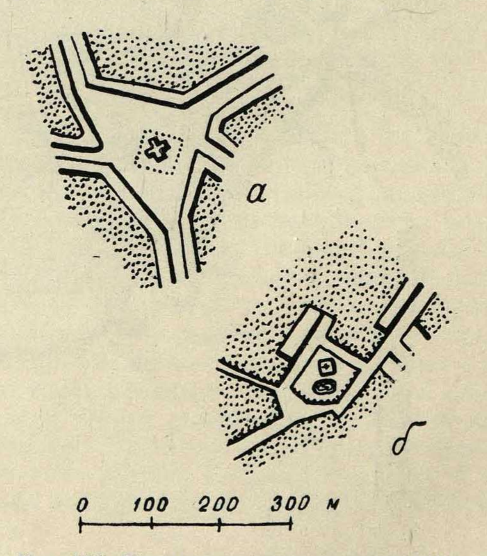


Рис. 135. Примеры церковных площадей
а—треугольная площадь в г. Лебедине; *б*—площадь в г. Ростове Великом

5. ЦЕРКОВНЫЕ ПЛОЩАДИ

Приходские церкви, располагавшиеся на посадах древней Руси, играли роль местных общественных центров для отдельных участков города. Часто маленькая церковь не вмещала всех прихожан, и тогда толпа стояла вокруг нее, заглядывая в оконца. Надо полагать, что церковные площади служили и для светских сборищ и развлечений. Кроме того, и из соображений пожарной безопасности деревянные церковные здания должны были удаляться от жилых домов. Нередко рядом с церковью располагалось и кладбище. Все это приводило к устройству вокруг церкви сравнительно больших свободных пространств, до некоторой степени отвечающих нашему представлению о городской площади.

Часто церкви строились в уширениях улиц, имевших вид открытых дворов. Когда церковь располагалась на перекрестке, для нее иногда устраивалась площадь в виде «кармана» по одну сторону какой-либо улицы (рис. 135б) [15]. При этом нередко площадь принимала трапецевидную или треугольную форму. Ряд площадей подобного типа можно видеть на планах Путивля (см. рис. 98), Пскова (см. рис. 95), Нижнего Новгорода (см. рис. 34), Ярославля (см. рис. 94). Иногда церковная площадь располагалась в узком квартале, выходя при этом на две параллельные улицы. Расположение церкви в развилке улиц приводило к образованию треугольной площади (рис. 135а) [16]. Наконец, во многих случаях церковные площади устраивались в стороне от главных улиц — в глубине группы кварталов или большого квартала с доступом лишь по изломанным маленьким переулкам. При всем разнообразии перечисленных приемов можно заметить в них общую черту: церковные усадьбы располагались, за некоторыми исключениями, так, что не загромождали движения по улицам, оставаясь большей частью сбоку основной трассы.

Следствием таких приемов размещения церквей является боковое завершение перспективы улиц, подходящих к церковной площади. Лишь редко можно встретить осевое замыкание перспективы улицы какой-либо церковью. Исключение в этом отношении представляет план г. Тюмени. Но площади Тюмени, правильные по своему общему построению, все же имеют живописные отклонения от «идеальной» формы в тех местах, где это вызывается особыми топографическими условиями, или же требованиями удобной коммуникации. Особенно интересна в этом отношении площадь в юго-восточном углу города с церковью Знамения Богородицы. Угол площади срезан рядом уступов, как бы для более удобного выхода к дуговой улице, ведущей к Знаменским воротам, на Тобольскую дорогу. В результате площадь получила своеобразную трактовку.

6. ЗЕЛЕНЫЕ НАСАЖДЕНИЯ

В рассмотренных планах старых русских городов отсутствуют зеленые насаждения общественного пользования того типа, который под названием «гульбищ» появляется позднее в так называемых «прожектированных» планах. Но некоторые материалы все же говорят о наличии зеленых насаждений как внутри территории города, так и на его периферии, о роли их в городской жизни. Известно, что посады и слободы русских городов не были сплошь застроены, а зачастую разделялись различными сельскохозяйственными угодьями, фруктовыми садами, выгонами и т. п. Для отдыха и развлечения горожан могли в особенности служить берега водных протоков,

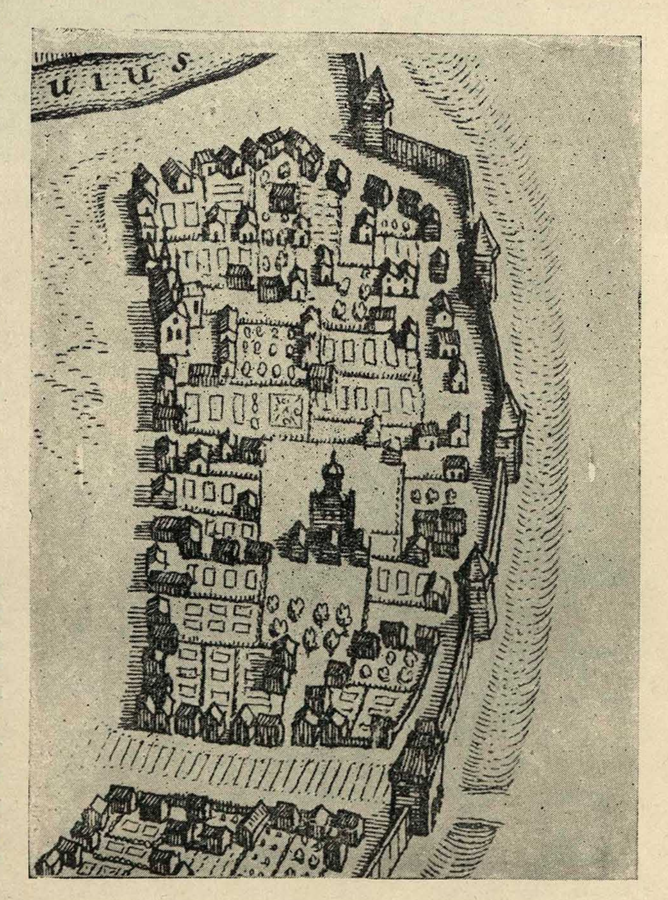


Рис. 136. Сад в одном из кварталов «Скородома» (по плану Москвы 1643 г.)

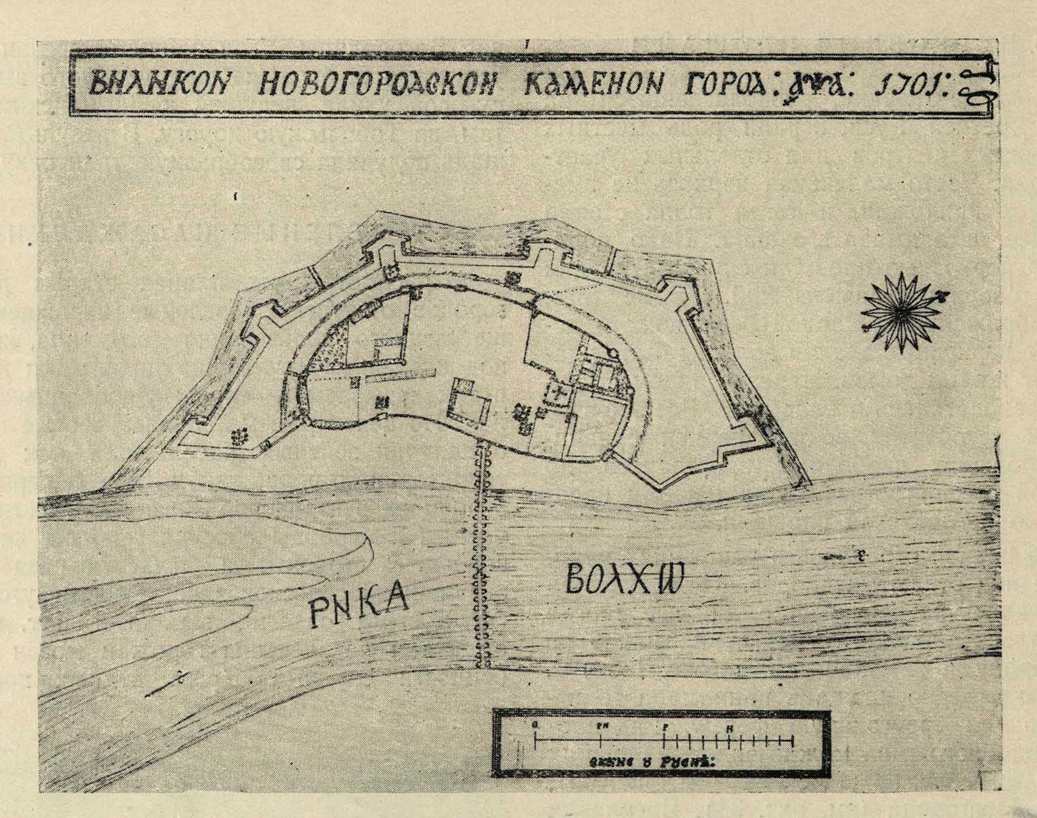


Рис. 137. План Новгородского детинца 1701 г.

озер и прудов. Однако только в одном из планов мы видим парковую трактовку этих берегов. На плане Ахтырки Сумской области показано озеленение берегов реки, ее заливов и стариц, вдающихся глубоко в жилые районы; показано на нем и озеленение пространства вокруг некоторых озер, включенных в черту города (см. рис. 55).

Рис. 138. Круглый «аптекарский» сад в с. Измайлове XVII в.

Об использовании уголков природы для гуляний в XVI и XVII вв. сообщает Побойнин в своей «Торопецкой старине»[17]: «Самым главным и всеобщим народным празднеством в Торопце было «гулянье в рощах» около горы Восстании. В течение нескольких дней с четверга после Троицына дня и до понедельника включительно почти все городское население проводило ежедневно несколько часов, в толпе гуляющих... торговцы, конечно, пользовались случаем поторговать на гуляньях около церквей и в рощах различными лакомствами. Отовсюду стекавшиеся скоморохи здесь имели возможность показать свое искусство».

В литературе имеются определенные свидетельства о наличии общественных садов в Новгороде. Несмотря на тесноту застройки, сады в Новгороде существовали во времена его самостоятельности. Летопись дает нам немало указаний на общественные сады, но говорит она о них только мимоходом, к тому же дает названия недостаточно определенные. В этом случае, как и во многих других, толкователем

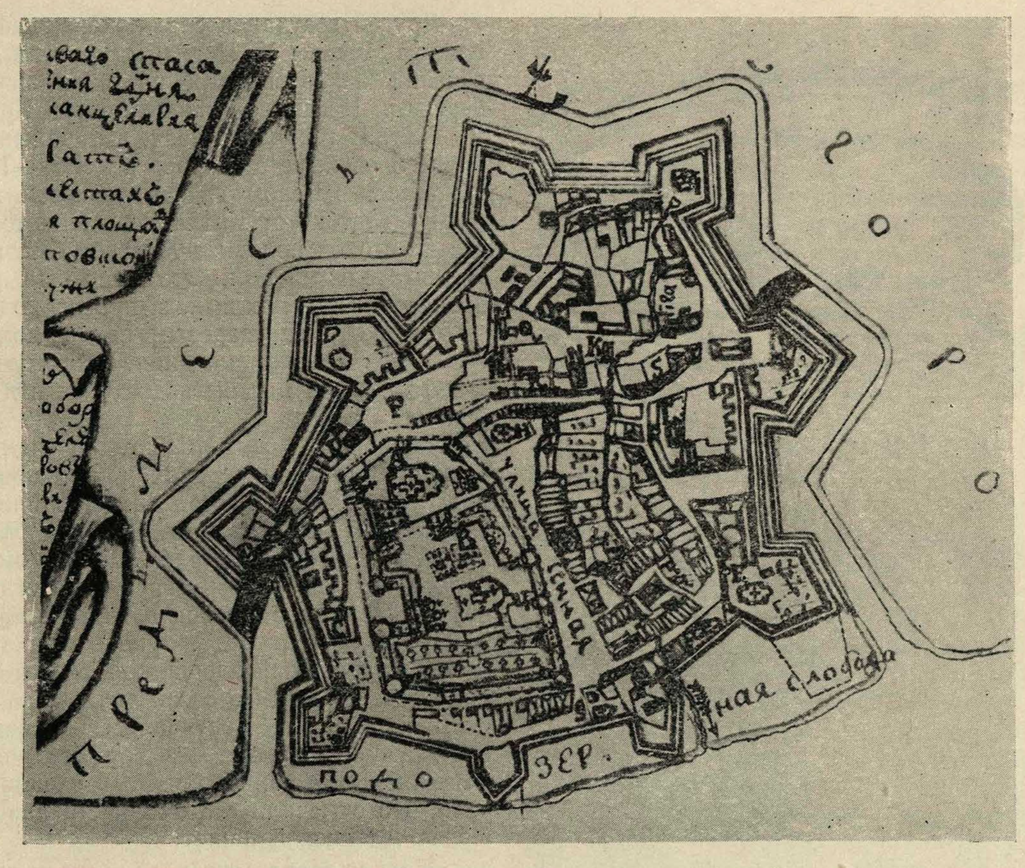


Рис. 139. План ростовского кремля с указанием садов в архиерейском комплексе

летописных названий является изображение города на Знаменской иконе.

Один из общественных садов Новгорода под названием Рля изображен на иконе в виде круглого огороженного пространства на Славне, засаженного деревьями.

Находясь среди дворов богатых обывателей Славна, Рля была общественным садом с глубокой древности, сюда сходились деловые торговые люди и для отдыха и для бесед. Другой общественный сад древнего Новгорода показан художником, писавшим Знаменское изображение, на месте Хутынского подворья. Он обнесен оградой с открытым близ южного угла ее входом, не имеющим ворот, что дает основания предполагать общедоступность этого сада. Подлинник Знаменского плана утерян, но и на плохо изданных копиях его указанные сады все же видны.

В Новгороде были, повидимому, и частные сады, доступные для населения. Об одном из них летопись упоминает под 1508 г. [18]. Интересно для истории озеленения городов сообщение Новгородской летописи о том, что в 1469 г. сажали «топольцы» на Славкове улице [19].

Более определенные материалы имеются о московских садах. Большой государев сад был разведен в 1495 г. в Замоскворечье против стен Кремля, для чего предварительно была очищена местность, снесены все находившиеся

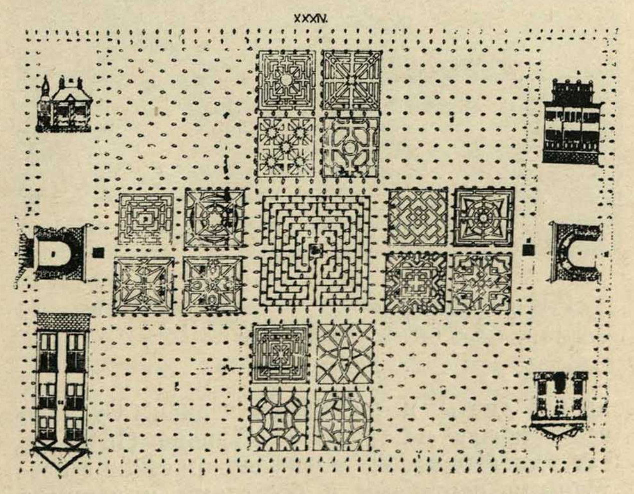


Рис. 140. Сад при потешных палатах в с. Измайлове XVII в.

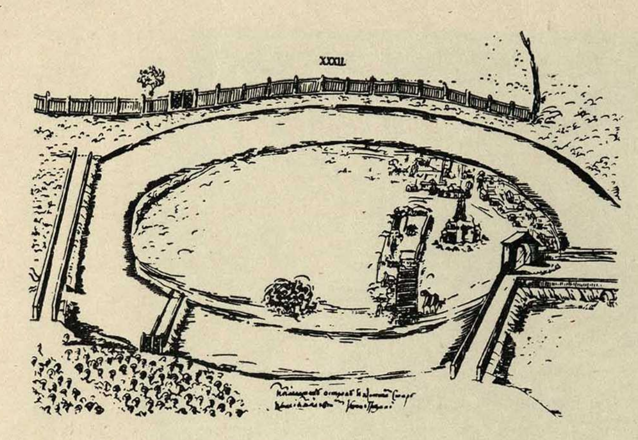


Рис. 141. План Измайловского острова с плотинами XVII в.

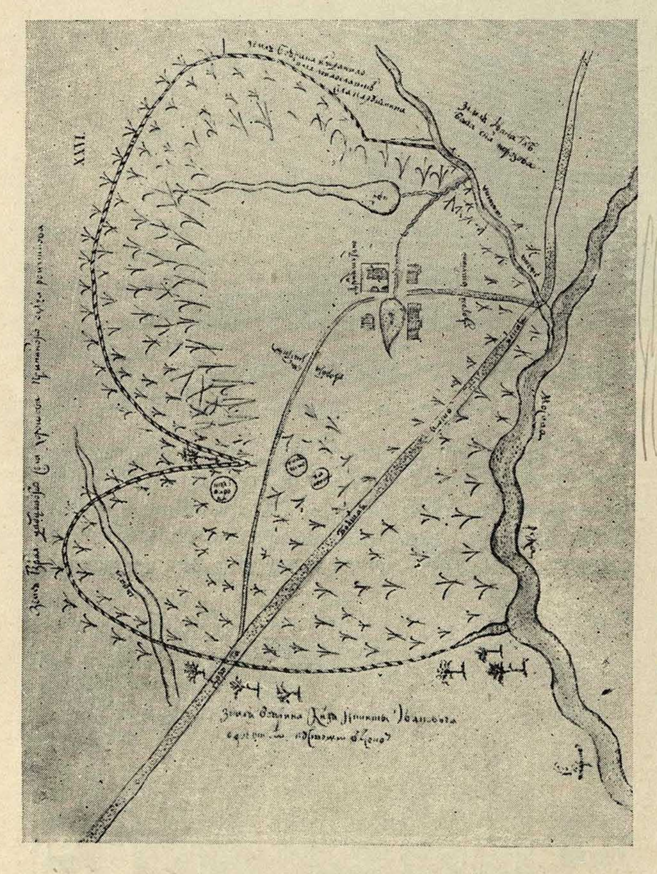


Рис. 142. Ситуационный план деревни Шугино в окрестностях Москвы XVII в.

на ней дворы и разобраны церкви. Судя по изображению на гравюре Мериана (1643 г.), сад этот был разбит в регулярном стиле с цветочными партерами и боскетами и занимал территорию около 10 *га* (см. рис. 104).

Другой государев сад, показанный на всех планах Москвы XVII в., был разбит для разведения лекарственных растений на правом берегу р. Неглинной также против Кремля.

Третий государев сад, изображенный на плане в альбоме Мейерберга (1661—1662 гг.), находился в Белом городе у самой Москвы-реки к востоку от Китай-города на том месте, где во второй половине XVIII в. был построен Воспитательный дом. Этот сад был расположен вдали от Кремля и, в противоположность двум другим государевым садам, показан на плане почти без ограждения. Поэтому надо полагать, что он мог быть доступен и для населения.

На плане Москвы 1643 г. мы видим также немало садов при церквах и монастырях. Эти сады до некоторой степени находились в общественном пользовании. Так, на рис. 136 [20] показан один из кварталов «Скородома», расположенный на левом берегу р. Неглинной у пересечения ее с внешней городской стеной. В глубь квартала ведет тупичок, заканчивающийся озелененной площадкой, за которой расположена церковь со своей усадьбой.

Все эти сады — государевы, церковные, монастырские и частные — вместе создавали впечатление необычайно богато озелененного города, что отмечали все путешественники. Так, Павел Алеппский пишет:

«Москва город открытый и очень привлекательный. Когда вы идете, перед вами постоянно вид полей, лугов и сел... Против водяных ворот Кремлевских стен, за рекой находится много садов, принадлежащих государю» [21].

Павел Иовий в своем трактате, появившемся впервые в 1525 г., сообщает со слов толмача Дмитрия Герасимова:

«При каждом почти доме есть свой сад, служащий для удовольствия хозяев и, вместе с тем, доставляющий им нужное количество овощей; от сего город кажется необыкновенно обширным» [22].

Несомненно, что озеленение русского города в основном имело утилитарно-хозяйственное значение; тем не менее его ландшафтный эффект поражал иностранцев, привыкших к чрезвычайно тесной застройке своих городов, исключавшей возможность какого-либо озеленения.

Сады, преимущественно декоративного характера, устраивались в укрепленных центрах русских городов при жилищах представителей высшей светской или духовной власти. Известны так называемые «Красные набережные сады», устроенные в Московском Кремле близ Боровицких ворот в первой половине XVII в. На плане новгородского детинца 1701 г.

(рис. 137) [23] виден небольшой сад близ Спасской башни. Сады были на усадьбе ростовского архиерейского дома (рис. 139) [24]. Ясно выраженный декоративный характер, судя по узорчатой ограде, имел сад, показанный на плане Тобольской крепости рядом с воеводским двором (рис. 131) и сад, показанный на проекте переустройства этой крепости у палат Софийского двора (рис. 132). Подмосковные царские усадьбы (Коломенское, Измайлово и др.), судя по сохранившимся чертежам и описаниям, представляли собой интересные образцы садово-паркового искусства. Утилитарно-хозяйственное назначение сочеталось в них с увеселительным и декоративным. В этих усадьбах регулярные элементы (как «круглый аптекарский огород» или сад при «потешных палатах») вкрапливались в живописнейший ландшафт рощ, фруктовых садов, прудов с островками, в извилистую сеть речек, каналов, дорожек (рис. 138, 140, 141, 142) [25]. «В небольших расстояниях от города виднеются несколько летних дворцов, назначенных для отдохновения царей, куда они имеют обыкновение, по временам, удаляться... Среди них не последнее место принадлежит селу Измайлову, обладающему знаменитым обширным садом... со многими извивающимися дорожками» [26].

Таким образом, можно считать, что уже в XVII в. в русском садово-парковом искусстве были заложены основы совместного использования регулярных и свободных форм, получившие блестящее дальнейшее развитие в русских садах и парках XVIII в.

7. ДЕТАЛИ ПЛАНИРОВКИ ЖИЛЫХ КВАРТАЛОВ

Характерную живописность жилым районам придают открытые дворы, ответвления улиц во внутрь кварталов, кольцевые и полукольцевые проезды и различные их сочетания. Эти элементы планировки, широко применяемые и в наши дни, заслуживают особого внимания. До недавнего времени появление их в советском градостроительстве приписывалось влиянию современных зарубежных образцов. Поэтому изучение весьма многочисленных и необычайно разнообразных примеров их применения в планировке древнерусских городов представляет большой интерес.

Прежде всего, следует остановиться на происхождении уличных ответвлений во внутрь кварталов и на их различных формах.

На плане г. Перевоза (Горьковской области) (рис. 143) [27] показаны два больших квартала — с восточной и южной сторон торговой площади. Южный квартал представляет собой большой сельскохозяйственный массив, только с двух сторон обрамленный застройкой. Повидимому, и восточный квартал ранее представлял такую же картину. Со временем появилась необходимость разместить некоторое количество новых домов поблизости от главного центра — торговой площади. Вполне естественно, что для этой цели было использовано внутриквартальное пространство, и часть сельскохозяйственной территории была отведена для новых домов с их усадебными участками. При массовом характере новой застройки, как это, например, имело место при расселении 2000 стрельцов в Путивле, приходилось большие сельскохозяйственные массивы разбивать новыми улицами на ряд мелких кварталов. Если же строилось всего несколько домов, то вместо устройства дополнительных сквозных проездов, разумеется, проще было проложить к новым домам более или менее короткое ответвление от ближайшей улицы. Так, вероятно, и возникла внутренняя планировка в восточном квартале г. Перевоза. Различные конкретные условия как топографические, так и землевладельческие, приводили к бесконечному разнообразию внутриквартальных уличных ответвлений. Это хорошо видно на планах Ростова Великого, Суджи и Белева. На рис. 144а мы видим Т-образное ответвление с весьма длинной перекладиной [28]. Здесь, как и в г. Перевозе, застройка идет не вглубь квартала, а вдоль ближайшей улицы; на рис. 144б ответвления поворачивают параллельно улице лишь в одну сторону; на рис. 144в ответвление заканчивается просторной поворотной площадкой свободной формы; на рис. 144г и 144д ответвление служит для доступа к внутриквартальному водоему; на рис. 144е ответвления являются продолжением подходящих к кварталу улиц; наконец, на рис. 144ж показан простейший пример перпендикулярного к улице ответвления с двусторонней застройкой.

Происхождение открытых дворов также в большинстве случаев нетрудно объяснить. Они обычно представляют собой небольшие уширения улиц, вдающиеся в квартал, и предназначены для размещения на них церквей (рис. 145а, 145б) [29]. При обилии церквей в русских городах нередко можно встретить целую группу открытых дворов, расположенных рядом, иногда по нескольку даже в одном квартале. Так, по главной улице г. Галича рядом расположены три открытых двора, в каждом из которых по 2 церкви (см. рис. 115). В г. Болхове также на главной магистрали — два открытых двора с церквами в одном квартале

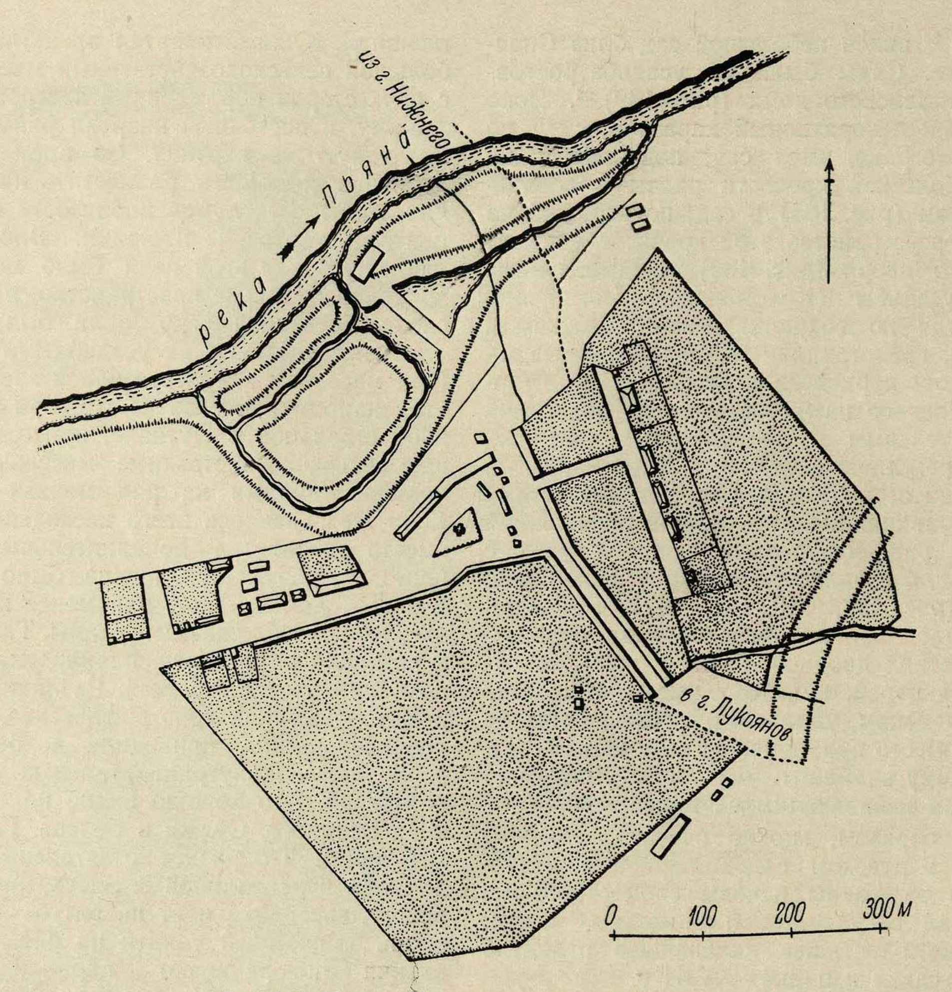


Рис. 143. План г. Перевоза до перепланировки

(см. рис. 42). В тех случаях, когда мы не находим церквей в открытых дворах, можно предполагать все же, что они там когда-то были (рис. 145в). Иногда встречаются открытые дворы, явно устроенные для включения в них водоема (рис. 145г).

В результате деления больших массивов на более мелкие элементы во многих русских старинных городах встречаются своеобразные комплексы кварталов, напоминающие современные приемы планировки квартальных групп. В современных условиях эти группы создаются преднамеренно вследствие деления улиц на магистральные — для транзитного транспорта, и на жилые — предназначенные только для доступа к домам, на них расположенным. Встарину получались формы, внешне схожие с современными, но создавались они в результате медленного процесса развития застройки, когда каждый из крупных массивов между магистралями развивался самостоятельно. На плане Москвы 1739 г. (см. рис. 105) мы видим несколько интересных примеров подобных квартальных групп, изображенных на рис. 146а, б, в, г [30]. Особенно интересны такие группы, в центре которых расположена площадь или какой-либо иной элемент, объединяющий композиционно все кварталы, составляющие группу. Так, на рис. 146а объединяющим элементом является живописный пруд с островком. В других случаях композиция приобретает живописный характер вследствие сочетания кольцевых проездов, ответвлений, открытых дворов, как это мы видим в группах кварталов Суджи, Болхова и Миргорода (рис. 147а, б, в) [31].

Решающее значение для ансамблей жилых районов имел, конечно, характер застройки кварталов. По тем планам, на которых застройка изображена, мы можем судить о просторности кварталов старого русского города. Только по краям кварталов видны узкие по-

лоски, занятые собственно «дворами», то есть жилыми и хозяйственными строениями. Вся же остальная внутриквартальная площадь отводилась под огороды и сады. В особенности показателен в этом отношении план г. Путивля (рис. 148) [32], на котором детально показана застройка и свободные внутриквартальные пространства. На некоторых планах конца XVII или самого начала XVIII вв. видно, как располагалась застройка в кварталах. Так, на плане г. Парфеньева Костромской области (рис 149) [33] и на изображении г. Луха Ивановской области (рис. 150) [34] видны обстроенные по периферии кварталы со свободными внутренними пространствами. По такому же принципу организованы кварталы в слободах г. Владимира (см. рис. 20). Имеются и прямые указания современников на обилие садов и огородов при жилых домах в русских городах.

Общий характер застройки русских городов в виде индивидуальных усадеб с огородами и садами не вызывает сомнений. Несколько сложнее решение вопроса о плотности застройки и о размерах разрывов между домами.

На некоторых планах, например, на плане г. Владимира 1715 г. (по датировке Н. Н. Воронина) [35], мы видим большие блоки жилых домов, прилегающих друг к другу вплотную, без всяких разрывов (см. рис. 20). Такую же плотную застройку находим на плане ростовского кремля (рис. 139). Раскопки в Старой Ладоге и в Новгороде открыли ряды деревянных изб, вплотную прилегавших друг к другу [36].

С другой стороны, имеется немало данных и о застройке открытого типа — с большими или меньшими разрывами. На планах Парфеньева (рис. 149), Луха (рис. 150), Борзны (рис. 127) показано расположение домов на некотором расстоянии друг от друга. Такой же тип застройки показан и на плане части г. Новгорода Великого конца XVII в. (см. рис. 121).

Можно предполагать, что сплошная сомкнутая застройка имела место, главным образом, в центральной укрепленной части города, где на незначительном пространстве во время осады необходимо было сосредоточивать большое количество населения. Повидимому, и в ближайших к крепости кварталах дома также располагались с чрезвычайно малыми разрывами, а иногда и совсем без них. Совершенно естественно ожидать большей плотности населения и большей тесноты застройки в более защищенных частях города. Убедительное подтверждение этому находим в планах Москвы XVII в., например, на плане 1643 г. (см. рис. 104). Здесь в пределах Белого города застройка значительно плотнее, кварталы

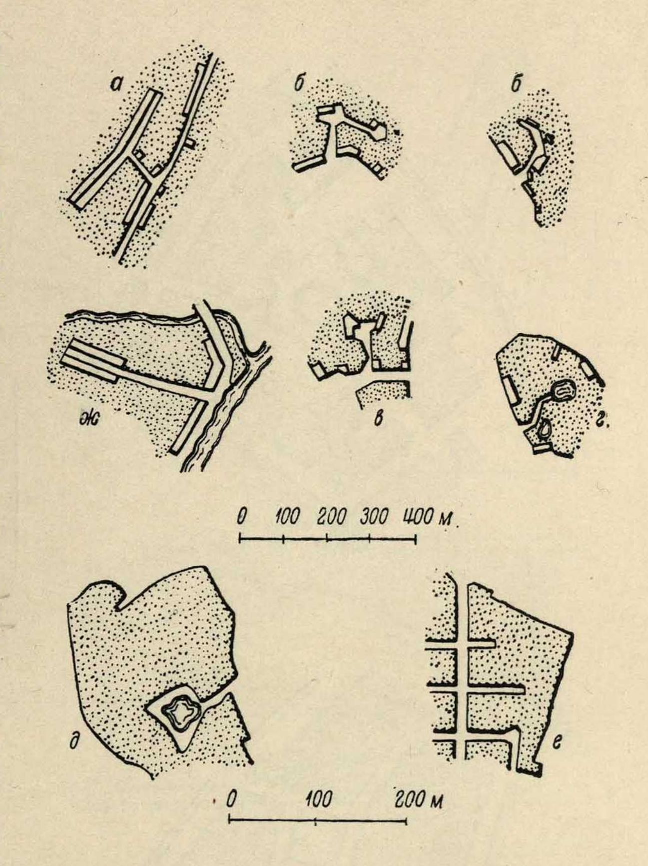


Рис. 144. Примеры уличных ответвлений в кварталы
а, б, в, е, ж — въезды в квартал; *г, д* — подъезды к внутриквартальным водоемам

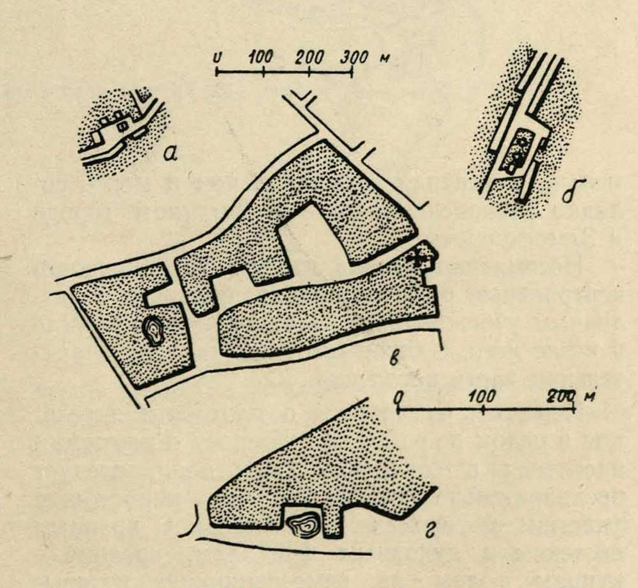


Рис. 145. Примеры открытых дворов
а — открытый двор с церковью; *б* — открытый двор с двумя церквами; *в* — группа кварталов с открытыми дворами; *г* — открытый двор с прудом

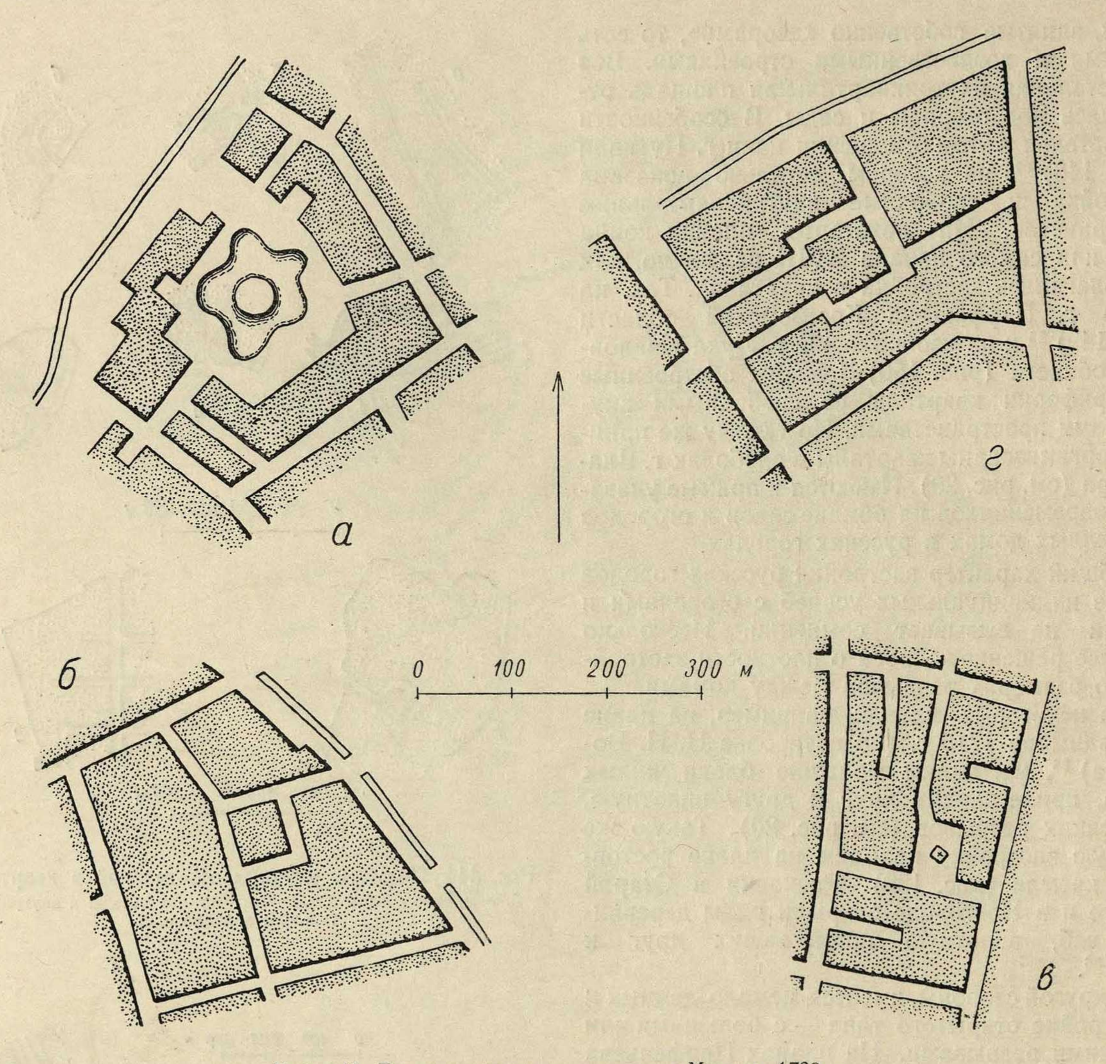


Рис. 146. Группы кварталов из плана Москвы 1739 г.

мельче и уличная сеть гуще, чем в менее солидно защищенной части — Земляном городе и Замоскворечье.

Несомненно также, что на уплотненность центральных районов влияла близость к различным учреждениям, находившимся в Кремле и возле него, с которыми была связана значительная часть населения.

Переходя от вопроса о плотности населения в целом по районам к вопросу о плотности населения в отдельных кварталах, следует предварительно отметить, что наибольшие участки в городах принадлежали крупным светским и духовным феодалам, средние — купцам и тем из ремесленников, которые помимо заработка от ремесла дополнительно занимались огородничеством в пределах своей усадьбы, наименьшие — ремесленникам, жившим на доходы исключительно от своего ремесла, и прочему люду, работавшему по найму. Чрезвычайное разнообразие в экономическом состоянии городских жителей приводило к весьма сложному и пестрому распределению участков по размерам и плотности населения. А. С. Лаппо-Данилевский сделал попытку по данным первой половины XVII в. осветить вопрос о размере посадских мест (двор и огород) в провинциальных городах. Чрезвычайные колебания найденных величин позволили ему наметить лишь некоторые, самые общие закономерности, приводимые ниже.

1. Обыкновенно глубина участка (длинник) бывала больше ширины его (поперечник).

2. Разнообразие длинников было менее значительно, чем разнообразие поперечников,

то есть глубина участков имела большую устойчивость по сравнению с шириной.

Это обстоятельство можно объяснить, повидимому, известным однообразием в ширине кварталов, обусловленным, в свою очередь, параллельностью ограничивающих квартал улиц.

3. Третья черта, объединяющая иногда разнообразные величины городских мест, состоит в полном тождестве их площадей, расположенных друг подле друга по одной стороне какой-либо улицы или ее части.

Это обстоятельство также свидетельствует о регулярности в разбивке участков, во всяком случае, в пределах некоторых районов.

Лаппо-Данилевский отказывается характеризовать какими-либо средними величинами абсолютные размеры дворового места, так как при значительных колебаниях этих размеров средние величины весьма мало выражали бы понятие о действительной величине места. Поэтому Лаппо-Данилевский указывает лишь на то, что величина посадского места в большинстве случаев бывала не менее 10 кв. саж. (45 $м^2$) и не более 200 кв. саж. (910 $м^2$), в более редких случаях 300 кв. саж. (1 365 $м^2$).

Касаясь распределения дворовых мест различных величин в плане города, Лаппо-Данилевский справедливо указывает:

«Ближе определяло величину двора в некоторых, хотя и не во всех городах, его местоположение, на остроге или на посаде. Естественно, что в остроге землею дорожили, и потому двор тут редко превышал 100 кв. саж.».

«Вторым определяющим началом величины городского места была принадлежность его тому или другому разряду (классу) населения» [37].

Более конкретные данные, характеризующие планировку участков и кварталов различных классов городского населения XVII в., находим в книге П. и Б. Гольденбергов «Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв.» В качестве исходных материалов авторы этой книги использовали планы отдельных мест Москвы XVII в., сохранившиеся в архивах и частично опубликованные. Приводим здесь некоторые из этих планов. На рис. 151 [38] изображен план двора Стрешнева, дающий представление о планировке московской усадьбы крупного феодала XVII в. Общая площадь усадьбы составляет 3780 кв. саж. (то есть около 1,7 *га*). По своей планировке городской двор феодала имитирует сельскую усадьбу с ее многочисленными службами, просторными парадным двором и садом. Хотя двор оторван от сельской производственной базы, он «воспроизводит все

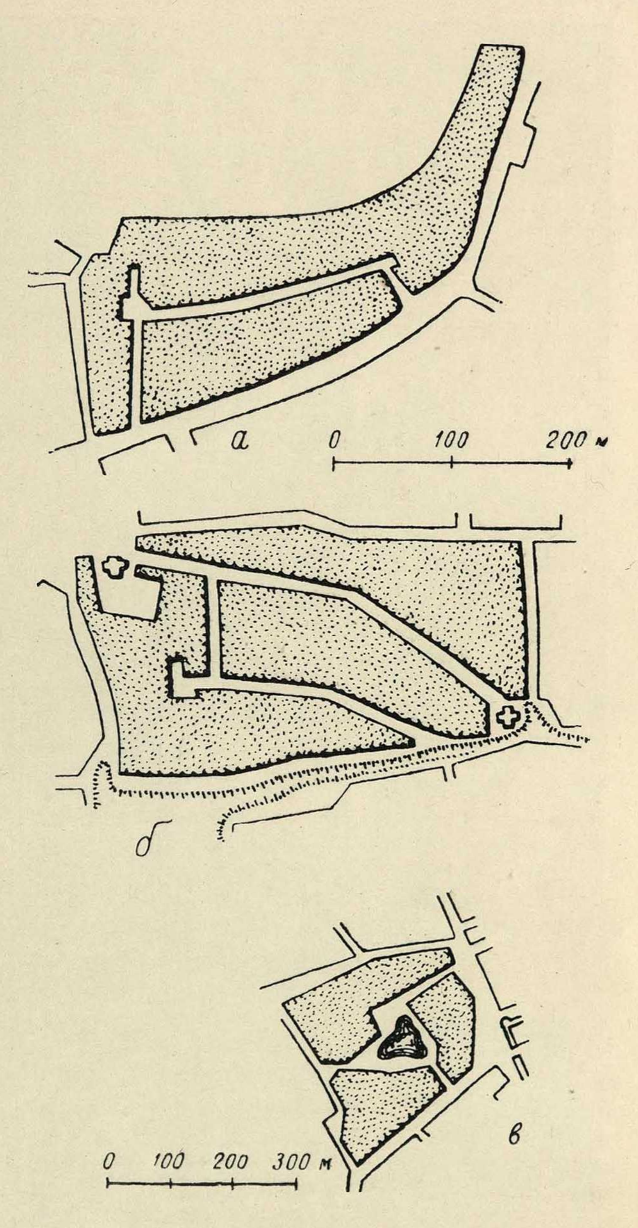


Рис. 147. Примеры квартальных групп
а—в г. Судже; *б*—в г. Болхове; *в*—в г. Миргороде

черты самостоятельной экономической единицы, сложившейся в условиях натурального хозяйства».

«Это стремление к отдельности, — читаем далее в книге П. и Б. Гольденбергов, — наряду со стремлением к обороне накопленного (или награбленного) богатства сказывается в том, что феодальный двор и в городских условиях стремится отгородиться прочным забором и проездами от окружающих владений. Если же растущая земельная теснота застав-

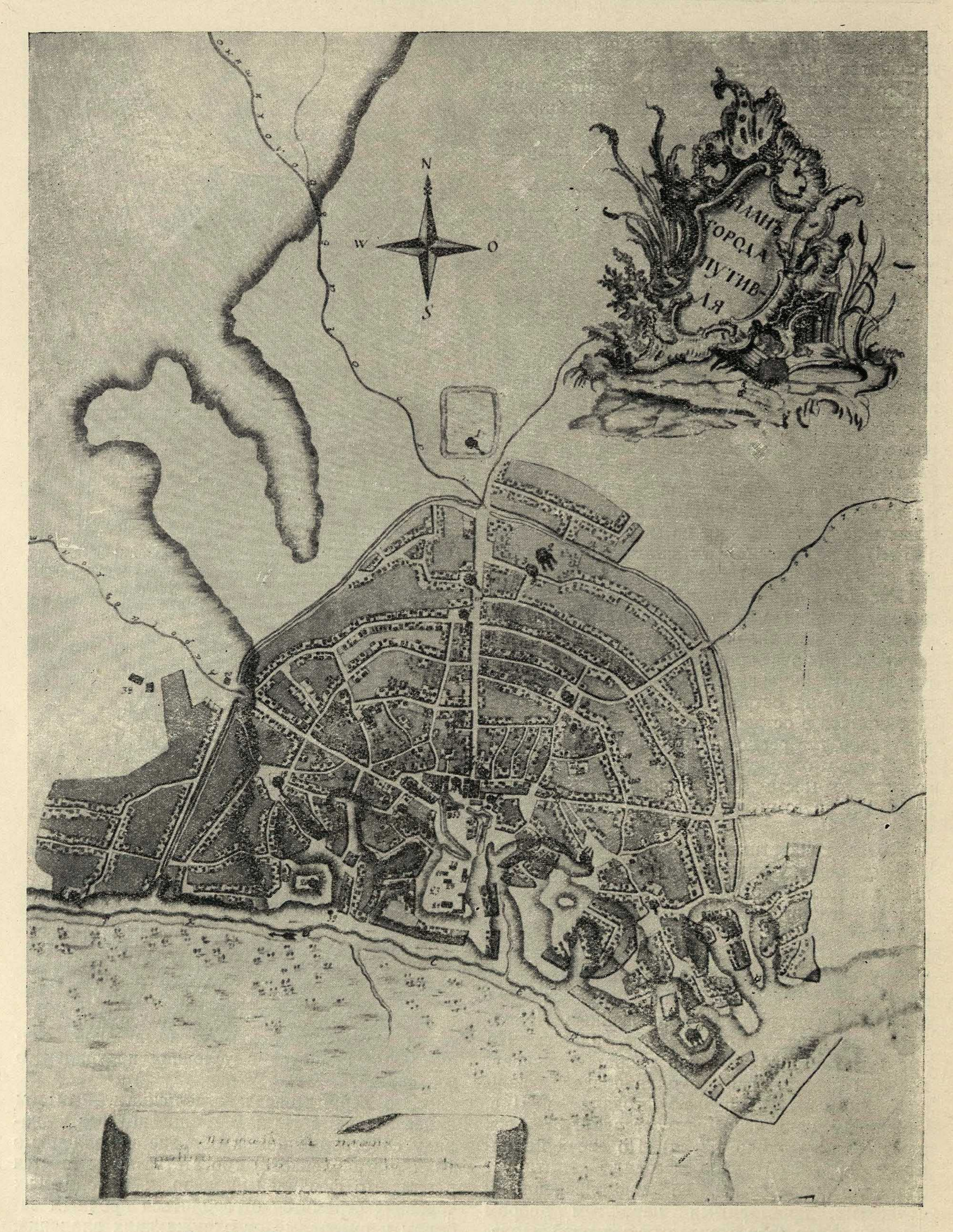


Рис. 148. План г. Путивля до перепланировки с показанием застройки

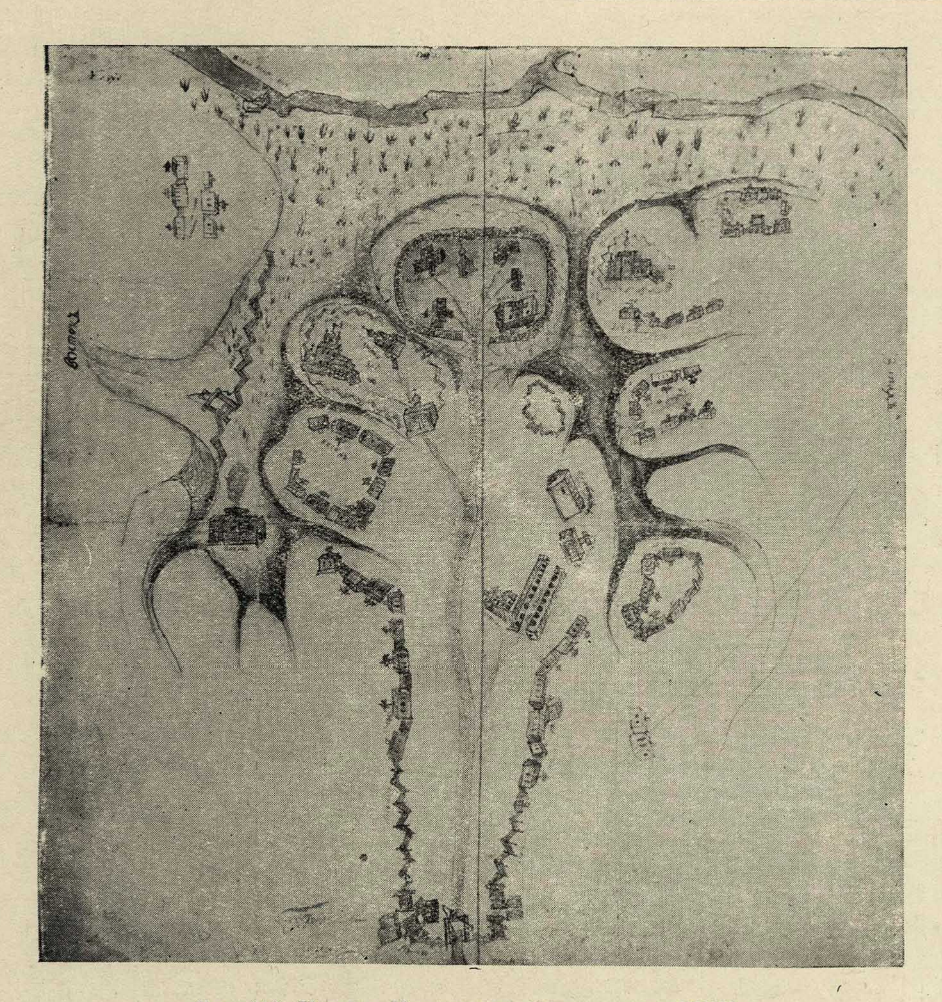


Рис. 149. План г. Парфеньева 1-й половины XVIII в.

ляет несколько феодальных владений сливаться в один квартал, то каждое из них остается все же строго изолированным от всех остальных и часто отделяется от соседей хотя бы пешеходным переулком. В принципе, однако, феодальное владение стремится быть отдельным кварталом («владение равно кварталу»)».

Из расположения строений на плане двора Стрешнева можно сделать выводы и об ансамбле улиц в местах расположения подобных владений. Прежде всего следует отметить, что главное здание — жилой дом — расположено в глубине усадьбы и непосредственно не участвует в обрамлении улицы. Последняя оформлена высокой глухой оградой с затейливыми воротами и некоторыми второстепенными строениями, вплотную прилегающими к ограде. Возможно, однако, что на уширениях улиц, на перекрестках, площадях и поворотах в ансамбль улицы включались и главные хоромы и, особенно, домовая церковь, являвшаяся наиболее значительной местной доминантой. Повидимому, как это и отмечают иностранные путешественники, зеленые насаждения усадьбы также оживляли ландшафт улицы. Двор Стрешнева принадлежал к наиболее крупным участкам московских феодалов. Бояре средней руки располагали участками значительно меньшими — 400—500 кв. саж. (около 1 820—2 275 *м*²), на которых они все же могли создавать привычные условия сельской жизни.

Сохранившиеся чертежи XVII в. дают также ясное представление о планировке кварталов, занятых ремесленным людом. Так, на рис. 152, изображающем план Кисловской слободы, мы видим, что земельные участки вдоль главных улиц — Большой Никитской и Смоленской — заняты боярами, а ремесленные дворы оттеснены во внутрь слободской территории. Из другого чертежа той же слободы (рис. 153) видно, что 53 двора «разме-

Рис. 150. Общий вид г. Луха (рисунок 1-й половины XVIII в.)

рены в длину по 13, поперек по 6 саж.», то есть площадью в 78 кв. саж. (около 355 *м*²). При таких размерах двора возможно было расположение жилых домов обычных размеров (3 × 3 саж.) со сравнительно заметными разрывами (3 саж. — 6,4 *м*). Процент застройки типичного ремесленного участка доходил до 20—30%.

В Москве, как и в других городах, встречались участки и значительно более узкие — в 4 и даже 2 сажени. На таких участках дома, конечно, стояли вплотную друг к другу, образуя типичную замкнутую застройку.

Общий характер застройки в том или ином городе определяется процентным соотношением участков различных размеров на всей городской территории. В качестве примера рассмотрим результаты такой работы, проделанной по городу Белеву (Тульской обл.) по данным писцовой книги 1624—25 гг. [39].

По этим данным, ширина отдельных участков колеблется от 2 до 16 сажен, распределяясь следующим образом:

а) в 2, 3 и 4 саж. — 41% от общего количества участков;

б) в 5 саж. — 33% от общего количества участков;

в) в 6 и более саж. — 26% от общего количества участков.

Если мы примем среднюю ширину избы в 3 саж., на что мы имеем основания в ряде литературных и архивных материалов, то окажется, что 41% всех участков не имели никаких разрывов, 33% участков имели малые разрывы и 26% — достаточные и большие разрывы.

Если же подсчитать длину улиц, занятых участками указанных типов, то получим такое соотношение:

длина улиц, занятых участками с застройкой без разрывов	30%
длина улиц, занятых участками с малыми разрывами	32%
длина улиц, занятых участками с большими разрывами	38%

Судя по этим цифрам, общий ландшафт улиц отвечал нашему современному представлению о поселковой застройке блочными домами с некоторым количеством индивидуальных домов, свободно стоящих на своих участках.

К этому же выводу приводит и анализ плотности населения г. Белева на основании материалов той же писцовой книги 1624—25 гг.:

в посаде	128 *чел/га*
в „городе"	162 „
в среднем для „города" и посада	136 „

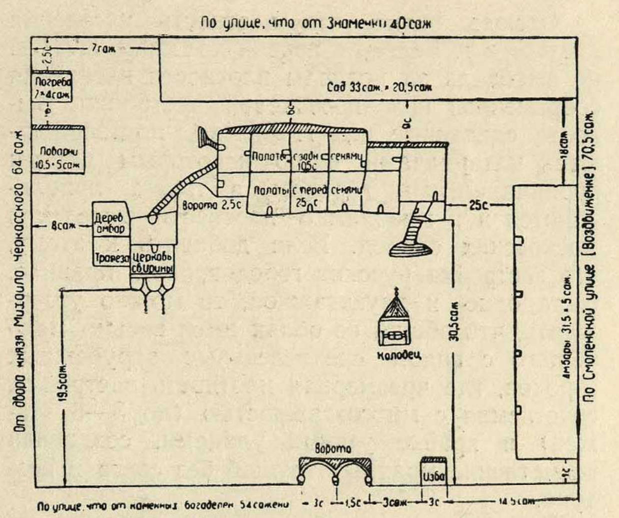


Рис. 151. План двора Стрешнева в Москве (по чертежу XVII в.)

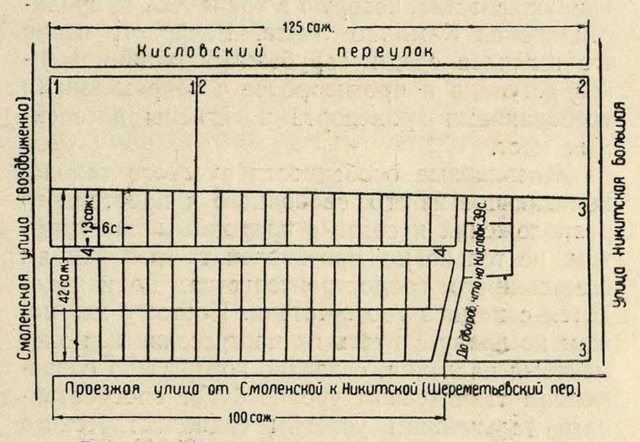


Рис. 152. План Кисловской слободы в Москве (по чертежу XVII в.)

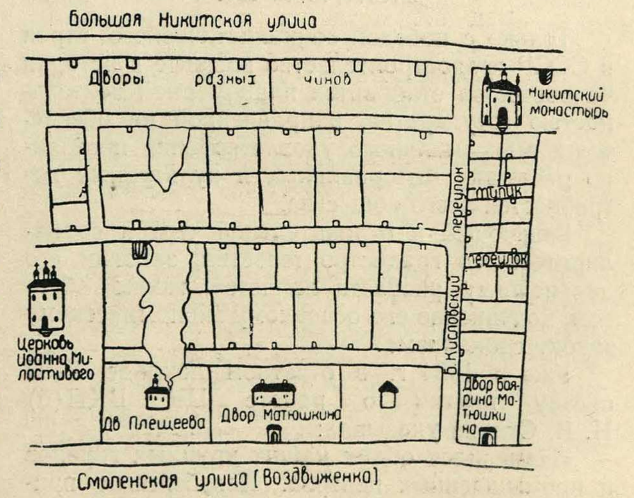


Рис. 153. Квартал Кисловской слободы в Москве (по чертежу XVII в.)

Отсюда видно, что плотность населения «нетто» в г. Белеве в первой половине XVII в. не выходила за пределы плотности населения современной нам поселковой застройки. Выводы, сделанные для г. Белева, подтверждаются материалами и по некоторым другим провинциальным городам, а также приближаются и к выводам о плотности населения московских слобод. Если добавить к этому, что застройка русских городов, как правило, была одно- и двухэтажной, то можно утверждать, что общий ее облик имел весьма мало общего с видом средневековых зарубежных городов, где чрезмерная плотность застройки, сочетаемая с многоэтажностью (до 5—6 этажей) и крайне узкими улицами, создавала впечатление мрачных трущоб без света и воздуха.

Теснота и замкнутость средневековых зарубежных городов явилась источником той «живописности», которую в конце XIX в. пропагандировал Камилло Зитте. Распространение его взглядов среди зарубежных планировщиков вступило в противоречие с современными требованиями транспорта и гигиены населенных мест.

Живописные особенности русского города, вытекающие из его свободного и просторного расположения и связи с природным ландшафтом, не только не противоречат требованиям современного градостроительства, но и находятся с ними в соответствии. Поэтому мы можем по праву считать их прогрессивными элементами наследия, освоение которых на современном техническом уровне будет способствовать дальнейшим успехам социалистического градостроительства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Только с победой социалистического строя в СССР градостроительство впервые в истории человечества становится планомерной деятельностью государства, направленной на обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Решающей и отличительной чертой социалистического градостроительства, залогом его дальнейшего расцвета является, таким образом, подчинение его основному экономическому закону социализма.

Уже в 1934 г. в отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) И. В. Сталин указывал:

«Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города»[1].

И в периоды докапиталистических формаций структура города всегда отражала интересы господствующих классов, причем планомерность в устройстве населенных мест проявлялась лишь в решении затрагивавших эти интересы отдельных задач (оборонных, землеустроительных, противопожарных и т. п.).

Вопросы о том, чьи и какие именно интересы отражало градостроительство на Руси до XVIII в., в достаточной степени выяснены в трудах по общей политической и экономической истории страны. Вопросы же о планомерном начале в устройстве русских городов до сего времени почти совершенно не освещены. Интересно поэтому в свете материалов, приведенных в настоящей работе, попытаться определить, какие из элементов русского градостроительства до конца XVII в. являлись результатом планомерной деятельности русских людей.

Уже в конце X в. мы встречаем указания на то, что размещение городов как укрепленных пунктов происходило не случайно, а подчинялось определенной системе, сообразовавшейся с историческими и географическими условиями.

В период феодальной раздробленности планомерно размещались новые города в Ростово-Суздальской земле, где в XII в., за сравнительно короткий промежуток времени был выстроен ряд городов со стороны Новгородской и Смоленской земель.

В XIV—XV вв. обращает на себя внимание четкая линия городов-крепостей, созданных вдоль западной границы Псковской земли.

Высшего расцвета принципы планомерного градостроительства достигли в период создания и укрепления Русского централизованного государства — во второй половине XVI и в XVII вв. Многовековый опыт размещения городов по «линиям», по определенной системе, в XVI—XVII вв. получил столь грандиозный размах, какого не знала история градостроительства ни в одной стране. Постепенное продвижение линий городов на юг и восток помогло не только справиться с задачами обороны и наступления, но и заселить обширнейшие пространства.

Документы XVI и в особенности XVII вв. свидетельствуют и о планомерности самого процесса создания города. Постройке города предшествовали изыскания, составление предварительных чертежей и смет и утверждение этих материалов в центральных государственных учреждениях. По окончании работ составлялись описания «новопостроенных» городов и регулярные отчеты об их состоянии, нередко с приложением чертежей.

Выбор участка для устройства города, начиная с древнейших времен, происходил отнюдь не случайно. Как видно из сравнения топографических условий расположения городов, в течение всего рассмотренного периода русские горододельцы вполне сознательно избирали участки на мысу или на «стрелке» у слияния рек, места, защищенные естественными береговыми откосами или оврагами, места на удобных водных путях сообщения, среди плодородных «ополий». Если в отношении древнейших поселений у нас нет определенных указаний на преднамеренность подобного выбора, то из документов XVI и XVII вв. вполне явствует, что выбор места для основания города был вполне сознательным и тщательно продуманным актом государственного значения.

Тщательный учет местных условий при выборе участка для укрепленного города приводил во многих случаях к сложной конфигурации, не поддающейся какому-либо геометрическому определению. Это обстоятельство, однако, не дает нам оснований считать подобную конфигурацию случайной. Напротив, использование закономерностей естественного рельефа или контура мыса говорит о рациональном, обдуманном процессе создания укрепленного центра. В тех случаях, когда топографические условия не подсказывали какой-либо конфигурации укреплений, мы видим появление преднамеренной формы: в древней Руси — круглой, полукруглой или овальной; в XVI—XVII вв. — прямоугольной, трапецевидной или близких к ним.

В отличие от зарубежных городов укрепленный центр на Руси становился, как правило, основным ядром развивавшегося города. Возможность подобного развития, повидимому, учитывалась уже при выборе места для города, так как все рассмотренные здесь планы дают одну и ту же картину тесной планировочной связи посада и кремля.

Поэтому мы вправе считать, что и основные линии развития посада в значительной мере предопределялись уже положением кремля на местности, его конфигурацией, размещением ворот. Прежде всего, влияние кремля сказывалось на организации веера радиальных магистралей, шедших от ворот крепости к периферии; кроме того, контур кремля оказывал воздействие и на планировку прилегавшей к нему главной торговой площади и на трассировку ближайших улиц. Основные кольцевые направления диктовались концентрическими крепостными оградами, и, таким образом, общая схема главных магистралей складывалась отнюдь не случайно, а в соответствии с теми элементами города, которые сооружались планомерно. Этим, повидимому, и можно объяснить стройную закономерность и ясность приведенных ранее схем ряда городов (Ярославль, Псков, Нижний Новгород, Углич, Путивль, Москва).

Несколько иначе обстояло дело с развитием сети второстепенных улиц.

До XVI в. мы не встречаем каких-либо указаний на планомерное начало в разбивке жилых улиц, в устройстве жилых кварталов. Пожалуй, наиболее ранним свидетельством об упорядочении уличной сети можно считать упомянутый уже указ Василия III в 1508 г. о «размеривании» улиц в Новгороде.

Вероятно, к началу же XVI в. относится и создание стройной сети улиц на территории Занеглименья в Москве.

Однако только в городах, возникших в конце XVI и в XVII вв. мы встречаем несомненно спроектированную, регулярную сеть улиц. В это время значительные массы служилых людей с их семьями переводились из разных мест в новые города на «вечное житье». Если в старых городах, медленно развивавшихся, каждый новый двор пристраивался к уже существовавшим и приспосабливался к сложившейся ситуации, то одновременное и массовое заселение самотеком территории, не имевшей еще никакой опорной сети дорог, самовольное занятие дворовых участков врассыпную привело бы только к хаосу, особенно недопустимому в городах, строившихся для защиты государственных рубежей. Понятным поэтому становится предписание норм для отвода участков и тем самым установление определенных размеров кварталов. В то же время рассмотренные планы русских городов XVII в. отличаются тем, что их регулярная сеть улиц не подчинена жестким геометрическим канонам и смягчена в процессе приноравливания задуманной схемы к местным топографическим условиям, как это видно на всех приведенных ранее планах городов, начиная с конца XVI в.

Закономерностью в организации плана города объясняется и специфическая черта русского городского ландшафта, заключаю-

щаяся в четком построении силуэта города, в ясном господстве главного ядра, в подчинении фона жилой застройки архитектурным доминантам, в нарастании архитектурной значимости застройки от периферии к центру.

Стойкие традиции русского градостроительства в отношении к топографическим условиям приводили и к неразрывной связи городского ансамбля с окружающим пейзажем. Учитывая роль города в жизни тянувшей к нему округи как центра защиты, места торга, средоточия почитаемых церквей, нетрудно представить себе внимание, с которым вглядывались подходившие и подъезжавшие к нему люди в маячившие издали высокие колокольни, шатры, башни, горящие как жар купола, пестрые маковки. Внимание к городу в целом включало, несомненно, и элементы эстетического восприятия его панорамы.

Подводя итоги сказанному, можно притти к выводу, что в течение всего рассмотренного периода планомерное начало русского градостроительства проявлялось в системе размещения городов, в выборе конкретных участков для города, в композиции главного центра и укреплений, определявших в свою очередь построение сети главных улиц; в XVI в. — в обдуманном иногда восстановлении городов после пожаров; и, наконец, в XVII в. — в создании некоторых городов по заранее составленным схемам. Живописные особенности русского города, разнообразие городского ансамбля, связь с природным ландшафтом — явились следствием определенных традиций в организации городской территории и застройки, идейного содержания архитектурных доминант и тонкого понимания русскими людьми красоты городского пейзажа.

В заключение следует сказать несколько слов о том значении, которое имеет знакомство с градостроительным наследием рассмотренного периода для советского социалистического градостроительства.

Величественные перспективы в области градостроительства предусмотрены историческими решениями XIX съезда Коммунистической партии. В них воплощена забота о советских людях. Мирный созидательный труд советского народа получает свое яркое выражение в грандиозных работах по развитию существующих и строительству новых городов, в осуществлении грандиозных новостроек.

С победой социалистического строя в Советском Союзе созданы условия для ликвидации противоположности между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством.

«Это, конечно, не значит, — указывает И. В. Сталин, — что уничтожение противоположности между городом и деревней должно повести к «гибели больших городов» (см. «Анти-Дюринг», Ф. Энгельса). Большие города не только не погибнут, но появятся еще новые большие города, как центры наибольшего роста культуры, как центры не только большой индустрии, но и переработки сельскохозяйственных продуктов и мощного развития всех отраслей пищевой промышленности. Это обстоятельство облегчит культурный расцвет страны и приведет к выравниванию условий быта в городе и деревне» [2].

Решения XIX съезда Коммунистической партии определяют важнейшие идейные задачи советского градостроительства.

Одной из них является создание архитектурно-планировочными средствами облика городов как центров роста культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме, облика, отражающего величие эпохи победившего социализма, всемерную заботу о человеке, радость мирного созидательного труда, полноценного культурного отдыха. Решая эту задачу, современный зодчий, исходя из ленинского учения о двух культурах, должен найти в наследии прошлого те прогрессивные традиции, которые без идеализации старины и без стилизаторского заимствования могут быть использованы и развиты в новых социальных условиях и на базе новой техники. Так, например, принцип сочетания монументального центра с подчиненными ему доминантами нашел ясное выражение в системе высотных зданий Москвы.

Этот пример убеждает нас в том, что принципы свободного и живописного ансамбля, столь характерные для русского города, отнюдь не связаны с малоэтажностью его застройки и низким уровнем планировочной техники в прошлом. Разнообразие в трактовке силуэта, в организации уличной сети, в расположении жилой застройки, — все эти особенности, присущие русскому градостроительству в прошлом, говорят нам о том, что общность национальных традиций не приводит к шаблону, а приобретает ярко индивидуальные оттенки, преломляясь в конкретной среде.

Грандиозные работы по озеленению и обводнению советских городов ставят перед нами вопросы о сочетании городского ансамбля с элементами природного ландшафта, о том сочетании, многочисленные и прекрасные примеры которого мы встречаем в древнерусском градостроительстве, хотя и в условиях мало развитой техники и в гораздо более скромных масштабах.

Внимание, с которым русские горододельцы учитывали топографические условия, может напомнить советскому зодчему о необходимости максимального использования всех современных методов изысканий и исследований для того чтобы не уже в натуре (как в XVI — XVII вв.), а заранее, в процессе проектирования, все время иметь перед глазами весь сложный комплекс обстоятельств, влияющих на решение планировки и застройки города. При этом следует, однако, иметь в виду существенную разницу между отношением человека к природным условиям в древности и в настоящее время. Если прежде строители покорно прижимались к линиям природных форм (рельефу, береговым контурам и т. п.), то теперь, вооруженные мощной современной техникой на основе социалистической организации труда, мы можем не только полнее учитывать, но и преобразовывать природные условия. Регулирование водных протоков, защита от наводнений, изменение рельефа и ряд других работ, применяемых в практике советского градостроительства для инженерной подготовки территории, освобождают нас от необходимости полностью подчинять планировку и застройку города сложившимся топографическим условиям. Использование природных условий в целях улучшения планировки города возможно только на основе тщательного изучения их, знания тех природных процессов, которые на данной территории происходят, и понимания тех законов природы, результатами которых эти процессы являются.

Здесь были затронуты лишь некоторые из общих вопросов использования национального градостроительного наследия. Более конкретные задачи возникают в связи с охраной, реставрацией и новым использованием древних ансамблей большого художественного и культурно-исторического значения. Для решения этих задач необходимо глубокое изучение сохранившихся фрагментов планировки и застройки, выяснение их прежней роли в жизни города, их происхождения и связи с общим планом города в прошлом.

По всем этим причинам автор считает своевременным взглянуть по-новому на планы, отражающие многовековое развитие наших городов; взглянуть не только для удовлетворения исторической любознательности, но и с точки зрения интересов советского социалистического градостроительства, изучить их для того, чтобы расширить с нескольких десятилетий XVIII—XIX вв. до нескольких столетий диапазон осваиваемого наследия.

ИСТОЧНИКИ, НА КОТОРЫЕ ДЕЛАЮТСЯ ССЫЛКИ В ТЕКСТЕ, И ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 76.
2. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 73.
3. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 4.
4. В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 262.

Глава 1

1. И. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Госполитиздат, 1950, стр. 25—26.
2. Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений, МИА СССР, № 10, М.—Л., 1949, стр. 6, 18, 131—140, 147.
3. В. А. Городцов, Исследование Бельского городища, ТАС XIV, т. III, М., 1911, стр. 94.
4. Всеобщая история архитектуры, т. I., Изд-во Академии архитектуры СССР, М., 1944, стр. 130.
5. В. В. Хвойко, Городища Среднего Приднепровья, ТАС XII, т. 1, стр. 93, 94, 98, 99.
6. История культуры древней Руси, т. I, [ч. 1], Изд-во АН СССР, М. — Л., стр. 52.
7. П. Н. Третьяков, Подсечное земледелие в Восточной Европе, Изв. ГАИМК, т. XIV, вып. 1, Л., 1932.
8. История культуры древней Руси, т. I, [ч. 1], Изд-во АН СССР, М. — Л., 1948, стр. 207.
9. П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, М — Л., 1935, стр. 153.
10. В. А. Городцов, Результаты археологических исследований 1898 года, Археологические известия и заметки, №№ 6 и 7, 1899, стр. 186.
11. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1951 г., стр. 164.
12. П. Н. Третьяков, К истории доклассового общества Верхнего Поволжья, Изв. ГАИМК, вып. 106, М.—Л., 1935, стр. 155, 156.
13. Б. Д. Греков, Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке, «Вопросы истории», 1952, вып. 5, стр. 31—43.
14. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, Древнерусские поселения на Дону, МИА СССР № 8, М.—Л., 1948, стр. 8, 9.
15. П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, указ. соч., стр. 107.
16. В. Г. Ляскоронский, Городища, курганы и длинные (змиевые) валы, находящиеся в бассейне р. Сулы, ТАС XI, т. I, М., 1901 стр. 422.
17. Н. Н. Макаренко, Отчет об археологических исследованиях в Полтавской губернии в 1906 г., Известия археологической комиссии, вып. 22, СПБ, 1907, стр. 77.
18. Известия Ал-Бекри о славянах и их соседях, приложение к XXXII тому Записок Академии наук, № 2, СПБ, 1878, стр. 48.
19. В. Г. Ляскоронский, указ. соч., стр. 407.
20. Там же, стр. 417—418.
21. И. И. Ляпушкин, Исследования Днепровской Левобережной экспедиции 1947—48 гг., Археологічні пам'ятки УРСР, т. III, стр. 297.
    И. И. Ляпушкин, Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья, СА, XVI, М.—Л., 1952, стр. 13.
    П. А. Раппопорт, Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, КС ИИМК, вып. 48., стр. 113.

Глава II

1. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 139.
2. О крепостничестве с IX века см.: В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 348.
3. М. Н. Тихомиров отмечает, что слово «посад» встречается обычно в северных памятниках, тогда как южные знают «предградье» или «передгородье». М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, Изд. МГУ, М., 1946, стр. 234.

3а. ПСРЛ, I, изд. 2-ое, Л., 1926, Лавр. лет., стр. 121.

4. В. Г. Ляскоронский, указ. соч., стр. 442.
5. Лавр. лет., стр. 250.
6. Лавр. лет., стр. 282.
7. Ипат. лет., стр. 415.
8. В. Г. Ляскоронский, указ соч., стр. 443.
9. Там же, стр. 455.

10. Е. Сецинский, Археологическая карта Подольской губернии, ТАС XI, т. I, М., 1901, стр. 327.
10а. П. А. Раппопорт, Заметки о датировке некоторых типов городищ Поднепровья, КС ИИМК, вып. 48, стр. 110, 111, 112.
11. Архітектурні пам'ятніки, Київ, 1950, стр. 10.
12. История культуры древней Руси, т. I, [ч. 1], Изд.-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 198.
13. С. В. Юшков, Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, Изд-во АН СССР, М.—Л,. 1939, стр. 250.
14. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. I, № 425, л. I.
15. Б. А. Рыбаков, Древности Чернигова, МИА СССР, № 11, М.—Л., 1949, стр. 11.
16. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. I, № 838, л. I.
17. История культуры древней Руси, т. I, [ч. 1], М.—Л., 1948, стр. 189.
18. А. В. Арциховский, Городские концы в древней Руси, Истор. зап., вып. 16, 1945.
19. Н. Г. Порфиридов, Древний Новгород, Очерки из истории русской культуры XI—XV вв., Изд-во АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 31.

Глава III

1. М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, изд. МГУ, М., 1946, стр. 30.
2. В. И. Равдоникас, Древнейшая Ладога в свете археологических исследований 1938—1950 гг., КС ИИМК, вып. 1, М. — Л., 1951, стр. 34—36.
3. История культуры древней Руси, т. I, [ч. I], Изд.-во АН СССР, М. — Л., 1948, стр. 200.
4. РО БАН № 337.
5. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губернии, 1801 г., л. 27.
6. РО БАН № 414.
7. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губ. 1801, л. 18.
8. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Московской губ., 1800 г., л. 34.
9. Схема составлена автором по плану второй половины XVIII в., приложенному к книге: Ярославль в его прошлом и настоящем, исторический очерк — путеводитель, Изд. Ярославской экскурсионной комиссии, Ярославль, 1913, см. также: Н. Н. Воронин, Раскопки в Ярославле, МИА СССР № 11, М.—Л., 1949, стр. 178.
10. К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII века.
11. ПСРЛ, VIII, стр. 21.
12. П. Смирнов, Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I, Изд-во АН СССР, М. — Л., 1947, стр. 28.
13. ПСРЛ, т. XV, Тверская лет., СПб., 1863, стр. 407.
14. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тверской губ. 1825 г., л. 64.
15. Н. Ю. Щербачев, Путешествие... герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию, 1602 г., «Чт. Моск. Об-ва ист. и др.», 1911, кн. 3, стр. 12—13.
16. И. П. Крылов, Археологические раскопки в бывшем Старицком кремле, произведенные в 1903 г., Старица, 1905.
17. Схема, составленная автором по плану Ф. А. Ушакова (Ф. А. Ушаков, План города Пскова и описание к нему, 1901).
18. С. А. Тараканова, К вопросу о происхождении города в Псковской земле, КС ИИМК, вып. 41, стр. 30, 31.
19. А. Никитский, Очерки внутренней истории Пскова, СПБ, 1873, стр. 118.
20. А. В. Арциховский, Городские концы в древней Руси, Истор. зап., вып. 16, 1945, стр. 10.
21. Э. А. Рикман, Новые материалы по топографии древней Твери, КС ИИМК, вып. 49, стр. 38—50.

Глава IV

1. И. В. Сталин, Приветствие товарища И. В. Сталина [В день 800-летия Москвы], «Правда» 1947, 7/IX, № 235.
2. П. В. Сытин, История планировки и застройки Москвы т. I, М., 1950, стр. 39.
3. В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 137.
4. Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, кн. 2, М., 1887, село Клементьево, стр. 1—63.
С. Голубинский, Троицкая лавра, М., 1909, стр. 293—318.
К. Н. Сербина, Очерки из социально-экономической истории русского города, Тихвинский Посад в XVI—XVIII вв., Изд-во АН СССР, М. — Л., 1951, стр. 14—53.
5. План составлен автором по следующим материалам: а) Выкопировка из плана Дмитровского у. Московской губ. (ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Московской губ., 1800 г., Л. 39). б) План Сергиева посада 1853 г. (С. Голубинский, упом. соч. табл. XVII), в) План осады Троицко-Сергиева монастыря (С. Голубинский, упом. соч., стр. 361).
6. К. Н. Сербина, упом. соч., план в конце книги.
7. С. Голубинский, упом. соч., стр. 298.
8. С. Голубинский, упом, соч., табл. XVIII.
9. К. Ф. Юон, Сергиев посад.
10. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Смоленской губ., 1804 г., л. 46.
11. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Нижегородская губ. № 4.
12. П. Смирнов, упом, соч., т. 1, стр. 228, 229.
13. П. Смирнов, упом. соч., т. 2, стр. 441, 442.

Глава V

1. И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 34.
2. И. Афремов, Историческое обозрение Тульской губернии, часть первая, М., 1850, план крепостей Тулы.
3. Атлас к материалам для статистики Российской империи, СПБ, 1839, лист XXI.
4. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Пензенская губ., № 18, л. 1.
5. ПСЗ, Планы городов, л. 71.
6. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 732, л. 1.
6а. О строительстве крепостей геометрически правильной формы см.: А. Сапунов, Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Васильевича Грозного после завоевания Полоцка в 1563 году, «Полоцко-Витебская Старина», вып. 2, Витебск, 1912, стр. 299—313.
7. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Казанская губ., № 26.
8. Гравюра из собрания автора.
9. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Орловская губ., № 16.
10. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Симбирская губ., № 14.
11. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Казанская губ., № 38, л. I.

Глава VI

1. Г. Перетяткович, Поволжье в XVII и начале XVIII вв., Одесса, 1882, стр. 73.

2. ААЭ, т. III, стр. 268.
3. Н. Н. Оглоблин, Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного Приказа, М., 1884., стр. 75, 76, 77.
4. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тамбовской губ., 1837, л. 52.
5. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тамбовской губ., 1837, л. 2.
6. А. Яковлев, Засечная черта Московского государства в XVII в., М., 1916, стр. 156.
7. И. И. Дубасов, Очерки из истории Тамбовского края, вып. 3, М., 1883. стр. 11, 12.
8. ЦГАДА, ф. 1303, Дела губернских межевых контор, Воронежская губ., № 240.
9. ЦГИАЛ, ф. 1399. о. 1, № 442. л. 1.
10. Д. І. Багалій, Історія Слободской Україні, Харьков, 1918, стр. 15.
11. Д. И. Багалей, Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I, История колонизации, М., 1887, стр. 179, 180, 185, 190.
12. Там же., стр. 391.
13. ПСЗ, планы городов, л. 387 (выкопировка).
14. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Воронежская губ., № 26, л. 1.
15. Д. І. Багалій, Історія слободской Україні, Харьков, 1918, стр. 26, 27.
16. Д. И. Багалей, Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I, История колонизации, М., 1887, стр. 476, 477.
17. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 816, л. 7.
18. Д. И. Багалей, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетиях, Изд. Историко-филологического общества, состоящего при Харьковском университете, [т. I], Харьков, 1886, стр. 119.
19. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Курская губ., № 34.
20. ЦГАДА, ф. 1351, Дела межевых контор и чертежных, Харьковская губ., № 141.
21. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 816, л. 3.
22. Д. И. Багалей, Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства, т. I, История колонизации, М., 1887, стр. 442.
23. Г. Перетяткович, Поволжье в XVII и начале XVIII в., Одесса, 1882, стр. 140.
24. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Симбирская губ., № 9, л. 1.
25. Гравюра из собрания автора. О происхождении гравюр, изображенных на рисунках 41, 57, 60, 62, 64, 66, 68, 123, 125, см. А. И. Андреев, Труды Г. Ф. Миллера о Сибири, в книге «Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1937», стр. 142, 143.
26. «Переведенцы», взятые из одной семьи, записывались в одну «службу», то есть считались на службе за одного человека (Г. Перетяткович, указ. соч., стр. 76).
27. ЦГАДА, ф. 1326, Дела губернских межевых контор и чертежных, № 119.
28. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Пензенская губ., № 21, л. 1.
29. Гравюра из собрания автора.
30. Пензенские губ. ведомости, 1846, № 34, стр. 188.
31. ЦГАДА, ф. 1326, Дела межевых контор и чертежных, Пензенская губ., № 143.
32. Гравюра из собрания автора.
33. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Симбирская губ., № 37, л. 1.
34. Гравюра из собрания автора.
35. ААЭ, т. I, стр. 38.
36. ААЭ, т. III, стр. 410.
37. Д. И. Багалей, Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ., т. II, Харьков, 1890, стр. 3.
38. Там же, стр. 8.
39. Там же, стр. 12.
40. Там же, стр. 15.
41. Н. Н. Оглоблин, Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII вв., заключающихся в книгах Разрядного приказа, М., 1884, стр. 42, 75.
42. А. А. Гоздаво-Голомбиевский, Опись чертежей, хранившихся в разряде во второй половине XVII века (описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, книга шестая, отдел II, стр. 3—28).

Глава VII

1. Р. М. Кабо, Города Западной Сибири, Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.), Географгиз, М., 1949, стр. 31.
2. С. В. Бахрушин, Очерки по истории колонизации Сибири, изд. М и С. Сабашниковых, М., 1927, стр. 159, 160.
3. Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, Изд-во АН СССР, М. — Л., 1937, стр. 355, 356.
4. Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, Изд-во АН СССР, М. — Л., 1941, стр. 346, 347.
5. Г. Ф. Миллер, указ. соч., т. II, стр. 218.
6. П. Н. Буцинский, Заселение Сибири и быт первых ее насельников, Харьков, 1889, стр. 20.
7. Г. Ф. Миллер, указ. соч., т. II, стр. 371.
8. Тюмень в XVII столетии, Собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П. М. Головачева, издание А. И. Чукмалдиной, М., 1903, стр. 17—32.
9. Там же, приложенный план.
10. Там же, стр. 146.
11. Гравюра из собрания автора.
12. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. 1, XIII—XVII вв., Иркутск, 1932, стр. 329—331.
13. План заимствован из книги Р. М. Кабо, Города Западной Сибири, Географгиз, М., 1949, рис. 3.
14. Гравюра из собрания автора.
15. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Сем. Ремезовым в 1701 г., СПБ, 1882.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.

Глава VIII

1. Э. А. Рикман, Обследование городов Тверского княжества, КС ИИМК, вып. 41, М., 1951, стр. 80.
2. Чертежная книга Сибири. СПБ., 1882.
3. P. Lavedan, Histoire de l'Urbanisme, Paris, 1926, стр. 410.
4. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губ., 1801, л. 30.

5. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Нижегородской губ., 1835, л. 58.
6. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Нижегородской губ., 1835, л. 58.
7. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Нижегородской губ., 1835, л. 52.
8. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губ., 1801, л. 30.
9. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Ярославской губ., 1837, л. 6.
10. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Нижегородской губ., 1835, л. 57.
11. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тамбовской губ., 1837, л. 56.
12. P. Lavedan, указ. соч., стр. 424, 425.
13. P. Lavedan, там же, стр. 252.
14. В. К. Гончаров, Древний Колодяжин, КС ИИМК, вып. 41, стр. 49—58.
    В. К. Гончаров, Райковецкое городище, Киев, 1949.

Глава IX

1. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тверской губ., 1825, л. 71.
2. Э. А. Рикман, Обследование городов Тверского княжества, КС ИИМК, вып. 41, стр. 73—74.
3. ПСЗ, Планы городов, л. 343.
4. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губ., 1801, л. 47.
5. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 282.
6. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Ярославской губ., 1837, л. 15.
7. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 850.
8. Схема составлена автором.
9. ПСЗ, Планы городов, л. 416.
10. ПСЗ, Планы городов, л. 224.
11. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Ярославской губ., 1837, л. 8.
12. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 863.
13. Ярославль в его прошлом и настоящем, Исторический очерк-путеводитель, изд. Ярославской экскурсионной комиссии, Ярославль, 1913, план в конце книги.
14. ПСЗ, Планы городов, л. 406.
15. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 629, л. 1.
16. ПСЗ, Планы городов, л. 272.
17. Н. Храмцовский, Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, в двух частях, Издание В. К. Мичурина, Нижний Новгород, 1857—1859.
    А. С. Гацискийй, Нижегородский летописец, Нижний Новгород, 1886.
    С. Агафонов, Горький — Нижний Новгород, Изд-во Академии архитектуры СССР, М., 1947.
    И. В. Трофимов и И. А. Кирьянов, Материалы к исследованию нижегородского кремля, МИА СССР, № 31, стр. 318—346.
18. Писцовые книги XVII в. по Нижнему Новгороду, Русская историческая библиотека, т. VII, СПБ, 1898, стр. 11.
19. А. Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина, изд. А. С. Суворина, СПБ, 1906, рисунок 4, стр. 356.
20. Схема составлена автором.
21. Писцовые книги XVII в. по Нижнему Новгороду, стр. 78.
22. А. Олеарий, указ. соч., стр. 357.
23. ПСЗ, Планы городов, л. 187.
24. Н. Костомаров, Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях, издание второе, СПБ, 1889, стр. 138.
25. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Курской губ., 1785 (копия 1834 г.), л. 29.
26. ДАИ, т. IX ,стр. 255.
27. Лавр. лет., стр. 133.
28. По сообщению И. И. Ляпушкина.
29. ДАИ, т. IX, стр. 255.
30. ДАИ, т. IX, стр. 89.
31. Схема составлена автором.
32. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, № 454.
33. Francesco de Marchi, Architettura militare, Brescia, 1599.
34. И. Г. Корб, Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.), изд. А. С. Суворина, СПБ., 1906, план у стр. 294.

Глава X

1. И. Забелин, История города Москвы, ч. I, изд. Московской городской думы., М., 1902 ,стр. 21—22.
2. П. В. Сытин, История планировки и застройки Москвы, Материалы и исследования, т. I, (1147—1762), Труды Музея истории и реконструкции Москвы, под общей редакцией Ф. И. Салова, вып. I, М., 1950, стр. 25 и др.
3. Схема составлена автором.
4. И. Забелин, Альбом старинных видов Кремля, История города Москвы, М., 1904, л. 1.
5. С. П. Бартенев, Московский Кремль в старину и теперь, изд. Мин. Двора, М., 1912, стр. 46.
6. Так называемый «Петров план» — копия с более раннего плана Москвы (1596—1598 гг.), найденная в канцелярии Петра I (см. П. В. Сытин, указ соч., стр. 64).
7. Гравюра из собрания автора.
8. П. В. Сытин, указ .соч., стр. 33.
9. План Мичурина приведен в репродукции с гравюры середины XVIII в. для возможности более четкого воспроизведения в печати.
10. Чертеж составлен автором.
11. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, Новгородская Четв. лет., вып. второй, Л., 1925, стр. 536.
12. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, Новгородская Четв. лет., вып. третий, Л., 1929, стр. 612.
13. Там же, стр. 548, 549.
14. I. Stübben, Der Städtebau, Darmstadt, 1890, стр. 265.
15. План Милана по изданию «Theatrum urbium italic.», P. Bertelli, 1599.
16. Гравюра из собрания автора.
17. I. Wagenaar, Amsterdam, т. I, Amsterdam, 1760, Гравюра между стр. 16 и 17.

Глава XI

1. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тамбовской губ., 1837, л. 76.
2. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тамбовской губ., 1837, л. 77.
3. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Симбирская губ., № 27, л. 1.
4. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Ярославской губ., 1837, л. 32.
5. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губ., 1801, л. 2.

6. Ch. Klaiber, Die Grundrissbildung der deutschen Stadt im Mittelalter, Berlin 1912, стр. 60—65.
7. ПСЗ, Планы городов, л. 32.
8. ЦГИАЛ, ф. 1293, о. 168, Костромская губ., № 15.
9. ПСЗ, Планы городов, л. 146.
10. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Тверской губ., 1825, л. 38.
11. ПСЗ, Планы городов, л. 339.
12. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Московской губ., 1800, л. 43.
13. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Владимирской губ., 1801, л. 11.
14. П. А. Соколовский, Очерк истории сельской общины на севере России, СПБ, 1887, стр. 58, 61.
15. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел, собрание карт и планов, № 354.
16. И. Красов, О месторасположении древнего Новгорода, Новгород, 1851.
17. В. В. Майков, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в., СПБ, 1911.
18. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас «Планы наместничеств Новгородского, Калужского, Тверского и Орловского», л. 1.
19. Б. Д. Греков, План части Новгорода конца XVII века, Изд-во АН СССР, л. 1926.
20. ПСЗ, Планы городов, л. 203.
21. ЦГВИА, № 22597.
22. С. В. Бахрушин, Научные труды, т. 1, М., 1952, стр. 153, 154.
23. История Москвы, т. 1, изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 446—453.

Глава XII

1. Рис. 122а, 123, 126 — репродукции с гравюр из собрания автора; рис. 122 и рис. 124 — из «Альбома Мейерберга», изд. А. С. Суворина, 1903, л. 13.
2. Гос. Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Отдел эстампов, коллекция Синягина, № 221.
3. ПСРЛ, т. II, 1843, III Ипатьевская лет., стр. 146, 147.

3а. Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. II, Изд-во АН СССР, М. — Л., 1941, стр. 347—349.

3б. ПСРЛ, т. II, 1843, III Ипатьевская лет., стр. 196.

3в. Д. С. Лихачев, Культура Руси эпохи образования русского национального государства, ОГИЗ, Госполитиздат, 1946, стр. 118.

4. Д. Деменков, Поездка в Путивль, Очерки России, издаваемые В. Пассеком, кн. 1, СПБ, 1838, стр. 125.
5. Д. И. Багалей, Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII ст., собранные в разных архивах, Харьков, 1886, стр. 48.
6. ЦГИАЛ, ф. ВИА, д. 66350.
7. Схема исполнена автором.
8. К. Ф. Юон, Сергиев посад.
9. П. Гусев, Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви, СПБ, 1913, стр. 8.
10. «Служебная чертежная книга» Ремезовых, л. 136 Эрмитажное собрание Гос. Публичной библиотеки в Л-де, 237).
11. Там же, л. 21.
    О «Служебной чертежной книге» Ремезовых и о составлении чертежа Тобольского каменного города, см. А. И. Андреев, Очерки по источниковедению Сибири, XVII век, Изд-во Главсевморпути, Л., 1940, глава II.
12. РО БАН № 48.
13. Н. Костомаров, Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII вв., стр. 34.
14. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Нижегородской губ., 1835, л. 80.
15. Выкопировка из плана г. Ростова (рис. 92).
16. Выкопировка из плана г. Лебедина (рис. 50).
17. И. Побойнин, Торопецкая старина, Исторические очерки города Торопца с древнейших времен до конца XVII века, М., 1902, стр. 324.
18. ПСРЛ, Новг. IV лет., вып. второй, Л., 1925, стр. 461.
19. ПСРЛ, Новг. IV лет., вып. второй., Л., 1925, стр. 446.
20. Выкопировка из плана Москвы 1643 г., гравюра из собрания автора.
21. В. В. Назаревский, Из истории Москвы, 1147—1913, СПБ, 1914, стр. 215—216.
22. Герберштейн Сигизмунд, Записки о московитских делах.
    Павел Иовий Новокомский, Книга о московитском посольстве, Пер., введ. и прим. А. И. Малеина, СПБ, изд. А. С. Суворина, 1908, стр. 263.
23. ЦГАДА, Картограф. отд. МГАМИД, карты Новгородской губ., № 7.
24. ЦГИАЛ, ф. 1399, о. 1, 850, л. 3.
25. Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия, Приложение ко 2-му тому Записок Славяно-Русского отделения Археологического общества, СПБ, 1861, л. XXVII, XXXIV, XXXII, XXVI.
26. Яков Рейтенфельс, Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии, Падуя, 1680, Перевод А. Станкевича, М., 1905 г., стр. 93.
27. ЦГИАЛ, ф. 1350, Атлас Нижегородской губ., 1835, л. 4.
28. Выкопировки из планов: г. Ростова (рис. 92), г. Дмитрова (рис. 24), г. Суджи (рис. 53).
29. Выкопировки из планов: г. Ростова (рис. 92) и г. Суджи (рис. 53).
30. Выкопировки из плана Москвы 1739 г.
31. Выкопировки из планов: г. Суджи (рис. 53), г. Болхова (рис. 38), г. Миргорода (ЦГВИА, № 21529, III том, табл. 13).
32. ЦГВИА, № 66236.
33. РО БАН № 368.
34. Там же, № 361.
35. Н. Н. Воронин, Социальная топография Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. (СА, т. VIII, М. — Л., 1946, стр. 145—173).
36. Старая Ладога, изд. Государственного Музея этнографии, Л., 1948.
37. А. Лаппо-Данилевский, О величине дворовых и огородных мест древнерусского города (Записки русского археологического общества, т. III, новая серия, СПБ, 1888).

38. П. Гольденберг и Б. Гольденберг, Планировка жилого квартала Москвы, XVII, XVIII и XIX вв., Главная редакция строительной литературы, М.-Л., 1935, стр. 37.

39. Белев, Материалы для истории города XVII и XVIII столетия, М., 1885.

К заключению

1. И. Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), Соч. т. 13, стр. 334, 335.

2. И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 26.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ПЕРЕЧНЕ ИСТОЧНИКОВ

ААЭ — Акты археографической экспедиции.

ВДИ — Вестник древней истории.

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.

ПСЗ (планы городов) — Полное собрание законов Российской империи (собрание первое), книга чертежей и рисунков (планы городов), СПБ, 1839

РО БАН — Рукописное отделение Библиотеки Академии наук СССР.
Номера планов указаны по книге «В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII века, изд-во АН СССР, М. — Л., 1946.

СА — Советская археология.

ТАС XII — Труды XII Археологического съезда.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

населенных мест, упомянутых в книге*

* Данные в скобках приведены с учетом административно-территориального деления союзных республик на 1 января 1951 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
ПО СТРОИТЕЛЬСТВУ И АРХИТЕКТУРЕ

* * *

Редактор *Г. А. Коротков*

Технический редактор *Л. К. Розов*

* * *

Подписано к печ. 19/V 1953 г. М-32155
Заказ № 185 Тираж 5000 экз. Формат бум. $60 \times 92^1/_8$
печ. л. 27,0 Учетно-издат. л. 22,3 Бум. л. 13,5
Издат. № 65-Л Цена 20 р. 10 к.+переплет 2 р.

* * *

Типография № 2 Гос. издательства
литературы по строительству и архитектуре
Ленинград, Бульвар Профсоюзов, 4.

Цена 22 руб. 10 коп.
2007336258